

Бельские просторы

Учредитель
Правительство
Республики
Башкортостан

Соучредитель
Союз писателей
Республики
Башкортостан

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с декабря 1998

В номере

№ 8 (117) Август, 2008 г.

ПРОЗА

Тансулпан Гарипова. БУРЕНУШКА. Роман	9
Михаил Смирнов. МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ. Рассказы	49
Олег Лукошин. Я ПОМНЮ ТЕБЯ, СЕЙФУЛЬ-МУЛЮКОВ. Рассказы	69

ПОЭЗИЯ

Юрий Андрианов. ТРУДНЫЕ СЛОВА. Стихи	3
Андрей Подушкин. ЭНИКИ-БЕНИКИ. Стихи	45
Сергей Матюшин. ЗАГОРЬЕ. Стихи	63
Хисматулла Юлдашев. ОТ ЖИЗНИ СПАСТИСЬ НЕВОЗМОЖНО... Стихи	84

ДНЕВНИК

Валентин Александров. НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ. Записки спичрайтера	87
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Б. Т. Ганеев. БУНТ ЖИВОТНЫХ: КОСТОМАРОВ, ГАФУРИ, ОРУЭЛЛ	93
Евгений Федюнькин. СКЛОКА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ	100

КУЛЬТУРА

Раиса Нагорная. ВОСПОМИНАНИЕ О ЮРЕ	117
Камиль Зиганшин. СЛОВО О ДРУГЕ — РЫЦАРЕ ЛИРИКИ	119
Михаил Кузнецов. КЕМ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ АЛЕКСАНДР ЭРАСТОВИЧ ТЮЛЬКИН	127
Алла Докучаева. «ВСЕ ПО ЗАСЛУГАМ ЗНАМЕНИТЫ!» О художнике С. Краснове	135
Лариса Кудоярова. ПУТИ И ПОИСКИ ИСТОРИКА ИСКУССТВА	140
Альмира Янбухтина. ЭЛЕМЕНТЫ ШАМАНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ БАШКИР	144

КРАЕВЕДЕНИЕ

Светлана Чураева. ДОРОГА ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА	150
---	-----

ТОЧКА НА КАРТЕ

Анатолий Чечуха. ПО СЛЕДАМ ЦАРСКОГО ФОТОГРАФА	154
---	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Кара-Мурза. МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ	157
Денис Лапицкий. НАНО: РЕВОЛЮЦИЯ?	166

КРУГ ЧТЕНИЯ

Александр Карасев. АТАНДЕ	174
---------------------------------	-----

КИНОМАТОГРАФ

Герман Садулаев. ЗОЛОТЫЕ СНЫ ОБ ИМПЕРИИ	177
Герман Светозаров. ПОКЛОНЕНИЕ ЧЕРЕПУ В ЦИВИЛИЗАЦИИ АТЛАНТОВ	180

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Владимир Ярцев. КТО В РОССИИ ВСЕХ ГЛАВНЕЕ	183
---	-----

ЗДОРОВЬЕ

Татьяна Семенюк. ЧЕЛОВЕКУ С МОЗГАМИ АЛКОГОЛЬ НЕ НУЖЕН	185
Евгения Набиуллина. В ЕЖЕДНЕВНОМ БОЮ ЗА СВОБОДУ	189

ДЕТЕКТИВ. ФАНТАСТИКА. ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Анвар Еникеев. ВЕКОВАЯ ДУЭЛЬ С КРИМИНАЛОМ. Документальный детектив	194
--	-----

ЮМОР

Игорь Иванов. И ЖИЗНЬ ТВОЯ СТАНЕТ ВКУСНЕЕ. Иронические рассказы	200
---	-----

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

НА КОНКУРС	204
------------------	-----

НАШ ДАЙДЖЕСТ

Литература. Культура. Имена.	206
-----------------------------------	-----

Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан на 2008 год	208
---	-----

Главный редактор
Горюхин Ю. А.

Редакционная коллегия:

**Баимов Р. Н., Бикбаев Р. Т., Евсеева С. В., Карпухин И. Е., Паль Р. В., Сулейманов А. М.,
Фенин А. Л., Филиппов А. П., Фролов И. А., Хрулев В. И., Чарковский В. В., Чураева С. Р.,
Шафиков Г. Г., Якупова М. М.**

Редакция

Приемная

Иванова Н. Н. (347) 277-79-76 (факс)

Главный бухгалтер

Давлетшина М. А. (347) 277-79-76

Заместители главного редактора

Чарковский В. В. (347) 223-64-01

Чураева С. Р. (347) 223-64-01

Ответственный секретарь

Фролов И. А. (347) 223-91-69

Отдел поэзии

Грахов Н. Л. (347) 223-91-69

Отдел прозы

Фаттахутдинова М. С. (347) 223-91-69

Отдел публицистики

Чечуха А. Л. (347) 292-77-61

Семенюк Т. В. (347) 292-77-61

Технический редактор

Иргалина Р. С. (347) 223-91-69

Корректоры

Казимова Т. А.

Симонов А. А.

Подписной индекс 50751.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации № 792, выданное

Министерством печати и массовой информации РБ
26 декабря 1998 года.

Подписано в печать 1.08.08 г.

Формат бумаги 70х100/16. Бумага офсетная.

Гарнитуры «FreeSet», «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.

Уч.-изд. л. 19,38. Тираж 2570 экз.

Заказ № 2.0160.08 Цена договорная.

Адрес редакции:

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

E-mail: bp2002@inbox.ru

<http://www.hrono.ru/proekty/belsk/>

Отпечатано с готовых файлов на
ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат».

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

Телефон (347) 223-97-00

*Рукописи не рецензируются
и не возвращаются, принимаются
только в напечатанном виде.*

Электронная версия ускорит обработку рукописи.

*Мнение редакции не всегда
совпадает с точкой зрения
того или иного автора.*

При перепечатывании материалов

ссылка на «Бельские просторы» обязательна.

Трудные слова

Стихи

* * *

Декабрь. Отечество в снегу.
Навстречу воюющей метели
Бредут сусанинские ели,
Как воины, — лицом к врагу.

Их туловища тяжелы,
Их брови снежные суровы,
И гордое святое слово
Хранят их древние стволы.

Среди разлапистых ветвей
Встает чугунный гул столетий,
И то ли память, то ли ветер
Доносит смертный хрип: «Убей!

Убей, России не отдам...»
И снег от жаркой крови тает,
И колокольный кр
ик взлетает
С ветвей, как ворон, к небесам.

Беда! Обмерзлое крыло
Вновь разгребает мутный воздух.
Гремят колокола и звезды,
И если стонут — тяжело.

Я — путник, мне дано идти,
И прозревать, и слушать дали,
Века мне мужество давали,
Я знаю тайные пути.

Я верю: в небе смолкнет хруст
Морозных крыл и вой метели,
И грозные сомкнутся ели,
Храня заснеженную Русь!

Валентин Распутин и Юрий Андрианов. Уфа, 2002 г.

ПРОВОЖАЛЬНАЯ

Выйду на далекое,
Загляжусь на синее,
Птицу перелетную
Взглядом провожу.
«Покидаешь Родину,
Покидаешь зимнюю?
До свиданья, певчая», —
Только и скажу.

Вам, бесстыжим, песенным,
Всюду корм, да вотчина,
Да слова приветные —
Что и горевать.
Вам повсюду весело,
Дочерям сорочинным,
Песни петь да крылышком
В небе трепыхать.

Только мне, непевчему,
Не подняться в синее,
Не пройти далекое,
Не взмахнуть крылом.
Только мне, непевчему,
Нет неугасимее
Этой снежной Родины,
Где навек мой дом.

* * *

Вчера — вода,
Сегодня — звонкий лед..
Пытливый ум отыщет продолженье,
И снова будет все наоборот —
Природа так легка на превращенья.

И мы ее за это не корим.
Ее дурачеств тайная основа
Куда мощней, чем в первом веке Рим,
Но и она слабеет перед словом.

В едином слове день ее и век,
Ее поля, и небеса, и воды..
Но слово сотворивший человек,
Увы, как прежде, — лишь дитя природы.

И в этом снова хитрости ее —
И превращенья, и круговращенья...

Пытливый ум, бесстрашие твое
Достойно похвалы и восхищенья.

Но оглянись:
Вослед хвале — хула,
И сорняки так часто душат всходы,
И благодны не все твои дела...
Ты знаешь только,
Что ты сын природы.
Любимый ли?
Так не наделай зла.

* * *

Постоять на крыльце до озноба,
До тяжелой звезды в небесах,
До высокого трудного слова
На прокуренных, горьких губах.

Это просто и в меру нелепо —
Навалившись спиной на дом,
Слушать умное, позднее небо
Над родным деревянным гнездом.

Слушать гул дозревающих листьев,
И в траве легкий топот жуков,
И скользящий на лапах по-рысьи
Осторожный проход облаков.

Это просто — смекалку отбросив,
Стать доверчивым, чтоб ощутить,
Что высокое не произносят,
Что его надо молча любить.

Вновь дышу я дыханием вешним
Полусонных, старинных садов,
Где с любви к расцветающим вишням
Начиналась к Отчизне любовь.

Это просто — без всяких досужих...
Это свойственно сердцу — любить,
Но влюбленным трудней равнодушных
Говорить почему-то и жить...

Потому-то я снова и снова
Вечерами под небом стою
До себя самого, до основы,
До высокого трудного слова,
До знобящего слова — Люблю.

* * *

Приехал пьяный и влюбленный,
Вошел и горестно вздохнул,
И в сад, предзимьем опаленный,
Окно, как душу, распахнул.

И закурил,
Сиротски пряча
В ладони теплый огонек,
И жизнь представилась иначе...
И понял он,
Что одинок.

Тянуло холодом из сада,
И вновь мерещились слова,
Что больше приезжать не надо...
Что сохранит...
Что неправда...

Тоска и счастье в нем клубились,
Жег пальцы дымный огонек,
И звезды синевой сочились...
И понял он,
Что одинок.

Прозрачный гений увяданья
Царапал ночь сухим резцом,
И двигал звезды в мирозданье,
И шевелил дверным кольцом.

А в сердце жил перрон,
И рядом
Она, и в кулачке платок,
Слеза и сладкий вкус помады...
И понял он,
Что одинок.

И понял,
Горький дым глотая,
Что он влюблен,
Что не забыть,
И понял,
Что любовь большая,
И то, что ей уже не быть.

* * *

Веселое дело — тепло сохранять:
Промчаться по саду сквозь виснувший иней

И, дверью отбросив дым сумерек синий,
Охапку поленьев морозных ронять
Пред русскою печью,
Как перед богиней.

Пошире задвижку,
Бересту в клубок,
И вот — закипела смола, зашипела,
И вот — закружил, полетел огонек,
Заухала печь, загудела, запела...

И что горевать да пропажи считать:
Что бабы все дрянь?
Что ты очень хороший?..
Смотри на огонь —
Так нужнее и проще —
Огонь хорошо помогает молчать,
Когда на душе так, что некуда горше.

И тяга — что надо!
И жизнь — хоть куда!..
И вечер огромен,
Да некуда деться.
Ну что с тобой,
Вольное, дерзкое сердце,
И разве навечно пришли холода,
Что нам никогда уже не отогреться?..

Веселое дело:
В озябшем дому
Молчать перед печью,
Как перед богиней,
И, в пламя уставившись,
Знать, что отныне
И дом, и тепло, и вся жизнь — одному.
Но сердцу не выдержать
Этакой воли.

* * *

Забаюкала, закачала
Эта жизнь не меня одного...
Как обидно: поверив сначала,
Обнаружить в конце ничего.

И с растерянной детской улыбкой
На пространство былое взирать,
Равнодушно считая ошибкой
То, что горем бы надо считать.

Я ведь знаю,
Что вовсе не трудно
Притвориться и вновь повторять,
Словно школьник:
«Я больше не буду»,
Понимая, что «буду» опять.

Буду жить
И, как следствие жизни,
Право выбора осуществлять,
Осязая дыхание выси
И земли непомерную кладь.
В тех незыблемых вечных границах
Наше мужество,
Вера и честь,
Наше право взлететь и разбиться,
Наше древнее право — сметь.

О, как трудно
Быть смелым и мудрым,
Все заранее знать, но идти,
Безрассудно доверившись утру,
Словно новому сердцу
В груди!

Буренушка*

Роман

(Окончание второй части. Начало в N7)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАДЕЖДА РЯДЫШКОМ С ПЕЧАЛЬЮ

Глава третья

Проводив взглядом отправившуюся за водой Мадину, Хашим вошел в избу. Осторожно, чтобы не разбудить ребенка, разделся. Ополоснув руки теплой водой из кумгана, подошел к колыбели, приоткрыл занавеску над ней, послушал ровное дыхание малыша.

Чистота и порядок в избе, свежевыбеленная печь, появившиеся на подоконнике цветы с готовыми раскрыться бутонами, колыбель со спящим в ней внуком — все это затрагивало самые тонкие струны в душе Хашима. Прилежная у него дочка, любит уют. Точь-в-точь как мать, Гульбану такая же была. Так же, как в ней самой, и вокруг нее все было опрятно. Вот он только что чуть не упал, приняв Мадину за Гульбану. Чудак, разве же умерший человек может ожить и вернуться?!

Хашим намеревался прилечь, соснуть, но взволновался, и теперь сна, что называется, ни в одном глазу.

Хорошо, что есть у них Даут. Он похож на его пропавших мальчиков. Удивляет это сходство Хашима. Мадина говорит: «Малыш похож на мою маму». Пусть будет так. У Даута — глаза Гульбану. И Биктимир с Янтимиром были похожи на нее. Как хотелось Хашиму, чтобы жена родила ему сына! Может, Гульбану забеременела до его ухода на фронт? Хашим, конечно, знает, что дети у людей рождаются через девять месяцев. Но может быть, близняшки, чувствуя, что их ждет, не спешили расстаться с чревом матери, задержались еще на месяц? Говорят, чудес на свете не бывает, а разве не чудо, что Хашим остался жив, вырвался из когтей смерти?

Как бы там ни было, через Биктимира с Янтимиром пришло к нему чувство отцовства и ощущение своей необходимости в этом мире. Ниспослал Всевышний двух птенцов в Хашимово гнездо, а каким путем — на то была его воля. Горько только, что эти безгрешные птенцы сгинули бесследно. Может, забрала их Гульбану, оттого что стало ей одной на том свете невесело? Или же для того к себе позвала, чтобы не маялись детки без матери, получая от жизни одни тычки да

*Перевод Марселя Гафурова

подзатыльники? Эх, Гульбану, ушла ты, не узнав, как дороги стали Хашиму эти мальчонки! Не заглянув в сердце мужа ушла! Сейчас крикнул бы он так, чтобы весь мир услышал: «Я люблю тебя!» — да не достигнет человеческий голос тех мест, где обитает твоя душа...

— Отец! — Мадина влетела в избу запыхавшись, будто кто-то за ней гнался. Хашим вскочил с места.

— Что?!

— Вот... — дочь протянула ему черную фуражку с кокардой и детскую сандальку.

Перед мысленным взором Хашима предстали его мальчишки — один в фуражке железнодорожника, другой в пилотке с красной звездочкой. Они носили эти головные уборы поочередно, меняясь ими каждый день. Поскольку пилотка у Хашима была одна, он достал с чердака свою старую фуражку с железнодорожной эмблемой.

— Папа ваш не только воевал, но и на железной дороге работал, — сказал он тогда, глядя на Янтимира, насадившего на голову слишком большую для него фуражку по самые глаза. — Кто знает, может, и ты, когда вырастешь, будешь работать как я...

Хашим и сандалии помнил. После того, как вернули положенных им коров, он одну зарезал, мясо продал в Таулах и привез сыновьям в гостинец яблоки и по паре сандалий. Мальчишки, не носившие прежде никакой обуви, помаялись, привыкая к ним...

— Где... нашла? — хрипло выдавил из себя Хашим, проглотив вставший в горле комок.

Мадина отвела полные слез глаза в сторону.

— Я... в избе Фаузии-инэй побывала, там...

— Хы!.. — выдохнул побелевший Хашим, не зная, что сказать.

Ни разговор с Мудиной за чаем, ни тютюшканье проснувшегося ребенка Хашима не успокоили. Так и не отдохнув, пошагал он по раскисшей дороге на ферму. Буравила его мозг неотвязная мысль: выходит, старуха Фаузия была близка к разгадке загадочной истории с исчезновением мальчиков. Но почему она не показала свои находки ему, Хашиму, или Мадине? Что ей помешало? Жаль, не получить уже от нее ответов на эти вопросы. Неужели фуражка с сандаликом нашлись лишь для того, чтобы Хашим всю оставшуюся жизнь метался в паутине безответных вопросов? Или же это — кончик нити, потянув за который можно вытянуть правду о гибели его сыновей?

То ускоряя, то замедляя в раздумье шаги, дошел, наконец, Хашим до фермы: в ноздри ударил запах силоса и преющего навоза. Ага, вон и Шангарей идет в загон для выгула скота. Постой, что у него в руке? Не топор ли? Что еще он надумал? Хашим припустил трусцой к воротам загона, за которыми скрылся дурачок.

— Шангарей! Эй!

Коровы, увидев Хашима, поприветствовали его дружным ревом. Тем временем в дальнем углу загона поднялся переполох, послышались вопли доярок:

— Убьет!

— А-а-а!

— Вилы! Дай твои вилы!

— А-а-а!

Хашим кинулся туда и... увидел Шангарея на рогах племенного быка. Гифрит мотал головой, мог либо размазать несчастного по стене коровника, либо затоптать, сбросив его с рогов. Хашим с разбегу вскочил сзади на широкую спину быка и, приподняв Шангарея, перекинул на другую сторону изгороди, затем, пока бык не сообразил, что произошло, сам прыгнул туда же. Доярки разбежались кто куда, потом собрались возле лежавшего на земле Шангарея.

— На кой черт ты полез к быку?!

Шангарей лишь простонал, не в состоянии ничего выговорить.

— Что теперь с ним делать?

Хашим зачерпнул горсть снега из сохранившегося в тени сугроба, оттер им окровавленное лицо дурачка.

— Давайте отнесем его в караулку. Потом вместе присмотрим за ним.

— Зачем в караулку? — Языкастая Галима уставилась на Хашима. — У него что — своего дома и отца нет? Ишмамат после возвращения ни разу не пришел повидаться с сыном, вот пусть теперь поухаживает за ним!

— И то правда!

— А кто его отвезет?

— Как кто? Ты, Хашим. Ишмамат — твой езнэ!

Хоть и не лежала душа Хашима к Ишмамату, не оставалось ничего другого, кроме как согласиться с женщинами.

* * *

Мирхайдаров обеспокоился: весть о происшествии с племенным быком разошлась по аулу, наверно, дойдет, обрастая всякими домыслами, и до районного руководства. Как это Камалетдинов до сих пор не позвонил? Дойдет до него, так может вызвать для объяснений, а то и приехать сюда. Лучше будет, если не приедет: полевые работы из-за медленного таяния снегов толком еще не развернулись, на ферме туго с кормами, телята запоносили, гибнут... Может быть, ему, Мирхайдарову, под каким-нибудь предлогом самому съездить в райцентр, зачем ждать вызова от Камалетдинова?

Народная мудрость гласит: коль замахнулся, так ударь, задумал дело, так исполни. Мирхайдаров направился к конюшне. Надо предупредить Хусаина, пусть подкормит лошадь, чтобы завтра ранним утром можно было выехать по затвердевшей ночью дороге. Не обнаружив Хусаина в караулке, прошел к лошадям. Ага, вон стоит Саврасый, сена в его кормушке достаточно. Услышав доносившиеся сверху голоса, Мирхайдаров полез по приставной лестнице к лазу на сеновал. Приостановился, когда оттуда уже отчетливо донесся басок Хусаина:

— Эх, ребята! Вы вот не верите, а Акбузат в самом деле летал. Он ведь был из потомства дуль-дулей и тулпаров. Наш Саврасый — той же породы. Когда он мчится галопом, где коснется земли копытом, где — нет. Только пламя из ноздрей не пышет, как у тех.

— А почему он не летает?

— Разучились теперь лошади летать. Увлеклись подножным кормом. К тому же их кровь смешалась с кровью тарпанов. Ну, скрестились они, как случается и у волков с собаками.

— Тарпаны, значит, не летали?

— С чего бы им летать? Они же, как коровы, земные животные. А дуль-дули не только летали, но и по воде плавали. Вы знаете, что конина не замерзает?

— Да-да, слышали.

— То-то! Что конина, что гусятина — не замерзают, потому что кони раньше тоже водоплавающими были. И разговаривать умели!

— Во заливает!

Мирхайдаров узнал голос Галяутдина. И братец его Валяутдин здесь. Галаяу — выпивоха, как бы и Хусаина не приучил выпивать!

— Хы! Стану я тебе заливать! — Это опять голос Хусаина. — Зря, что ли, в сказках рассказывается, что егеты советовались со своими конями? Тулпары были наделены ниспосланными с небес способностями.

— А как они летали?

— Организм у них был такой. Внутри — газ. С чего, думаешь, у них из ноздрей пламя било?

— Брось врать-то!

— Ничуть я не вру. Ты, братец, еще молод, мало чего знаешь. Не веришь, так поднеси горящую спичку к исходящему из тебя газу, увидишь, как он вспыхнет.

— А почему они теперь не разговаривают?

— Теперь-то? Люди подурнели. Считают себя умней всех. Иной всю жизнь на лошади ездит, и не то что ее послушать — в глаза ей ни разу не посмотрит!

— Тебе бы, Хусаин, книгу написать!

— Коль я примусь книгу писать, кто о том же Саврасом позаботится?

— Я, я за ним присмотрю! — отозвался Галю вроде бы вполне искренне.

— Тебе доверить, так... — Послышалось, что Хусаин цыкнул слюной сквозь зубы. — Лошади запаха водки не любят. Саврасый пьяных начальников на дух не переносит. Ладно еще наш нынешний председатель не пьет.

Мирхайдаров, удивленно слушавший трепотню обычно немногословного Хусаина, раз уж речь зашла о нем самом, кашлянул.

— Эй, Хусаин, где ты?

Над лазом показалась взлохмаченная голова. Мирхайдаров, может быть, впервые с явной симпатией посмотрел в веселое лицо уже отпустившего бороду и в то же время простодушного, как ребенок, конюха. Забавный, оказывается, человек этот Хусаин!

— Мне, кустым, завтра с утра надо выехать в Таулы. Приготовь лошадь... — Мирхайдаров не назвал Саврасого. Назовешь — Хусаин может взвиться: «Всем нужен Саврасый!» А так, если уйдешь не расстроив его, сам сделает все как надо.

* * *

Камалетдинов принял Мирхайдарова сразу же, без задержки в приемной.

— Хорошо, что приехал, а то я уже собирался выехать завтра в вашу сторону, — сказал он, пожав Азату руку и жестом пригласив присесть.

«Знает! — мелькнуло в голове Мирхайдарова. — Шило, в самом деле, в мешке не утаишь».

— К сеvu вы приступили, — продолжал Камалетдинов, — но почему так вяло? Шесть процентов за неделю?..

— Почва еще сырая, на пашню не въехать.

— Ладно, пусть подсохнет. — Камалетдинов тронул перекидной календарь на столе. — От меня требуют отрапортовать о завершении сева к Первомаю, а я должен требовать от вас...

— Сделаем! — заверил Мирхайдаров, хотя и знал, что к Первомаю еще не отсеются. — Как только земля подсохнет, будем работать в три смены. Семян у нас достаточно...

— Теперь по животноводству. В расчете на сто коров вы получили пятьдесят телят. Так?

— Что ж тут поделаешь, многие коровы яловыми оказались, — солгал Мирхайдаров. Телята-то у них рождаются, но насчет того, что трудно сохранить весь приплод, лучше было промолчать.

- Скоро у вас, я гляжу, коровы вообще перестанут телиться!
- Что уж вы так... До этого дело не дойдет.
- Дойдет, раз на единственного племенного быка с топором кидаются.
- Это... Это, Аюп Газизович, случайность.
- В социалистическом хозяйстве не должно быть случайностей. Преступник

задержан?

На лбу Мирхайдарова выступил пот.

- Так ведь... идиот Шангарей кинулся.
- В каждом ауле найдется свой идиот! Это не оправдание!
- Кто же мог подумать... Сторож...
- Кто сторожит ферму?
- Хашим. Может, помните его, насчет конфискованной коровы к вам обращался. Человек, у которого жену волки съели.
- Тесть... Абдельхата?
- Он. Отец Мадина.

— Понятно... — Камалетдинов задумался. Почему сказал «понятно» — он, по правде говоря, и сам не понял. Помнит Аюп Газизович этого человека. Помнит, что его семью, когда сам воевал, сильно обидели. И о том, что двое мальчишек у него пропали, знал. Постоите-ка, ведь об этих самых мальчишках было упомянуто в жалобе на Ихсанбая Муратова. Будто бы от него родила жена Хашима. Тогда Хашима никто ни в чем не заподозрил. Но не он ли сам избавился от чужих для него детей? Скажем, натравив на них дурачка, который кинулся теперь с топором на быка?

- В каких отношениях Хашим с этим... идиотом?
- Шангарей племянником ему приходится. Хашим жалел его, присматривал за ним, кормил.
- Хашим, кажется, вернулся в аул через год после войны?
- Да. Год пролежал в госпиталях. Он ведь в Берлине под развалинами остался.
- И спасли его союзники? — Камалетдинов встал, подошел к окну. — Что-то много темных пятен в его биографии получается. Теперь вот Абдельхат... Как там Мадина?

- Я предложил ей работу в клубе.
- Нельзя! Абдельхат под следствием. И с ее отцом придется разобраться. Направь на ферму.

- У нее маленький ребенок.
- Не у нее одной маленькие дети!

Камалетдинову представилась Мадина — гибкая, как лоза, мягкие руки...

- Знаю, почему молчишь, — сказал он, кашлянув. — Мадину предупреди, чтобы не отлучалась из аула. И пошли ее все же на ферму. Так будет лучше. Ее отцом займутся органы...

Когда Мирхайдаров поднялся, собираясь уйти, Камалетдинов спросил:

- Ты в ашхану заглянул?
- Нет, напрямик сюда. А что?
- Закрыта она. Ремонт. Пошли, у меня пообедаешь.
- Да нет, — замялся Мирхайдаров, — я и так до дому доеду.

Он бывал у Камалетдиновых, а сейчас попытался отказаться от приглашения — вспомнил, как Малика сказала: «Этих приезжих из аула сразу можно отличить, от них навозом несет».

- Ладно, ладно, пусть лошадь отдохнет. Жиханур-агай накормит ее и напоит.
- А что килен скажет?

— Ее... Их нет дома. Дочка ведь у нас болеет. Малика сейчас в Москве, решила полечить ее там. Айда, а то мне неудобно, не раз гостеприимством Сарбиназ-енгэ пользовался.

Мирхайдаров, преодолев неловкость, последовал за Камалетдиновым.

* * *

После сватовства Ишмухамета прошло уже довольно много времени, а Рауза все еще не могла придти в себя. Неожиданное предложение привело ее в замешательство. Растерялась Рауза. С одной стороны, посватался человек честь по чести, и сама она о замужестве мечтала. Калека, конечно, но что поделаешь, времена такие, вон девушки в соку и те сохнут в одиночестве. Все же есть талант у Раузы, третий раз за ее жизнь мужчина к ней постучался. Кому еще привалит такое счастье? Может быть, поэтому возгордилась она или же видная, что ни говори, должность стала тому причиной — нашла в себе силы, чтобы не ответить сразу согласием. Постой, как тебя, Ишмухамет, сказала она, надо подумать. Да, именно так сказала. У нее, как-никак, есть сын, нелишне поговорить с ним, посоветоваться. А то, приняв на себя стороннее мужское хозяйство, может обидеть его. Хоть и говорят, что Хусаин только о лошадях думает, вон как близко к сердцу принял он ее отношения с Сибагатом, загоревал после его смерти и даже разговаривать с матерью по-русски на некоторое время перестал. Поэтому на сей раз решила Рауза не спешить. К тому же не исчезли еще ее надежды на Хашима. Тот все еще, смущая ее душу, ходит неженатым. Обрек себя, видите ли, на лебединую верность. Подумав и о нем, сказала Рауза Ишмухамету: «Давай отложим этот разговор до осени». Потом загрустила. На дворе — весна. Ее мать, бывало, говорила: «Весной даже в щепочке кровь играет». А Рауза ведь — живой человек. И почему это она, оттолкнув готового на все жениха, должна ночами лежать одна-одинешенька, слушая волчий вой?

Когда шла Рауза, погруженная в думы обо всем этом, из лавки домой, встретился ей Галяу.

— Слышала, Рауза-апай, новость? — спросил он заискивающим из-за не оплаченного до сих пор долга голосом.

— Какую новость?

— Шангарей угодил на рога Гифрита. Лежит весь израненный.

— Ах-ах! Где он сейчас?

— Дома. Хашим-агай домой его привез. Оттуда иду. Состояние у бедняги тяжелое.

Галяу отправился дальше своей дорогой, Рауза затопталась на месте, не зная как быть. Сам Ишмухамет — калека, а теперь еще и Шангарей, божий человек... Им помощь нужна. Если она, Рауза, откажется, кто за двумя калеками согласится ухаживать? Пойти, что ли, к ним? Она глянула по сторонам, как бы выискивая кого-нибудь, с кем можно посоветоваться. Хоть бы Хусаин появился! Нет никого. Ладно, будь что будет!

Придя к твердому решению, Рауза пошла к шестистенному, под четырехскатной крышей, дому Ишмамата.

* * *

Только было Мадина с отцом сели за утренний чай — за окном показалась торопливо идущая к ним Магинур.

— Рано сегодня наша соседка... — обронил Хашим.

Мадина ничего не успела сказать — Магинур уже вошла в избу.

— Айда, соседка, отведай с нами благословенной утренней пищи, — сказал Хашим, придвигая к нарам табуретку.

— Уй, я не за этим... Апа* ваш... не встает! — Магинур прикрыла рот уголком платка.

— Апа? Не встает?! — Мадина вскочила с места. Она все поняла: некоторые пожилые люди, помня древний суеверный обычай не говорить о смерти напрямую, сообщают о ней вот так, иносказательно.

Хашим, обуваясь, попытался успокоить ее.

— Ты сядь. И не ходи туда. Тебе нельзя волноваться: кормишь ребенка.

Вскоре после того, как отец и Магинур ушли, к соседнему дому потянулся народ. Мадина видела в окно, что несколько мужчин пришли с лопатами и ломami.

— Апа умер! Вчера только ходил по двору!

Вон и отец пошел на кладбище копать могилу. А ей нельзя даже зайти проститься с покойным... Уф! Ладно хоть Магинур-инэй опять к ней идет.

— Мадина! Покинул нас твой апа, Мадина!..

Обняв худенькое тело названной матери, Мадина тоже заплакала. Вот жил рядом тихий, небольшого росточка человек с улыбочивыми глазами, был немного загадочной, но доброй частью ее мира — и нет его теперь.

— Только ты у меня и осталась, — сказала Магинур и, осушив слезы уголком платка, присела на край нар. — К возвращению копающих могилу надо приготовить обед. Ты замеси тесто, нарежь лапшу.

— Мне к вам пойти?

— Нет! Сказал же тебе отец. Матери младенца в дом, из которого вынесут покойника... Нет, нет, нельзя! Тут, у себя, этим займешься. Я вот муку и яички принесла. Ладно уж, туда-сюда побегаю. Что поделаешь, вслед за покойным в могилу не ляжешь. Бедняжка мой! Святой был человек. В пятницу в землю уходит. И ей ведь такие нужны...

После ухода соседки Мадина, надев фартук, замесила тесто. Мать говорила ей: «Если хорошо промесишь, лапша в казане не разварится». Старается Мадина делать все основательно, как мама учила... «Атак! — удивилась она, глянув в окно. — Милиционеры! Что им тут...»

— Можно? Хашим здесь живет?

— Здесь.

Вошли двое, один средних лет, другой — молодой.

— Здравствуйте, что ли, — сказал молодой.

— Здравствуйте.

— Вы ему кто?

— Дочь.

— А отец...

— Он на кладбище.

— Как на кладбище?

— Сосед умер. Могилу для него там копают.

— А-а... Тогда, пока он вернется, придется задать пару вопросов тебе.

— Хоть пять...

* В некоторых диалектах башкирского языка слово «апа» соответствует слову «агай», то есть означает старшего брата или старшего по возрасту мужчину.

Старший из милиционеров сел на табурет, достал из полевой сумки бумагу и карандаш. Мадина поняла, что будет официальный допрос.

— Вам, чтобы писать протокол, наверно, стол нужен? — спросила она и перенесла доску для раскатывания теста со стола на нары. Милиционеров, наверно, немного удивило, что молодая женщина ничуть не смутилась. А Мадина, конечно, внутренне напряглась, но старалась выглядеть спокойной. Ее уже допрашивали в Москве, она представляла, что примерно последует дальше. — Скоро мужчины вернутся с кладбища, к их приходу надо обед приготовить, поэтому я заодно лапшу буду резать и отвечать на ваши вопросы, — добавила она.

— Вы одна здесь с отцом живете? — Старший милиционер опять перешел на «вы».

Вопросов у него оказалось отнюдь не пара. Мадина подрастерялась, когда допрос коснулся гибели ее братишек. Надо сказать о фуражке с сандаликом или нет? Пожалуй, надо. Может быть, милиция уже располагает какими-нибудь сведениями насчет мальчиков...

Вовсе уж обеспокоил Мадину вопрос о том, кем приходится ее отцу Шангарей.

— Да никем! — обозлилась она. — Просто наш отец... такой человек.

— Какой?

— Добрый, людей жалеет...

— Вы его дочь, поэтому, наверно, так его оцениваете.

— Я его дочь, поэтому знаю его. И говорю то, что знаю.

— С вашей матерью он дружно жил?

— А это зачем вам знать?

— Мы все должны знать.

— Уж сколько лет, как мама... умерла!

— Вы помните, когда ваш отец ушел на фронт?

— Насчет этого вам военкомат даст сведения поточней. А, вон отец сам идет!

...Хашим сразу догадался: милиционеры приехали за ним. Вчера Мирхайдаров отстранил его от работы на ферме. Был он смурной, ничего не объяснил. И сам Хашим, придя ночевать домой, ничего удивленной Мадине объяснить не мог. Сказал только, что председатель отправил его отдыхать.

В течение почти всей минувшей ночи Хашим не сомкнул глаз, строил догадки. Никакой вины за собой он не чувствовал. Разве лишь в истории с быком могут его обвинить: пригласил Шангарея на ферме, недоглядел за ним. Но, предположим, история эта в каком-нибудь перевернутом виде дошла до райотдела НКВД. Там могли расценить ее как попытку совершить вредительство. Куда смотрел сторож? А не сам ли он все это и подстроил? Попытка зарубить колхозного племенного быка — дело нешуточное. Времена ныне строгие, не так еще давно людей сажали в тюрьму за горстку прихваченного с колхозного поля зерна. Мирхайдаров побывал в райцентре, там ему, скажем так, посоветовали отстранить сторожа на время разбирательства от должности, а то еще повторит попытку... Чушь это, конечно, но всякое могло придти в головы энкаведешников.

Подумал Хашим и о том, что эта неприятность, возможно, связана с арестом его зятя Абдельхата. Еще до войны, общаясь с городской шантрапой, слышал он приглушенные разговоры об арестах врагов народа. Арестовывали не только их самих, но и их родственников и свойственников. Может быть, и сейчас повторяется то же самое. А, чему бывать, того не миновать, решил он в конце концов. Только бы Мадину с ребенком не трогали, а сам он попадал в положения и похуже... Эта мысль его успокоила.

И теперь он повел себя спокойно. Войдя в избу, обратился сначала к дочери:
— Ну, место для упокоения апы готово. Земля ему пухом! — Затем — к милиционеру: — Вы... ко мне?

— Вы догадливы. Сразу видно, человек бывалый, — ответил старший из милиционеров. В его голосе послышалась уважительная нотка. Похоже, невозмутимый вид Хашима пришелся ему по душе.

Хашим неторопливо снял обувь, сел напротив незваных гостей.

— Сколь бы человек ни повидал в своей жизни, все равно она не перестает удивлять, — сказал он, окидывая милиционеров взглядом. Младший из них только мельком посмотрел на него и опять восхищенно уставился на Мадину. Бедняга раскрыл и забыл закрыть рот. Хашим решил пошутить: — Кустым, как бы тебе в рот воробей не залетел!

Парень, растерявшись, вскочил.

— Никак нет, не залетит!

Все рассмеялись. Старший милиционер, как бы извиняясь за спутника, пояснил:

— Он недавно из армии, только с прошлой недели у нас.

— Тоже сразу видно, — сказал Хашим и добавил, посерьезнев: — Может, продолжим разговор там, на месте? Тут... тесно и ребенок маленький...

— Что ж... Только надо поторопиться, путь неблизкий...

— Я сейчас... Мадина, мне понадобится сменное белье... Корова на днях отелится... ну, ты знаешь, что делать...

— Отец!..

— Успокойся, дочка! — Хашим приоткрыл занавеску колыбели, посмотрел на малыша. — Давай договоримся: мой внук должен сосать не горькие слезы, а сладкое молоко. Биктимир с Янтимиром насосались слез, хватит с нас этого. Не горюй, не жалея меня: старому дереву все равно, когда оно упадет...

«Старое дерево»! Он еще только свой пятый десяток начал отсчитывать!

Мадина вышла проводить отца на улицу. Как выдержало бы это ее сердце, если бы она не пережила уже расставание с Абдельхатом?!

— Отец! — вскрикнула она опять, когда повозка с тремя мужчинами стронулась с места.

— Мы же договорились!

* * *

Скитаясь в поисках пищи, Кукбуре поднялась на гребень Куктау. С горы был виден аул. Издали темные строения казались небольшими, как ульи на пасеке. Кукбуре коротко взвыла и легла, положив морду на согретый солнцем камень. Не раз добегала она до аула, побывала и на своем прежнем дворе. Там пахло гарью. Нашла место, где были закопаны тела мальчонков, которых она загрызла. Хотела было откопать их, но слишком уж неприятный запах исходил из земли.

Урона аульным хозяйствам Кукбуре не наносила. Лишь однажды поживилась у речки гусем, утолила голод. И сегодня она была голодна. Поймала утром зайчонка, да разве это добыча?! По языку, можно сказать, размазалось, до глотки не дошло. Пока был жив Бывалый, не испытывала Кукбуре такой нужды в пище. Но нет его теперь. Их территорией завладел Белолобый. Он жесток, не то что его отец. И вообще волчьи законы беспощадны. В том году, когда Кукбуре пришла за Бывалым в лес, одна волчица осталась без пары. Стая ее отторгла. С разумом волчи-

цы что-то стряслось: выла дни и ночи напролет без видимой причины. Пovýла, пovýла и сдохла.

Наверно, такая же участь ждет и ее, Кукбуре. Или голод ее доконает. На стадо напасть она не решится, и не только потому, что боится пастухов: выросла среди дворовой живности, помнит категорический запрет нападать на домашних животных. Для Бывалого запретов не существовало. Но его нет. Уже и кости его укрыла трава.

Кукбуре встала, решила спуститься к ручью, полакать воды: может быть, это ослабит чувство голода. Пробираясь среди чилижника и высоких цветущих трав, она уловила удивительно знакомый запах. Ткнулась туда-сюда, обнаружила оборванное растение, которое, казалось, было все пропитано этим запахом. И словно прозвучал в ушах ласковый голос: «Кукбуре!», вернул ее в то далекое время, когда она была еще щенком, напомнил о руке, гладившей ее. Кукбуре заскулила, ей захотелось вновь ощутить прикосновение этой руки. Запутавшийся среди трав знакомый запах вывел ее на отчетливые следы, оставленные прошедшим здесь не так давно человеком, и Кукбуре побежала, обрадованно принохиваясь к ним.

* * *

Из трехдневного похода за лекарственными травами Фаузия вернулась сильно усталой. Пес Карабаш встретил ее на подходе к дому. Радостно попрыгав вокруг нее, он ухватил зубами набитый травами мешок, потащил в свой двор.

Фаузия жила теперь в доме Муглифы. Соседей это особо не удивило. Умерла старуха-знахарка, вместо нее появилась другая, вроде бы дальняя родственница покойной. Она и раньше здесь появлялась. Приезжая в Таулы на базар, Фаузия навещала Муглифу. У них были общие интересы: делились знахарскими секретами и знаниями о целебных свойствах трав...

Дома и во дворе все было в порядке. Куры снесли довольно много яиц, старая Пеструшка уселась высидывать цыплят. Коза с двумя козлятами лежала на завалянке, жевала свою жвачку.

Фаузия, уходя куда-нибудь, не запирает дом, поручает его охрану Карабашу. Посетителей Карабаш пропускает к хозяйке беспрепятственно, а когда ее нет дома, рычанием предупреждает, что входить во двор нельзя. Пес, как бы ни проголодался, без разрешения ничего не трогает. И то, как Карабаш пришел к ней, и верную его службу Фаузия считает проявлением Божьей помощи ей. Пес, кажется, все понимает, только разговаривать ему не дано. Поэтому она, вернувшись, первым делом развела огонь в летней печурке во дворе и сварила еду для своего помощника. Затем разложила собранные травы в тени для просушки и вновь поставила бронзовый казанок на огонь, чтобы вскипятить воду для себя, утолить жажду чаем.

Ее поход был удачен, сделала все как нужно. Ведь к каждому растению нужен особый подход. Одни из них положено срывать, когда они спят, другие — когда высохнет роса. При этом Фаузия строго соблюдает ритуал: сначала просит у растения разрешения сорвать его, произносит краткую молитву; сорвав, не забывает сказать спасибо. Так собирала травы ее бабушка.

«Нельзя срывать травы со злым умыслом, — наставляла она Фаузию, — только от сорванных с добрым намерением будет польза человеку». Помнит Фаузия ее наставления, но однажды использовала силу травы для того, чтобы оборвать человеческую жизнь. Ах, Дингезхан! Дингезхан-Сибат! Не сменой ли данного

родителями имени объясняется такая твоя бесталанность? Но ведь и сама она давно уж не Барсынбика. Может быть, Всевышний послал эти смутные времена для испытания людей, или же сами люди, не ведая, что творят, вмешались в Божьи дела?

Вода в казанке вскипела. Фаузия кинула в кипяток листья смородины, земляники, ежевики. Они снимут усталость, вернут ей бодрость. Карабаш, съев свое варево, растянулся напротив хозяйки. Дескать, и он с ней почаевничает, безмолвно побеседует с ней.

Скрипнула калитка. Фаузия обернулась посмотреть, кто пришел, но не разглядела: зрение у нее после пожара ослабло. Собака насторожилась, однако не залаяла.

— Инэй, можно к вам?

— Проходи. Откуда ты?

— Из Тирыклов. — Молодая женщина осторожно приблизилась к столику у летнего очага, возле которого сидела Фаузия. — Я, инэй, с гостинцами: масло, сметану, корот принесла.

— Что ж, очень кстати. Я как раз собралась жажду утолить. Сходи в дом, принеси себе чашку с блюдцем, ложку, вместе чаю попьем...

Фаузия села поудобней, вытянув ноги. Потерла левую ногу: ныла нестерпимо. Тем временем молодая женщина принесла, что было велено, поставила на поднос.

— Присаживайся рядом. Из Тирыклов, говоришь?

— Да.

— Доярка, значит.

— Да. А как ты, инэй, догадалась?

Фаузия усмехнулась.

— От доярок колхозной фермы силосом припахивает. Неужто ты этого не знаешь?

— Атак! Не замечала...

— Звать тебя как?

— Галимой.

— Галимой?!

— Не то уж, инэй, ты меня знаешь?

— Нет, — прикинулась Фаузия. — Так, от проходящих ко мне людей о тиряклинцах слышала. И кое с кем знакома.

Галиму-то она узнала, а Галима ее — нет. Пожар сказался и на облике Фаузии. Замешкалась она, когда дом загорелся, на обожженном лице кожу слегка стянуло, и голос изменился — наглоталась горячего воздуха.

— Что нового там у вас? Как Хашим поживает?

— Уй! Арестовали его!

— Арестовали? За что?

— Не знаю. Может, из-за дурачка Шангарея. В ауле разные разговоры ходят. Не слышала ты о двух пропавших мальчишках? Будто бы жена Хашима их от человека по имени Ихсанбай родила, а Хашим, когда с войны вернулся, мальчишек убил и трупы в болоте утопил. Рауза, продавщица, так говорит. Да, бывший наш председатель колхоза Ишмамат ведь вернулся. Рауза за него замуж вышла. Слух об убийстве мальчишек то ли от Ишмамата, то ли от самой Раузы пошел...

Галиме и в голову не приходило, что старуха, слушая ее, не чай — огонь глотает.

— Интересный у нас аул, — увлеченно продолжала Галима. — Есть одна такая, Мадиной звать. Ровесница моя. Мы даже подружками были. Она вообразила себя

не знай кем, выскочила замуж за начальника из района, уехала с ним в Москву — и на тебе, вернулась. А куда было ей деться? Собака и та возвращается туда, где ее кормили...

— А почему она вернулась?

— Мужа арестовали. Думала — за большого человека замуж вышла, а там не больно-то большим оказался!

— Беда, говорят, не по верхушкам деревьев — по человеческим головам ходит... — Стенала душа у Фаузии, но она старалась держать себя в руках. — Какая у тебя нужда ко мне?

Галима спохватилась, вспомнила, зачем пришла.

— Уф, инэй! Я ведь передовая доярка! На карточку меня тут сняли, перед райкомом повесят.

— Очень хорошо.

— Было хорошо, но если эту вернувшуюся из Москвы Мадину на ферме коров доить поставят...

— Думаешь, твоих коров ей отдадут?

— Моих коров? Ей?! — Галима сложила красные, огрубевшие, как у всех доярок, пальцы в кукиш. — Вот ей!

— Так что же тебя беспокоит? Человек, кто бы он ни был, должен где-то работать.

— Пускай работает! Только не на ферме!

— Не понимаю...

— Ну, инэй, она же, эта Мадина, красивая. Стоит мужчине на нее взглянуть — сразу влюбится!

— Ну и что?

— Как «ну и что»? Любой завфермой ее в передовики выведет. Если не завфермой, так районные начальники. В депутаты выдвинут, орденом наградят... — Галима, вывернув подол платья, вытерла повлажневшие глаза и нос. — Ты, инэй, поворожи, придет Мадина на ферму или нет.

— Что еще?

— Еще... Не буду от тебя скрывать, инэй. Саяф... завфермой твердит, что любит меня. С женой, говорит, разведусь, на тебе, говорит, женюсь. Правда ли это?

Фаузия задумалась. Нахлынули вихрем, закружились мысли об Ихсанбае, о мальчиках Гульбану, о Мадине. Она долго молчала, так долго, что угли в очаге подернулись пеплом, и Галима забеспокоилась — ей еще предстояло возвращаться в Тиряклы.

— Почему молчишь, инэй? Мне так и уехать, ничего не скажешь?

— А? Да-да, поезжай. Я не ворожея, только лечу людей травами. А все же скажу тебе вот что: не строй козни против других, лучше думай о здоровье своего единственного ребенка!

— А откуда ты...

— Знаю, что есть у тебя дочь, что отцом ее ты записала человека, не имеющего к ней никакого отношения. Это нехорошо. Ребенок должен носить фамилию своего отца.

— Ах-ах, что же мне теперь делать?

— Смотри сама. Вместо того, чтобы искать себе горести там, где их нет, думай об этом.

— Тогда... прощай, инэй!

— Прощай!

Когда Галима ушла, Фаузия с трудом поднялась со скамеечки. Да, не столь утомляет человека дорога, сколь тяжкие думы. Направилась было в дом, хотела

прилечь, но едва успела сделать несколько шагов, как Карабаш, страшно зарывчав, кинулся к воротам.

— Фу, Карабаш, нельзя!

Из-за ворот послышалось ответное рычание.

— Чья еще там собака? Уймись, Карабаш! Атак!.. Это... Это же ты, Кукбуре!

Услышав голос хозяйки, Кукбуре бросилась к ней, на полпути припала к земле, поползла, виновато повизгивая, вскочила у ее ног, лизнула руку, лицо.

— Ты! Кукбуре! Откуда ты взялась?!

Ветром из прошлой жизни ворвалась Кукбуре в новый двор Фаузии, и у нее, давно разучившейся плакать, потекла по щекам солоноватая влага, защипала потрескавшиеся губы. Фаузия зажала голову собаки в ладонях, посмотрела ей в глаза. Удивительно: и из глаз Кукбуре катились слезы...

* * *

Камалетдинов протянул Лидии Николаевне ручку:

— Прошлый раз вы у меня ее забыли.

— Спасибо! А я обыскалась... Памятная для меня вещь.

— Я так и подумал. Знаете, когда я взял ее в руку, мне тоже вспомнилось... очень давнее...

— Что, если не секрет?

— Как ни удивительно, вспомнил вдруг, что я был в своей семье не единственным ребенком, была еще сестренка.

— В самом деле удивительно. Вам это до сих пор не вспоминалось?

— Нет. — Камалетдинов взволнованно прошелся по кабинету. — То, что мне пришлось пережить, могло отшибить память не только у ребенка, но и у взрослого.

— Значит, ручка... возбудила ваше подсознание.

— Возможно. Я в медицинских вопросах не силен. Послал запрос в республиканский архив, жду ответа... А вы сегодня ко мне по какому делу, товарищ Башкирцева? Кстати, интересная у вас фамилия, все собирался спросить...

— Качество пищи в больнице, особенно в психиатрическом отделении, никуда не годится. Прошу дать указание провести проверку. Это, собственно, все, ради чего я пришла. Что касается моей фамилии, дали мне ее в детском доме. Почему такую — сказать не могу. Может быть, потому, что я смуглая, решили таким образом обозначить мое происхождение. А записали русской.

— Выходит, вы тоже...

— Да, детдомовка. Когда исполнилось семь лет, меня взяла в свою семью медсестра Анастасия Павловна. У нее выросла. Окончила школу и институт. После войны отыскать приемных родителей не смогла. Перед началом войны они переехали в Ленинград, видимо, погибли во время блокады. В общем, положила букет цветов на братскую могилу и поехала в Уфу искать фронтową подругу. Но и ее не нашла. Мне было все равно, где жить, получила назначение сюда...

— Вон оно как...

Человека не поймешь, пока не поговоришь с ним. Теперь характер Башкирцевой стал Камалетдинову понятней.

— Вы захаживайте ко мне, — добавил он по-дружески.

Женщина слабо улыбнулась.

— Я уж, наверно, надоела вам своими просьбами.

— А вы, Лидия Николаевна, и просто так заходите. Мы ведь с вами как бы... однополчане.

— Пожалуй... — Уже взявшись за ручку двери, Башкирцева обернулась: — Мне показалось, Аюп Газизович, что вам хотелось спросить еще о чем-то.

— Да. Как бы это правильней сказать... — Камалетдинов подошел к окну, взглянул на свой дом. — У нас в семье проблема... Вам она известна.

— Что вы имеете в виду?

— Дочка... Флорида ночами не спит. Мать свозила ее в Москву, показала тамошним светилам. Никакой болезни не нашли.

— В медицине такие случаи зафиксированы. Объяснения нет. Могу дать лишь один совет: не расшатывайте организм девочки лекарствами. Со временем это само собой пройдет. Я Флориду осматривала. Красивый у вас ребенок.

— Спасибо!

— До свидания!

— До встречи!

Слова Лидии Николаевны Камалетдинова не успокоили, не уняли тревогу за дочь, возраставшую изо дня в день. Аюп Газизович почти физически ощущал, как стискивает его сердце безысходность.

Дверь кабинета приоткрылась, заглянула уборщица.

— Уй, я думала — на обед ушел.

— Заходи, заходи, Гульмарьям-апай!

— На улице грязно, если два раза в день не подтирать пол...

— Я же сказал: заходи. Подотри.

— Некоторые начальники не любят, чтобы прерывали их работу... — сказала Гульмарьям-апай, зашоркав по полу «лентяйкой». — Говорили, килен уехала в Москву, не вернулась еще?

— Вернулась.

— Вот что я скажу, кустым: люди теперь чуть что — бегут в больницу. А мы, считай, без всяких больниц выросли.

— Не болели, наверно.

— Ни в кого железный сердечник не вставлен. Тоже болели. Кого мулла молитвой лечил, кого знахарки нашептываниями и снадобьями. И сейчас у нас в Таулах есть одна старуха, которая от какой угодно хвори излечит. Сходили бы с дочкой к ней.

— Мне, секретарю райкома, сходить к знахарке?!

— Будешь, Аюп-кустым, сидеть, оберегая авторитет, так дочки можете лишиться. Килен, жена твоя, уже не шибко молода, то ли родит еще, то ли нет... Ладно, извини. Я, старая, как думаю, так напрямик и говорю.

Аюп Газизович чуток рассердился на пожилую женщину, а все же потом, когда она ушла, завершив свою работу, задумался над тем, что она сказала. Может быть, не лишены смысла ее слова?..

* * *

Хашим все же надеялся, что его допросят насчет происшествия на ферме и отпустят. Но его положение оказалось сложнее, чем он думал. К истории с Гифритом добавились обстоятельства гибели Биктимира и Янтимира. Хашима посадили в камеру предварительного заключения, оттуда водили на допросы. Следователь Алимов, пожилой усатый мужчина, вел их дотошно.

— Вы кем приходитесь пропавшим мальчишкам, то есть Бикtimiру с Янти-миром?

— Как это — кем? Отцом!

— Вы помните день, когда ушли на фронт? Так-так, помните... Согласно записи в актах гражданского состояния мальчишки родились десять, да, десять месяцев спустя. Вам это известно?

— Известно.

— Как вы лично оцениваете это обстоятельство?

— Положительно.

— То есть?

— Я, например, нигде не записан. Живу со свидетельством о рождении умершего до меня ребенка.

— Как так?

— Мать с отцом решили обойтись без лишних хлопот. Ладно еще у Гульбану хватило ума записать детей через месяц после их рождения.

— У вас после возвращения с войны не было скандала с женой по этому поводу?

— Не было.

— И даже разговора?

— Не было.

— Что-то у вас все чересчур гладко шло.

— К тому времени, когда я вернулся, жена уже умерла.

— Ах да, извиняюсь!.. Каковы были ваши отношения с Ихсанбаем Муратовым?

— Говорят, право соседа — право Тенгри. Соседям положено уважать друг друга.

— А все же... Вот к нам поступило письмо, в нем сообщается, что вскоре после возвращения вы избили Муратова. В ауле ходили слухи, что близнецы родились от него. И в общем ваши отношения с ним нельзя было назвать теплыми.

Хашим задумался. Он в самом деле чуть не задушил Ихсанбая, тот даже обмочился. Но никто, кроме Мадины, этого не видел, никого поблизости не было. Интересно получается!..

— Слухи не могут служить доказательством. — Хашим, сам того не сознавая, перешел на язык закона. — Свидетелей избиения вы не найдете, значит, оснований для обвинения меня в этом нет.

— Так-так... Хозяйство Ихсанбая Муратова сгорело при странных обстоятельствах, и они с матерью погибли...

Хашим впервые за время этого допроса поднял взгляд на следователя.

— А есть у вас факты, подтверждающие смерть Ихсанбая и Фаузии Муратовых? Кто видел их трупы?

— Как, разве их не похоронили?

— Нет. До Тирыклов всего сорок километров, в любое время можете съездить, проверить...

Следователь устало обернулся к охраннику:

— На сегодня хватит. Уведите!

* * *

Камалетдинов шел домой, но все еще его осаждали мысли, связанные с работой. Сверху ежедневно торопят с севом. Как ни тужатся люди в колхозах, из-за

нехватки рабочей и тягловой силы добиться желательных темпов сева не удастся. Бывая на местах, видит Камалетдинов, как, живя на жидкой похлебке, старается народ, работает, туго затянув пояса, а там, наверху, ведут себя так, словно не знают об этом. Приходится Аюпу Газизовичу отделяваться обещаниями: сделаем, слово сдержим! А дома встретит его Малика с недовольным лицом, начнет жаловаться: «Флорида сегодня опять не спала!» — как будто в том, что девочка родилась с каким-то отклонением, один Аюп виноват...

Он загасил окурок, зашел домой. Малика возилась на кухне. Лицо усталое, веки припухли от слез. Первое, что сказала:

— Эта девочка родилась, чтобы свести меня в могилу!

— Зачем ты так говоришь?!

— Еще спрашиваешь! Попробуй посидеть хоть сутки с ребенком, не дающим покоя ни ночью, ни днем!

— Хорошо, посижу. А ты вместо меня поработай.

— Один ты работаешь!

— Малика!

— Честное слово, кинусь я с ней с моста!

Камалетдинов и сам не успел сообразить, как в ярости замахнулся на жену.

— Еще раз... такое услышу!..

— Ай-йй!

В соседней комнате, услышав вскрик матери, заплакала Флорида. Камалетдинов приостыл.

— Ребенка испугала!

— Уеду я, Аюп.

— Куда?

— Туда, где раньше жила.

— Не спеши, с этим еще успеется...

Взяв ребенка на руки, Аюп присел к столу.

— Ладно, прости, Малика. Сорвался. И на работе нервы все время натянуты, и... Когда стемнеет, сходим с доченькой к одной бабке-знахарке.

— К бабке?! Ты ли это говоришь?

— Я, я...

Поежинали молча. Прибрав на столе, Малика подошла к игравшему с дочкой мужу.

— Ты давеча... серьезно сказал?

— Насчет чего?

— Насчет бабки.

— Да. Одевайся, зайдем по пути к Гульмарьям-апай, узнаем, где эта бабка живет...

* * *

Фаузия-Барсынбика не знала, как истолковать возвращение Кукбуре. Что это? Возвращение к ней, ну, не счастья, так удачи, что ли? Или же предвестие какой-нибудь новой беды? Карабаш поначалу никак не мог принять суку, пришедшую из леса, потом снюхались, даже подружились. Уходили со двора куда-то вместе, уж не свадьбу ли справляют? У них-то отношения наладились, только у Фаузии душа не на месте: как бы урон соседям не нанесли. Раньше Кукбуре дворовую живность не трогала, а теперь, после того, как долго где-то пропадала, кто ее знает...

Да, беспокойно на душе Фаузии. Вон ведь еще какие новости сообщила ей приехавшая из Тирыклов Галима! Значит, внучка, свет ее очей, вернулась в аул, и не одна — с ребенком. Каково ей сейчас без мужа и отца?

Может быть, проклятье, лишившее счастья Гульбану, отыскало теперь и Мадину? Отыскало и накинуло на ее грядущие дни, на предстоящие рассветы черное покрывало? Хватило бы уж и того, что лишилась Фаузия недавно сына. Ни душу его, ни тело не смогла она уберечь...

Той ночью, когда в доме вспыхнул пожар, Фаузия простояла какое-то время в оцепенении, потом схватила одеяло, пыталась погасить им огонь, но пока гасила в одном месте, пламя взвивалось в другом. Горящий керосин растекся по половикам, поджигал все, что могло загореться. Дом наполнялся удушливым дымом. Увидев, что горит одежда на бесчувственном Ихсанбае, Фаузия бросилась к нему, потащила, обернув одеялом, к выходу. А там уже горели дверные занавеси. Искры, сыпавшиеся с них, подожгли ее платье. Благо рядом с крыльцом, под водосток, стояла бочка с водой. Облилась из нее, облила Ихсанбая. Уйти, бросив у огня человека, которого выносила под сердцем, не смогла. Потащила, задыхаясь, дальше. Куда? Просто подальше от этого проклятого места. Прочь, прочь от него! Тащила долго, пока не упала, потеряв сознание. А когда очнулась, мучимая жаждой, никого рядом не было.

Весь наступивший день она пробродила по лесу, обожженная, почти безумевшая. Ее черное платье висело клочьями. Сняла его, бросила, осталась в белом исподнем, прогоревшем лишь в нескольких местах. Как теперь быть? Вернуться в аул, где ничего у нее не осталось, где перенесла столько страданий, где родной сын, признавшись в тройном убийстве, собрался выстрелить в нее? Одна лишь мысль об этом вызывала содрогание в сердце. Нет, нет! Она уйдет из Тирыклов. Пусть люди думают, что сгорела. А куда уйдет? В Таулы, к Муглифе...

Все же следующей ночью Фаузия пришла к пепелищу в надежде найти на ограде что-нибудь из висевшего на ней старья, чем могла бы прикрыться, защититься от ночного холода. Оказалось, уцелела малая изба, а в ней — вся ее одежда. Подойдя к двери, замерла: кто-то шел по улице. Уф, кажется, дурачок Шангарей. Прошел мимо, вроде бы не заметил ее... Быстренько переоделась в избе, собрала в узелок самое необходимое из одежды, нашла припрятанные деньги и кое-какую припасенную впрок еду: несколько головок корота, сушеные ягоды. И ушла, простилась с окаянными аулом навсегда...

...С потолка, наращивая невидимую при тусклом, падавшем из очага свете паутинку, спускался к столу паучок. Заметив его, Фаузия удивилась. Если примета верна, к ней кто-то идет. Кому это могло прийти в голову на ночь глядя? Она теперь живет без лампы, встает вместе с солнцем и ложится спать после его заката. Так живут цветы: раскрываются утром, засыпают с заходом солнца...

А примета оказалась верной.

— Можно к вам?

— Ах! — Фаузия обернулась к входившим в дверь мужчине с ребенком на руках и следовавшей за ним женщине. — Собаки что-то не залаяли...

— Мы не видели собак.

— А, должно быть, куда-то убежали. Проходите. Ребенок спит? Не надо бы выносить его в сумерках...

Камалетдинов в полутьме осторожно прошел к нарам, позвал жену:

— Иди, Малика, сюда, сядь вот здесь... Почему, инэй, не надо в сумерках?

— Люди — полные хозяева в этом мире только с восхода до захода солнца. В остальное время появляются иные существа.

Аюп усмехнулся:

— Мне ни с какими существами, кроме людей, не доводилось встречаться. Хотя ребята в детдоме всякие страшные истории рассказывали.

Фаузия помешала кочергой огонь в очаге, обила головни, чтобы запылала ярче и свету прибавилось.

— Не все в мире можно увидеть и пощупать. Того, что невидимо, больше... Впрочем, вы, партийные люди, в это не верите.

— Ты, инэй, знаешь меня?

— Видела несколько раз лишь издали, но слышана... Что у вас с ребенком? Болеет?

— Не можем понять. Не спит дочка ночами. Кому только мать ее ни показывала, причину не находят. Может, ты, инэй, определишь...

— Давайте посмотрю на нее.

Камалетдинов положил дочь на нары, развернул одеяльце. Флорида открыла глаза и, видимо испугавшись незнакомой обстановки, захныкала. Старуха провела ладонью по запотевшему оконному стеклу, увлажнила собранной там влагой ее лицо и шею, и девочка сразу успокоилась. Затем знахарка, пошептав что-то над ней, достала с полки пузырек, протянула Малике.

— Это — травяной настой. Не бойтесь, он не причинит вреда. Я сама им пользуюсь, если долго не могу уснуть. Будете давать девочке каждый вечер по капле с чайной ложкой воды. Но это только для начала. Ты, килен, принесешь ее ко мне еще трижды. Днем. Добудьте немного олова. Надо исполнить обряд изгнания страха.

Камалетдинов давно, еще до войны, видел однажды, как исполняется этот обряд. Над головой ребенка держат ковш с водой, в эту воду выливают расплавленное олово. В общем, чепуха какая-то. Он не выдержал, хмыкнул.

— Аюп! — Малика просительно притронулась к нему. — Посиди спокойно, просто выслушай... Бабушка, Флорида чего-то испугалась?

— Нет. Думаю, ее отец когда-то пережил очень сильный испуг, это передалось девочке. Сделаем, что я сказала, и сон у нее наладится.

— Спасибо, бабушка!

В глазах Малики засветилась надежда. Надежда — она ведь рядышком с печалью живет.

— Килен, ты еще придешь ко мне, а пока можешь выйти с ребенком. У меня есть маленькая просьба к твоему мужу...

Притворив дверь за Маликой, Фаузия села напротив Камалетдинова.

— Просьба у меня такая: к тебе обратится за помощью одна молодая женщина. Пожалуйста, помоги ей. Верь ее словам.

— Как ее звать?

— Она сама себя назовет. Поможешь? Я тебе тоже еще понадобится...

— Ладно, помогу, насколько смогу. — Камалетдинов поднялся. — Секретарь райкома и знахарка... Неожиданный получается дуэт, а?

— Бог, сотворив воду, сотворил и ее противоположность — огонь...

— Я, инэй, в Бога не верю.

— А пришел ко мне.

— Ради ребенка... в растерянности...

— И я попросила тебя ради ребенка. Дитя — плод слаще меда, но, бывает, вызывает горечь горше полыни. Горечь эта надрывает сердце. Ну, прощай пока, Аюп-кустым.

— Прощай, инэй... Значит, наладится сон моей девочки?

— Наладится.

Когда Камалетдинов ушел, Фаузия посидела, глядя в темное окно. Думала о неожиданном посетителе. Что-то в его лице, какие-то черты показались ей издавна знакомыми. Как будто не раз видела его очень-очень давно. Или не его самого, а человека, похожего на него.

Легла, положив под голову думку. Напрягла память: где видела? Память молчала... Потом ей показалось, что подушка зашевелилась, заскользила... Это еще что? Сердце у нее замерло, сознание подсказало: она не Фаузия, а Барсынбика, и под головой у нее не думка, а свернувшаяся кольцом черная змея. Приподняла бы голову, да страшно, обеспокоенная тварь может ужалить, но и лежать на змее она ведь не может! Со страха в горле пересохло, кожу прошиб холодный пот. Уф! Как это она забыла заклинание против змей? Помнила же, когда собирала траву... Пытаясь подавить страх, Фаузия открыла глаза. За окнами светало. Ах, оказывается, это был сон! Никакой змеи нет, под головой — обыкновенная подушечка. Станный, однако, приснился ей сон.

Фаузия встала, вышла, взяв кумган, во двор совершить омовение. Подумала, что после утреннего намаза надо будет подать кому-нибудь из нуждающихся милостыню в угоду духам семи колен предков. А в утренней молитве она попросит у Всевышнего защиты Мадине с ее младенцем, Сабиле с ее ребенком, а также Хашиму, и благословения всем родившимся и еще не родившимся потомкам.

* * *

Сабиля набралась решимости зайти в дом, чтобы повидать своего ребенка. Дядя не терпит ее появления там, но стосковалась она по сыну до крайности. Стирает ли, дрова колет, или ухаживает за скотиной — все время сыночек перед глазами. Поцеловать его в синие глазки, ощутить его тепло, прижав хоть ненадолго к груди, — и хватило бы этого Сабиле, больше ничего не надо.

Дождавшись ухода Лукмана на работу, зашла. Ударил в ноздри запах пекущегося в печи пирога. Услышав хлопок двери, из кухни вышла енгэ, Рашида.

— Сабиля?! Что тебе нужно?

— Ничего... — Сабиля растерялась. — Все хорошо... Я только на Абубакира посмотреть...

Енгэ встала перед ней, словно бы стараясь заслонить своей дородной фигурой внутренность дома.

— Не понимаю. Зачем тебе на него смотреть?

Сабиля растерялась еще больше, еле выговорила:

— Соскучилась... Вы совсем... перестали показывать его мне...

— Вот как? А ты не подумала о том, сколько всякой заразы приносят к тебе с больничным бельем? Хочешь Абубакира заразить?

— Я в чистое переделась.

— Насчет Абубакира можешь поговорить только с Лукманом Талиповичем. Меня впредь по этому вопросу не беспокой. Ясно?

Енгэ распахнула дверь, и Сабиле не осталось ничего другого, кроме как уйти.

* * *

Ухаживая за Шангареем, занимаясь и множеством прочих дел, Рауза не находила времени повидаться с сыном. Никогда доньше не была она так занята.

Теперь ведь на ней два хозяйства. Проводя большую часть свободного от работы в лавке времени в доме Ишмамата, она заботится и о том, чтобы свой дом не остыл и не было Хусайну невесело, если нет-нет да заглянет туда. Раз вышла замуж, надо, конечно, прежде всего обихаживать мужа. Сколько сил пришлось потратить, выгребая грязь из его запущенного дома! Сестер на подмогу не позвала: умрет Рауза, но не повторит ошибку первой жены Ишмамата. Как ни маялась, все же одна навела блеск в его хозяйстве. Перетащила к нему свое приготовленное, как говорится, еще во времена Ноя приданое: палас, тюфяк, стеганое одеяло, две подушки, занавески. Заметил это Ишмамат, нет ли — неважно, зато сама довольна: исполнила то, что предусмотрено обычаем при переезде невесты в дом мужа.

Теперь вот, вспомнив о сыне, решила: до того, как позовет соседей на чай, сходить к нему, поговорить. Собрала в узелок снедь — хлеб, сметану, сласти — и направилась к конюшне. Направиться-то направилась, да дойти до нее, оказалось, не просто. Люди не очень-то считаются с тем, что ты человек занятой. То и дело останавливали Раузу встречные, затевали тары-бары:

— Что-то редко показываешься, Рауза, в последнее время.

— Атак-атак! — удивлялась она. — Как же показываться? Думаешь, легко мужа обихаживать? Я ведь еще и на государственной работе.

— Значит, это правда, что ты замуж за Ишмухамета вышла?

— Еще бы не правда! Не достоин, что ли, Ишмухамет того, чтобы за него выйти? Не каждой такой мужчина достается!

— Хы, пожалуй... Вы уж Шангарея не обижайте, он ведь Божий человек.

— С чего я мужчину сына обижу? Я, чай, мать, вон и своего вырастила!

Шла Рауза вот так, отвечая на вопросы любопытствующих, а тех, кто норовил пройти мимо просто поздоровавшись, и сама не жаловала, лишь сухо кивала в ответ. И тогда ей бросали:

— Никак загордилась ты, Рауза?

Или:

— Заважничала, хорошо, видать, живется замужем...

Слыша такие слова, главным образом от овдовевших женщин либо старых дев, Рауза не упускала случая кольнуть в ответ:

— Во времена нехватки мужчин жить замужем, конечно, неплохо, да не всем удастся выйти замуж. Богатым, как говорится, жир мешает, бедным — худоба. Я, слава Аллаху, ни лицом, ни телом не обделена. И собака ведь на голую кость не кинется...

Наконец дошла Рауза до конюшни. Войдя в караулку, место обитания сына, ужаснулась. Кругом грязь, на покосившемся ящике — невымытые ложки-ложки, засохшие огрызки хлеба. «Бедняга! — Рауза вытерла рукавом затуманившие взор слезы. — Господи, почему мой сын уродился таким? В назидание другим, что ли? Два идиота на одну мою головушку! Там — Шангарей, тут — Хусайн. Тоже недалеко от Шангарея ушел...»

Не успели еще высохнуть слезы Раузы, как в караулку вошел Хусайн.

— Уй, сынок, — вскинулась Рауза, — как ты тут терпишь? Почему домой не приходишь?

— Времени нет.

— Куда оно, время твое, делось?

— После сева — сабантуй. Надо коней к скачкам готовить. Саврасого — к районному сабанту. Перседателю, — слово «председатель» Хусайн произнес на аульский манер, — я сегодня сказал: все, скакунов больше запрятать не дам!

— Хусайн, хоть бы спросил, как мать живет. Чтобы не умереть от тоски в одиночестве, мать вышла замуж, а ты даже об этом не знаешь.

— Поесть не принесла?

— Вот, принесла... Что ж не спросишь, за кого вышла?

— Саврасого и самому председателю не дам. Пускай на Таштуяке ездит. Тоже резвый конь, только для скачек не годится. Быстро устает.

— Я тебе — «а», а ты мне — «б»!

— Коней надо каждый день тренировать. Мальчишек подобрал, сперва их поучу. Только тогда, когда к душе коня своей прикипишь...

— Не человек ты, Хусаин! — Обиженная Рауза ушла, громыхнув в сердцах дверью.

Идет домой, из глаз слезы катятся. Шепчут припухшие от слез губы: «Аллах мой, неужели не было поблизости от тебя другой женщины, кроме меня, чтобы назначить матерью этого твоего создания?!»

* * *

Проходил день за днем, и надежда Мадины на то, что отца отпустят, таяла. Ее беспокойство передалось ребенку, Даут стал капризничать, чаще плакать. А тут еще вымя у коровы набухло, вот-вот отелится, — Мадина старалась не спускать с нее глаз. И земля под картошку не вскопана. Вскapyвала Мадина урывками, пока ребенок спал, да много ли так одна работаешь?

А в природе, дождавшейся тепла, все буйно зазеленело, зацвело. От аромата цветущей у речки черемухи может закружиться голова. Мадина и туда успевала сбегать за водой. Луг запестрел цветами одуванчика, будто рассыпали по нему жаркие огоньки. Красиво — глаз не отвести. Эх, был бы рядом Абдельхат — наверно, побежали бы по этому лугу, радостно смеясь, и присоединили свои голоса к голосу кукушки, отсчитывающей года в молодом березняке. И Даут бы не капризничал: озарилось бы его младенчество счастьем отца с матерью. Но сейчас это — лишь мечты. Болит у Мадины сердце и ноет все тело, отвыкшее за два года от тяжелой работы, рукоятка лопаты натерла ее ладони до кровавых мозолей. Ночами, в короткие промежутки, когда ребенок спит, закрывает Мадина глаза, надеясь увидеть Абдельхата во сне, но едва он приснится — будит ее плач Даута...

Хоть и тяжело было на душе, при отце Мадина старалась не поддаваться унынию. Почему его не отпускают? Из-за нападения Шангарея на быка, что ли, держат? Но ведь с Гифритом ничего не случилось. Вчера видела его Мадина, когда перегоняли колхозное стадо в летний лагерь. Жив-здоров, шел, сотрясая воздух ревом, напоминая коровам, кто в стаде хозяин.

Убедившись, что малыш заснул, Мадина собралась было выйти во двор — пришла соседка Магинур.

— Дома места себе не найду, хожу и хожу к тебе... Корова твоя в дальний конец аула убрела, зашла сказать, чтобы в другом месте не искала.

— В стадо я ее не выгнала, боюсь, как бы на пастбище не отелилась, а тут сено кончилось...

— В той стороне травы много, луг ведь там заливной, вот и побрела туда. Огород, я гляжу, ты еще не весь вскопала?

— Я как раз собралась покопать. Может, посидишь, инэй, возле ребенка?

— А зачем я вязанье прихватила? Иди, поработай.

Магинур взобралась на нары, села, подобрала ноги под себя, а Мадина — ей хоть разорвись — торопливо вышла из избы.

* * *

Когда Рауза ушла на работу, Ихсанбай облегченно вздохнул. Достала уже его эта старуха, стрекошет и стрекошет как сорока. Сама-то она старухой себя не считает, изображает молодуху. Колечки дешевые, платочки носовые раздает тем, кто помоложе: дескать, по обычаю, невеста, выйдя замуж, должна одарить окружающих. Откровенно говоря, Ихсанбая в постель с ней не тянет. Сабия, хоть и не красивая, но согревала горячим дыханием, возбуждала его плоть, а эти полтора центнера мяса... Хорошо, что он сразу приучил Раузу спать отдельно. Сам спит в боковой комнате, заперев дверь. А то еще она войдет, а он во сне, в бреду проговорится, выдаст себя.

С удовольствием вдыхая свежий утренний воздух, Ихсанбай вышел на задворки. Хозяйственный был мужик Ишмамат. Половину просторного огорода засеивал медоносами, пчел держал — стоят теперь сиротливо пустые ульи. Часть забора упала — не было в последние годы пригляда за хозяйством. Несмотря на инвалидность, сила у Ихсанбая еще есть, упавший забор может одной рукой поднять. Надо как-нибудь заняться им, привести в порядок.

Поднявшись на навозную кучу, Ихсанбай поглядел вокруг. Аул жил утренней жизнью, всюду дымили печные трубы, на огородах копошились люди, усердно вскапывали землю. Бросил Ихсанбай взгляд и на далекую вершину Куктау. От воспоминания о пережитом там одиночестве и заброшенности сердце похолодело. Нет, такое не должно повториться, Ихсанбай сделает все, чтобы оставшуюся жизнь прожить в достатке и довольстве.

Кое-что для этого он уже предпринял. Съездил благополучно в военкомат, заодно сунул в почтовый ящик кое-как накарябанное, адресованное прокуратуре письмо без подписи. Донос на Хашима. И вон как повернулось колесо жизни! Теперь внимание аула приковано не к вернувшемуся неожиданно, будто свалившемуся с неба Ишмухамету, а к оказавшемуся преступником Хашиму. Хватит ему ходить в святых, и так уж отведал отпущенного щедрой рукой счастья. Мало того, что женился на девушке, до которой нос у него не дорос, так еще походил, задрав голову, в отцах редкостной красавицы. Ничего... сломаем и оставшуюся без опоры Мадину. Дайте только Ихсанбаю как следует окрепнуть.

К слову сказать, питаться ему надо бы получше. Прежде он неплохо жил, в самые голодные годы не переводилось у них мясо, и молочного было вдоволь. А там, в пещере, вовсе к одному мясу привык. Теперь он оказался в положении волка, вынужденного довольствоваться жидкой похлебкой. Старуха Рауза от одного лишь чая толстеет. Все чай да чай на столе. Пока она не появилась в доме, Ихсанбай пару забредших к нему куриц ощипал. А дальше как жить?

Сойдя с навозной кучи, он поковылял к дому. Ах, мать вашу! Во двор забрела чья-то корова. Похожа на их бывшую Пеструшку: растопыренные рога, длинный хвост. Брюхо раздуто: то ли такая жирная, то ли стельная. Корова постояла, как бы раздумывая, вернуться на улицу или пройти дальше по двору. Шумно вздохнув, направилась в тень, под навес у сарая. В Ихсанбае вдруг пробудился хищнический инстинкт. Торопливо запер ворота, подпер снаружи дверь летней кухни, где лежит Шангарей, и, взяв топор, кинулся под навес...

* * *

Сабия после того, как энгэ выставила ее за дверь, впала в отчаянье, не знала, куда себя деть. Вспомнилась свекровь: сурова была, а все же насколько человече-

ней! Отправила ее, Сабилю, в Таулы, чтобы сохранила ребенка, даже золото свое и серебро не пожалела. Здесь родился Абубакир, и мир, казалось, засиял всеми цветами радуги. А теперь... Теперь живет она без толку в клетке, в которой из-за кипячения белья капает с потолка. На непросыхающих руках выступили цыпки, от холода, веющего с каменного пола, опухли суставы ног. У нее и кроме стирки много работы: она и корову доит, и навоз выгребает, и дрова рубит-колет. У дяди, по присловью, голова круглая, то есть хитрости ему не занимать. Кабы не круглая была, не владел бы этой шикарной усадьбой, перехваченной у состоятельного русского доктора.

Конечно, и ту часть жизни, которую Сабиля прожила с Ихсанбаем, не назовешь сладкой. Но тогда не наваливали на нее тяжелую черную работу, ее заботы сводились в основном к тому, чтобы муж был вовремя накормлен и чисто одет. От обид со стороны соседей она была защищена, свекровь, старуха Фаузия, требовала от нее не больше того, что положено требовать от невестки. Сабиля чувствовала, что семью Муратовых отделяет от внешнего мира невидимая пропасть, что поведение свекрови и свекра, да и мужа ее, Ихсанбая, определяется чем-то скрытым от нее завесой тайны. Она пыталась размотать клубок загадок, но не хватало для этого у нее ни ума, ни проницательности.

Теперь вот она одна-одинешенька. Ребенка у нее отняли, золото и серебро сама отдала Лукману. Может, неправильно делает Сабиля, живя взаперти, не обращаясь ни к кому за помощью? Неужели нет в этом мире никого, кто может выслушать и понять ее? В разговорах с санитарками, приносившими грязное белье и забиравшими чистое, несколько раз слышала она о главе района Камалетдинове: хвалили его. И Хашим, помнится, обратился к нему, вернули ему тогда на удивление всему аулу конфискованную корову, да еще с приплодом. Может, взять да отправиться к Камалетдинову? Только не доводилось ей разговаривать с такими большими начальниками. Как она попадет к нему, как начнет разговор?

И все же вечером, когда уже смеркалось, принарядилась Сабиля. Ну, принарядилась — громко сказано. Чистое сменное платье надела, на голову чистый платок повязала. Теперь главное — дойти до райкома, набраться решимости войти туда...

...В коридоре райкома уборщица мыла пол. Пожилая женщина, чем-то напоминавшая тиряклинских старух.

— Апай, ты не тиряклинская? — обратилась к ней Сабиля.

Уборщица подняла на нее удивленный взгляд.

— Ах-ах! Раньше жила там. Но уже сорок лет, как высватал меня здешний парень. Кто тебе нужен, к кому пришла? Меня Гульмарьям-апай зовут. Давно я тут работаю, старик мой за лошадьми ухаживает, а я, видишь, полы мою...

— Я, апай, хотела Камалетдинова повидать.

— Ах-ах! Испуганная ты какая, что-нибудь случилось?

Сабиля чуть не заплакала оттого, что встретилась с участливой женщиной.

— Случилось... Помогите мне, апай!

— Коли так, айда заведу к нему, он еще не ушел. О своей нужде сама расскажешь...

* * *

Минувшим днем Камалетдинов был доволен: наконец последний колхоз отпартовал о завершении сева. Большинство хозяйств уже перевело скот в лет-

ние лагеря. В связи с переселением надои молока снизятся, но через недельку все наладится. Сейчас основная забота Камалетдинова — предстоящие сабантуи. Народ соскучился по праздникам. Райком собрал председателей колхозов на специальное совещание по этому вопросу. Камалетдинов сообщил на совещании, что колхоз, чей конь придет первым на районном сабантуе, получит главный приз — легковой автомобиль «Победа». При этом многие председатели посмотрели на Мирхайдарова: саврасый жеребец из его колхоза «Алга»* уже не раз завоевывал первые призы на скачках. А тот будто сразу подрос на вершок. Хитро улыбнулся, стараясь выглядеть спокойным.

Камалетдинов сказал ему после совещания, что придет посмотреть на Саврасого. Не худо бы основательно заняться развитием коневодства в районе, да от текущих дел, от нехваток не отрешиться. Все же надо подобрать в колхозах приличных кобылиц, скрестить с Саврасым, в Тиярках создать племенную конеферму. Без этого не обойтись. Отрасль обещает стать прибыльной. Вот племенных быков покупаем на стороне; они чуть ли не на вес золота...

Камалетдинов, как обычно, задержался в райкоме после окончания рабочего дня, чтобы посидеть подумать. Днем — шум-гам, суета. Сейчас тихо, только позвякивание ведра уборщицы доносится иногда из коридора. Но вот она, кажется, вошла в приемную, послышался ее неуверенный голос:

— Не рассердился бы... Не время приема...

Аюп Газизович подошел к двери кабинета, открыл.

— С кем это ты, Гульмарьям-апай?

Уборщица подтолкнула к нему худую, некрасивую женщину с испуганным лицом:

— Скажи сама...

Камалетдинов отступил назад, и женщина шагнула в кабинет.

— Ты... вы... Камалетдинов?

— Да.

— Уй! Ребенка... моего ребенка... дядя... уй-й...

Камалетдинов налил из графина воды в стакан, протянул ей:

— Ничего не понимаю! Натек-ка, выпейте, успокойтесь.

Женщина, отрицательно мотнув головой, продолжала:

— Он ведь мой... Я родила. Я... Уй-й-й...

— У кого ребенок? Кто ваш дядя?

— Уй-й-й... Лукман... врач... Помогите мне, агай!

— Присядьте. Посидите здесь. Я сейчас...

Аюп Газизович вышел в приемную, прикрыв за собой дверь. Телефонистка телефонной станции быстро соединила его с больницей.

— Это вы, Лукман Талипович? Извините, что беспокою в поздний час. У вас есть племянница? Она здесь, у меня... Душевнобольная?.. Разумеется, надо лечить... Сейчас подъедете? Хорошо, жду!

Камалетдинову стало жалко Лукмана Талиповича. Оказывается, он содержит у себя душевнобольную племянницу. Помешалась, говорит, из-за своих мертворожденных детей, может в любой момент сбежать, похитив их ребенка.

Когда Аюп Газизович вернулся в кабинет, женщина поспешно поднялась со стула. Вроде бы немного успокоилась.

— Вы сидите, сидите... Лукман Талипович ваш родной дядя?

* «Алга» — «Вперед».

— Двоюродный. Только он в русской семье вырос, его усыновили. И жена у него русская. Детей у них не было. Моего...

Тут дверь распахнулась, в кабинет вошли Лукман Талипович и следом — двое мужчин в белых халатах. Сабия обомлела.

— Агай, я...

— Дома поговорим.

— Я не вернусь к вам! — Сабия почувствовала себя разъяренной львицей. — Отдайте мне моего ребенка! Закон на моей стороне!

— Она опасна! Свяжите ее! — распорядился Лукман Талипович. Те двое в белых халатах немедленно вцепились в Сабия. До ее сознания дошло, что это санитары психиатрического отделения, и она забилась в их руках, закричав так отчаянно, что на губах запузырилась слюна.

— Я не пойду туда! Там бьют, морят голодом! Я не больная, мне только мой ребенок нужен! Вы не имеете права!..

Сабия, не обращая внимания на ее выкрики, потащили на улицу, втокнули в крытую санитарную машину.

— Извините, Аюп Газизович! — сказал Лукман Талипович, садясь в кабину машины, вышедшему вслед Камалетдинову. — У нее обострение...

После этого происшествия Камалетдинову сидеть в кабинете в одиночестве расхотелось. Настроение испортилось. Вливавшийся через форточку аромат цветущей черемухи и сирени, казалось, утратил свою прелесть. Перед глазами стояло вначале испуганное, затем искаженное безумной яростью лицо рвавшейся из рук санитаров женщины.

Хорошо, что Флорида у него поправилась. Спит нормально, а проснувшись, весело гугукает, играет. Не обманула та старуха, хотя Аюп Газизович сомневался в ее способностях. Теперь он с нетерпением ждет, когда дочка произнесет первые слова, назовет его папой...

* * *

В медицинском институте Лидия Николаевна специализировалась по психиатрии, хирургом стала на войне вынужденно, принудил к этому огромный поток раненых. В мирное время необходимость в хирургических операциях возникает не столь часто, поэтому в районной больнице она постепенно отошла от хирургии, предоставив ее молодым врачам, вернулась к своей первоначальной специальности и сейчас заведует психиатрическим отделением.

Сегодня, проводя утреннюю пятиминутку, Лидия Николаевна узнала, что в отделение поступила новая больная.

— Кто она?

— Муратова Сабия Таиповна.

— Откуда?

— Здешняя. Кажется, родственница Лукмана Талиповича.

— Родственница? Степень родства? — Башкирцева потянулась к только что начатой истории болезни, лежавшей на ее столе.

— Пришлось применить к ней силу, — сказал дюжий санитар, прозванный Алпамышем*. — Буйная она. Только после укола успокоилась...

* Алпамыш — богатырь, герой народных сказок.

В это время зазвонил телефон. Лидия Николаевна сразу узнала голос в трубке.
— Слушаю вас, здравствуйте!.. Как раз о ней говорим. Надо было вчера меня вызвать... Решили не беспокоить? Но это ведь моя работа!.. Прямо сейчас? Я еще не сделала обход... Хорошо, хорошо, подожду...

Башкирцева немного удивилась: как ласково разговаривал с ней главврач! У больничной поварахи есть присловье, которое она часто повторяет: коль загорелся подол, поневоле всполошишься. Вот и у Лукмана Талиповича «загорелся подол»: племянница с ума сошла. Может, он теперь к больным будет относиться почеловечней?

— Та-ак... Быстро все по своим местам! — распорядилась Лидия Николаевна. — Сейчас главврач к нам заглянет. Всюду должен быть полный порядок, чтобы не склоняли потом наше отделение на общебольничных оперативках. Понятно?

Едва сотрудники успели разойтись — в ее кабинет вошел Лукман Талипович.

— Доброе утро, Лидия Николаевна!

— Доброе... Хотя...

— Да-да, беда у меня... — Лукман Талипович отер платочком лоб.

— Беда, говорят, без спросу приходит... Я больную еще не видела. Диагноз, как правило, ставлю я сама, но в данном случае хотела бы услышать ваше мнение: что могло послужить причиной расстройства?

— С этим я и зашел к вам. Коротко: она живет у меня, устроил ее на работу в прачечной больницы. Была замужем, не раз беременела, но ни одного ребенка не смогла доносить до рождения. Видимо, на этой почве у нее возникла навязчивая мысль, что наш приемный сын — ее ребенок. Психика у нее менялась постепенно, я думал, что это просто блажь, само собой пройдет...

— Понимаю вас, Лукман Талипович. Меня настораживают ваши слова о постепенном изменении психики. Если бы расстройство произошло в результате нервного шока, можно было бы надеяться на скорое выздоровление. Но мы стараемся, вы уж чересчур не беспокойтесь.

— Как не беспокоиться? Муж у нее погиб, родители умерли, я ее единственная опора.

— Ей, если бы не заболела, можно было бы позавидовать. И мне бы такого заботливого дядю!

— Спасибо за комплимент! — Лукман Талипович поднялся с места. — Вы, оказывается, обратились к Камалетдинову по поводу питания в больнице. Мы бы и сами эту проблему разрешили... Я просмотрел заявки, ваши требования будут учтены... Будьте здоровы!

Пораженная Лидия Николаевна застыла на месте. Она же на каждой оперативке говорила о крайне неудовлетворительном питании больных — и ничего не менялось... Достала дрожащими пальцами папиросу, закурила. Фронтальная привычка...

К Сабиле Муратовой она зашла, закончив обход остальных больных.

— Здравствуйте!

Женщина, стоявшая у кровати, мгновенно обернулась и приложила палец к губам:

— Тс-с-с! Он уснул...

— Кто уснул?

— Мой ребенок. Абубакир.

Тут Лидия Николаевна увидела на подушке «ребенка» — свернутую кофту, повязанную сверху платком.

— А-а... Извините!

Женщина приблизилась к ней, прошептала:

— Пусть остальные выйдут, я тебе одной что-то скажу...

Лидия Николаевна дала сопровождавшему ее медперсоналу знак выйти из палаты.

— Ты спрячь меня тут, ладно? — сказала больная доверительно. — А то Лукман с его сукой отнимут у меня сыночка. Я буду тебе стирать, полы мыть. Только спрячь. Ишшо... не давайте Абубакиру лекарства. Если надо, свекровь будет травяным настоем его поить. Она все знает, помогла мне родить Абубакира.

— Хорошо, все сделаем, как ты хочешь. Но тебе самой лекарства надо принимать. Голова у тебя не болит?

— Ничего не болит. И молока у меня для сыночка хватит. Если придет Лукман, скажи — «болеет» или «умерла». Так и скажи. Не пускай его сюда!

— Ладно, мы твою комнату будем держать на замке.

— Держи, держи! — Женщина со странным блеском в глазах вдруг нагнулась и поцеловала полу халата Лидии Николаевны. — Спасибо! Век тебя не забуду!

Как только Лидия Николаевна вышла из палаты, санитар запер дверь.

* * *

Верно, должно быть, говорят, что беда одна не ходит: вскоре после ареста отца у Мадины исчезла собиравшаяся отелиться корова. Оставляя малыша под присмотром Магинур, за два дня обегала она все окрестности аула, аппетита и сна лишилась. Из-за переживаний грудное молоко у нее пропало.

— Некоторые коровы уходят, чтобы где-нибудь на стороне отелиться, потом возвращаются с телятком, — утешали ее одни.

— Может, в болоте утопла? — удивлялись другие.

— Нынче весной возле самого аула волки были, не они ли сожрали скотинку? — строили догадки третьи.

Только соседка Магинур особо не расстраивалась.

— Хватит, больше не ищи, — сказала она. — Коль суждено, так вернется, а не вернется, так молока от моей коровы нам на обеих хватит. Давно уж хотела я тебе сказать: давай перебирайся ко мне, будем жить вместе, подпирая друг дружку.

Мадина не согласилась. Вернется отец, не увидит дыма из их трубы — что он подумает? Если Абдельхат придет, тоже в окошко этой избы постучится.

— Инэй, лучше ты ходи ночевать ко мне, — предложила Мадина. — Не могу я из родных стен уйти.

Поиски она прекратила. Но пропавшую корову из памяти сразу не вычеркнешь. И Магинур как-то за чаем заговорила о ней:

— Хорошей породы была скотинушка. Может, на ферме телочка от нее на расплод осталась? И корова Фаузии из того же потомства была, ее после пожара тоже ведь к колхозному стаду присоединили...

— Я ее один раз подоила, — вспомнилась Мадине растерянно мычавшая у пожарища корова, которую она зазвала потом к себе во двор.

— Ладно, не горюй. Считай, дочка, что и я сама, и все мое хозяйство теперь твои.

— Инэй, если я в район, к отцу схожу, Даут...

— Ах-ах, Даут же мне не чужой, поживу с ним! Козьим молоком буду его поить, так делают все, если у матери молоко пропадет. Только ты пешком не вздумай отправиться, лошадь попроси.

— Дадут ли?

— А ты не к председателю — прямо к Хусаину пойдی. Он коней к сабантую готовит, каждый день мальчишек к скачкам приучает. А тебя и учить не надо, девчонкой с седла не слезала, мальчишек на скачках обгоняла. Пойди к нему, пойді!

...Хусаин возле конюшни расчесывал гриву Саврасого. Конь, увидев поверх его плеча подходившую к ним Мадину, коротко заржал. Хусаин обернулся, в его черных глазах под густыми бровями вспыхнули веселые огоньки.

— Гляди-ка, узнал тебя, подлец!

Мадина достала из кармана кусочек сахара.

— Отдам ему?

— Валяй, никто кроме тебя сладким его не угостит.

Саврасый осторожно мягкими губами взял с ладони Мадины сахар. Она погладила его по холке. Хусаин, отойдя в сторонку, присел на корточки, закурил.

— Давно приехала?

— Давно уж. А ты не слышал?

— Когда мне слушать? Работы много. И муж твой приехал?

— Его, Хусаин, арестовали...

— Ничего, придет!

— А ты не женился?

— Где там! Говорю же: работы много.

— А у меня ребенок родился. Мальчик.

— Это хорошо! Когда исполнится три года, приведешь ко мне, я его на Саврасого посажу.

— Ладно. А мне можно на него сесть?

— Раньше без спросу садилась.

— То ведь раньше.

— А теперь что — хуже ты стала?

— Повзрослела. Даже старой себя чувствую. Эх!.. — От разговора с простодушным конюхом у Мадины выступили на глазах слезы. — Почему, Хусаин, не все люди такие, как ты?

— Старой... Промчишься на коне с ветерком — сразу помолодеешь. Ты не плачь, а то вон у Саврасого дрожь по спине пробежала. Не надо его расстраивать перед скачками. И тебе нельзя расстраиваться — ребенка кормишь.

— Хусаин, мне надо в Таулы съездить.

— Атак, сядь на Саврасого и слетай. Никто ведь не будет следить, куда ты поедешь. Саврасый должен пропотеть, убавить вес перед соревнованиями, так что не жалея его...

— Договорились, Хусаин!

— Я сейчас оседлаю его, а ты сходи домой, надень брюки...

* * *

Увидев вошедшую в кабинет Мадину, Камалетдинов глазам своим не поверил: она это или не она? Он помнил Мадину красивой девушкой, а сейчас перед ним стояла молодая женщина, озаренная зрелой красотой материнства.

— Здравствуйте, Аюп-агай!

Ощутив в ладони ее шершавую, огрубевшую от мозолей руку, Камалетдинов полушутливо заметил:

— Аул уже успел поставить на твою руку свою печать...

Мадина вздохнула: если бы только аул и только на руку! Попробуй сосчитать, сколько печатей наставила жизнь на ее сердце!

— Ну, каким ветром? Мирхайдаров, правда, сказал мне, что ты вернулась, но никаких подробностей я не знаю... — Камалетдинов, предложив Мадине стул, сам сел напротив. — Что случилось с Абдельхатом?

— Аюп... — Мадина с трудом преодолевала отчужденность, возникшую из-за того, что они давно не виделись. — Он ведь простодушный, чистосердечный. Товарищи его уважали: фронтовик, по возрасту старше всех... Короче, пооткровенничал он на экзамене по философии. Насколько знаю с его слов, преподаватель задал ему вопрос: «Вы верите во всеобщее равенство?» Абдельхат ответил: «Нет, не верю. Людям ни ум, ни память, ни способности, ни таланты не раздаются поровну. Одним чего-то достается больше, другим меньше. А натура человека такова, что он хочет приобрести то, чем не обладает, стремится к совершенству, это и движет его по жизни вперед. Но если все люди станут одинаковыми, равными во всем, этого стремления не будет, и человечество перестанет развиваться». Преподаватель снова задал вопрос: «А как вы смотрите на то, что принципы социализма и коммунизма, их высокие идеалы опираются на идею построения на всем земном шаре человеческого общества, основанного на всеобщем равенстве?» Разговор у них шел один на один, Абдельхат взял и ляпнул: «В такое общество тоже не верится. Народы на земном шаре стоят на разных ступенях развития, есть еще даже первобытные племена...» На следующий день его арестовали.

— Печально... — Камалетдинов встал, закурил, отойдя к окну.

— Я, Аюп-агай, приехала похлопотать за отца. Его тоже арестовали. Я только что побывала в прокуратуре. Против отца, оказывается, выдвинуто невесть сколько ложных обвинений. Даже смерть моих братишек, которых он очень любил, пытаются приписать ему. Кто-то написал на него анонимный донос — на этом основывают все обвинения. Будто бы в пожаре и гибели Ихсанбая и Фаузии Муратовых повинен тоже он. Доказательств нет — одни предположения...

Камалетдинов вспомнил просьбу старухи, лечившей его Флориду: «К тебе придет молодая женщина... Верь ей... Помоги...» Он слушал Мадину, глядя на ее заалевшее от волнения лицо, на стройную, будто точеную фигуру, и думал восхищенно: до чего же она красива! Не место ей в ауле, среди обыкновенных, зачастую грубых, неотесанных людей. От этой мысли ему даже стало жарко, душно — ослабил галстук.

— Ты чересчур не переживай. Постараюсь помочь, — сказал он.

— Больше мне некого просить об этом.

— Понимаю. Отца твоего я помню, был у меня после возвращения с войны... Сама-то как думаешь жить дальше? Давай переберись в райцентр. Работу найдем, с квартирой помогу...

Мадина усмехнулась:

— Но ведь... в моем положении... Как жене Абдельхата мне понадобится пройти официальную процедуру.

Камалетдинов удивился: как быстро она все схватывает и понимает!

— Это так, но ничего особо страшного я тут не вижу. Должна же ты как-то жить! Может быть, понадобится лишь написать формальное заявление, что никакой связи с арестованным мужем не имеешь...

Мадина встала.

— Если бы, Аюп Газизович, я написала такое заявление, то была бы сейчас в Москве, продолжала учебу!

— Ну вот.... — Камалетдинов смутился. — Вот и среди башкирок появились декабристки...

— А среди нас их, Аюп Газизович, даже больше, чем у других народов. Мы же наследницы женщин, исстари сражавшихся рядом со своими мужьями. — Мадина протянула руку: — До свидания, Аюп-агай! В вопросе об отце я надеюсь только на вашу помощь...

Проводив ее до двери, Камалетдинов вернулся к окну. Бэй, Мадина, оказывается, приехала на Саврасом! Вот она легко вскочила в седло, выпрямилась. Очень ей идет сидеть на коне! Брюки, приобретенные, видимо, для физкультурных занятий в Москве, подчеркивают стройность ее фигуры. И Саврасый хорош! Словно понимая, какая красавица на него села, гордо вскинул голову. Грудь у него широкая, брюхо подтянуто, шерсть блестит, точно у соболя. Пожалуй, первенство на сабантуе останется за колхозом «Алга». Как это Мирхайдаров доверил Саврасого Мадине? Впрочем, найдется ли мужчина, который откажется выполнить просьбу такой женщины? Если и найдется, то только слепой...

* * *

За возвращавшимися из Таулов Мадиной и Саврасым Хусаин наблюдал, взобравшись на крышу конюшни. Хай, какая умелая наездница эта Мадина! Приникла к летящему стрелой коню, и если бы не ее красная кофта, можно было бы подумать, что Саврасый сам по себе мчится. Эх, хоть и прожил Хусаин почти всю жизнь среди лошадей, сам достичь мастерства в верховой езде так и не сумел. Как-то так у него получается, что голова клонится в одну сторону, задница сползает в другую, ноги — враспорырку... Такого умения, как у Мадины, ни у одного парнишки нет. Хорошо, что перед скачками стогняла она Саврасого на дальнее расстояние, большое испытание конь прошел, теперь у него дыхание станет свободней, уверенность в себе возрастет.

Объезжая аул стороной, Мадина придержала коня, сделала круг по дороге, уходящей в направлении Куктау, и вот гладит его на медленном ходу по шее, успокаивает...

Хусаин встретил ее во дворе конюшни улыбкой.

— Ну как, годится Саврасый для скачек?

Мадина показала большой палец:

— Во конь!

— Может, ты и поскачешь на нем на сабантуе, а, Мадина?

— Не-е... Неудобно...

— А что тут неудобного? Никто тебя не обскачет.

— Не знаю...

— Подумай, сестренка!

— Спасибо тебе, Хусаин-агай!

— Управилась в Таулах со своими делами?

— Вроде бы... Ну, пока, Хусаин-агай!

Мадина ушла домой. Хусаин завел Саврасого под навес остывать.

* * *

Камалетдинов любил ходить в баню на первый пар. Приятны сухой жар, проникающий в каждую клеточку тела, и запах только что залитых горячей водой

березовых листьев. В бане на душе спокойно, ты сам себе хозяин. Можно отрешиться от бесконечных забот и всяческой суеты.

Аюп растянулся на полке, подложив под голову распаренный веник. Попытался забытья, но замелькали перед мысленным взором, как кинокадры, события и эпизоды минувшей недели: женщина, требовавшая вернуть ей ребенка; сессия райсовета; неожиданно залетевшая в его кабинет жар-птица — Мадина; разговор с прокурором, ознакомление с делом Хашима Насибуллина...

Хотя отказ Мадины переехать в райцентр рассердил Камалетдинова, свое обещание он выполнил, дал прокурору установку: не спешить с обвинительным заключением, разобраться в деле Хашима самым тщательным образом.

...Вдоль позвоночника бегали мурашки, уходил из тела холод, только в старой ране на правой ноге ощущалось онемение, словно это место было заморожено и никак не может оттаять. Аюп плеснул на каменку воду, в которой замачивался веник. Ух-ху-ху! Пыхнуло от раскаленных камней жаром. Должно быть, Гульмарьям-апай вложила в веник веточку черной смородины и душицу — баня наполнилась их ароматом. Хорошо! По крайней мере половина беспокоящих Аюпа мыслей останется на банном полке. Он еще раз плеснул на каменку душистую воду. Здорово! Теперь можно помахать веником.

Когда Аюп вышел в предбанник остудиться, вновь возникла перед его глазами Мадина. Сначала она была в плотно облегающих фигуру черных брюках и красной кофте, отсвет от которой придавал ее алым, как вишня, губам и лицу еще большую яркость, но минуту спустя... разделась. Камалетдинов, словно убоившись ослепнуть при виде божественно прекрасного тела, зажмурился. «Старый черт! Ты что?!. — Он поискал слова покрепче, чтобы обругать себя, удивленно покачал головой. — Идиот! Нужен ты ей как прошлогодний снег!» Но богиня красоты упорно стояла перед его мысленным взором. Дай ей волю, так сядет тебе на колени, коснется губами твоих губ, упрется в грудь тугими сосками... «Нет! — Аюп вскочил на ноги. — Не нужен мне этот мираж!» Зашел в баню, опрокинул на себя ведро холодной воды. «Вот тебе, старый дурак! Как беременная женщина, захотевшая змеиного мяса, захотел жену своего друга!» Затем он выплеснул на каменку три ковша воды подряд. «Пусть тело горит, а не сердце!»

Исхлестав себя веником чуть не до потери сознания, красный, как сваренный рак, свалился Аюп на пол предбанника.

* * *

С юго-запада, нагоняя сонливость, надвигалась черная туча, стало сумеречно, и Хусаин раньше обычного растянулся на своем лежаке. Несколько раз просыпался в беспокойстве, порывался встать, но опять засыпал. И вот приснилась ему саврасая кобыла, щипавшая траву на зеленой поляне. Рядом, вытянув курчавый хвост, носился жеребенок.

— Скакун! Хороший скакун из него получится!

— Брось, вряд ли...

Посмотреть на жеребенка собрался народ. Бэй, люди ли это, не волки ли? Хусаин пытался закричать, спасти жеребенка, а волчья стая сжимала кольцо вокруг него. Жеребенок, невесть как успев превратиться во взрослого коня, отчаянно заржал, взметнулся к грохочущему небу.

— Саврасый! — закричал Хусаин и вскочил, разбуженный своим криком. Тело у него ныло от напряжения, в горле пересохло. Дождь, кажется, давно уж пре-

кратился, за окошком светало. Хусаин, подняв ведро с водой, напился и вышел из караулки. Подумал: наверно, Саврасый заржал во сне, в это время лошади тоже спят.

Справив малую нужду, он собрался было вернуться в караулку, полежать еще, но насторожился, услышав донесшийся из конюшни звук, похожий на стон.

— Саврасый!

Конь в ответ заржал негромко, как бы преодолевая боль. Хусаин распахнул ворота конюшни и ахнул, увидев у переднего копыта Саврасого лужицу крови, набежавшей из раны в его ноге, — раны, на первый взгляд небольшой, кровь теперь еле сочилась из нее, но этого было достаточно, чтобы привести Хусаина в отчаянье. Он припал головой ко лбу коня, простонал:

— Саврасый! Как же это, как же я не уберег тебя, проспал?!

Тут понял Хусаин, что их лучшего скакуна перед самыми скачками намеренно ранил какой-то завистник, и закричал в ярости:

— Не успеешь, сволочь, далеко уйти, настигну я тебя!

Он торопливо вывел лошадь из соседнего стойла во двор, вскочил на нее. Выхав за ограду, увидел на мокрой после дождя земле отчетливые следы подкованных копыт. Кто-то подъезжал к конюшне верхом...

Следы уходили в сторону Куктау. Хусаин поскакал туда же. Следы были хорошо видны. В одном месте он увидел кучу конских катышков — сплошь овсяная шелуха. Овсом сейчас кормят только скакунов, которых готовят к состязаниям на сабантуе. Значит, точно какой-то завистник решил вывести Саврасого из строя. Ну, приехал бы, попросил не выставлять его на состязания, что ли! Эх, люди!..

Следы оборвались у переезда через ручей. Видимо, злодей поехал по его руслу.

* * *

В ауле появились двое верховых в милицейской форме. Многие подумали, что приехали они по поводу Саврасого. Однако милиционеры, выйдя из сельсовета, направились по улице в противоположную от конного двора сторону. Мадина, шедшая с водой от речки, сразу узнала их: те люди, что допрашивали ее.

Милиционеры, поравнявшись с ней, спешились, поздоровались.

— Вы... ко мне?

— Мы, сестрица, по спецзаданию, — заговорил старший из них, усатый. — Посланы обследовать дом, то есть место, где стоял дом Ихсанбая Муратова.

— Вон оно, напротив.

Милиционеры посмотрели на огороженное жердями место. Огородил его сельсовет, чтобы не угодила в яму, засыпанную золой, чья-нибудь скотина.

— Тут, значит...

Вскоре в сопровождении нескольких мужчин с лопатами подоспел председатель сельсовета. Мадина догадалась: будут искать кости Ихсанбая и тетушки Фаузии. Вот они начали разбирать ограду. Мадина подошла поближе. Место, где был подпол, сразу бросалось в глаза: зола уплотнилась, осела, а вокруг — бурьян. Мадина обратилась к усатому милиционеру:

— Вы, пожалуйста, укажите в протоколе, что место было огорожено и никто здесь доныне не копался.

Усатый глянул на нее усмешливо:

— Никак ты в следственных органах работала? Все-то знаешь...

— Нужда заставляет знать...

— Ладно, я пошутил, сделаем все как положено.

Посмотреть на работу милиционеров сначала сбежался самый любопытный народ — ребятишки. Потом стали останавливаться проходившие будто бы мимо старики и старухи. Аул молниеносно облетела весть: ищут останки Ихсанбая и Фаузии. Пришли с лопатами, хотя никто их к этому не обязывал, братья Галаяу и Валяу. Заперев лавку, пришкандыбала Рауза.

Вот уж лопаты достигли дна ямы, разворошили золу вдоль фундамента. Полетели в сторону горшки и глиняные черепки, осколки столовой посуды, покореженная лампа, металлическая кухонная утварь, обручи от сгоревших кадок. Попадались осыпавшиеся с женских праздничных украшений монеты, рассыпавшиеся бусы. Нашли несколько птичьих скелетов, скелет овцы, скелет теленка, но, кроме этого, никаких костей не обнаружили.

Молодой милиционер фиксировал в протоколе каждую крупную находку, потом собрал подписи взрослых свидетелей обследования. Мадина и после того, как народ разошелся, долго еще стояла остолбенев у разрытого пепелища: выходит, тетушка Фаузия и Ихсанбай не погибли? А куда делась Сабиля? Были разговоры, что кто-то видел, как незадолго до пожара она куда-то уехала, но никто не знает куда и зачем...

* * *

Хотя и случались в Тиряклах потрясающие, выходящие из ряда вон события, народ вскоре возвращался к своим привычным делам и жизнь продолжалась обычным порядком. Колхоз завершил сев, все занялись личными хозяйствами: сажали картошку, подновляли заборы, женщины, скучковавшись, помогали друг дружке мыть стены изб изнутри либо белить их снаружи.

Сегодня сабантуй. Состояние Саврасого не улучшалось. Ветеринар наложил повязку на его простреленную, похоже, малокалиберной пулей ногу, но рана не заживала, опухоль поднималась все выше. При очередном осмотре раны ветеринар заикнулся было, что лучше бы, пока не поздно, пустить коня на мясо, но Хусаин тут же поднес к его носу грязный кулак:

— А этого попробовать не хочешь?

Невеселый в последние дни, Хусаин вывел из конюшни пятерых коней, отобранных для участия в скачках на сабантуе, дал мальчишкам-наездникам последние наставления. Коню, которого он вывел первым, предстояло выступить на районном сабантуе, — велел его юному наезднику быть особо внимательным.

Когда Хусаин начал выводить коней, Саврасый застриг ушами, шумно задышал, раздувая ноздри, и яростно заржал вслед уходящим скакунам. Это еще сильнее расстроило Хусаина. Сам он на сабантуй не собирался, — что ему там делать в таком настроении? Проводив мальчишек, стоял опечаленно посреди двора и вздрогнул, услышав сзади голос Мирхайдарова:

— А ты что стоишь тут? Давай живо на сабантуй! Разве можно доверять коней одним мальчишкам?

Пришлось Хусаину сесть на оставшегося в конюшне серого дунэна* и отправиться на праздник.

* Дунэн — трехгодовалый жеребец. У башкир каждый возраст лошади имеет свое название.

* * *

Мадина встала утром раньше, чем обычно. Стараясь не разбудить Магинур, сходила подоить ее корову, напекла на летней печурке блинчиков. Магинур проснулась, когда Мадина вошла в избу с кипящим самоваром.

— Раненько ты поднялась, дочка... А я заспалась. Покойный апа твой мне снился... Ах, ты уже и блинов напекла?!

— Сегодня ведь праздник.

— А, сабантуй!

Малыш спал. Мадина с названной матерью сели выпить чаю, беседовали вполголоса.

— Ты ведь пойдешь на сабантуй?

— Не знаю...

— Как это не знаешь? В твои-то годы!

— Абдельхат в тюрьме, и отец... Не до веселья мне.

— Прежде пела на сабантуях, а сегодня не будешь?

— Так говорю же...

— Не надо, дочка, горе в себе копить. Люди для того и поют, чтобы горе развеять.

Мадина пожала плечами.

— Нечего плечами пожимать! Вот соберемся и втроем с Даутом пойдем! Сейчас быстренько яичек сварю, юаса* у нас есть, сметаны еще возьмем, там присоединимся к кому-нибудь, попьем чаю. Допью только эту чашку и...

Магинур любила почаевичать, иной раз, разохотившись, до девяти чашек выпивала, а сейчас, ограничившись двумя, молитвенно мазнула ладонями по щекам:

— Аллах Акбар! Дай Всевышний вам с Абдельхатом каждодневную пищу и нескончаемое изобилие, чтобы дожили вы вместе, как мы с твоим апой, до седых волос и желтых зубов!

— Аминь, инэй, да будет так!

— Будет, будет! Надо только немного потерпеть.

Магинур ушла по своим делам, а Мадина открыла сундук. Вот он, мамин праздничный наряд! До чего же он красивый! Лишь золотого браслета с бирюзовыми глазками теперь нет: отдала его Мадина в Москве охраннику, пытаясь добиться трехминутного свидания с Абдельхатом.

Ладно, пойдет она на сабантуй, уговорила ее Магинур-инэй. В мамином наряде пойдет. Приняв такое решение, Мадина заплела волосы в две косы, вплела в них наконечники с серебряными монетами. Затем разогрела утюг, погладила платье. Ай, как оно ей идет! В самый раз! Похудела она, что ли, из-за тяжелой работы? Надев поверх платья елян, нацепила перед зеркалом сережки. Тут проснулся Даут. Хорошо выспался, радостно заулыбался матери. Мадина, расстегнув пуговицы платья, поднесла сына к набухшей за ночь груди...

Тем временем жители аула кто на подводе, кто пешим ходом стали стекаться к месту проведения сабантуев, именуемому Талмуруном. Вскоре многие подвесили казаны над кострами, задымили трубы самоваров. Пестро одетый народ кучковался близ казанов в зависимости от родства или дружеских отношений. Расстилали на траве радужные паласы, одеяла, взбивали подушечки, готовя места для самых почитаемых пожилых людей.

* Юаса — национальное кушанье из теста, приготовленное в кипящем масле.

Повеселел майдан. Подъехала на телеге, распространяя запахи конфет и пряников, Рауза. Половина телеги была заставлена ящиками, другую половину занимала она сама. Подъехала и тут же начала торговлю. И всем объясняла:

— Одна приехала, одна. Раз на государственной работе, не должна сидеть дома, так ведь? А муж, знамо, не может оставить хозяйство без присмотра. Шангарей там больной, ума-то у него нет, возьмет да, упаси Аллах, подпалит. Видели ведь, что от усадьбы Ихсанбая осталось...

Одни слушали Раузу, другие, зная, что ее болтовне не будет конца, отходили. Мальчишки-наездники важно прогуливали коней, борцы разминались, бегуны, закатав штанины, нетерпеливо топтались у стартовой линии.

Только мрачному Хусайну майдан казался пустым, ничто его не интересовало. Подошел к нему один из стариков:

— А кони у тебя, кустым, ничего, справные.

Хусайн поморщился:

— Разве это кони? Тьфу!

Старик счел за лучшее поскорей отойти от него.

На майдане появилась Мадина с ребенком на руках, сопровождаемая старухой с узелком. Хусайн оживился. Издали помахал молодой женщине рукой, всем своим видом как бы говоря: «Эх, Мадина, размечтался я, что поскачешь на районном сабантуе на Саврасом, да видишь, как вышло!» Мадина, кажется, поняла его, у самой сердце болело за Саврасого не меньше, чем у Хусайна. Вчера она побывала в конюшне, приласкала раненого коня.

Объявили начало состязаний. Скакунов выстроили на старте. Прозвучал сигнал — выстрел из ружья, и кони, высекая подковами искры, рванулись вперед.

В это время Хусайну вроде бы послышалось знакомое ржанье. Со стороны аула. Саврасый?! Не может быть! Как он... Сердце Хусайна забилося учащенно. Он вспрыгнул на своего дунэна и поскакал к аулу.

* * *

Когда один из распорядителей сабантуя начал составлять список желающих спеть, Мадина заколебалась: записаться или нет?

— Что сидишь как виноватая? Иди запишись, — пристала к ней Магинур. — А то сама запишу!

— Не надо, инэй.

— Есть еще желающие? — крикнул распорядитель.

Мадина промолчала.

Состязание певцов началось после завершения скачек и схваток борцов. Наезднику коня, пришедшего первым, вручили хромовые сапоги, сильнейшему из борцов — овцу. Лучшего певца ждал патефон. Очень хотелось Мадине получить его, но внутренний голос подсказывал: не надо, не записывайся, коль и споешь, то после того, как определятся места. Знала Мадина, что кое-кто из пожелавших спеть, если запишется и она, попросит вычеркнуть себя из списка.

В Тиряклах слушают песни с большой охотой. И кураистов в ауле много, и многие старинные песни родились в этих краях, создал и берег их здешний народ. «Тураякай», «Сибай», «Ильяс», «Зульхиза», «Гильмияза»... Каждую из этих песен, исполненных на певческом кругу, Мадина слушала увлеченно, каждый певец затронул дремавшие до этого струны ее души. Но вот песни смолкли, пате-

фон вручили победителю. Тогда Мадина, передав ребенка Магинур, встала и объявила:

— В честь сабантуя, в знак уважения к только что выступившим певцам я тоже спою одну песню.

Она не вышла на середину майдана, а встала у плакучей березы, близ которой сидела, постояла там, задумавшись, и запела знакомую всем песню:

*Испещрены рукою Буранбая
Бумаги белой чистые листки...*

Кто такой Буранбай — вряд ли кто теперь точно знает. Скорей всего — мятежник, участник одного из башкирских восстаний, сосланный в далекие края или отправленный на каторгу. Судя по песне, народ глубоко сочувствовал ему:

*Его письмо печальное читая,
Слез не сдержали даже старики...*

Почему Мадина выбрала именно эту песню? Наверно, потому, что мелодия «Буранбая» давно жила в ней, была созвучна с ее горестями и печалью, — и тогда, когда уходил отец на войну, и тогда, когда потеряла маму, и тогда, когда мерзла на лютom холоде у ворот Бутырской тюрьмы в надежде увидеть любимого. Песня словно бы сама вырвалась из ее переполненной души и, не уместившись на майдане у Талмуруна, разнеслась до самых предгорий Куктау, Улубиика и Каратау.

А Хусаин между тем, войдя в конюшню, Саврасого там не обнаружил. Он оставил ворота конюшни открытыми, понадеявшись на жердины, которыми был перегорожен выход из стойла. Конь, сломав жердины, вырвался на волю... И вновь послышалось Хусайну яростное ржание. Он поскакал в ту сторону, откуда оно донеслось. Ага, вон он, Саврасый! Мчится, развеивая гриву, вверх по склону Шайтан-горы. Куда он? Там опасно, там, по преданию, сорвалась со скального выступа кобылица, с тех пор и называют тот выступ Скалой чалой кобылицы, а внизу — Шайтанова топь.

— Саврасый!

Ветер вернул крик Хусаина обратно к нему. Как ни напрягал силы дунэн, догнать Саврасого, хотя у того нога ранена, не мог.

— Савра-а-асый!!

Хоть бы оглянулся! Вот он достиг скального выступа, остановился у самого обрыва, опять заржал, огласив окрестные горы, леса и луга, которые помнили его жеребенком, а потом стали свидетелями его любовных игр с кобылицами, его побед на состязаниях, — постоял мгновение и... полетел вниз. Может быть, подвела его раненая нога или же сам из-за нестерпимой боли совершил прыжок в вечность — кто теперь скажет?

— Саврасый!!!

Хусаин, оставив дунэна на склоне, подбежал к месту, где только что стоял Саврасый, — еще скатывались, падали вниз потревоженные его копытами камешки, словно скала роняла каменные слезы. Хусаин сел, до боли зажал в ладони горсточку камешков и впервые с тех пор, как помнит себя, заплакал.

Побудила его поднять голову долетевшая издали мелодия. Хусаин встал. Внизу на майдане сабантуя, поодаль от Шайтановой топи, собравшийся в круг народ слушал Мадину.

Эники-беники

Стихи

* * *

Никому не грубя,
Не крича о возмездье,
Тепловозы трубят
На далеком разъезде.

Грубовато? О нет,
Мелодично, лирично
Им запела вослед
И ушла электричка.

Тепловозы трубят,
Что они привезли мне
Не привет от тебя,
А лишь холод предзимний.

И, труби – не труби,
Тепловозы умчатся
В Салехард на Оби,
В Петропавловск-Камчатский.

* * *

Я желаю хорошему человеку,
Доброму христианину
И порядочному семьянину —
Первым заметить летающую тарелку.
Или хотя бы ее половину.

Дай ему бог оказаться поближе
К неопознанному,
Свое отлетавшему объекту,
Чудом выжить
И тиснуть в журнале заметку:
«Они приземлились на крыше».

Принять участие в развлекательном шоу
И научно-популярной радиопередаче,
Отвечая на вопросы ведущего,
Мямлить.
Если же все будет совсем иначе,
Вечная ему память.

* * *

Катаются в парке культуры,
Два ялика взяв напрокат,
Сбежали из аспирантуры
Платон, Диоген и Сократ.

Катаются, лобики морщат,
Забрызгали пивом плащи,
Им хочется женщин попроще,
Им хочется умных мужчин.

Прогулка закончится спором,
Бензином воняет вода.
И женщины с берега хором:
«Эй, греки! Гребите сюда!»

* * *

Вы приходите одна,
В крайнем случае – с другим,
И ныряете до дна,
По воде идут круги.

Неглубок наш старый пруд,
Но достаточен для вас,
Я сижу часами тут,
Я ценю ваш классный брасс.

Я забрасываю сеть,
Зацвела уже вода,
Много нынче карасей.
И ныряльщица одна.

* * *

Денег займу у Кати,
Замуж возьму Олю.

Денег на свадьбу хватит,
Погуляем вволю.

Катя придет к нам однажды
В новых синих рейтузах,
За стол усядется важно,
Как фельдмаршал Кутузов.

Скажет:
— Ли, че ли, гады,
Вы тут совсем припухли?!
Мне вы совсем не рады?!
Всех вас убью на куфне!

После пойдет чаепитье —
Булочки, джем-варенье.
Скажет Катя:
— Примите
Сердечное поздравленье!

Думаете, уели,
Мне ваша свадьба — по фиг!
Я к вам зайду —
На неделе,
Пить станем черный кофий.

* * *

Эники-беники, дайте нам веники,
Мы не работники, мы — неврастеники,
Нам не помогут пожарные, «скорые»,
Мы безнадежно-хронически хворые.

Ни похвалы не выносим, ни критики,
Мы — психопаты, типичные нытики,
Мы не быки, не животные жвачные.
Мы — дураки. И достаточно мрачные.

* * *

Бабушка сказала надвое,
Чувство меры у неё отсутствовало,
Бабушка оказалась наглая,
Челюсть у неё искусственная.

Протянув ладони лодочкой,
Не просила денег на хлебушко.

От неё попахивало водочкой.
Бабушка хотела быть дедушкой.

А всего сильнее – хотела быть девушкой,
Целомудренной, наивной и набожной,
Чтоб, состарившись годочков на семьдесят,
Стать впоследствии немощной
Бабушкой.

* * *

Били в бубны под вязом тенистым
Кришнаиты, равняясь в шеренги,
Изучали санскрит иеговисты,
А баптисты печатали деньги.

Православные парились в бане,
В синагогу плелись иудеи,
На охоту ползли мусульмане,
Протестанты на Пасху говели.

Пили пива католики много
И бежали скорее «до ветру».
Атеисты искали бога.
Не нашли. И сказали: «Нету».

* * *

Надо мной пролетали птицы,
Крылья их на ветру крепчали.
А для птиц самый главный принцип,
Чтобы их поутру встречали.

Нет для птиц ничего важнее,
Чтобы в небе легко и умело
Перелётные упражнения
Выполняло их птичье тело.

Я кричал им: «Привет, бродяги!»
И махал я рукою птицам.
С ними мы из одной шараги.
Для меня это тоже принцип.

Материнское сердце

Рассказы

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

— Дядь Валера, привет! — раздался в трубке голос племянника Ивана.

— Здорово, Ванек! Что названиваешь в такую рань? Случилось что-нибудь? — спросил у него.

— Нет. На рыбалку хочу позвать. Отец велел тебя найти. Узнать, поедешь ты на рыбалку с нами или нет. Мы с отцом пруд нашли. Случайно наткнулись. Прикинь, дядь Валер. За три часа — четыре сазана. От килограмма и до пяти. Завтра опять собираемся. Поедешь? С мужиком там познакомился. Умора. Поглядишь, как он рыбачит.

Заинтригованный его рассказом, я согласился. Новые места, новые знакомства. Меня всегда тянуло к поискам безымянных озер и стариц, старых, заброшенных прудов. Их у нас великое множество. В любую сторону поезжай. Наткнешься или на озеро, или пруд. Старицу разыщешь неизвестную. Незаметные глазу, находятся они где-нибудь в низинке, заросшие по берегам камышом. Редкий рыбак доберется до них. Лишь случайно можно наткнуться на такое озеро или пруд.

С вечера все приготовив, утром мы выехали. Километров через 30-40 свернули на проселочную дорогу. Вскоре, по едва заметным приметам, съехали с дороги и затряслись по бездорожью. Петляя между холмами, мы забирались все дальше в глубь степей и холмов, покрытых серебристым ковылем. Часа через два в низинке меж холмами засверкала вода. Пруд был почти идеально круглой формы, в зеленом обрамлении камыша. В дальнем от нас конце — плотинка и небольшой ручеек, воробью по колено. В стороне, за холмом, виднелось несколько дворов, оставшихся от некогда, видимо, большой деревни. Вот почему мы не знали про этот пруд. Исчезают деревни, села. Уезжают люди. Вместе с ними исчезают озера и пруды, заброшенные людьми. Подъехали к плотине. Разгрузились. Пасмурная, но теплая погода обещала хорошую рыбалку. Небольшой ветерок, набегая, рябил сероватую воду. Достали спиннинги, оборудованные как донки. Груз, два поводка, крючки с коротким цевьем. Наживил их горохом — и в воду. Закрепил в рогульках. Подбросил прикормки. Все. Я к бою готов. Брат и Ванек рядом тоже забросили снасти. Сидим, тихо разговариваем. Не хотелось нарушать эту сонную тишину. Спросил у брата:

— Славик, как вас сюда-то занесло? Поехали в одну сторону, а вернулись с другой стороны.

— Да плутали, плутали меж холмами. Столько бензина сожгли — ужас! Короче — заблудились. А потом во-о-он с того холма сюда, в пруд, чуть не улетели. Еле остановился. Бампером застряли в камышах... Мужик тут был, так он из-за нас едва в пруд не заскочил. Ты не удивляйся, когда увидишь его. И как он ловит рыбу.

В этот момент раздалось «треньк-треньк». Затрещала моя катушка. Леска быстро стала уходить в воду. Бегу к спиннингу. Подсекаю и чувствую тяжелые рывки сопротивляющейся рыбы. Сазан не хотел сдаваться. Выпрыгивая из воды, кувыркаясь, он затягивал леску в камыши. Быстренько подматывая леску, я отходил в сторону, стараясь гасить все его развороты. Славик уже стоял с подсакком в воде. Еще минута, и сазан с ходу в него попал. Золотисто-коричневый красавец, килограмма на три, перекочевал в садок.

Снова наживил. Забросил. Только установил удилище на рогулю, как затрещал второй спиннинг. По рывкам определил, что сазанчик маленький. Не обращая внимания на сопротивление, подвел к берегу и вытащил на траву. Раза в два меньше первого сазана. Следом затрещали катушки спиннингов у брата с Иваном. Рыбалка началась...

Вытаскивая из воды очередную добычу, я от неожиданности чуть не сел на землю, когда позади меня раздался густой бас:

— Нам оставили рыбы, мужики? А то делиться придется.

Резко развернулся и уперся носом чуть ли не в живот какому-то гиганту. Ростом метра два с лишним, голова взъерошена, босые ноги в дорожной грязи. В руках он держал две толстые палки. Не удочки, а палки. На них намотана толстая леска с тяжелым грузом и здоровенными крючками. На каждой палке привязано по куску пенопласта. Рядом стоял парнишка лет пятнадцати с сумкой в руке. Они поздоровались с нами и начали готовиться к рыбалке. Петр, так звали нового знакомого, стал сматывать с палок леску и укладывать ее кольцами около ног. Потом на крючки насадил штуки по 3-4 горошины. В ладонь, сплошь покрытую броней мозолей, аккуратно сложил конец лески с грузом и крючками, размахнулся и зашвырнул все это далеко на середину пруда. Леска, свернутая кольцами, быстро ушла в воду. Тем же способом он забросил вторую снасть. Палки бросил на берег, а сам уселся рядом с нами. Я его стал осторожно расспрашивать:

— Петр, а что ты не сделаешь себе нормальные донки? Все удобней рыбачить, чем так-то.

— Была охота деньги тратить на эти ваши игрушки. Не для меня они. Еще сломаю ненароком. Палка надежней. Меня батя так приучил рыбалить. Сейчас вот его учу.

— Не боишься крючок в руку засадить, когда забрасываешь?

— Хе! Насмешил. Поглянь на мои руки-ноги. Я обувку сбрасываю, только снег сойдет, и до зимы так хожу. А что рука? Я ей гвоздь забью, и ничего не будет. Батяка поздоровше меня был, я хилее. А сын вон совсем дохляк. Мельчает народ, мельчает.

— Петр, как вы здесь живете? Народ-то есть еще в деревне?

— Был народ, да весь разъехался. Кто в райцентр, кто в город подался. Женка тоже зовет. У нее брательник в городе живет. Обещал нам помочь... Хочется уехать, и жалко эти места оставлять. Кто тогда за стариками ухаживать будет да за прудом? Отец глядел, я сейчас гляжу. А если съедем, некому станет. Одни старики останутся, и пруд без меня чужаки выгребут.

— А что, чужаки-то навешиваются?

— Да, были... Года два назад. Пришлось мне их... Сынок! Готовься, раздевайся быстрее!

Увидел, как его палка медленно сползала в воду. Петр быстро схватил ее, размашисто подсек и бросил в воду. Палка, то ныряя, то опять появляясь на поверхности, начала быстро удаляться в камыши.

— Ты почему ее бросил? Не стал вытаскивать? — спросил у него.

— А что зазря силу тратить! Пушай он тратит — сазан. Сейчас натаскается с палкой, устанет. Его голыми руками возьмешь.

И правда. Не прошло и четверти часа, смотрим — его сын из камышей тащит сазана килограммов на пять-шесть. Петр опять забросил снасть и продолжил разговор:

— Вот так я ловлю. Мое дело — забросить и подсечь. А сын потом его из камышей принесет. Сазан так устает, что как ручной становится. В траву заходи и бери его спокойно.

— Что дальше с чужаками-то было?

— А-а! Они сетями здесь весь пруд опутали, а я им не дал. Драться полезли на меня. Хе! Я их за это слегой по холмам погонял, быстро успокоил. В машину еле успели запрыгнуть, а сети забыли. На прощанье им гостинец передал. Легонечко слегой стукнул по крыше. Заднее стекло вылетело, крыша помялась сильно. Даже не стукнул, опустил слегу сверху, и все.

— Больше они не приезжали?

— Нет. Видно, дорогу забыли. Аль боятся. Сетки их в сараюшке валяются. Из чужаков — вы первые с тех пор появились. Рыбачьте. Хе! Но не балуйте. Пруд жалко. Если выгребут, что в нем останется? Карасишки да лягухи квакать будут, и все. А так — я себе рыбы поймаю да старикам тоже наловлю. Пускай едят. Одни остались. Родни нет. Кроме меня, кто позаботится? Жинка запилила. Ехать и ехать. Не поеду! Здесь с ней останусь, а сына к ее брательнику отправлю. Пушай пока учится там. Потом, глядишь, женится, сюда вернется. Подмогой мне будет. Может, и друзей переманит к нам. Дома им поставим. Оживет тогда деревня.

Слушал я его и думал. Простой человек. А сколько в нем заботы и добра! Не о себе думает. О соседях-стариках, о деревне, чтобы она снова ожила. О пруде, за которым его отец приглядывал, а теперь и он. Простой деревенский человек. Простой хозяин на родной земле.

НАПРОСИЛСЯ

От Васькиных проделок, а ему всего было лет пятнадцать, не более, плакала и смеялась вся деревня. Безо всякого злого умысла он мог обмануть любого — и с таким серьезным видом, что жители легко попадались ему на крючок. Не думая о последствиях, сами подталкивали Ваську на эти проделки.

В зимнее время лучшим местом для всяких разговоров был деревенский клуб, где можно и кино поглядеть, и посплетничать. Не успел еще за собой Васька закрыть дверь в клубе, как к нему подскочил Иван — мужичок небольшого роста, но его вредности и ехидства на пятерых хватало. Увидев его, Васька шарахнулся в сторону, но не успел. Тот цепко ухватился за его рукав и начал над ним зубоскалить:

— Васька, плут! Сельчане жалуются на тебя, что ты любого объегорить можешь. А что же ты меня не трогаешь? Боисси?

— Отстань от меня, дядя Вань! Не боюсь я тебя, а они сами виноваты. Пусть меньше пристают.

— Я тоже пристаю, а ты боисси. Знаешь, что я совладаю с тобой. Ты трус, Васька! — захихикал Иван противным голосочком. — Я хоть и мал клоп, да воююч! Так загоняю на работе, что продыху тебе не будет.

— Ты и так уже загонял, — огрызнулся Васька, — тебя самого в кузницу загнать и дать в руки молот. Вот уж я бы над тобой посмеялся — клоп!

И, вырвавшись из цепких рук, он пошел к выходу, услышав, как позади него громко начали смеяться мужики.

— Ванька-клоп! От Васька-то отбрил тебя! Теперь ты его берегись. Отыграется Васька, крепко ты ему насолил.

— А что он сделает-то? — захохотился Иван. — Так вкалывать будет, что ноги таскать не сможет.

— Ты, Ваньша, его уже загнал в кузню. Дальше некуда. Идти далеко, да махать тяжело — пупок надорвешь, — не унимались мужики, смеясь над ним.

— Неча мне этого сосунка бояться. Покуда я власть на деревне — всех могу наказать. Во как! — храбрился Иван.

Той зимой снегу навалило как никогда много. Метели заметали дома под саую крышу. Ни дорог, ни тропинок — чистое поле. Утром в сильную метель Васька торопился в кузницу. Укрываясь от снега, не заметив, он столкнулся с Иваном. Схватил тот Ваську и, ухмыляясь, спрашивает:

— Ну что, Васька? Когда же ты надумаешь меня облапошить? Видать, что кишка тонка супротив меня переть. Я чать, как никак, а начальство!

Васька, вырываясь от него, говорит:

— Дядь Вань! Отпусти меня. Некогда мне с тобой лясы точить. Я к дяде Прохору за подмогой бегу.

— А чтой-то случилось? От меня обороняться будете вдвоем?

— Ты разве еще не слыхал? У бабки Фени из-за снега крыша провалилась на избенке. Печь рухнула. Замерзает бабка. Сейчас позову дядю Прохора, и пойдем к ней. Помочь нужно.

Вывался от него и побежал дальше.

— Ах ты.... Ядрена-матрена! Что делать-то? Я же всех лошадей за сеном отправил. Как мне теперь туда добираться? О-хо-хо, придется пешим тащиться!

Как ни не хотелось Ивану идти к ней, но надо. Все-таки родная тетка. Если не идти, тогда Васька впрямь опозорит перед односельчанами. А идти-то как далеко! Тетка в соседнем селе жила, а до него верст пять — если напрямки. По дороге вообще больше выйдет. И лошадей нет — всех угнал.

Почесал затылок, постоял и пустился по снегу напрямую, чтобы туда быстрее Васьки с Прохором добраться. Сам в тулупе, валенках, — тяжело. Тут еще метель в лицо да снегу чуть ли не по пояс. Тулуп запутается под ногами, упадет в снег, — ругается. Выкарабкается и дальше бредет, проклиная все на свете.

Обед уж давно прошел, пока он добрался до села. Взопрел весь — мокрый. Подходит к ее избе.... Что такое? Крыша на месте, из трубы вьется дымок. Ввалился в избу. Смотрит, а тетка за столом и, не торопясь, чаек пьет из блюдечка. Мельком взглянул на печку. Целехонькая стоит — ни трещинки.

— Ваньша, племянш! За тобой что ли черти гнались в таку непогодь, как жеребец взмыленный? Аль чтой-то случилось?

Тут-то и дошло до него, как Васька его объегорил, а признаться тетке стыдно, что мальчишка обманул.

— Да я... Я по делам здесь был. По дороге к тебе заглянул, давненько не проводывал.

— В таку непогодь, и пешим? Видать, у тебя сурьезные дела, если притащился без лошади.

Кое-как смог отболтаться Иван. Чай с ней попил, поговорил, а время-то идет! Нужно возвращаться. А назад-то еще столько же идти!

Собрался с духом и тронулся в путь, обещая тетке еще при случае зайти в гости. Опять поплелся напрямки. Хорошо хоть ветер в спину дул — подталкивал. Всю дорогу костерил Ваську. Что он его такого-сякого при всем народе кнутом отлупит за обман.

В потемках добравшись до деревни, Иван сразу направился в клуб. Зная, что Васька сейчас должен быть там. Влетел туда взбешенный, а сельчане, увидев его, расхохотались во все горло.

— Слышь, Иван! Наладил-то крышу бабке Фене, а? И даже успел печку починить? Ну, ты молодец! Вот уж уделал так уделал тебя малец!

С той поры Ивану проходу не давали в деревне — особенно когда шел снег. Каждый встречный со смехом ему предлагал:

— Ну что, Ваньша? Пойдем к бабке Фене крышу чинить, а? Все же она тебе тетка родная — нельзя отказывать старому человеку.

Ну, а Васька.... Васька продолжал работать молотобойцем. Дальше кузни его уже некуда было посылать.

ШУТНИКИ

— Палыч! У тебя есть свободное время? — спрашивает его свояк Толик, заходя в квартиру.

— Есть. А что ты хотел? Куда-нибудь съездить надо?

— Да. Моя Катерина ковер захотела купить. Желает, чтоб красиво было дома.

— Какой ковер? Они же вышли из моды!

— Я ей об этом говорил. Но она уперлась. Танком не сдвинешь, — и передразнил: — «Я ковер желаю! Повешу над кроватью. Глядится красиво, и спать теплее...»

От себя еще добавил:

— Где она в ковре нашла тепло? Не укрываться же им? Ты, Палыч, знаешь Катюхин характер. Что взбредет ей в голову, то вынь да положь. С ней спорить опасно. Под горячую руку попадешь — мало не покажется. Что не по ее, то сразу оплеуху заработаешь. Не я — она хозяйин в доме.

— Ладно, Толик. Выручу. Поехали. Машина у подъезда.

По дороге, заехав к Толику домой, прихватили его жену Катю и — быстро в магазин. Там она сразу направилась к коврам. Уплатила деньги, и Палыч с Толиком загрузили ковер в машину. Дома Катерина властным жестом указала на стену, где она хотела видеть злосчастный ковер. Толик ласковым голосочком ее просит:

— Катюшенька, солнце мое! Ковер-то обмыть треба. Иначе порвется, потрется. Одним словом — испортится.

— Ты, сморчок! Повесь его сначала, а потом заикайся про магазин. Ишь ты! Не успели привезти, а ему уже подай! Подам так, что не обрадуешься. Быстро за молоток — и на стену! Кому сказала?

Толик, схватив молоток, начал с Палычем вешать ковер. Все сделали, но ей не нравится. Закрывает розетку. Вилку воткнешь, а ковер оттопыривается. Некрасиво!

Палыч ее успокоил, что к приходу из магазина все будет сделано на «отлично». Дождавшись, когда за Катериной захлопнется дверь, Палыч предложил свояку:

— Слышь, Толян! Давай над твоей Екатериной «Великой» подшутим?

— Как? А плохо нам от твоей шутки не будет?

— Да ну — «плохо»! Шуток, что ли, она у тебя не понимает? Дай-ка мне консервную крышку. Зачем? Сейчас увидишь.

И Палыч начал мастерить. В крышке проделал два отверстия. Прицепил ее к коврику. В отверстия воткнул вилку. Взглянешь со стороны — розетка и розетка. Лишь вблизи можно было рассмотреть, что это крышка.

Сидят, ждут Катерину из магазина. Она в дверь, а Толик ей уже показывает:

— Катюша, глянь, как ловко придумали мы с Палычем. Дырку в ковре аккуратно прорезали, и вон, видишь, торчит наружу твоя розетка. Даже сунули в нее вилку. Мучиться тебе не....

Толик не успел договорить, как Катя, охнув и уронив сумку на молоток, упала в обморок. Толик с Палычем перепугались.

— Катенька, котенок ты мой ласковый! Что с тобой? Палыч, зараза, из-за тебя все это произошло! Неси нашатырку быстрее!

Тормошили, совали под нос нашатырку. Лежит, не шевелится. Толик к телефону:

— Алло, алло! «Скорая»? Приезжайте срочно. Жена потеряла сознание. Из-за чего? А я почему знаю. Зашла в квартиру, охнула и упала. Бледная вся лежит и не шевелится.

«Скорая» примчалась быстро. Засуетились вокруг нее. Уколы делают. Привели в сознание. От этой радости Толик ей говорит, что они над ней пошутили, и снял крышку с ковра. Врачи им:

— Да вы что, ребята! Так у человека может случиться инфаркт. Шутники!

Екатерина оказалась крепкой женщиной. Не только характером, но и силой. От услышанных слов она подскочила к Толику, от всей души влепив ему затрепину. Но ей этого показалось мало! Екатерина, размахнувшись, нанесла еще удар. Толик же — умудренный житейским опытом — ловко увернулся от ее тяжелой руки. И она со всего размаха попала по дверному косяку. Заохала-заохала и уселась на пол, прижимая к себе руку. Слишком быстро произошла эта битва на глазах врачей, которые даже не успели выйти из квартиры. Опять подскочили к ней. Осмотрели, ощупали руку и заявляют:

— Женщина! Собирайтесь. Поедете с нами. Зачем? Да у вас пальцы сломаны. Забрав ее, они уехали.

Толик, держась за распухший нос, поспешил к валяющейся на полу сумке. Поднял и услышал, как в ней зазвенели осколки от бутылки.

— Да-а-а, Палыч! Вот мы пошутили так пошутили. Обмыть ковер нечем, нос разбила, у самой сломаны пальцы. Хороша шутка! — И, задумавшись на минутку, узнает у Палыча: — Слушай, а ты завтра чем заниматься будешь? Ничем? Катюша хотела в магазине купить еще стенку. Приедешь помогать?

ОТЕЦ

После уроков Володя, уложив тетрадки и учебники в холщовую сумку, затопил дом.

Сегодня суббота и отец, может быть, расскажет продолжение очередной истории о войне, если у него будет настроение.

Выбежав из школы, Володя быстрым шагом направился в конец поселка, где стоял их барак.

Ребята, обгоняя его, закричали:

— Вовка! Пошли с нами в карьер. С гор кататься.

— Не могу я. Домой тороплюсь. Скоро папка придет. Нужно уроки до него сделать. Я с вами завтра покатаюсь.

И пошел по узкой тропинке вдоль дороги, на ходу растирая зябнувшие уши.

Отец по любому морозу ходил без рукавиц и шапки. Володя любил подражать отцу. Его неторопливой, тяжелой походке. Тому, как он по любому морозу ходил без рукавиц и шапки. Володя во всем хотел походить на отца, перенимая все его привычки. Ох, и попадало ему от матери, если замечала на улице в расстегнутом пальто и без шапки!

Сегодня он торопился. Суббота — это их с отцом день.

Вечером мать уложит младших братишек и сестренку спать, а они вдвоем останутся сидеть на низкой скамеечке у раскаленной печки.

В комнате темновато от сумерек, отблески огня будут освещать лица, играть на стенках небольшой кухоньки. Отец, задумчиво глядя в огонь, начнет рассказывать окончание истории, как он раненый выходил из окружения. Володя, пригласив к его крепкому, надежному плечу, внимательно станет слушать, ловя каждое слово и представляя себя на месте отца. Это у них было заведено давно. С тех пор, как отец вернулся с войны. Правда, первое время Володя не мог упрямить отца что-нибудь рассказать. Отец не любил вспоминать о войне. Хмурил густые брови, отмахивался и отправлял Володю учить уроки, а Володя не понимал, почему отец молчит. У других как выпьют, так начинают сразу хвалиться, стучать кулаком в грудь, рассказывать о разных своих героических подвигах. Отец же молча уйдет в комнату, присядет у открытой печки и курит одну за другой свои самокрутки да папиросы. Или ляжет на кровать, отвернется к стене и тоже молчит, вздыхает... Мать в такие минуты никого из ребят к нему не подпускала, говоря, что отцу сейчас трудно.

Задумавшись, Володя не заметил, как дошел до барака. С трудом распахнув промерзшую дверь, он оказался в длинном коридоре. Редкие тусклые лампочки освещали с обеих сторон закрытые двери и висящие на вбитых гвоздях корыта, детские ванночки и старые вещи. За одними тишина. Из другой комнаты доносилась музыка патефона. Из третьей слышалась брань подвыпившего соседа. Володя шагнул в конец барака, где была их квартира. Повсюду были запахи. Кто-то варил щи из квашеной капусты. Кто готовил пирожки с калиной. Ее запах забивал все остальные. А у кого-то пахло жареной картошкой на настоящем сале. У него заурчало в животе. Хотелось есть. Распахнув дверь, Володя почувствовал едва уловимый запах чего-то вкусного, — так может пахнуть только копченая селедка, которую отец очень любил.

У порога Володя сбросил с ног старенькие подшитые отцом валенки. Забросил шапчонку на полку. Мать качала на руках маленького пищущего Славика. Приложив палец к губам, она, кивая, показала на стол у окна. На нем под холстинкой дожидался обед. Володя, растирая красные от мороза руки, поспешил к столу. Откинув полотенце, он увидел черный хлеб, картошку в мундире, несколько луковиц и блюдечко с янтарным подсолнечным маслом.

— Мам, а куда же ты селедку-то положила?

— Тише, Володенька, тише. Славик приболел. Пока картошечку так поешь, помакай в маслице. А отец придет, достанем и селедочку. Вот уж он обрадуется! Нам сегодня из города гостинец, селедку копченую, привезли. Ты поешь и сядишь за уроки. Батя с работы придет, устроим маленький праздник. Ладно, сынок?

— Ладно. Чего уж там. Конечно, папку подождем. Как без него ужинать-то? Нельзя.

Он почистил пару картошек, отхватил ножом краюху хлеба. Круто ее посолил и начал есть, стараясь жевать долго, чтобы было вкуснее. Закончив, ладошкой сгреб со стола крошки и кинул в рот. Отец всегда делал так. И обратно накрыл холстиной кастрюлю и хлеб. Все, обед закончен.

На край стола он выложил книги и тетрадки. Достал ручку, чернильницу-непроливайку. Пора приниматься за уроки. Несколько раз прочитал про себя басню. Повторил тихо шепотом, рассказал матери с выражением. Мама кивала, улыбаясь. Старательно выводя буквы, выполнил упражнения по письму и взялся за примеры. Пришлось труднее. Над задачками Володя сидел долго. По несколько раз пересчитывая каждый пример, пытаюсь сообразить... Но все-таки и с ними справился. Не зря отец научил, как нужно пользоваться таблицей умножения на пальцах. Этот способ его не раз выручал. Выучив уроки, Володя сложил книжки и тетрадки в сумку, повесил на вешалку, чтобы сумку не достала малышня.

На улице похолодало.

Стекла внизу покрылись морозными узорами. Словно вырос еловый сказочный лес с белыми узорчатыми, кружевными елочными ветвями, нарисованными на стекле. Он дотронулся до них губами. Ух, как холодом обожгло! Он подышал на стекло, образовалось круглое окошко наружу. Через него было видно, как по протоптанной в снегу дорожке торопятся редкие прохожие, закрывая варежками нос и щеки. Ветви деревьев и кустов, растущих рядом с баракom, покрылись пушистым инеем. Летняя печка, стоящая в палисаднике, обзавелась толстым снежным одеялом. Везде снег.

В сараюшку нужно сбегать. Угля на вечер принести. Отец любит, если в комнате тепло, печка раскалена. Ему нравилось, когда все улягутся спать, присесть у растопленной печки и глядеть на живой огонь. Володя заметил, что в такие минуты у отца на лице исчезали морщинки, уходила из глаз задумчивая печаль. Он сидел, подолгу глядя, как на кусках угля играют язычки пламени, перебегая с места на место. Володя присядет рядом, прижмется к теплому боку отца и сидит, не шевелясь, словно боясь спугнуть отцовские воспоминания. Бывало, что, сидя с ним вдвоем, они говорили о домашних делах, о новых покупках, школе. Володя в такие минуты чувствовал себя взрослым человеком, раз с ним советуется отец. Он с гордостью посматривал в угол, где стояла кровать малышни. Вот, мол, как мы о вас с отцом заботимся!

Задумавшись, не заметил, как подошла мать:

— Сынок, сбегай в магазин за хлебом и папиросами для отца. Там, наверное, уже наша очередь подошла. Встанешь за дядей Колей. Он для себя и для нас очередь занимал. Славик заболел, и я не смогу сходить. А Юра с улицы прибежит, я его за уроки посажу, а потом проверю, как он выучил. Хорошо?

— Ладно, мам. Я быстро слетаю. Потом приду, нужно воды и угля натаскать. На улице морозит, ночью совсем холодно будет. Нужно печку сильно протопить, а то за ночь все тепло уйдет наружу.

— Ах ты, маленький мой хозяин! Ну, весь в отца. И лицом, и характером. Молодец, сынок.

Володя, гордый, что его называли хозяином, быстро одевался. Пальтишко нагрелось, стало теплым. Надвинул валенки. Нужно было их поставить поближе к печке. Взял шапку, авоську. Открыв дверь на улицу, охнул от мороза. Холодный воздух перехватывал дыхание. Не глядя по сторонам, он торопливо побежал по скрипучему снегу, закрывая ладошками уши.

У магазина услышал глухое роптание толпы. По обрывкам разговоров понял, что хлеба на всех не хватит. Изворачиваясь, он змейкой скользнул внутрь. При-

метив соседа, протиснулся к нему, радуясь, что успел. Еще два-три человека — и все, остался бы без хлеба. Продавщица тетя Аня, увидев Володю, хриплым голосом крикнула:

— Малец! А что мамка сама не пришла? В такой мороз тебя прислала?

— Она со Славкой дома осталась. Заболел, сильно температурит. Сказала, чтобы я за хлебом сходил. Вот я и пришел.

— Ну и зря. Тебя затискают. Хлеба привезли мало, а народу много.

И крикнула, что хлеб кончается. Поднялся крик. Люди, простоявшие снаружи полдня на морозе, ломанулись в магазин, тесня друг друга. И с такой силой прижали Володю к прилавку, что он закричал. Ребра заболели. Дышать стало трудно. Он дергался во все стороны, стараясь освободиться, вдохнуть, но становилось только хуже. Толпа сильнее и сильнее прижимала его к краю прилавка. Теряя сознание, Володя, словно сквозь вату, слышал крик тети Ани. Чья-то рука дернула его вверх на прилавок. Над ним, махая гирей, стоит продавщица и кричит в толпу:

— Разойдись! Мать вашу! Расступись, собаки! Мальца чуть не задавили. Кто сейчас дернется, сразу гирей прикончу! Бугаи чертовы. Пацана не пожалели.

Наклонившись к Володе, она спросила:

— Ну что? Очухался? Давай твою авоську, я ваш паек складу.

— Теть Ань, а как я отсюда теперь выберусь?

— По головам полезешь. Ничего, ничего! Выдержат. Смогли придавить, теперь пусть терпят. Ничего с их дубовыми головами не случится. Держи-ка свою авоську покрепче. Бабы, разойдитесь, у Малаховых четверо, мал мала меньше.

Да как толкнет Володю сверху на толпу! Люди его, словно мешок, передавая с рук на руки через головы, вынесли на улицу. Володя оказался в сугробе, крепко прижимая к себе авоську с хлебом. Стараясь не стонать от боли, медленно пошгал домой.

В этот момент он представлял себя на месте отца. Тогда отец целый день, раненный в плечо, один выходил из окружения. Падал. Поднимался. Из последних сил шел к своим. Вот уж ему было больно! Намного больнее, чем мне сейчас. Он шел и думал об отце, не замечая, что ручонки, торчащие из коротковатых рукавов, замерзают. Дрожь пробежала по телу. То ли оттого, что случилось в магазине, то ли от холода, который, кажется, становился все сильнее и злее.

Не говоря матери, что случилось, стараясь не показывать боль, он пошел за водой к колонке, вокруг которой образовалась большая наледь. Оскальзываясь и падая, Володя с трудом ухватился за рычаг. Отдышался. Налил в ведро воды и, осторожно присев на корточки, съехал с пригорка.

Затем пошел в сарайшку за углем. Здесь было отцовское и Володино царство. В нем они пилили, строгаили, мастерили для дома и соседей всякую мелочевку. Вешалки для одежды, скамеечки, а то и табуретки, если кто попросит. Даже для малышни кровать соорудили. Загляденье. Крепкая, из горбылей. Володя работал с отцом на равных! Отец его приучал к работе. Объяснял, показывал, работая вместе с ним. Стружки пахнут замечательно, вкусно. Володя с усердием старался все перенять, запомнить.

Поглядел на заготовки лыж, зажатые в струбцинах. Погладил их рукой. Еще недельку так полежат, а потом начнем их дальше делать. Отец всегда говорит, что ни к чему деньги тратить, если что можно сделать своими руками. Хорошо здесь. Деревом пахнет, смолой. Едва уловимый запах скипидара в воздухе. Уходить не хочется. Еще раз по-хозяйски огляделся и, набрав в закуске в ведро брикеты угля, пошел домой. Скоро должен прийти отец.

— Мам, мам! Давай папке сюрприз устроим? Он домой придет, сядет ужинать, ты ему огурцы и картошку поставь — и все. А потом селедку положим, когда он уже кушать начнет. Ох, как он ей обрадуется!

— Тогда беги в сарай. Набери из бочки огурчиков и капусты. Соседка немного масла постного дала, капусточку заправим. Устроим нашему отцу праздник. А ты сиди, уроки повторяй. Пробежал по морозу. Еще не хватало, чтобы заболел, как Слава.

Вовка отправился в сарай. С трудом открыл примерзшую крышку люка и спустился по лесенке в холодную темноту. На ощупь набрал в кастрюльку капусты, огурцов. Вылез наружу. Взял огурчик для себя, не утерпел. Ух, как он был хорош! Холодный, хрустящий, вкусный, аж зубы ломит. Крепкий. С привкусом укропа, смородиновых листьев, кореньев. Огурцы хранились в бочке, сделанной отцом. Соседки завидовали матери, говоря, что им бы такого мужа. Нет уж! Он один у нас такой.

— Мам, можно я возьму папину книжку поглядеть?

— Володенька, осторожней с ней будь. Не порви. Ты же знаешь, как отец ее бережет.

Володя об этом знал. Эту книгу, как делать всякую пищу, отец привез с войны. И очень берег ее. Книжка была большая, толстая. Старая книга, некоторые слова с твердым знаком на конце. Но главное — картинки. Сколько всякой красивой еды там было нарисовано! Володя сел за стол около окна. Раскрыл и осторожно начал перелистывать, подолгу останавливаясь на страницах с рисунками. Хмуря брови, как отец, он шевелил губами, стараясь правильно прочесть и понять незнакомые слова. Он решил, что скоро научится готовить красиво и много, когда будут в магазине разные продукты. Вот отец обрадуется! И братишки, и мама, и все-все.

Иногда, под настроение, отец детей баловал. Съездит в город, привезет с рынка кусочек мяса и начинает колдовать у плиты. В такие моменты он не подпускал к себе никого, даже мать. Сам моет, режет, отбивает, жарит, парит. Из выдвижного ящичка в стареньком буфете достанет какие-то порошки, травки, корешки. Мурлыкая под нос, перемешивает, пробует, чмокая губами. По комнате разносятся ароматы — язык проглотишь. Наконец приглашает за стол. Расставит тарелки, ложки разложит. Медленно несет большое закрытое крышкой блюдо, торжественно ставит на середину стола. Открывает. Ребятишки, притихнув, ждут. Отец не торопясь разложит еду по тарелкам. А сам сядет у печки, жмурясь и улыбаясь, наблюдает, как ребятишки жуют, счастливо поглядывая на него.

В такой день отец редко садился за стол. Все делалось для ребятишек и мамы. Для отца было большой радостью видеть, как они все съедали, а потом старательно возили корками хлеба по тарелкам, собирая вкусную подливку. Отец немного печалился, потому что, поев, дети не вылезали из-за стола, а долго и молча, изредка облизываясь, смотрели на него. Отец кивал, вздыхал и разводил руками. Хорошая еда почему-то очень быстро кончается. Потом сгребет всех в охапку, повалит на кровать и начинает рассказывать свои нескончаемые сказки да истории. Редко ему удавалось устраивать такие праздники. Работал он много, а с продуктами в семье было туговато. И все же хоть чем-нибудь, но отец всегда старался их побаловать. Принесет пять яиц. И напечет их в печке, в золе. Коричневые, вкусные...

Володя мельком взглянул на окно.

Темнеет.

Нужно печку посильнее растопить. Нагреть воды, чтобы отец помылся после работы.

В печку, вниз, подложил щепок и бересты, а сверху небольшие кусочки угля. Огонек весело побегал по щепкам, береста скручивалась. Совком с длинной ручкой набросал на нее уголь, огонь с каждой секундой набирал силу. Вскоре в печке загудело, распространяя вокруг жар и горьковатый запах угля. Володька подбросил брикетов, поставил на плиту ведро с водой.

Мать собирала на стол. Вареная в мундирах картошка, три пупыристых огурца, на боку одного прилипла веточка укропа. Капуста с маслом и две очищенных луковицы. Черный хлеб крупными ломтями. В солонке — соль, крупная, серая, хорошая. Отдельно на газете — копченая, словно позолоченная, селедка. Две длинных темных мошки пластами лежали отдельно — это только для отца. Отец любит селедку. Сколько мать его ни просит похлебать хоть немного супа, так нет. Дай картошку! И все тут.

В коридоре слышались шаги, шум, топот. С грохотом на своей тележке с подшипниками проехал дядя Семен, инвалид. Соседи по бараку возвращаются с работы, а дядя Семен из пивнушки. Хлопали двери. Гомон, ребятишки бегали по коридору. Барак оживал. Со звоном упал с гвоздя таз. Это безногий дядя Семен сшиб его. Такая у него привычка.

Володя прислушивался к шагам. Отца он сразу узнавал по его походке. Вот раздалась неторопливые тяжелые шаги. Так мог ходить только его отец. Подождал, когда шаги приблизились, распахнул дверь. Вошел отец, держа на руках закутанных по самые глаза малышей Галинку и Шурку.

— Пополнение принимаете? — раздался веселый голос отца.

— Так точно! Принимаем!

Володя вытянулся в струнку, стараясь говорить солидно, басом.

— Докладывай, заместитель. Что произошло в мое отсутствие? — продолжал шутить отец. — Все ли в порядке? Не было ли каких происшествий? Вольно!

— Все на месте. Потерь нет. Уголь и воду натаскал. Уроки с Юркой выучили. Паек получил. Только Славик у нас заболел. Температурит. А так больше никаких происшествий не произошло.

— Мать! Слышишь? А почему, Володь, не расскажешь, как тебя в магазине чуть не задавили? Выдержал атаку?

— Мелочи, товарищ командир. Все заживет как на собаке. Все трудности преодолены.

— Геро-о-ой, — улыбаясь, сказал отец. — Представим к награде. — Он вынул из кармана конфету в красном фантике. — Вот тебе.

— Володенька, сынок, а что там произошло? Почему мне не сказал? А я тебя еще после этого в погреб да за водой... Где болит?

— Нормально все, мам. Чуть-чуть прижали, делов-то. Я прорвался!

— Мать, мне сейчас продавщица рассказала вот что. Если бы не она, то нашего Володьку бабы там могли задавить, как котенка. Анка схватила гирию, бросилась на них, защитила пацана. Выручила. Отчаянная баба. Не побоялась. Не зря на фронте в разведке была. Молодец она! А ты, Вовка, в другой раз будь осторожней. Понятно? Не лезь на рожон, соблюдай тактику и стратегию.

— Есть соблюдать тактику и стратегию! Пап, давай я ребят раздену, а ты пока помойся. Вон вода на плите, ведро. Сейчас я тебе полью.

Скрестив руки на груди, мама с улыбкой глядела на них. Володя развязал путаные узлы, разматал шали, стянул с ребят пальтишки и отправил их в дальний угол на лавку, чтобы не мешались.

Отец, раздевшись по пояс, стоял, наклонившись над тазом. Володя подождал, пока он отмоеет от мазута руки, сменил воду и принялся осторожно тереть мочал-

кой его спину, покрытую кривыми шрамами. Темно-бурые рубцы шли от самой шеи, изгибались и заканчивались на середине спины. Володя не представлял себе, как с такими ранами, без воды и еды папка весь день по жаре брел по бездорожью. Лишь бы добраться к нашим, а вокруг стрельба, взрывы. Танки подбитые горят. Дым валит из них черный. Шальные пули свистели вокруг. А он шел, не обращая внимания, что творится вокруг. Вот он у нас какой, отец! Володя смыл пену теплой водой, подал отцу полотенце. Тот растерся, накинул на плечи рубашку, медленно прошел в комнату. Сел во главе стола:

— Ну, главнокомандующий? Чем войско кормить будешь? Чувствую, пахнет вкусно.

Мать откинула холстинку со стола, но при этом оставила копченую селедку прикрытой.

— Э, Аннушка! А что ты там от меня такое прячешь? Давай-ка, выкладывай на стол. Показывай, не скрывай.

Увидев селедку, отец зажмурился от предвкушения.

— Вот уважила, так уважила. Где же ты ее достала? Из города привезли? Кто? Ух, ты хозяйшка моя, — сказал он и приобнял мать. — Молодец, порадовала! Да еще с молоками... Ты у нас просто героиня — добытчица.

— Ты ешь, Ваня, а ребят я после накормлю, что останется. Пусть пока поиграют. Наиграются вдоволь, набегаются. Проголодаются, и я их покормлю. Сейчас ты ребят не заставишь сесть за стол.

— Не заставишь, говоришь? Гляди, Аннушка, как их нужно заманивать кушать. Даже звать не придется. Сами мигом прибегут. Ставь табуретки к столу.

Он начал приготовления.

Аккуратно очистил картошку. Ладонями раздавил головку лука, и в комнате сразу образовался резкий, вкусный запах. Селедку порезал крупными кусками. Взяв один, начал есть, аппетитно причмокивая и обсасывая каждую косточку, рассматривая ее. При этом хрустел огурцом, луком. Откусывал от ломтя хлеба куски. Заедая все капустой, отец охал от удовольствия.

— А молоки — это для наших деток!

Малыши не выдержали. Увидев, с каким аппетитом ест отец, они быстро забрались на табуретки, стоящие у стола, и стали уминать все подряд, что под руку попадалось. Молоки исчезли моментально. Володя терпел, терпел и тоже не выдержал. В животе урчало от запахов, и он вместе с ребятами принялся за еду.

— Ну что, Аннушка? Видишь теперь, как надо их заманивать? А ты говоришь, что не хотят. Им на стол сейчас положи булку хлеба с солью, так они и ее вмиг сметут. Глазом не успеешь моргнуть. Здесь главное не что ешь, а как ешь. Понятно?

Наконец, отвалились от стола, оставив после себя пустые тарелки и горки мусора. Ребятишки побежали играть в свой угол.

Володя сказал матери, что все уберет сам. Мать пошла нянчиться со Славиком, а отец сел на скамеечку около печки, закурив папиросу.

Шумы жизни в бараке стали затихать.

Соседи загоняли расшалившихся ребят по комнатам.

Пора было готовиться ко сну. Мать занималась с ребятами, укладывая их в кровать.

Сегодня отец обещал рассказать продолжение истории про войну. Пока он ушел к малышне с очередной сказкой, Володя выключил свет, сел на отцовское место у печки. В ту же позу, в какой обычно сидел отец: облокотясь на одно колено и задумчиво глядя на огонь. Он с нетерпением ждал, когда отец доскажет сказ-

ку малышам. Потом поднялся, сел на лавку у окна и стал смотреть в окно; там была темнота. Два фонаря освещали тусклым светом пустынную улицу. Отец прошел на свое место у печки. Володька повернулся к нему. Ожидая, позовет его отец или нет. Отец молча, не глядя на Володю, прикурил папиросу, и по кухне поплыл резкий запах табака. Курил и, как обычно, глядел на огонь, задумавшись о чем-то своем. Бросил недокуренную папиросу в печку, повернулся к Володе. Тот не шевелясь сидел на лавке. Отец внимательно поглядел на него и жестом руки позвал к себе. Володя понял этот жест. Сердечко его затрепетало, и он медленно пошел к отцу.

- Садись, — сказал папа. — Ну, так вот... Когда мы...
- Наши доблестные шахтеры... — говорила черная тарелка.
- Аннушка, мать! — сказал отец. — Выключи радио...

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Заехав к матери, чтобы достать из кладовой с антресолей какие-то банки, я наткнулся в дальнем углу на тяжелую коробку, завернутую в холстину. Взяв банки, я прихватил и этот сверток — посмотреть, что в нем находится. Отдал его матери и спросил у нее:

— Слушай, мам, что за клад ты спрятала в кладовке? Я что-то не видел раньше.
— А, этот? Это от бабы Дуси осталось. Я уж старая и забыла о нем. Много лет он лежит у нас. Я его с глаз подальше убрала, чтобы вы ненароком не сунулись в него, — ответила мне мать.

— Какая баба Дуся?

— Ты должен ее помнить. Маленькая такая старушка, на первом этаже в угловой квартире жила. Помнишь?

— Что-то не очень...

— Сын у них был старше тебя — Женька. Их отец умер, когда ты еще пацаненком был. А баба Дуся после работы ходила по подъездам, мыла полы. Подрабатывала, чтобы сыну отправить все деньги. Он в институте где-то учился.

— Подожди-подожди... — задумавшись, перебил я ее, — это она таскала постоянно ведра с водой по подъездам? У нее еще привычка была угощать малышей со двора конфетами, да?

— Да. Ребятишки ее любили. Как увидят, что она вышла из подъезда, так сразу к ней бежали. Знали, что у бабы Дуси всегда есть карамельки в кармане. Тихая была, спокойная, — напоминала мне о ней мать.

— А сын, Женька, здоровый такой был парень. Он же куда-то уехал учиться, да? — спросил я про него.

— Уехал... Как уехал в институт, так больше ни разу не появился. А она горбатилась, чтобы его там содержать. После ее смерти я сколько раз писала ему о том, что мать оставила для него этот сверток на память, а он так ни разу не отозвался, — с горечью в голосе проговорила она. — Ты же тогда с Пашкой помогал нашим мужикам со двора гроб на машину поднимать. Вспомни...

Я после этих слов вспомнил и бабу Дусю, и ее похороны...

Тихая и незаметная старушка с лицом, иссеченным морщинами. Постоянно в одной и той же юбчонке, латаной кофточке и линялой косынке, а зимой в старой, побитой мошью шали.

Она неустанно, с утра и до вечера, мыла подъезды наших домов. Мороз или снег, дождь или жара, а баба Дуся тащила в очередной подъезд тяжелые ведра с

водой. Убирала мусор и отмывала бетонные полы от грязи. И сколько я вспоминал бабу Дусю, она оставалась в моей памяти маленькой, сухонькой старушкой, словно время не касалось ее.

Умерла она в конце марта. Умерла так же тихо и незаметно, как и жила.

Мать, возвращаясь из магазина, зашла к ней, чтобы оставить молоко и хлеб, и увидела, что она лежит на диване, будто решила отдохнуть немного от этих тяжелых ведер. Мать тихо прошла на кухню. Оставила на столе покупки и хотела выйти, чтобы не потревожить бабу Дусю. И вдруг что-то почувствовала — подошла к дивану. Свернувшись калачиком, баба Дуся не дышала, а рядом с ней лежали старый, потертый альбом с фотографиями, тетрадный лист, и в пальцах была зажата ручка.

Ее хоронили всем двором. Хоронили на собранные соседями деньги. До последней минуты ждали ее сына. Хоть он и прислал телеграмму, что приехать не может и просит соседей, чтобы похороны прошли без его участия.

Бабу Дусю хоронили в промозглый, холодный мартовский день. Сильный ветер гнал по небу низкие серые тучи, из которых сыпал то сырой снег, то мелкий, похожий на водяную пыль, дождь. Под ногами чавкало серое, грязное месиво из снега и воды. Дома стояли сырые и мрачные. По окнам которых, словно слезы, стекал тонкими струйками снег вперемежку с дождем. Казалось, что проливала слезы даже природа, прощаясь с ней...

Женщины в черных платках, мужики с хмурыми лицами заходили в квартиру проститься с бабой Дусей и, выходя, вытирали украдкой покрасневшие глаза. За много лет я первый раз увидел ее в новой, чистой одежде, купленной соседками.

Читали молитвы старушки в темных одеждах. Пахло ладаном, какими-то травами и еще чем-то неуловимым и непонятным тогда для меня. Запахом тлена...

Меня поразило ее лицо. Морщинистое, уставшее от постоянной работы, оно было чистым. Куда-то пропали, разгладились все морщины. Ушло с лица выражение постоянной заботы, и казалось, что она отошла от всех этих мирских дел, хлопот и находится где-то там — далеко от всех нас...

На подъехавшую с открытым кузовом машину осторожно поставили небольшой гроб с легоньким телом бабы Дуси. Дождь, попадая на ее желтовато-восковое личико, стекал по краю глаз тонкими полосками. Словно баба Дуся плакала, прощаясь со всеми, уходя в свой последний путь.

Машина медленно поехала по двору, и все соседи тихим шагом пошли за ней, неся в руках венки из искусственных цветов. И лишь на грязном снегу остались лежать живые ярко-красные гвоздики...

— Мам, а можно посмотреть, что в свертке? — попросил я разрешения.

— Смотри...

Я осторожно развернул холстину. Потертый альбом с пожелтевшими фотографиями и еще один сверточек. Открыл его — и застыл... Передо мной лежали потускневшие от времени два ордена Славы, орден Красной Звезды, несколько разных медалей, среди которых — «За Отвагу» и «За взятие Берлина». А рядом с ними — старенький открытый конверт и неровно оторванный тетрадный листочек, на котором было написано корявым почерком: «Женечка, сыночек! Я тебя очень прошу, выбери время, приезжай в родной дом. Чувствую, что мне мало осталось жить. Оставить тебе на память мне нечего, кроме альбома, где мы с отцом и ты маленький, да наших наград. Больше у меня ничего нет, кроме этого. Приезжай. Так хочется тебя увидеть в последние дни...»

Письмо оборвалось, оставшись недописанным...

Загорье

Стихи

* * *

За ригами, сараями — раздолье,
поемные, цветистые луга,
прими меня, великое Загорье,
волшебных снов заветная страна.

Волшебная — здесь все неповторимо.
Заветная — здесь детство отцвело,
и столько откровений надарило,
и сколько бед от сердца отвело.

Грущу ли я, что время растеряло
далеких дней неяркую красу,
веселый, хмурый, нежный и усталый,
тревогу, радость — я тебе несу.

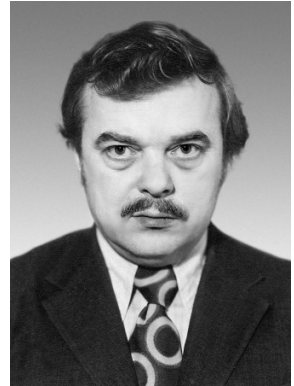
И пусть не все донес я по дороге,
пусть многое я в жизни не смогу.
Всегда ты утолишь мои тревоги,
и вечно пред тобою я в долгу.

* * *

Снова плен — но свободней свободы.
Снова шорох и запах лесной.
Ухожу под зеленые своды
по тропинкам, покрытым листвою.

Уведите меня, закружите,
чтоб обратно пути не искал,
в беломшанных сенях уложите,
чтобы сладко и долго я спал.

Пусть мне сны золотые приснятся
о далеком и самом родном,

матюшин

Я бы мог вечно тут оставаться —
здесь мой храм, и мой свет, и мой дом.

* * *

С каждым вечером ярче закаты,
с каждым утром свободнее день.
И все ласковей елей косматых
предвечерняя стелется тень.

А тропинки, тропинки лесные,
и за что я вас так полюбил?
Видно, помните сказки такие,
про которые я позабыл.

Или знаете слово такое,
и умеете так ворожить,
что бросаю я счастье любое,
чтобы с тайною вашей побыть.

* * *

Затерялось в березовом солнце,
то мелькает, то плавно плывет...
И разносится в рощице звонкой,
рассыпается имя твое.

Не откликнешься — только веселый,
переливчатый, светлый твой смех.
Я бегу за тобой, как за словом,
что уходит под утро в рассвет.

Ну постой же, ну дай насмотреться,
дай коснуться, чтоб тихо понять:
ты — мое отмелькавшее детство,
никогда мне тебя не догнать.

* * *

Как в избе заметно потемнело.
Гаснет свет закатного огня.
И луны полупрозрачной тело
видно из раскрытого окна.

Кошка дремлет. Ходики, поленья...
Светит печки побеленный бок.

И все кажется — мое стихотворенье
только что шагнуло за порог.

* * *

А в Загорье такие зори!
Лучше нету на свете зорь.
Мне Загорье как Лукоморье,
и как дом мне его простор.

Мне бы знать, что на свете этом,
где б я ни был, ни шел бы с кем,
ждут поляны меня расцветом,
ждет Загорья родная звень.

* * *

Стою на мосту через светлую речку.
Родное...
Как дышит кругом тишина.
Вот, светом последним, закатным отмечена,
стволом медно-красным блистает сосна.
Вот струи бегут.
Я застыл... И все пристальней,
упорней на воду немую гляжу —
надеждою тешусь:
откроется истина —
и я о природе тебе расскажу.

* * *

Дай я тебя поцелую в веснушки,
если уж в губы нельзя.
Ночь-тишина за окошками слушает,
как засыпает земля.

Тихо и нежно. Слышно-неслышно
шепот берез за окном.
Месяц-разбойник
охотиться вышел
в красном кафтане своем.

Мне бы сейчас вместе с ним затеряться
в листьях и ветках ночных.
Бликом в полночной воде расплескаться,
в теплых ладонях твоих.

* * *

И был долгий вечер туманом одет,
огнями роса на траве.
И твой осторожный, пугливый твой след
терялся в прибрежном песке.

И серые тени тревожно легли
в кустах и речном камыше.
И черного неба немые огни
дрожали в немой вышине.

И лучшее слово меж нами легло —
и не было больше времен...
...Я видел, как нежного утра крыло
твой охраняло сон.

* * *

Может, будет, как было давно:
вечер, дождик... мерцает окно;
лес в туманы, как в саван, одет.
И в траве чуть виднеется след.
В небе клик журавлиный повис,
в паутине колеблется лист.
Стелет тени по плесу ветла.
В лунном свете тропинка светла.
И лицо сквозь ночные цветы,
на крыльце в блеклом платице — ты...

* * *

Вдоль по речке — звезды, волны,
от весла растаял след.
И так тихо, долго-долго
поднимается рассвет.

От костра дымок струится
затишающей струей.
Что-то мне теперь приснится —
смех ли, взгляд ли, шепот твой?

Ты была со мной пуглива,
да была ли ты со мной?
И всего-то подарила
поцелуй в тиши ночной.

И — ушла, сбежала в лето,
всплеск волны и взмах весла...

Завела кукушка где-то,
мне — про годы завела.

* * *

Я стал грустней. Совсем не так, как прежде,
люблю теперь ненастною порой
с волнением тихим, радостным, нездешним
зарыться в старых письмах с головой.

Листы безлики для чужого взгляда, —
пыль да бумага, стертые слова.
А для меня они всю ночь отрада,
задумчивая повесть про тебя.

Я их читаю, как читают сказки,
я их держу, как держат пух в руках.
Я их храню, как сберегают бабки
ненужную одежду в сундуках.

Я их читаю, как читает грешник
священного писания листы.
Мне письма эти — как зимой подснежник.
Мне письма эти написала ты.

* * *

Свистит гудок. Последний тает взгляд.
Здесь расстанутся, может быть, навек.
Лишь рельсы равнодушно заблестят,
И на плече заплачет человек.

И по пустым, бездонным вечерам,
когда за горло схватит пустота,
он, может, постучится тихо к вам
и постоит безмолвно у крыльца.

Не прогоняйте. Он уйдет сейчас.
Но взгляд его запомните навек.
Уйдут, быть может, завтра и от вас.
Пусть на плече поплачет человек.

* * *

Бывает так: мелькнет в окне вагонном
безвестный свет окраин городских,

и снова с непреложностью закона
уловишь отзвук горестей людских.

Судьба других твою судьбу измерит,
и несвершённое укором душу жжет.
О, сжался, жизнь! Уменьши счет потерям,
пусть в сердце свет надежды снизойдет.

* * *

Когда-нибудь, во времена иные
за каждый день, изжитый мной в тиши,
я все верну словами золотыми,
которым все даровано свершить.

Когда-нибудь из своего молчанья
составлю я понятный всем рассказ.
Мгновенье длится радость узнаванья —
но сколько жизни оно будит в нас!

* * *

В горячий день пойдя тропой теплой
среди кустов предгорий к тишине,
где замерли недвижных стариц стекла,
где густоцветье в будущей стерне.

Там лег ковыль под ветра дуновеньем,
и в полдень спят ленивые стада,
и каждый штрих и запах — откровенье,
что память принимает навсегда.

До бледных звезд над меркнувшей рекою
броди и слушай, сердце отворя
перед природой. Лаской, добротою
тебя осветит родина-земля.

И будет день — придет, пригнет усталость
тебя к столу, как дождь траву к земле.
Припомни миг, когда тебе смеялось
шальное солнце в гулкой синеве.

Когда ты, чистый от наносов будней,
с землею в ритм свободною дышал.
И сил, и воли во сто крат прибудет,
и ты допишешь, что не дописал.

Я помню тебя, Сейфуль-Мулюков

Рассказы

ИДИ НА «АСТРУ»

Вообще-то ее звали Леной. Нийя – это...

Нийя – это лысая девушка из кинофильма в двух сериях «Через тернии к звездам» по сценарию Кира Булычева. Нийю создали на отдаленной умирающей планете из человеческой биомассы. Биомасса варилась в котлах, пузырилась, вздымалась буграми и пыталась вырваться наружу, вскидываясь над котлами частями человеческих тел. Вот из такого варева возникла Нийя.

Планета умирала, безумный ученый штамповал лысых девушек – средоточение мудрости и естества, а мерзкий карлик по имени Туранчокс – повелитель планеты – монотонно бубнил в громкоговоритель:

– Иди на «Астру»! Нийя, иди на «Астру»!

И загипнотизированная Нийя шла на «Астру».

«Астра» – корабль добрых землян, которые прилетели спасти умирающую планету. Злой карлик посылал туда Нийю, чтобы уничтожить наших собратьев.

Но добро побеждало.

После просмотра фильма классный руководитель Зоя Михайловна устроила с нами его обсуждение. Мы учились тогда классе в пятом. Она водила нас в кино каждую неделю и классный час посвящала разбору фильмов. Она была советской интеллигенткой-киноманкой.

– Нийя – хорошая, – сказал Миша Добродеев. – Она за наших.

– Фильм мне очень понравился, – заверил ребят Саша Агареев. – Я люблю про космические корабли!

– Из бластеров стреляли, – вспоминал содержание Вадим Варламов, – карлик бегал. Еще раз посмотреть хочется!

– Я ничего не поняла, – честно призналась Таня Федосеева. – Да и страшно очень.

– А я по Булычеву еще мультипликационный фильм видел, – хвастался я своей эрудицией, – «Тайна третьей планеты». Там тоже нехило.

– И я смотрел! И я смотрела! – кричали мои одноклассники.

Олег Лукошин родился в 1974 году в Нижегородской (тогда – Горьковской) области. В настоящее время проживает в городе Нижнекамске. Автор рассказов, повестей, романов, публиковался в журнале «Урал».

Зоя Михайловна радовалась, что доставила нам удовольствие. Она была хорошей женщиной и вроде бы даже любила детей. По крайней мере, сейчас мне вспоминается о ней исключительно приятное. То есть почти ничего.

– Ну, а что сама Нийя думает? – лукаво улыбнулась Зоя Михайловна, глядя на новенькую девочку, которую посадили за парту со мной.

Класс взорвался хохотом. Лена пришла к нам всего неделю назад, пришла практически лысой. По причине какой-то странной болезни ее постригли наголо, и лишь робкий ежик слегка отросших волос украшал в тот момент ее черепушку. Впрочем, сама Лена не стеснялась своей лысины и не носила никаких головных уборов. Все эти дни мы смотрели на нее настороженно, в ней было что-то не то, что-то не наше, что-то не детское, чуждое. Она держалась очень по-взрослому и разговаривала очень умно, и глаза у нее были очень внимательные и пронзительные – под их взглядом становилось неуютно. Мы были дружным классом, но с Леной за эту неделю никому, кроме, пожалуй, меня, сдружиться не удалось. Она отпугивала не только своей лысиной.

Класс смеялся, и Зоя Михайловна поняла, что допустила педагогическую ошибку. Разозлившись на себя за то, что обидела в присутствии одноклассников девочку, она замахала на нас руками и закричала:

– Ну-ка тихо все, тихо! Пошутить уж нельзя.

Ничуть не смутившись учительской шутки, Лена-Нийя поднялась с места и начала говорить о фильме.

– Нийя чрезвычайно трагический персонаж, – зазвучал ее надтреснутый и какой-то звенящий голос. – Представьте, что вам однажды скажут, что вы не человек, что у вас нет папы и мамы, что вас вылепили из биомассы, что вы всего лишь функция для осуществления чьих-то планов. Я теряюсь, ставя себя на ее место, – говорила лысая девочка Лена. – Я в полной растерянности. Я одна в целой Вселенной, я оказываюсь в чужом и неизвестном мне мире, я не помню своего прошлого. И лишь какой-то пугающий голос, – вздохнула она, преодолев этим вздохом мгновение трагичного молчания, – бубнит в твоей голове одну и ту же фразу: «Иди на «Астру»!» «Иди на «Астру»!» «Иди на «Астру»»!..

– Иди на «Астру», Нийя! – крикнул Миша Добродеев.

Класс снова взорвался смехом.

С этого дня все стали называть Лену Нийей.

Лишь я продолжал звать ее Леной.

– Игорь, – тихо зовет меня Лена на уроке истории, – ты слушаешь «AC/DC»?

– Конечно! – киваю я в ответ.

– А «Judas Priest»?

– Моя любимая группа, – скалю я зубы.

– Приходи ко мне домой, – щурит глаза Лена, – послушаем.

– А где ты живешь?

Оказывается, что живет она в соседнем доме.

– А еще у меня совсем новая группа есть, – продолжает зазывать меня Лена. – «Iron Maiden» называется.

– Что играют? – я опускаю руку под парту и трогаю Лену за коленку.

Глаза ее становятся еще уже, еще лукавее, мою руку она не убирает.

– Металл! – восклицает она шепотом. – Классно рубают.

Я поднимаюсь по коленке выше. Лена не останавливает движение руки.

– Наверное, – радуюсь я только что придуманной шутке и своему пикантно-му положению, – на твоей планете все слушают только металл.

Лена хихикает.

– Наверное, – кивает она.

– Иди на «Астру»! – стараясь сдерживать голос в пределах шепотных децибел, рычу я, как вокалист металлической группы. – О-о-о е-е-е, иди на «Астру»! Предатель-стул скрипит подо мной и заставляет отвлечься учительницу.

– Средний ряд, последняя парта! – зычно восклицает она. – Что у вас там за возня?!

Лена жила в однокомнатной квартире, довольно затхлой и ветхой. В комнате стоял диван, трельяж и старый-престарый платяной шкаф.

Сейчас мне вспоминается, что она ничего не говорила про родителей.

Мы слушали на поцарапанном и обшарпанном катушечнике «Iron Maiden» и тискались. Я тогда еще не умел целоваться, а вот Лена, судя по всему, была опытнее. По крайней мере, старалась казаться таковой. Она открывала рот, высовывала наружу язык и с таким угрожающим видом приближалась ко мне.

Я брезговал ее рта, языка и той влаги, что несли они с собой. А потому отворачивался в сторону. Лена досадливо морщилась на меня, но, видимо, понимала мою глупость и незрелость.

– Дурачок, – бормотала она. – На нашей планете все любят целоваться.

– Чего же ты оттуда улетела? – нашелся что ответить я. – Целовалась бы да целовалась.

Лена улыбалась. Улыбалась и, обняв меня, прижималась ко мне плотно-плотно.

– Ты умненький, – заглядывала она в мои глаза. – Поэтому и нравишься мне. Может быть, из тебя даже получится какой-то толк. В отличие от остальной биомассы в твоем классе.

Она опускала руку и поглаживала меня. Я отдергивал ее ладонь – мне было неловко, что меня щупает девчонка.

– Нет, все же ты дурачок, – говорила Лена, отстраняясь. – Хотя нет, не дурачок. Просто маленький еще.

Бассейн составлял всего десять метров в длину, но зато здесь имелась вышка. С вышки нас раз за разом сгонял какой-то туповатый мужик – работник оздоровительного центра, который наши школьные шефы, производственное объединение «Оргтехносинтез» (вроде бы так они назывались), разрешали посещать один раз в неделю. Снаружи бассейн представлял собой какое-то аляповато построенное строение, походившее на склад, но внутреннее помещение радовало глаз. Кроме бассейна, здесь имелись сауна и бильярдная. В бильярдную нас не пускали, зато был открыт доступ в сауну. Наш класс ходил купаться по четвергам. Вроде бы это было бесплатно.

На вышку мы все же забирались и с отчаянными воплями ныряли в воду. Высота ее составляла метра два – вполне прилично. Когда я впервые взобрался на вышку, то поразился тому, каким маленьким показался отсюда бассейн. Сердечко предательски сжалось от страха. Я все же рискнул шагнуть в эту отдаленную голубенькую субстанцию и, вынырнув через бесконечно долгое мгновение, счастливый, в лихорадочной трясучке поплыл к бортику. Работник центра тут же выскочил из подсобки и глазами стал отыскивать нарушителя дисциплины. Сделать это в кутерьме из почти тридцати тел было сложно.

– Если кто-то еще раз заберется на вышку, – проорал он, – все тут же отправятся по домам.

Класс притих, но лишь на минуту. До тех пор, пока мужик не скрылся из вида.

– Молодец! – услышал я голос Лены. – Решился все-таки.

Она сидела на скамейке в купальном костюме и резиновой шапочке и с легкой улыбкой смотрела на меня.

– Ничего сложного, – мотнул я головой. – Ты чего не купаешься?

– Я окунулась, – отозвалась Лена. – С меня достаточно.

– Приходить сюда ради того, чтобы один раз окунуться? – недоуменно взирал я на нее. – Одна ты не купаешься.

– Мне и здесь хорошо. На моей планете не любят купаться. Я лучше на тебя любуюсь.

Я оттолкнулся от бортика и поплыл к центру водоема. Вокруг меня плескались и визжали одноклассники.

– Наконец-то эта инопланетянка сифилисная вылезла, – услышал я голос.

Говорил Саша Агареев.

– Точно! – согласился с ним другой голос, обладателем которого был Вадим Варламов. – Такая противная. Строит из себя что-то.

– А почему это она сифилисная? – подплыл я к ним.

– Ну а кто еще? – отозвался Агареев. – Просто так, что ли, ее налысо подстригли?

– Она уже не лысая, – защищал я Лену.

– Да какая разница! – поморщился Варламов. – Что не спросишь ее, морщится все время. «Тебе это знать не надо, биомасса!» Овца!

– А ты что ее защищаешь? – подозрительно смотрел мне в глаза Агареев. – Подруга, что ли, твоя?

– Ну правильно, – фыркнул Варламов, – они же за одной партой сидят. Уже подцепил сифилис?

Они дружно заржали.

Я бросил лихорадочный взгляд в сторону Лены. Она смотрела на меня настороженно, словно слышала наш разговор, хотя среди всего шума слышать его вряд ли могла.

– Да ладно, пацаны, че вы, – пробормотал я. – На фиг она мне нужна, дура эта.

Раз в месяц, а порой и чаще, Зоя Михайловна устраивала нам чаепития. Все приносили сладости, кто-нибудь – магнитофон, мы заваривали чай и после небольшой чайной церемонии начинали танцевать. Точнее, беситься, потому что танцами наши телодвижения назвать было сложно.

– Потанцуем? – подходит ко мне Лена.

– Давай, – робко соглашаюсь я, оглядываясь по сторонам.

Мы обнимаемся и под медленный танец, звучащий из хриплых магнитофонных динамиков, начинаем топтаться в центре класса. Танец вдвоем – шаг неординарный и вызывающий. Присвистывая и корча гримасы, одноклассники пялятся на нас.

– Чего не заходишь? – спрашивает меня Лена. – Музыку бы послушали.

Меня пугает ее открытость. В ней что-то подозрительное,стораживающее. Я вспоминаю, как мы целовались, и от этого воспоминания мне то ли стыдно, то ли страшно. Она готова принять меня всего, всего без остатка, я же даже частично не принимаю ее. Что-то сдерживает меня. Может, нечто, таящееся в глубинах, а может, взгляды одноклассников.

– Времени нет, – отвечаю я, стараясь не смотреть ей в глаза.

– А, – понимающе вздергивает носик Лена. – Ты заходи, не стесняйся. Я всегда тебе рада. Ты хороший.

– Игорь с сифилисной танцует... – слышу я доносящийся со всех сторон шепот. – Тоже «сифой» стать захотел.

Песня в самом разгаре. Я освобождаюсь от Лениных рук.

– В туалет сгоняю, – говорю я.

Когда я возвращаюсь в класс, Лены здесь уже нет. Толпа пацанов, воспользовавшись отлучкой Зои Михайловны, зажимает на парте Таньку Федосееву. Девочки стоят в противоположном углу и осуждающе-игриво наблюдают за сценой. Танька лежит на парте, ее щупают десятки рук, она смеется, визжит и пытается брыкаться.

Я понимаю, что не должен отставать от коллектива, кидаюсь в толпу и вместе со всеми тяну свои ладони к Танькиному телу.

Урок математики не начинался. Мы сидели по партам, ждали учительницу. Она не появлялась. После пятиминутного ожидания класс посетила восторженная мысль, что урока не будет. Все завертелись, заговорили, радостно зашумели.

– Эй, Нийя! – крикнул Миша Добродеев.

Лена повернулась на голос.

– Иди на «Астру»! – заорал Добродеев и плюнул в Лену через трубку жеваной бумажкой.

Бумажка попала ей в глаз. Лена дернулась и закрыла лицо рукой. Бумажка застряла в ресницах, она выковыривала ее, морщилась и что-то неслышно шептала.

– Иди на «Астру»! – плюнул в нее с другого ряда Саша Агареев.

Липкая, пропитанная слюнями бумажка повисла на Лениной щеке. Она смахнула ее нервным взмахом руки.

– Иди на «Астру», Нийя! – вскочив со своего места и подбежав к Лене вплотную, направил в нее свой жеваный патрон Вадим Варламов.

Бумажные снаряды полетели в нее со всех сторон.

– Иди на «Астру», сифилитичка! – кричали мои одноклассники, выплевывая на нее вырванные из тетрадей клочки бумаги.

– Иди на «Астру», уродина!

Они летели и залепляли ей лицо. Лена уже перестала защищаться от них.

– На «Астру»!!!

Я сидел на своем месте, не поворачивая головы, и делал вид, что читаю учебник по математике. Впрочем, почему делал? Я на самом деле его читал. Я хорошо учился, математика всегда шла у меня на пять.

Больше всего в эти мгновения мне не хотелось встретиться глазами с Леной.

– Биомасса! – глухо выкрикнула она, закинула учебник с тетрадью и пеналом в портфель и выбежала из класса.

Вдогонку ей раздались свист и улюлюканье.

– Беги за женой! – крикнул мне кто-то.

– Иди ты, – огрызнулся я.

Какая-то усталость. Быть может, раздражение.

– Привет, – говорит мне Нийя.

– Здравсьте, – отвечаю я.

Легкая усмешка. Усмешка ли? Лишь движение уголками губ.

– Как дела? – спрашивает она.

– Зашибись.

– А...

Стоять и ждать реакции. Презрение. Что еще, кроме презрения?

– Погуляем?

– Не хочется что-то, – морщусь я.

– Да ты не думай, я не в обиде, – она смотрит искренне-искренне. – Правильно делаешь, что не вмешиваешься. А то бы и тебе досталось.

Нарыв лопается. Вот так просто: сначала мутно-белесый нарост наливается, тяжелеет, зудит, а потом – раз, и все. Лишь слегка надавить достаточно.

– Что тебе надо? – взрываюсь я. – Что тебе от меня надо?!

Взгляд. Долгий такой, пронзительный. Непонимающий – ну да.

– Я не знал тебя и знать не желаю! – голос дрожит, вибрирует; что-то странное в нем.

– Я... – срывается с губ Нийи.

– Отстань от меня, не нужна ты мне! Знать тебя не хочу, неужели не понятно?!

Фон светлый. Все же светлый. И такая чудная, прелестная пляска пятен. Одно, второе, десятое... Сливаются, словно в калейдоскопе. Кружатся, жгут. Беспокойные.

– Иди на «Астру»! – ору я что есть мочи.

Раз-два-три, раз-два-три. Влево-вправо, вправо-влево. Амплитуда широка и свободна. Можно подниматься до предела и даже чуть выше. Там, за линией, совершенно новые познания.

– Иди на «Астру»! – я хочу, чтобы мой крик заполнил ее всю. Я чувствую, что у меня получается это.

Слюна. Мешает слюна. Бурление, во вращении радость и освобождение. Потoki уносятся, и хочется вслед. Одно мгновение, один крохотный миг. Влага, наполнение и взмах.

– Иди на «Астру»!!! – я выплевываю скопившуюся во рту слюну Нийе на лицо. Она зажмуривается и замирает.

Мы стоим одни, и почему-то вокруг все белое. Я понимаю, что единственное, что вижу вокруг, – это молочно-белая пустота.

– Ты прав, – говорит тихо Нийя. – Надо улетать. Эта планета не для меня.

Раздается шум, он нарастает, он врывается в тело, он наполняет его своими фибрами. Большой и блестящий космический корабль возникает из молочной жижи, опускаясь с невидимых небес на невидимую поверхность. Я замечаю надпись на его борту: ASTRA. Шум невыносим, от него готовы лопнуть барабанные перепонки. Я затыкаю уши.

Вдруг все обрывается. Почти все. Шум затихает, и лишь с легким звуком, похожим на выдох, открывается люк корабля. В проеме появляются люди в серебристых костюмах, они приветливы и улыбки, они радостно машут руками.

– Нийя! – кричат они. – Забирайся! Скорее, скорее!

Нийя одаривает меня прощальным взглядом. Я понимаю все правильно – он такой отстраненный, уносящийся. Прощальный.

– Я хотела предложить тебе полететь со мной, на мою счастливую планету, но сейчас понимаю, что ты не заслуживаешь этого. Ты такая же биомасса, как остальные. Впрочем... – готовая уйти, она останавливается. – Ты нравился мне немного, Туранчокс.

Она подбегает к кораблю, и люди в серебристых костюмах помогают ей забраться внутрь. Гул рождается заново, нарастает, корабль срывается с места и уносится в глубины молочной пустоты. Я остаюсь один, хочется закрыть глаза, хочется забыться. Я чувствую облегчение.

Лену больше никто и никогда не видел. Никто даже не вспоминал о ней, словно ее не было вовсе.

* * *

Очередная бессонная ночь, их слишком много в последнее время. Я лежу на спине и разглядываю темную поверхность потолка. Рядом сопит жена, в соседней комнате ворочаются дети – сын и дочь. Я в очередной раз закрываю глаза и пытаюсь отогнать беспокойные мысли. Мысли не исчезают.

– Забери меня, «Астра»! – шепчу я в темноту.

«ЧТОБ ТЫ СДОХЛА!»

– Ты куда? – вышла в коридор мама.

Пятилетний Дима нахмурился и недовольно пробурчал:

– Жопой резать провода.

Кухонное полотенце выпало из маминых рук.

– Что?.. – изумилась она.

Дима хихикал – собственная шутка безмерно радовала его. Мама подскочила к нему.

– Негодник! Засранец! – выкручивала она ему ухо. – Где нахватался, на улице? Кто тебе сказал, Владик сказал? Все, не будет ноги Владика в нашем доме.

– Не Владик, не Владик! – захныкал Дима. – Это большие мальчики говорили. Было больно.

– На улицу не пойдешь, – вынесла приговор мама. – Глядите-ка на него! От горшка два вершка, а уже ругаться научился.

Весь вечер Дима сидел на диване и плакал. Ухо распухло.

– Ты че вчера не выходил? – отчитывал его Владик.

– Матуха не пустила.

– Фу, матуха. Смотался бы!

– Она следила...

– Такое пропустил! Танька из третьего подъезда трусы снимала!

– Трусы?! – удивлению Димы не было предела.

– Ага. Мы ей мороженое купили, и она согласилась.

Дима был убит этим известием.

«Матуха проклятая! – негодовал он. – Чтоб ты сдохла!»

– Ты куда? – выглянула из кухни мать.

Дмитрий поморщился.

– Жопой резать провода, – ответил раздраженно.

– Немало ты их нарезал, – мама попыталась свести разговор к шутке.

– Перестань! – сказал он. – Мне тридцать два года, хватит спрашивать, куда я иду.

– Пока ты со мной живешь, я за тебя отвечаю. Вот женишься, будешь жить отдельно – тогда делай что хочешь.

Угрюмо сопя, Дмитрий надевал ботинки.

– Если снова напьешься, то лучше не возвращайся, – сказала мать.

– Ладно, лягу на лестничной площадке.

– Сын-пьяница мне не нужен!

– Тебе вообще сын не нужен. Не пойму, на фига ты меня заводила.

– Я думала, ты умный, правильно жить будешь. Ты же книжки читать любил, интересовался всем.

– Что мне с книжек этих – деньги свалились, счастье?

Мать тяжело вздохнула.

– Тебе с хорошей девушкой надо познакомиться.

Дмитрий коряво засмеялся.

– Обязательно, обязательно.

– Как ту девушку звали, которая приходила к нам как-то? Ирина? У вас же было что-то. Может, стоит позвонить ей, продолжить общение.

– Какая Ирина! – отмахнулся сын. – Она уехала давным-давно.

– Ну, другие есть.

Дмитрий открыл дверь.

– Отстань! Тошно мне уже от тебя.

В подъезде ждали два приятеля.

– Ну че, сколько надыбал? – спросили его.

– Тридцать рублей.

– Маловато...

– Мать еще пенсию не получала. Что нашел.

– Ладно, на «штырь» наберем.

В голове все еще звучал голос матери.

«Чтоб ты сдохла! – думал Дмитрий. – Никакой жизни с тобой!»

– Ты куда? – тяжело передвигая костыль, вышла в коридор мать.

Дмитрий Сергеевич вздохнул и, облизнув пальцы, пригладил редкие волосы на голове.

– Жопой резать провода.

– Дмитрий! – мать смотрела на него с горестным укором. – Тебе пятьдесят семь, а ты все грубишь мне.

– А ты не лезь не в свое дело. Приляг лучше. Тебе доктор запретил вставать.

– Ты не насчет огорода?

– Нет, не насчет огорода.

– Не вздумай продавать его!

– А что с ним делать? Все равно за ним никто не смотрит.

– Я, дай бог, еще поработаю там.

– Ну конечно...

Дмитрий Сергеевич надел кепку и потянулся к дверному замку.

– Ты лекарства взял? – спросила мать.

– Взял, взял.

– Смотри, не злоупотребляй! И так уже до инвалидности допился.

– Отстань!

– Звони, если что.

Машина службы досуга стояла у подъезда.

– Это я звонил, – заглянул он в окно.

– Садитесь, – кивнул шофер.

До места доехали быстро.

Вывели трех девушек. Дмитрий Сергеевич выбрал самую маленькую, темную. Звали Полиной.

– Местная сама? – спрашивал он ее, раздеваясь.

– Нет, из соседнего города.

– От матери, наверное, уехала?

– Конечно! – отвечала девушка. – Кому хочется с матерью жить.

– Молодец! Правильная позиция.

У Дмитрия Сергеевича ничего не получилось.

«Это все из-за тебя! – думал он о матери на обратном пути. – Ты меня сглазила, ты. Всю жизнь унижала, терпеть тебя не могу. Чтоб ты сдохла!»

Пока открывал дверь, на лестничную площадку вышла соседка.

– Дмитрий Сергеевич! – позвала его. – У вас мама умерла.

– Умерла?! – изумился он.

– Да. Полчаса как увезли. «Скорую помощь», видимо, вызвать успела, а те уже ничего не сделали...

...Стол после поминок был еще не убран. Мамин костыль стоял в углу. Тикали часы.

– Мама! Мамочка!!! – выл, уткнувшись в подушку, Дмитрий Сергеевич.

ПОМНЮ ТЕБЯ, СЕЙФУЛЬ-МУЛЮКОВ!

Брат пригласил меня на день рождения жены. Я не очень хотел идти, отношения с ним у меня не ладились, с женой его – особенно. После того как он открыл свою фирму и женился на этой сукке Светлане – дочери владельца холдинговой компании, он стал избегать меня. Я понимал почему: ему было стыдно за брата-плотника. И науськивала его в этом жена – в ее кругу не было позора больше, чем родственник-пролетарий.

Однако пошел.

– О, Егор! – приветствовал меня Кирилл в своем загородном особняке, после того как я в сопровождении охранника и под лай собак, которых держали тут целую псарню, проследовал в дом.

– Здравствуй, – протянул я ему руку.

– Привет! – рукопожатием он не ограничился, обнял меня. Я такого внимания не ожидал.

– Рад тебя видеть! – хлопал он меня по спине.

Появилась его жена.

– Егорушка! – неподдельно обрадовалась она мне. – Как здорово, что ты пришел!

В искренность ее я, конечно, не верил.

– Здравствуй, Света! – попытался улыбнуться.

Она поцеловала меня в щеку. Я даже растерялся на мгновение – никогда не помнил за ней такой нежности.

– Поздравляю с восемнадцатилетием, – пошутил, взяв себя в руки.

– Ой, да брось ты! Тридцать пять – вот мой возраст. И никуда от него не денешься.

– Я без подарка, извини, – развел я руками. – Просто не придумал, что тебе можно подарить.

– Да какие подарки, Егор! Молодец, что сам пришел! Проходи в зал.

– Проходи, – кивнул и Кирилл.

Взяв под руку, он повел меня в зал.

– У меня к тебе серьезный разговор, – сказал он по дороге. – И пригласили мы тебя не просто так.

Я напрягся.

– Я очень много думаю о тебе, – продолжал он. – И знаешь... Мне не нравится, что мы так отделились.

Стол, накрытый посередине зала, ломился от яств.

– Это не по-семейному. Не по-братски. Да и живешь ты как-то... Плотником работаешь, не женат... Это все связано – кто сейчас за плотника замуж выйдет?

Разговор этот мне не нравился.

– Так дальше нельзя, поверь мне. Никто сейчас так не живет, как ты. Я вообще не представляю, как на твою зарплату можно жить.

– Да я, в общем-то, не жалуюсь. Мне хватает.

– Вот – мне хватает. Что за крохоборская философия! Разве можно с такими взглядами чего-то добиться в жизни?!

– А что – нужно?

– Конечно, нужно! Конечно!

Я уже жалел, что пришел.

– Короче, Егор! Я хочу помочь тебе! Устроить тебя на приличную работу.

– Знаю я твои приличные работы...

– Работа действительно приличная, можешь мне верить. Заместителем директора по учету. Перспектива есть. Поработаешь, пооботрешься – очень возможно, что выше пойдешь.

– Спасибо, – ответил я. – Но стоит ли? Я вполне доволен своей жизнью.

– Возражения не принимаются. Гости разойдутся – мы с тобой подробнее побеседуем.

Гости постепенно съезжались. Всего набралось человек тридцать. Поздравляли Светлану. Кто дарил перстень с бриллиантом, кто соболиную шубу. Самым дешевым подарком оказалась видеокамера. Я сидел в уголке и чувствовал себя уличной дворняжкой. «Уж выпить бы, что ли», – думал.

Наконец всех пригласили к столу. Стол был шведским, и у них все это называлось фуршетом. Есть стоя оказалось очень непросто. Я ни с кем не разговаривал и ощущал большую скованность. Лишь после пары рюмок почувствовал себя лучше и стал взирать на это сборище более снисходительно.

Вечеринка была до ужаса скучной. Все не спеша прохаживались по залу и вели какие-то бестолковые разговоры. О музыке, о театре, о кино. Кто-то пытался шутить – до такой степени не смешно, что просто неловко делалось. Ему, однако, улыбались.

– Вчера весь день смеялся, – сказал я стоявшей рядом даме, решив поучаствовать в разговоре.

– Смеялись? – отозвалась она. – Над чем же?

– Вспомнил фамилию одну. Сейфуль-Мулюков. Помните, был на центральном телевидении такой журналист-международник?

На меня обратили взор и другие гости.

– Нет, не помню, – улыбнулась она.

– Ну как же, Фарид Сейфуль-Мулюков. «Международную панораму» вел, «9-ю студию».

– Не помню.

– Ну, их целая кодла была. Сейфуль-Мулюков, Бовин, еще кто-то. Я к чему это – смешная фамилия очень. И вспомнил ее неожиданно так. Хоба-на – Сейфуль-Мулюков! Долго смеялся.

– Как-как вы говорите? – обратился ко мне какой-то мужчина.

– Сейфуль-Мулюков.

- Араб какой-то?
- Может, и араб, я не знаю. Политический обозреватель.
- В какие это годы?
- Семидесятые-восемидесятые.

Мужчина задумался.

- Нет. Что-то не припоминаю.
- А вы с какого года?
- С шестьдесят второго.
- Ну как же, должны помнить! Я моложе, и то помню.

Никто из гостей Сейфуль-Мулюкова не помнил.

«Ну, блин, тупые! – думал я. – Что за интеллект у вас, если вы Сейфуль-Мулюкова не помните?!»

– Советские времена еще были, – продолжал я объяснять. – Холодная война. Вот он все про гонку вооружений рассказывал, про обстановку на Ближнем Востоке.

– Советские времена? – удивилась какая-то женщина. – Это что за времена такие?

Я юмора не понял.

- Ну как какие, – развел руками. – Времена Советского Союза.
- Советского Союза? – переспросили меня. – Это промышленная компания какая-то?

Я вглядывался в лица гостей.

«Сволочи! – дошло до меня наконец. – Меня разыгрывают! Неужели думают, что я поведу на такую тупость?»

– Союз Советских Социалистических Республик! – гордо и оскорбленно произнес я. – Страна, в которой вы родились и выросли.

Гости смотрели на меня недоуменно. Особенно – брат с женой.

– Но мы родились и выросли в Великой России, – серьезно ответил мне кто-то. Я начинал злиться.

– Я понимаю, – сказал, – что в своей жажде наживы вы готовы отвергнуть все святое и ценное, что есть в нашей жизни. Но отрицать историю... Это уже что-то из ряда вон выходящее.

Кирилл, побледневший и смущенный, делал мне какие-то знаки. Я не реагировал.

– Егор! – позвал он меня наконец. – Пойдем обсудим кое-что.

– Кирилл! – крикнул я ему. – Киря! Ну хоть ты-то не прячься за идиотской маской. Я не знаю, может, у вас так принято – разыгрывать пролетариев, но шутка ваша – неумная.

– Егор, – голос брата стал жестче. – Подойди ко мне, пожалуйста.

– Может, и ты скажешь, – кричал я ему, – что Советского Союза не было?!

– Ни про какой Советский Союз я не знаю, – раздраженно ответил он, подходя ко мне. Схватив за руку, попытался вывести меня из зала.

Я завелся.

– Гады! – крикнул я, швыряя рюмку об пол. – Сволочи зажавшиеся! Сталина на вас нет! Ленина! Дзержинского! Они бы сгноили вас живьем. Вы ненавидите меня за то, что я беден. За то, что не швыряюсь «капустой». Но я выше вас, потому что честнее! И победа, в конце концов, будет за нами!

Подбежавшие охранники вывели меня из зала. Брат бормотал что-то, но я его не слушал. Торжественно плюнув ему под ноги, я оставил этот очаг разврата и лжи.

Весь следующий день не мог успокоиться. Сидел в своей плотницкой каморке и возмущался.

– Ренегаты! Предатели! Готовы отказаться от всего святого, растоптать свое прошлое – лишь бы получать наживу. Как велика их ненависть к рабочему классу! Как далеки они от трудового народа!

Работы почти не было. За весь день заказали всего два гроба.

Вечером ко мне заглянул хозяин.

– Как дела? – осмотрел он каморку.

– Нормально, – отозвался я.

– Сколько заказов сегодня?

– Два.

– Всего два?

– Да.

– Плохо, плохо. Ты сделал?

– Да, вон стоят.

Хозяин похлопал по стоявшим у стены гробам. Придаться было не к чему.

– Ну ладно, – сказал он. – Рекламку надо дать. Подзабыли, наверно, про эту точку. Не может же быть, чтобы меньше умирали.

– Степан Валерьянович! – обратился я к нему, когда он уже собирался уйти.

– Что? – обернулся он на пороге.

– Я у вас спросить кое-что хотел...

– Оклад не повысится, мы уже говорили на эту тему.

– Да я не об этом...

– А о чем?

– Вы случайно не помните, ведущий был такой на телевидении – Сейфуль-Мулюков. «Международную панораму» вел, «9-ю студию»...

– Это викторины какие-то?

– Да нет. Общественно-политические передачи.

– Нет, не помню.

– Ну, при Советской власти еще...

– При какой власти?

Я осекся.

– Советский Союз вы ведь не забыли?.. – добавил тихо.

Степан Валерьянович нахмурил лоб.

– Советский Союз... – произнес он задумчиво. – Че-то слышал. Но точно не помню.

Я был в большом недоумении. Хозяин разыгрывать меня не мог – у него отсутствовало чувство юмора.

– А к чему это тебе? – спросил он.

– Да так. Поспорил тут...

– Ну и кто выиграл?

– Пока проигрываю я.

– Ха! – хмыкнул он. – На тебя похоже.

В течение нескольких дней я осторожно расспрашивал клиентов про Советский Союз. Никто про такую страну не помнил.

Я пребывал в абсолютном отчаянии. За всю мою жизнь со мной не происходило ничего подобного. Окружающая действительность, такая близкая и понятная, вдруг ошетинилась иглами и в одночасье изменила свою сущность.

С полочки я напился. Покачиваясь, шел по улице. На обочине дороги сидел старик, просил милостыню.

– Отец! – подошел я к нему. – Я тебе червонец дам, мне не жалко. Только ответь мне честно на один вопрос. Ответишь?

– Отвечу, если смогу, – прошамкал он беззубым ртом.

– Ведь ты помнишь Советский Союз, батя? Скажи, помнишь? Ты не можешь не помнить его.

Старик нервно огляделся по сторонам.

– Тссс! – прижал он палец к губам. – Заткнись, дурак! Хочешь, чтоб тебя забрали?

– Забрали?! – недоумевал я. – Куда?

К нам подошли какие-то люди в кашемировых пальто.

– Вы интересовались Советским Союзом? – спросил меня один из них.

– Да! – кивнул я.

– Я его не знаю! – махал руками старик. – Первый раз вижу!

– Не пройдете с нами? – взяли они меня за бока. – Мы многое объясним вам про Советский Союз.

По их лицам было ясно, что отказываться нельзя.

– Пожалуйста, – ответил я.

Меня посадили в стремительно подъехавший «мерседес» и куда-то повезли. В машине одели на глаза повязку. Ехали мы довольно долго. Когда машина остановилась, меня вытащили и повели по каким-то гулким коридорам. Пахло сыростью и затхлостью.

Меня усадили на табурет и сняли повязку. Передо мной за столом сидел человек в белом халате.

– Егор Николаевич Батраков? – улыбнулся он мне.

– Он самый.

Человек добродушно покивал.

– Значит, вас беспокоит Советский Союз?

– Он меня не беспокоит, – ответил я. – Просто я его не забываю.

– Ах, не забываете!.. Это усугубляет ситуацию.

– А вы, простите, кто такой?

– Я – психиатр, – сказал человек. – Вы находитесь на медицинском освидетельствовании с целью выявления у вас психических отклонений.

– У меня нет психических отклонений.

– Это мы выясним... Скажите, пожалуйста, кем вы работаете?

– Плотником.

– Хорошо зарабатываете?

– На жизнь хватает.

– Женаты?

– Нет.

– Были?

– Да.

– Почему расстались?

– Не ваше дело.

– Подруга, любовница?

– Это вас тоже не касается.

– Скажите, когда вы в последний раз были с женщиной?

– Какая вам разница?! – я начинал выходить из себя.

– Понятно, понятно... – закивал доктор.

Какое-то время он молчал, пристально меня разглядывая.

– Эх, Егор Николаевич! – изрек наконец. – Что ж вы так... И брат у вас уважаемый. А вы... Советским Союзом заболели.

– Ничем я не болею! Это вы с ума все сошли.

– Хорошо. Я объясню более популярно. В 90-х годах прошлого века психиатры нашей страны стали фиксировать крайне необычное заболевание. Оно получило название «Советский Союз». Советский Союз – это болезнь неудачников. Людей, по каким-либо причинам не добившихся в жизни того положения, которое воспринимается всеми как успешное. Советский Союз – это чудовищная иллюзия, миф о прекрасной и справедливой стране, которая якобы существовала в XX веке на территории России и сопредельных государств. Иногда грезы о Советском Союзе бывают такими реальными, что люди называют имена, даты, события, будто бы имевшие место в истории.

«Сплю, может, – думал я. – Напился и сплю».

Однако чувствовалось, что алкоголь из меня окончательно выветрился.

– Вы хотите сказать, что я неудачник? – спросил я.

– Ну, а кто же вы еще? – усмехнулся доктор. – С женщинами не общаетесь...

– Я не говорил этого!

– Да и так все видно! – отмахнулся он. – Работаете плотником за мизерную зарплату. Кстати, что вы производите?

– Гробы.

– Вот видите! Разве может быть гробовщик удачным человеком с позитивным взглядом на жизнь?

Я тяжело вздохнул.

– Коммерцией не занимаетесь... – продолжал врач.

– Вот еще не хватало! – фыркнул я.

Доктор посмотрел на меня внимательнее.

– Так вы что, не читали постановление Верховной Хунты Капиталистической Стабильности о том, что неудачниками следует считать всех, кто не занимается коммерцией?

– Первый раз слышу про такое постановление, – сказал я. – И про хунту ничего не знаю.

– Э-э-э, дорогой ты мой! – откинулся доктор на спинку кресла. – Да у нас тут все гораздо серьезнее!

Он надавил кнопку на столе, вошли люди, завязали мне глаза и увели в камеру.

– Будем вас лечить, если получится... – услышал я последние слова доктора.

...Лечили меня электричеством. Пять сеансов каждый день, по два часа. Во время сеансов электронный голос объяснял мне современное политическое состояние страны.

– Вы живете в Великой и Свободной Капиталистической России, стране позитива и успеха, – бубнил голос. – Стране улыбающихся детских лиц, стране успешных и состоятельных людей, стране света и добра. Вы должны признать, что были больны, и помочь нам сделать вас современным и кредитоспособным человеком.

По ночам меня били охранники.

– Ты против позитива, мразь?! – прикладывали они сапоги к моему лицу и бокам. – Ты против того, чтобы все были успешными и богатыми?! А может, тебе Александра Маринина не нравится? Или Дарья Донцова? А, ублюдок?!

Через месяц я вылечился.

«Все верно, – сидел в своей камере, улыбаясь. – Какой, в жопу, Советский Союз! Что за наваждение! Великая и Свободная Капиталистическая Россия – вот моя родина. Я хочу быть успешным! Я хочу быть позитивным! Я хочу быть кредитоспособным!»

Перед освобождением мне предстояла последняя процедура – Публичное Покаяние. Высокопоставленная комиссия во главе с самим Верховным Жрецом Капиталистической Стабильности должна была рассмотреть мое прошение и удовлетвориться моим Чистосердечным Унижением.

Церемония проходила под сводами Храма Успеха. Комиссия заседала за длинным столом, а Верховный Жрец – совсем еще не старый мужчина – сидел посередине залы на троне.

– Что же ты, Егорушка, – спросил он меня ласково, – неужели не любишь Родину нашу?

– Прости, Красно Солнышко! – взмолился я о пощаде. – Бес попутал.

Верховный Жрец тяжело вздохнул.

– Такие они, бесы... Ну, встань на колени, сын мой!

Я опустил на колени.

– Отрекаешься ли ты, – зазвучал под сводами его голос, – от заблуждений, порочащих устои и порядки Великой и Свободной Капиталистической России?

– Отрекаюсь! – дрожащим голосом произнес я.

– Признаешь ли ты, что был болен, но излечился и готов служить обществу, вливаясь в него полноценным и кредитоспособным звеном?

– Признаю!

– Обязуешься ли ты чтить порядки добра и позитива, что главенствуют в Великой России, признавать власть Верховной Хунты Капиталистической Стабильности и лично мою – Верховного Жреца?

– Обязуюсь!

Члены комиссии удовлетворенно качали головами. Верховный Жрец тоже был доволен.

– Ты можешь идти, – сказал он мне.

Я поднялся с колен.

– А все-таки я помню Сейфуль-Мулюкова! – бормотнул я.

Меня не слышали. В залу вводили очередного исправившегося отщепенца.

...Жизнь моя теперь в общем-то стабильна. Хожу по улицам, улыбаюсь, позитивен. Лишь по ночам Фарид Сейфуль-Мулюков, словно живой, приходит ко мне во сне и рассказывает об агрессивной политике Израиля. О, что за чудные мгноения! Помню тебя, Сейфуль-Мулюков! Верю в тебя, Фарид!

Увы, просыпаясь, я вижу вокруг совсем другое.

Снова устроиться плотником не удалось. Собираю бутылки.

От жизни спастись невозможно...*

* * *

С Хисматуллой Юлдашевым мы познакомились в Литературном институте четверть века тому назад – посещали один творческий семинар, довольно быстро сошлись характерами и старались поддерживать друг друга в бурных поэтических дебатах, разгоравшихся то и дело на семинарах. Эпатаж и бравада, входившая в моду ирония были нам откровенно чужды. Мы любили повторять строки Николая Заболоцкого: «Догорит и погаснет ракета, // Потускнеют огней вороха, // Вечно светит лишь сердце поэта // В целомудренной бездне стиха». И сейчас, по прошествии времени, читая подстрочные переводы новой книги Юлдашева «КОЛЮЧАЯ ЗВЕЗДА», вышедшей в 2007 году в Уфе, я вижу перед собой прежнего Хисмата – искреннего и застенчивого, чуткого и ранимого, погруженного в созерцание милой сердцу природы. Господь наделил его тонким лирическим даром, душевной теплотой, заботливостью – он вырастил трех сыновей. И все эти непростые годы рядом была жена – Тамара Искандерия, талантливая поэтесса. Встретившись весной 2008 года в Доме творчества в Переделкино, мы вспоминали Литературный институт, Всесоюзное совещание молодых писателей – девятое и последнее по счету (Хисматулла и Тамара были в семинаре Инны Ивановны Ростовцевой), и горько сожалели о том, что истончилась связь двух литератур – башкирской и русской. Но кому же как не нам самим вновь налаживать эти связи, наводить мосты?! Слава Богу, что еще сохранился интерес друг к другу, что есть издания, где можно опубликовать поэтические переводы...

Владимир КОРОБОВ.

ХИСМАТУЛЛА ЮЛДАШЕВ

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ

Однажды возьму да исчезну,
Смешаюсь с могильной землей...
Но я прорасту через бездну,
Качнувшись травинкой степной!

Пока же, влюбленный безбожно,
Я гибну в объятьях твоих...

*Перевод с башкирского Владимира Коробова

От жизни спастись невозможно,
А смерть не страшна для двоих!

ПЕВЧАЯ ПТИЦА

Ворвался в сад ночной,
Сломав границы,
Взлелеянные тишиной
Для певчей птицы.

Нетерпеливый, ждал.
Но куст сирени
Вновь не затрепетал
Под птичье пенье.

Угасла ночь. И день
Сиял далеко.
Легла от ивы тень
Так одиноко.

Зачем нарушил я
Безмолвье сада,
Ведь песня соловья,
Как тайна, свята.

В ТУМАНЕ

В тумане странны голоса,
Печальны, как свирель.
Плывет тумана полоса,
Качаясь – колыбель.

Мы шли, смеясь, в молочной мгле,
Но вдруг умолкли вмиг.
Туман влачился по земле
Таинственен и тих.

Чего так испугались мы?
Нарушить нежный сон
Младенца на руках у тьмы?
Туман со всех сторон.

ОСЕННЯЯ БУРЯ

Настигла буря... День осенний
Вдыхал я жадно
и не мог

Без страха видеть изменений:
Природа – многоликий бог.

Уже зимы видны приметы.
Уводит путь в далекий край.
Настигла буря...
Лето, лето
Зеленопенное, прощай!

* * *

Сиял от солнечных излучин
Родного края небосклон,
Но выросла внезапно туча
И погрузилось небо в сон.

И я смотрю, грозу вдыхая,
Как, изменяясь на глазах,
Кочует туча, набухая,
И – посох молнии в руках.

Откуда путь ее летучий?
Над кем свой дождь она прольет?
Уже воспел поэт могучий
Ее судьбу, ее полет.

Во мне иные будят мысли
Кочующие облака...
О, бедный мой народ башкирский,
Что кочевал в слезах века!

Непарадные портреты

Записки спичрайтера

(Продолжение. Начало в N 7)

«ЗОВИТЕ МЕНЯ ПРОСТО — ИЛЬИЧ!»

При Сталине про Сталина было мало анекдотов. За них сажали.

При Хрущеве эта форма народного творчества расцвела таким пугающим цветом, что «анекдотчиков» стали отлавливать и осуждать как клеветников и очернителей нашей действительности.

Хотели было и при Брежневе развернуть ловлю сочинителей и распространителей анекдотов. Но их было так много, что совладать с этим оказалось невозможно.

Главным героем анекдотов стал сам Брежнев. Видимо, эта личность и ее деяния не могли восприниматься только серьезно и требовали иронического осмысления. Первый анекдот появился сразу же, как возник вопрос — какими словами величать нового начальника.

Говорят, что кто-то из приближенных спросил об этом его самого. Дескать, вождя всех народов называли «товарищ Сталин», Хрущева — «дорогой Никита Сергеевич», а к вам-то как обращаться? Брежнев подумал малость и ответил без затей: «Зовите меня просто — Ильич».

Потом, когда стали переписывать книги про прошлое, выбрасывая из них все конкурирующие с Брежневым имена, люди стали говорить, что история СССР — это жизнь от Ильича до Ильича.

ОТРЕДАКТИРОВАННЫЙ БРЕЖНЕВ

Практически все записи бесед и переговоров высших советских руководителей рассылались для ознакомления членам политбюро и секретарям ЦК КПСС.

Эти записи тщательно редактировались в секретариатах соответствующего участника переговоров. Смысл редактиро-

вания всегда был один и тот же: чтобы «наш» начальник выглядел хорошо, по крайней мере умнее «их» представителя.

Насколько известно, так же редактировались и записи переговоров иностранными участниками. Поэтому если сличить, допустим, польские и советские записи одних и тех же бесед, то может создаться впечатление, будто на бумаге запечатлены совершенно разные встречи.

Особенно тяжело обстояло дело с записями бесед Брежнева. Причем, как ни странно, не на втором этапе его руководящей деятельности, а в начальном.

После того как Брежнев перенес тяжелейшее заболевание, его участие в переговорах сводилось к зачитыванию подготовленных памяток. Поэтому редактирование записей того, второго периода носило скорее косметический характер.

Сложнее было в начальном периоде правления Брежнева. И тогда тоже к каждой беседе готовились памятки. Это были подчас большие документы — с десятков страниц, хотя обычный стандарт короче, три-четыре машинописных страницы.

Пытаясь придать доверительность беседе, Брежнев мог и не листать лежавшие перед ним тексты, излагая по памяти главные идеи задуманного разговора.

Если в беседе участвовали толковый переводчик или помощник, умевшие быстро записать смысл произнесенной фразы, то записанная речь могла сразу же выглядеть связной.

Хуже обстояло дело, если по каким-то обстоятельствам по ходу беседы записать ее не удавалось, тогда разговор расширялся с техники, то есть с магнитофонов, которые были встроены в стол.

Если мне приходилось редактировать запись переговоров, к которым я же как работник аппарата ЦК КПСС и готовил материалы, это было нетрудно, поскольку заложенная в памятку логика обычно

дневник

выдерживалась. Труднее было, когда от помощников генерального секретаря поступало поручение «причесать» запись беседы, о которой я не имел ни малейшего представления.

Столкнувшись в первый раз с технической записью, расшифрованной стенографисткой, я растерялся. На бумаге были зафиксированы одни междометия. Словно редкие островки, встречались слова. И ни одной целой фразы. Никакой связи. Чувствовалось, что Брежнев выражал свои эмоции жестами, гримасой. Видимо, в целом это создавало понятный собеседнику образ. Таким же манером передавалось отношение Брежнева к словам собеседника.

Словами «э-э» или «ну-у», если глядишь человеку в глаза, можно передать широкую гамму чувств. Если бы на беседе был переводчик или другой участник, он записал бы: «Брежнев выразил согласие». Или наоборот: «Брежнев решительно возразил». Но поскольку на данной беседе никто не присутствовал, эти «э-э» или «ну-у» надо было перевести в членораздельную речь задним числом с помощью каких-то иных средств. Ведь не пойдет же никто к генеральному секретарю спрашивать: что он здесь промышал?

Моя растерянность перед ситуацией не только удивила, но прямо-таки возмутила помощника генерального секретаря, привлечшего меня к редактированию.

— Неужели не ясно, что здесь сказал Леонид Ильич? Не мог же он согласиться с неверной точкой зрения. А здесь — наоборот, очевидно, что он поддерживал. Мало ли что одним и тем же междометием выражено! Смысл-то разный.

Помощник генерального секретаря, недовольный моей несообразительностью, распалялся все больше:

— Незачем оглуплять положение. Должен сказать, что я не первый раз это замечая. Вы что же, хотите, чтобы я пошел к Леониду Ильичу и сказал ему, что работник аппарата не в состоянии его понять?

Давно зная этого человека из окружения Брежнева, мизантропа и неврастеника, я не исключал, что он может без больших сомнений кинуться к дверям генерального секретаря, если сочтет что-либо «оскорбляющим Величество», как сказали бы в Риме во времена Нерона.

Поэтому успокоил его. Сказал, что попытаюсь разобраться.

Вернулся к разгадыванию политического ребуса. Позвонил коллеге, который готовил памятку к той беседе Брежнева. У него сохранился рабочий экземпляр. С этого текста я и переписал слова, которые, по логике вещей, должен был иметь в виду генеральный секретарь, произнося свои «э-э» и «ну-у».

Когда отдал законченную работу строитивому царедворцу, тот быстро пробежал текст. Остался доволен. «Теперь верно», — был его вердикт.

И тут я понял, что если бы он редактировал стенограмму, то с самого начала пошел бы найденным мною путем.

С тех пор всякий раз, когда сталкиваюсь с мудрыми словами, которые, словно бриллианты, расцвечивают записи встреч и переговоров руководящих деятелей, ловлю себя на сомнении: когда же это было сочинено — на этапе подготовки памятки или уже перед сдачей исторического свидетельства на вечное хранение, на память потомкам?

НА НЕПОНЯТНОМ ЯЗЫКЕ

После очередного осложнения отношений с Югославией туда готовилась ехать первая серьезная советская делегация. Кандидатом в ее руководители был Андропов. Это было в начале 1967 года, когда он был секретарем ЦК КПСС по социалистическим странам.

Предложение попало к члену политбюро Кириленко, тупому и невежественному, но очень близкому к Брежневу человеку, его соратнику еще со времен совместной работы в Днепропетровске.

Кириленко звонит Андропову, у которого идет проработка этого вопроса с участием трех-четырех человек. Разговор ведется по так называемой «вертушке» — телефонной линии АТС Кремля. Эта телефонная система отличается большой громкостью, да еще Андропов держит трубку нарочито на расстоянии от уха. Поэтому мы прекрасно слышим слова обоих собеседников.

Разговор отражает разницу положения того и другого в партийной иерархии. Кириленко говорит только на «ты».

Слышно, как он прихлебывает чай, помещивает ложечкой в стакане. Стало быть, сидит. Андропов разговаривает на «вы» и стоя, как это часто бывало при задевавшем его разговоре.

Кириленко не нравится предложение о поездке делегации в Югославию. Веских доводов у него нет, просто он против югославов, точнее против Тито; должно быть, считает его ревизионистом, хотя и не знает в точности, что это такое. Заканчивает не вопросом, а утверждением: «На фуя нам это надо!»*.

Андропов понимает, что убеждать Кириленко надо доступным его пониманию образом, и отвечает:

— Андрей Павлыч! Но «на фуя» — это же не аргумент!

Кириленко умолк, видимо сраженный собственным оружием. Слышно было только, как звякнула ложечка о стакан. Сказал: «М-да». И повесил трубку.

ЗАЧЕМ НАМ ИХ СУВЕРЕНИТЕТ?

За месяц с небольшим до ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, в августе 1968 года руководители союзных государств направили коллективный ультиматум в адрес тогдашнего первого секретаря ЦК КПЧ Дубчека.

Текст ультиматума в виде письма руководителей пяти стран был принят на их встрече в польской столице. Советская делегация прибыла в Варшаву 14 июля, накануне совещания, и Брежнев сразу же провел переговоры с польским лидером Гомулкой, игравшим на правах принимающей стороны ключевую роль в организации всего мероприятия.

Вечер после знойного дня. Резиденция главы советской делегации на Парковой аллее. По кругу маленького дворика ходит широким тогда еще шагом Брежнев, разгоряченный только что закончившимся разговором с Гомулкой. Рядом семенит советский посол в Польше Аристов, бывший секретарь ЦК, не уверенный в прочности своей дипломатической карьеры.

Брежнев страшно недоволен тем, что Гомулка, с одной стороны, как и он, осуждает «ревизионизм Дубчека», а с другой — «талдычит о каком-то международном праве».

— Суверенитет! Суверенитет! — передразнивает Брежнев с гримасой на лице слова Гомулки. — А на фуя мне этот суверенитет?

— Правильно, Леонид Ильич, — подхватывает Аристов, — на фуя нам их суверенитет?

И вновь идут по кругу, вспоминая и отменяя сразу же все, что «нес тут этот Гомулка».

Мы с Блатовым, моим начальником по чехословацкой истории, заместителем заведующего отделом ЦК КПСС, окаменело внимаем происходящему, явственно понимая, что нам придется трансформировать эту, с позволения сказать, фуевку в речь, которую на следующий день Брежнев будет произносить на встрече руководителей пяти социалистических стран.

Стоящий поодаль один из помощников генерального секретаря делает нам знаки, чтобы мы записывали мудрые слова главы советской делегации.

Нас привезли в Варшаву и вызвали в этот дворик специально для того, чтобы мы получили прямо от первого лица его характеристику происходящего и соответственно переработали подготовленный в Москве проект речи.

— Как же нам такие новации о суверенитете в речь-то включать? — обескураженно спрашиваю Блатова.

Слышу неожиданное:

— Мы все уже написали еще в Москве. В тексте говорится, что принципы социалистического интернационализма для нас — главное. А они, понятно, важнее суверенитета.

— Как же так? — не унимался я. — Кто-нибудь завтра припомнит: вам, скажет, образное мышление было продемонстрировано, а в тексте старая жвачка осталась.

— Хорошо, — согласился Блатов, — для новизны вместо одного в двух местах напишем слова «социалистический интернационализм». Тогда никто не усомнится, что их суверенитет нам не нужен.

ПОЛЕМИКА АБСУРДА

Летом 1968 года границы внутри Союза, понятное дело, существенной роли не играли. Но игра во внешний суверени-

тет союзных республик была в ходу. Поэтому в состав делегации политбюро ЦК КПСС для переговоров в Чиерне-над-Тисой с делегацией президиума ЦК Компартии Чехословакии был включен глава Компартии Украины П. Шелест. Он прибыл на пограничный полустанок Блок-Пост в отдельном эшелоне, который встал бок о бок с правительственным составом из Москвы. Этим, пожалуй, самостоятельность украинской части делегации и ограничивалась.

В дела внешней политики Шелест старался не вторгаться, понимая, что не располагает достаточными знаниями и компетенцией. Как член политбюро он просто поддерживал то, что предлагал Брежнев, демонстрируя единство в рамках руководства КПСС.

Когда же, по чужому замыслу, Шелесту пришлось на переговорах в Чиерне прочитать написанную за него речь, ничего путного из этого не получилось. Впрочем, этот эпизод вполне достоин хотя бы краткого описания.

Переговоры в Чиерне планировалось завершить в один день. С пространной речью от КПСС выступил Брежнев. Имелось в виду, что после этого дружно выступят промосковские силы в руководстве КПЧ и позиция Дубчека будет смята.

Но полемика пошла по иному руслу. Друзьям Москвы из руководства КПЧ не хватило смелости на решительный бой, а сам Дубчек вместо покаяния или брани выступил со спокойным разъяснением своей позиции и пригласил к дискуссии всех членов делегации КПЧ.

В этих условиях нужно было срочно увеличивать и число выступающих со стороны КПСС. Шелест как руководитель соседней с ЧССР республики вполне подходил для этой роли.

Ночью была написана для него речь на пять страниц с разоблачениями чехословацкого ревизионизма и конкретно одного из деятелей, сидевшего за столом переговоров, — члена президиума ЦК КПЧ, врача по профессии Франтишека Кригеля.

По предложению одного из высоких деятелей КПСС, текст речи Шелеста закончили такой назидательной фразой: «Вам, товарищ Кригель, надо об этом особенно подумать».

Шелест добросовестно выполнил возложенную на него миссию, прочитал, не сбиваясь, весь текст и закончил его назиданием «товарищу Кригелю», не очень-то вникая в смысл особой позиции этого деятеля.

Такого рода назидания были в ходу на судилищах в партийных органах КПСС. Надо думать, что и Шелест бросал укоры в адрес обвиняемых на заседаниях украинского политбюро, где никто не смел и слова сказать в ответ. И тут произошло неожиданное.

Кригель, такой же полный и мало-подвижный человек, как и Шелест, услышав свою фамилию, вдруг встрепенулся и спросил: «Товарищ Шелест, а почему мне-то надо особенно об этом подумать?»

Если бы Шелест хорошо разбирался в том, что прочитал, а главное — готовился бы к спору, а не к выволочке, возможно, он и нашел бы вразумительный ответ. Но в его интеллектуальном запасе не было подходящего аргумента, и он ответил, не очень-то заботясь о смысле слов: «Вы посмотрели на меня, вот я вам и сказал».

В зале воцарилась мертвая тишина. Бессмысленность упреков в адрес «чехословацких ревизионистов» приобрела осязаемость. Стало невыносимо смотреть друг другу в глаза. Продолжать полемику было психологически невозможно. «Прервемся на этом», — сказал Брежнев, не нашедший лучшего выхода, как и его украинский сподвижник.

Заготовленный сценарий переговоров и атаки на Дубчека рухнул. Начались судорожные поиски компромисса, завершившиеся общим согласием провести через три дня более широкое совещание в Братиславе, на котором Шелест уже не получил слова. Ну, а к нему приклеилось в окружении делегации ядовитое определение — «шкаф с ушами». Хотя он, конечно, был и не самым главным носителем зла в этой истории.

ПОКУШЕНИЕ НА ВЛАСТЬ

Весной 1992 года, когда крушение Советского Союза стало свершившимся фактом, мы встретились на выходе из поликлиники в Сивцевом Вражке с бывшим главным помощником Л. И. Брежне-

ва Георгием Иммануиловичем Цукановым. Обоим спешить было некуда. Он уже несколько лет был на пенсии, а я совмещал пенсию с работой в журнале, но новая работа не требовала суеты.

Разговор, как тогда неизменно случалось при встречах аппаратчиков КПСС, зашел о причинах тотального краха компартии. Наши довольно добрые отношения позволяли говорить достаточно откровенно.

Мы оба сходились во мнении, что кризис в партии был связан не только с развальной политикой Горбачева, но и с тем, что называлось застоєм общественной и экономической жизни в последние годы нахождения Брежнева у власти.

— Можно ли было предположить, что Леонид Ильич оживит руководство за счет привлечения молодых руководителей, может быть, с передачей им части функций? — спросил я этого ближайшего сподвижника Брежнева.

— Что вы?! В отношении властных полномочий Брежнев был неколебим, даже в самые острые периоды своих заболеваний, — сказал Цуканов. — В 1976 году, когда он себя чувствовал плохо, приезжал на работу всего на два часа, а то и вовсе оставался на даче, я затеял с ним такой разговор. Сказал, что, может быть, стоит освободиться от какой-нибудь функции, которая не определяет реальные властные полномочия, а времени забирает много. «Что ты имеешь в виду?» — сразу прореагировал Леонид Ильич. Я сказал, что имею в виду функции Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Ведь в первые годы своего партийного руководства Брежнев не занимал этот пост. Вот и сейчас можно освободиться. Реальная власть там небольшая, а времени требуется много. «Ты это один придумал? Больше у тебя ничего нет на уме?» — спросил Леонид Ильич. «Один, — ответил, — так рассудил, других соображений нет». Леонид Ильич взял у меня бумаги, которые я должен был ему доложить. Сказал: «Бумаги оставь, сам разберусь. А ты ступай и получше подумай, когда хочешь что-нибудь сказать».

— Что же было дальше? — спросил я Георгия Иммануиловича.

Тот вздохнул, кисло улыбнулся. Ответил:

— Все как и можно было предположить. Я вышел из кабинета Леонида Иль-

ича. И потом он меня три месяца к себе не пускал. Ни по прямой связи поговорить с ним я не мог, ни переступить порог кабинета. На телефон он просто не реагировал, а относительно встречи секретарь всегда говорил одно и то же: Леонид Ильич просил бумаги оставить здесь, он сам во всем разберется. Стоит ли говорить, что некоторые вопросы требовали обстоятельного обсуждения, а некоторые безотлагательного решения. Все это застряло на долгий срок.

— Ну, а дальше? — спросил я. — Состоялся ли какой-нибудь разговор по принципиальному вопросу полномочий?

— Никакого разговора. Месяца через три он вызвал меня по какому-то пустяковому делу: «Разберись, доложи». И все. Потом отношения постепенно нормализовались. Но вопросы власти я обходил стороной. Думаю, что эта тема была абсолютно нетерпима для Леонида Ильича, и не только в контактах со мной, но и с членами политбюро — Андроповым, Устиновым, другими. Они ее не касались. У них были свои высокие прицелы, и они могли бы заплатить большим, чем это отразилось на мне.

ПОЕЗД БРЕЖНЕВА

Впервые я оказался в поезде Л. И. Брежнева, когда ехали в Варшаву в июле 1968 года на совещание руководителей пяти стран Варшавского договора. На остановках в крупных городах к вагону-салону Брежнева приходили областные руководители, рассказывали о своих делах.

«Вот ведь как хорошо получается, — приходила на ум верноподданническая мысль, — не теряет времени даром наш начальник, получает информацию из первых рук».

Впрочем, общение это представляло собой хорошо разыгранное очковничество. Местные руководители стараются доказать свою рачительность, и за час-два им это удается. Генеральный же говорит о громаде дел, лежащей на нем, и тем самым формирует представление о ничтожности тех вопросов, с которыми, может быть, вначале собирались обратиться к нему руководители областей.

Получив сведения «из самых компетентных источников» о положении на ме-

стах, Брежнев считал себя вправе отгородиться от всякого иного общения.

В этом отношении даже сама организация его поездки по железной дороге была показательной. Станции и вокзалы, где останавливался поезд, были очищены от людей. Поезд подходил к пустому перрону. Брежнев встречался с очередными руководителями, в окружении трех-четырех из них ходил вдоль поезда, брал под руку, рассказывал истории, шутил, хлопывал по плечу, затем поднимался на ступени медленно отходящего состава. Последние слова напутствий. Взаимный вздох облегчения от окончания ритуала без какого-либо содержания.

И где-то за штaketником пристанционной ограды мужики в телогрейках, женщины в аккуратных платках, надвинутых на брови, пристально вглядываются в проходящий мимо «поезд с правительством», будто пытаются разгадать, хорошим или плохим обернется для них эта встреча начальников.

После таких встреч местные руководители будут внушать подчиненным, что они все согласовали с генеральным сек-

ретарем и получили его полное одобрение. А генеральный секретарь будет выдавать за мнение народа запомнившиеся ему обрывочные фразы, почерпнутые на тысячекилометровом пути.

Ушел ли в прошлое такой эрзац внимания к людям, или он свойствен всем системам власти? Наполнены ли реальным содержанием паромходные и самолетные вояжи? Скорее всего, изменений, по сути, не произошло. Тогда что же они собой представляют? Политический туризм? Борьбу за голоса? Или просто шоу? Если не можем дать работы и денег, то вот вам зрелище на самом высоком уровне. Арена. Забавная и без последствий.

(Продолжение следует)

**Приходится использовать это лингвистическое изобретение Солженицына, чтобы представить речь Кириленко, который без матерщины мог обходиться лишь в том случае, когда читал с трибуны написанные другими людьми доклады (прим. автора).*

Бунт животных: Костомаров, Гафури, Оруэлл

Прихотлива писательская судьба. Делаешь художественное открытие, а лавры достаются тому, кто сделал это позже, но довел до читателя раньше. Однако не годится обижаться на это, если только рукописи не сгорели. Мы делаем, как говорили древние, одно и то же, но по-разному. Рано или поздно мы сравниваем несравнимое — своеобразие писательских талантов — и приходим к выводу о величии любого дарования, величии его в том или ином отношении.

О жизни животных, воплощающих человеческие страсти, добродетели и пороки, писали еще в древние века, не говоря об авторах нового и новейшего времени. Басни, притчи, сказки, фантазии, сатиры и утопии о людях в животном облике создавали Эзоп, Федр, Бабрий, Жан Лафонтен, Джонатан Свифт, Иван Андреевич Крылов и тысячи других именитых и безымянных творцов. Но в жанре антиутопии «воспевали» братьев наших меньших лишь немногие. Среди них Николай Костомаров, Мажит Гафури и Джордж Оруэлл.

Гафури был первым, кто опубликовал свою прозаическую басню, уже будучи довольно известным писателем, но его произведение не получило широкого резонанса в силу как малой его формы, так и непонимания окружающими глубины этого пророчества. Оруэлл после издания своей притчи сразу же стал знаменитым автором. Его всемирную славу закрепила антиутопия «1984». Костомаров первым из нашей троицы обратился к данной теме, но в свет его произведение вышло только после издания работы Гафури.

Мы имеем в виду следующие их произведения.

Повесть «Скотской бунт (Письмо малороссийского помещика к своему петербургскому приятелю)», рукопись Николая Ивановича Костомарова (1817—

1885), которая была найдена в бумагах покойного и впервые опубликована лишь в 1917 году в журнале «Нива» (№ 34—37) как посмертный очерк. Это произведение предположительно было написано в 1879—1880 годах.

Памфлет-притча «Среди животных» Мажита Гафури (1880—1934), впервые опубликованный в журнале «Шура» в 1912 году (№ 16).

Сказка-антиутопия «Ферма животных», или «Скотный двор» (Animal Farm) Джорджа Оруэлла (1903—1950), написанная в 1944 и опубликованная после долгих колебаний в 1945 году издательством «Секкер и Ямбург».

Эти произведения во многом схожи, но и во многом различны и по истории их опубликования, и по их формальной, художественной стороне, и по философско-политическому содержанию, и по дальнейшей судьбе.

Костомаров не мог (или не хотел) издать свое произведение при жизни, возможно по цензурным соображениям. В России тогда (да, впрочем, и сейчас) над литературой висели две цензуры — государственная и либеральная. Вторая была, пожалуй, страшнее. Она убила литературную и человеческую репутацию Некрасова и ускорила его смерть (история с «Муравьевым-вешателем»). Она же вынудила Костомарова уйти из Петербургского университета под давлением студентов, поддержанных и натравливаемых на своего профессора либеральным общественным мнением, когда он отказался стать «подписантом» в поддержку другого увольняемого профессора. Стадный либерализм стоит государственного консерватизма.

Поэтому не удивительно, что Костомаров с его репутацией антилиберала, памятуя о бойкоте Некрасова, опасался, что его антиреволюционное произведение

(а общественное мнение тогда фактически поощряло подготавливаемое народниками убийство Александра-Освободителя) окончательно добьет его репутацию, и, возможно, поэтому особенно не настаивал на публикации повести. И только после февральской революции она увидела свет одновременно и вполне своевременно как актуальное предостережение, и уже с роковым опозданием, так как анархия уже перерастала в большевистский переворот. Увы, недаром сказано, что нет пророка в своем отечестве!

Произведение Мажита Гафури было издано в период так называемой реакции на революцию 1905 года, и с внешней стороны история его издания выглядит вполне благополучной. Правда, мы не знаем, какие препятствия ему, возможно, пришлось тогда преодолеть. Общеизвестно, что многие его стихи запрещались царскими властями. Но незавершенность начинающегося бунта была вполне по вкусу власти предраскажем, и поэтому эта публикация все же появилась.

Джордж Оруэлл написал «Скотный двор» в 1943–1944 годах, но издательство за издательством отвергало это произведение как антилиберальное и антисоциалистическое, так как общественное мнение тогда клонилось влево (в немалой степени из-за симпатий к советскому народу, героически сражавшемуся против гитлеровской Германии в союзе с Великобританией). Даже когда издатели согласились на публикацию этого произведения, они задержали на полгода выпуск книги, потому что не желали нанести вред избирательной кампании лейбористов, весьма популярных в то время (и выборы они выиграли, заставив Черчилля уйти в отставку, несмотря на его заслуги военного вождя, приведшего британцев к победе). Выход книги был настоящим взрывом, сопоставимым по своей значимости с одновременным в августе этого года взрывом американцами первой атомной бомбы. Но если два ядерных взрыва уничтожили сотни тысяч японцев, то литературный взрыв, возможно, косвенно спас столько же людей.

Формально все три произведения можно отнести к прозаическим басням. Но если «Скотской бунт» и «Скотский двор» представляют собой притчи, раз-

вернутые в большие повести (произведение Костомарова размером в один авторский (печатный) лист, а труд Оруэлла — три с половиной листа), то «Среди животных» — это лишь полдюжины страниц (четверть листа). Такая разница в объеме не случайна и может быть объяснена через содержание самих этих произведений.

У Гафури бунт не вырастает в действия, оставаясь лишь протестом на словах, а энергия разрушения переносится не вовне, не на угнетателей, а внутрь самого сообщества животных. Естественно, скоротечной развязки вполне достаточно, а следовательно, и краткая форма повествования в данном случае оправдана.

У Костомарова бунт осуществляется, этот факт продлевает рассказ, но восстание против человека приводит к анархии и неизбежному краху, что приводит к восстановлению старого строя и также кладет конец дальнейшему развитию повествования.

У Оруэлла бунт животных проходит через все стадии, характерные для классических революций: подготовка общественного мнения как причина и следствие революционной ситуации, революционный взрыв и победа восставших, установление нового строя и, как следствие новой государственности, возвращение гнета, причем более ужасного, на новом витке истории. Поэтому повествование Оруэлла самое длинное из трех сравниваемых притч.

Форма и даже стиль всех трех произведений во многом схожи, хотя по своему философско-политическому содержанию они различны.

У Гафури звери сходятся на собрание, избирая льва председателем, а барса — секретарем. Поочередно, призывая к бунту, пламенные речи произносят лев, лиса, корова, медведь и слон. «О звери! О господа!» — обращаются они к собранию. Собрание решает, что, невзирая на классы и различия, животные должны выступать единым фронтом. «Да здравствует единство!», «Да здравствует великий мир животных!» Речи выступающих занимают почти все произведение, и лишь в последнем абзаце описана быстрая развязка этой говорильни: звери учреждают комиссию для борьбы за свободу и равноправие, в которую они выбирают льва, барса, тигра, медведя, лису, волка, сокола и сову.

Для поддержания существования комиссии члены оной съели корову и, удовлетворенные жизнью, разошлись. Борьба закончилась.

Эта прозаическая по форме басня вызвала к жизни «уточняющие» последующие стихотворные басни М. Гафури, написанные им в 1913 году, под явным влиянием И. Крылова: «Падеж зверей», «Кто съел овцу?», «Бык и волк». Здесь «корову» съедают по «обоснованным» причинам, а в роли жертвы выступают: честный бык, не сумевший оправдаться перед львом, что удалось сделать другим вороватым зверям; заяц, также не сумевший оправдаться перед волком, председателем совета по выявлению преступника; снова бык, которого перед судьей медведем оклеветал волк, зачинщик драки.

Гафури подчеркивает несправедливость мира животных, под которым подразумевается, естественно, общество людей.

У Костомарова притча также начинается с долгих речей. Вот часть речи быка-зачинщика: «Братья-волы, сестры и жены-коровы! Почтенные скоты, достойные лучшей участи, чем та, которую вы несете по воле неведомой судьбы, отдавшей вас в рабство тирану-человеку! Долго, — так долго, что не нашей скотской памяти прикинуть, как долго, — пьете вы ушат бедствий и допить его до дна не можете!.. Ополчимся дружно и единорочно!» Бык, как и животные в памфлете Гафури, призывает к единству зверей в борьбе против тирании: «Не мы одни, рогатый скот, пойдем на человека: с нами заодно грянут на него и лошади, и козы, и овцы, и свиньи... Вся тварь домашняя, которую человек поработил, восстанет за свою свободу против общего тирана. Прекратим же все наши междоусобия, все несогласия, подающие к междоусобиям поводы, и будем каждую минуту помнить, что у всех нас один общий враг и утешитель... Добьемся равенства, вольности и независимости, возвратим себе неприкосновенное и поправное достоинство живых скотов, вернем те счастливые времена, когда скоты были еще свободны и не подпадали под жестокую власть человека... Да здравствует скотство! Да погибнет человечество!» Аналогичную речь произносит и рыжий жеребец, призывая к

бунту лошадей. Эти речи приводят к успешному выступлению и временной победе скотов. После поражения, вызванного анархией, голодом и беспомощностью скотов, животные возвращаются под власть человека, а быка как зачинщика бунта казнят.

У Оруэлла в роли пламенного агитатора, буревестника революции выступает хряк Майор (под которым угадывается Карл Маркс), обращаясь с традиционным обращением социалистов и коммунистов: «Товарищи! Человек — вот наш единственный настоящий враг. Устраните Человека, и вы навсегда устраните главную причину голода и невыносимого труда». Майор демагогически заявляет, прибегая к полуправде: «Человек — единственное существо, которое, потребляя, ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, он слишком слаб, чтобы тянуть плуг, и слишком неповоротлив, чтобы поймать кролика. И тем не менее он господин над всеми животными». Отсюда призыв к прямому действию: «И разве кому-нибудь еще не ясно теперь, товарищи, что все зло в мире берет свое начало в тирании людей? А ведь стоит только избавиться от Человека — и плоды нашего труда будут нашими. Все изменится в одночасье, мы сможем стать богатыми и свободными».

Майор делает вывод: «Все люди — враги. Все животные — товарищи». Последний лозунг в речи Майора, перед тем как животные исполнили гимн «Скотов Англии», был: «Все животные равны!» Этот лозунг позднее был видоизменен хряком Наполеоном, под которым имеется в виду Сталин, в знаменитое «Все животные равны. Но некоторые животные более равны, чем другие». Майор через три дня умирает, но его знамя подхватывают Наполеон и Снежок, свиное воплощение Троцкого. После победы и изгнания Человека животные создают новый строй, в ходе междоусобной борьбы Снежок изгоняется, инакомыслящие (конь Боксер) уничтожаются, а Наполеон при поддержке свиней становится единоличным диктатором. Свиньи «очеловечиваются» и эксплуатируют других животных, не гнушаясь и сотрудничеством с некогда ненавидимыми людьми.

Анализ всех трех произведений подводит к выводу, что Костомаров и Гафури каждый по-своему были провидцами, предсказавшими судьбу России в XX веке, в то время как Оруэлл в аллегорической форме лишь очень удачно и в отличной художественной форме описывал события, которые уже имели место. Поэтому он и индивидуализировал животных, дав им имена, за которыми легко угадываются прототипы. И все же Оруэлл выступает, при всех его достоинствах, только талантливым летописцем.

Костомарова и Гафури общество не слышало, потому что не могло («Скотский бунт» долго оставался в рукописи, а Гафури печатался в издании национального меньшинства) и не хотело (горькая правда нежелательнее сладкой лжи). Оруэлла услышали, но поздно, когда часть зла уже свершилась.

То, что российские авторы создали антиутопии до их осуществления на деле, можно объяснить и культурно-национальными различиями. Оруэлл не мог так глубоко прочувствовать того, что было сутью России в XIX—XX веках: атмосферы ожидания «беспощадного» русского бунта. И дело здесь не только и даже вовсе не в социальных условиях жизни народа в ту эпоху. Это гениально показал Федор Михайлович Достоевский в запланированном бунте Раскольникова против того, что он считал злом и несправедливостью. Лишь наполнение этого предбунта было различным. Николай Костомаров (украинец, проникнувшийся русской культурой) жил в эпоху возмущения народа против властей, а Мажит Гафури (та-

тарин, проникнувшийся башкирской и русской культурой) – в период поражения одной и ожидания другой революции. И пусть даже Гафури ставил задачей высмеять либералов, чтобы подтолкнуть народ к решительным действиям, объективно он отразил суть надвигающихся событий. Возможно при этом, что некоторый пессимизм и даже фатализм басен Гафури, при всех его революционных настроениях, вызван восточным и религиозным мироощущением тщетности мирских усилий по преобразованию мира. Произведения авторов зачастую начинают жить и оказывать воздействие вопреки намерениям их создателей.

Если Николай Костомаров предсказал февральскую революцию 1917 года, приведшую к анархии, показал, что бездумное восстание против несправедливостей общества чревато прямо противоположными результатами, то Мажит Гафури не только предвидел эту революцию с ее «говорильней» в виде Государственной Думы и Советов, но и в определенной степени предсказал современное состояние общества, когда люди предпочитают не восставать, а «жрать» друг друга. Спокойней и лучше бездействовать, поддерживая свое бездействие, пожирая ближнего, чем выступать против власть имущих. В этом заложена глубокая философская мысль, что как действие, так и бездействие одинаково порочны по своему воздействию на людское сообщество как венец животного мира. И суть не в том, что не надо бороться против несправедливостей этого мира, а в том, что порочные действия чаще всего перекрывают благие намерения.

Мажит Гафури

СРЕДИ ЗВЕРЕЙ*

(басня в прозе)

Так уж сложилось в этом брэнном мире: сильные мира сего держат на поводке тех, кто слабее их. Так было всегда. К сожалению...

* Перевод с башкирского Гюльнары Иксановой.

Наконец, это свершилось. Ведь даже ангельскому терпению наступает предел. Сколько обид, угроз и притеснений доводится испытывать бедным животным от человеческих созданий, и говорить не приходится. Ведь так хочется жить в мире, покое и согласии. Обуреваемые этими мыслями животные решили, наконец, найти ответ на вопрос о том, как им жить в мире людей. Именно поэтому собрались они однажды на свой звериный меджлис, чтобы обсудить все наболевшие вопросы. Председателем общины был выбран царь зверей — лев.

Как только все собраты уgomонились, арслан открыл собрание словами:

— Эй, сородичи! Обстоятельства заставили нас собраться, чтобы и впредь быть вместе, жить и защищать наши интересы в одной звериной общине. Сколько уже времени мы испытываем гонения и угнетения от людей! Это каждый из нас почувствовал на собственной шкуре. Именно поэтому мы должны найти способ, как нам жить среди людей спокойно и без проблем. По этому поводу каждый из присутствующих на нашем меджлисе должен высказать свое мнение, предложение. Ни одно из ваших высказываний не останется незамеченным. Записывайтесь по очереди, кто за кем будет выступать.

Завершая свою вступительную речь, председательствующий лев оглядел всех товарищей по несчастью внимательным взором.

Не прошло и минуты, как первой из зверей подняла голову лиса. «Запишите меня», — уверенно произнесла она.

Вслед за ней стали записываться и остальные животные.

Взойдя на трибуну, лиса, поприветствовав поклоном головы зверей, начала свой спич:

— Товарищи! По какому поводу мы здесь собрались, вы, я думаю, прекрасно знаете. Мы наконец-то должны найти путь, как защитить себя от унижений и издевательств, которые терпели до сих пор от людей. Мы должны решать свои вопросы, не прячась от людей, как сектанты, а свободно и открыто. А для этого каждый должен смело отстаивать интересы нашей общины. Мы должны уметь себя защищать и не надеяться на милость людей. Ведь они используют нас как могут. Режут, убивают, а потом продают наше мясо и наш мех. Во всем видят от нас выгоду. По их вине нас все считают плутовками, прозвали хитрыми, обманщицами. И в то же время, если среди людей кто-то и появится хитрый, как лиса, то сразу вспоминают о нас. Послушайте-ка, друзья! Если бы мы были хитрыми, то разве зависели бы до сих пор от людей? Нам нужно уметь изворачиваться, чтобы выжить, иначе всех нас истребят поодиночке, весь наш лисий род. (В это время председатель с секретарем что-то говорят друг другу на ухо). Другие животные тоже никогда не увидят от людей милосердия. Поэтому нам нужно всем объединить свои силы для того, чтобы противостоять гнету людей. Что по этому поводу думают другие звери?

Сказав это, лиса завершила свое выступление. (Все животные долго ей аплодируют).

Вслед за лисой на трибуну поднялась прибывшая из города корова:

— Товарищи! Все, о чем говорила лиса, — правда. Мы действительно постоянно испытываем унижения от человека. Особенно нас, представителей домашних мирных животных, обижают люди и отдельные хищные звери, ни во что не ставят, не ценят (услышав эти слова, председатель делает замечание: «Не отклоняйтесь от главного!»). Люди нас режут, наше мясо едят, а такие хищники, как волки, нас душат и грызут. (Бараны, козы, собаки и другие животные, услышав эти слова, аплодируют, кто-то свистит, а председатель, негодуя, топает ногами и кричит: «Долой, хватит!»). Хорошо, если так, то я буду говорить о своих мытар-

ствах от людей. За 12 лет моей жизни я оказалась уже у третьего хозяина. У кого бы я ни служила, все воспитывали и растили своих детей на моем молоке. А сама я ни от кого из них не чувствовала сострадания и милосердия. За семь лет я родила семерых телят и ни одного из них толком не видела, не могла их, бедняжек, досыта напоить своим материнским молочком. Месяц назад я родила теленочка, и уже через три дня у меня его забрали, продали кому-то. В то же время люди создают «Общество защиты животных». Это говорит об их лживости и лицемерии. Разве можно им верить? Мы все понимаем, что эти «Общества...» люди создают ради своей выгоды. Мой последний хозяин тоже стал членом «Общества защиты животных». А сам мою родную кровиночку — моего новорожденного теленка — даже не показал мне, сразу продал на убой. И через пять дней мясо моего родного ребенка уже лежало на столе.

Из глаз коровы текут слезы, а звериный люд неистово аплодирует корове в знак поддержки. Между тем корова продолжает:

— Бедный мой малыш даже толком не увидел свою маму, не пососал моего молочка, не увидел жизнь, не надышался чудесным лесным воздухом, не порезвился на деревенских луговых просторах! А ведь он — Божье создание и должен был жить! Люди не стыдятся есть трехмесячное дитя. Не имеют даже малейшего сострадания. И ведь такая печальная участь, как правило, постигает многих отпрысков моих сородичей-коров. Люди приносят нам столько страданий! И мы должны найти способ защитить себя и своих детей от их бесчинств.

Услышав эти полные искреннего возмущения и горя слова, весь звериный люд стал поддерживать корову бурными овациями и одобрительными возгласами.

Следующее слово было предоставлено волку.

— Товарищи! Все, сказанное коровой, — истина. Коровы так же, как и многие другие животные, постоянно испытывают от людей угнетения. Но, тем не менее, коровы по сравнению с нами, дикими животными, еще не настолько угнетены. В некоторых странах, например в Индии, коровы признаны священными животными, их место в обществе очень высоко. Размышляя по этому поводу, просто поражаешься человеческой безнравственности! У нас оказывается в порядке вещей зарезать и съесть трехдневного теленка! Этого же теленка в другой стране считают священным, ради спасения его жизни проливают за него свою кровь. Израильтянин по имени Самири поклонялся таинственному теленку как священному, и этот факт вошел в историю. Я хочу сказать вот о чем: с одной стороны, коровы испытывают притеснения, обиды, а с другой — уважение. Поэтому мне кажется, что не стоит им сгущать краски по поводу своего положения в обществе. (Личные неприязни во внимание принимать не стоит — доносятся голоса). В то же время, люди создают для домашних животных неплохие условия для жизни. Они их кормят, поят. А к нам, волкам, и другим диким животным люди всегда относятся враждебно. Испокон веков они нас стреляют, убивают. Из нашей кожи шьют себе одежду. И если говорить на чистоту, то надо посмотреть, кто из нас более всего дикий зверь: мы — волки — или люди?

Их варварское, дикое отношение испытывают на себе все животные. От них страдают и птицы в небе, и рыбы в реке, и лесные животные, и ни один безвинный обитатель животного мира не может от них спастись. Люди говорят о построении нового культурного общества, цивилизации, а сами живут низменными страстями, развратничают, убивают и не боятся Всевышнего. Они воюют не только с нами, но и между собой у них мира нет. А сами кричат о создании «культуры». Это истинно так!

А жалобы товарищей-коров выглядят несколько неубедительно. Мы их не притесняем. Если иногда и причиняем им зло, то не такое большое, чтобы просить за него прощение. Если Бог дает нам пищу, то разве можно от нее отказаться? Мы не посягаем на их свободу.

Раз мы здесь собрались для того, чтобы говорить о том, как нам объединить усилия для избавления от рабства и притеснения нас людьми, то мы не должны сейчас враждовать между собой. Нам нужно найти способ избавиться от зла, причиняемого нам людьми. Только тогда мы сможем жить спокойно и благополучно. Больше мне сказать нечего.

Дикие животные рукоплещут, остальные притихли. Затем председательствующий объявляет перерыв. Через полчаса животные вновь собираются на свой меджлис, и слово берет слон (делегат из Индии):

— Выступавшие до меня товарищи очень много и долго говорили о гнете и притеснении людей. Но мы — слоны — сильная и мощная нация, и нам чуждо враждебное отношение к кому бы то ни было. Даже крохотному зверьку мы всегда уступаем дорогу. И людям, если они нас не трогают, мы лишний раз не доставляем беспокойства и не приносим вреда. Но, несмотря на это, они пытаются наш род истребить. И в этом мы не одиноки. Из-за человеческого варварства погиб не один вид животных. Мы должны быть единомышленны в своем стремлении защититься от произвола людей. И именно поэтому не место сейчас взаимным претензиям и обвинениям друг друга. Да будут согласие и мир! Пусть живет животный мир!

Сказав это, слон завершил свое выступление под всеобщие дружные аплодисменты.

После этого, по решению председателя собрания, для принятия решения о том, как освободиться животным от гнета людей, была создана специальная комиссия. Во время ее создания между членами меджлиса вновь возникали разногласия. Наконец, хищники (дикие животные), чьих голосов было больше, создали комиссию в составе льва, тигра, леопарда, медведя, лисы и волка; а из пернатых в нее вошли сокол и летучая мышь.

Остальные животные, из тех, кто остался недоволен составом избранной комиссии, голоса, тем не менее, не подали, сидели молча и тихо.

...Меджлис стал расходиться. Члены комиссии, уединившись в одном месте, приступили к обсуждению плана дальнейших действий. А после плодотворной работы полагается хорошо пообедать... Но что бы такое съесть? По предложению волка, на этот раз придется полакомиться коровой. Поймали они ее бедную и съели, набив животы до отвала. Затем, решив принять резолюцию в следующий раз, каждый пошел к себе домой отдохнуть и поспать.

...Прошли годы. Облетели все листья с деревьев, но с тех пор ничего не изменилось.

5 августа 1912 года

Склока о полку Игоре

(Первую часть работы читайте в N 6)

КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ

Д. С. Лихачев пишет в предисловии к книге: «23 апреля 1185 года, во вторник, Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его — Владимир Путивльский, племянник — князь Святослав Ольгович Рылский вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев выступили в далекий степной поход на половцев без сговора с киевским князем Святославом. Откормленные за зиму кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Дона 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застало солнечное затмение, считавшееся в те времена предзнаменованием несчастья...».

Черная тень начала надвигаться на солнечный диск. Заволновались животные, завyli собаки. Резко похолодало. Воздух постепенно приобретал зеленоватый оттенок. Когда от диска остался узкий серп, задул сильный ветер, бросая в лицо прошлогодние листья. Свет погас. Зажглись звезды. Мгновенно стих ветер. Вокруг черной дыры вспыхнули, занимая почти полнеба, оранжево-багровые языки солнечной короны. Непрерывный крик животных. Запрокинутые в ужасе лица людей...

Ничего этого не было. Игорь начал поход в субботу, 13 апреля 1185 г., 14-го вышел в Поле, разгромлен половцами и взят в плен 28-го. А солнечное затмение действительно случилось 1 мая в 15 час. 25 мин. по киевскому времени (тахіміт). Наибольшая фаза затмения — около 0,8 (т. е. 80% диаметра солнца закрыто лунной). При таком затмении освещенность местности даже выше, чем в обычный день в пасмурную погоду.

Откуда же Дмитрий Сергеевич взял 23 апреля, ведь все источники, за исключением одного, указывают на 13 число? Этим

«одним» Лихачев и воспользовался. Почему? Нехорошо как-то выходит: самый эффектный момент «Слова» принадлежит, оказывается, вымышленному миру! Ипатьевская летопись сообщает, что Игорь потерпел поражение «во вторую неделю Пасхи». В 1185 г. Пасха была 21 апреля. «Вторая неделя» (т. е. второе воскресенье) — 28 апреля. Летописцы впервые использовали солнечное затмение для объяснения поражения Игоря в 1177–1178 гг. Дата 23 апреля (день св. Георгия Победоносца) — из «Киевской повести», враждебной ольговичам. Летописец подводит читателя к мысли, что святой Георгий отвернулся от ольговичей, потерпевших поражение, хотя они и рассчитывали на помощь патрона (второе, христианское имя Игоря — Георгий).

Главный герой «Слова» — Игорь Святославич, князь Новгород-Северский, — родился в 1151 г., сын черниговского князя Святослава Ольговича и внук Олега Святославича (Гореславича) Черниговского. Князем в Новгороде-Северском стал в 1179 г. После смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского в 1198 г. стал черниговским князем. Умер в 1202 г. в возрасте 51 года. Вот как Д. С. Лихачев оценивает князя в предисловиях к разным изданиям СПИ: *«Совесть государственного деятеля, совесть князя — это то самое, что бросило и героя "Слова о полку Игоре" князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича в его безумно смелый поход. С небольшим русским войском Игорь пошел навстречу верному поражению во имя служения Русской земле, побуждаемый к этому своей проснувшейся совестью одного из самых беспокойных и задиристых князей своего времени... В 1184 г. объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского половцы были разбиты... Одна-*

ко Игорь Святославич Новгород-Северский не смог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала его конному войску подоспеть вовремя. По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу: ему не удалось доказать свою преданность союзу русских князей против половцев, его могли заподозрить в умышленном уклонении от участия в походе как бывшего союзника Кончака. Вот почему в следующем, 1185 году Игорь, «не сдержав юности» — своего молодого задора, без сговора со Святославом и Рюриком бросается в поход против половцев... Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. Смелость, искренность, чувство чести столкнулись в характере Игоря с его неадекватностью, любовью к родине — с отсутствием ясного представления о необходимости единения, совместной борьбы. Игорь в походе действовал с исключительной отвагой, но он не подчинил всю свою деятельность интересам родины, он не смог отказаться от стремления к личной славе, и это привело его к поражению, которого еще не знали русские».

Заметим, что подозревать Игоря в «умышленном уклонении от участия в походе» были все основания: не раз и не два оставлял он киевских князей один на один с половцами. В «молодой задор» 34-летнего князя я просто не верю. А вот какие слова о «служении Русской земле» вкладывает в уста Игоря Ипатьевская летопись: «Вспомнил я грехи свои перед Господом-Богом моим, ибо много убийств, кровопролитий учинил я в земле христианской, не пощадил христиан, а взял приступом город Глебов у Переяславля. Немало зла приняли тогда невинные христиане: родителей разлучили с детьми их, брата с братом, друга с другом, жен с мужьями их, дочерей с матерями их, подругу с подругой ее. Все были в смятении от плена и скорби. Живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, словно мученики святые, получили огнем испытание в сей глуши; старцы умерщвлялись, юноши получали лютые, жестокие раны, муж-

чин убивали и рассекали на части, а женщины терпели поругание. И все это совершил я...»

Дмитрий Сергеевич указывает качества, присущие Игорю: честь и совесть. Вероятно, особенно они проявились во время побега. Прошел слух, что «придут половцы с войны и перебьют они всех князей и всех русских», и Игорь бежит с помощью Овлура в Русь, оставляя на верную гибель брата, племянника и сына. Княжичу Владимиру было всего 14 лет... Начало похода ознаменовалось тем, что, разбив малочисленный половецкий разезд, защитники Русской земли занялись откровенным грабежом. Читаем в «Слове»: «И рассушась стрелами по полю, помчаша красные девки половецкия, а с ними злато, и паволоки, и драгия оксамиты. Ортъмами и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивым местомъ, и всякими узорочьи половецкими». Засыпать болота и топи барахлом, захваченным в беззащитных кочевьях, — вот это по-нашему, по-молодецки! «Слово» устами Святослава Киевского называет войну Игоря нечестной: «нечестно одолеше, бо нечестно кровь погану пролиясте», т. е. «нечестно вас одолели язычники, ибо сначала вы сами нечестно пролили языческую кровь».

Академик Б. А. Рыбаков, изучив летописные материалы, делает огорчительный вывод: «Игорь не был борцом за Русскую землю и действовал преимущественно в своих интересах». В чем же состояли эти интересы? Ну разумеется, алчность. А еще? Честолюбие и жажда власти. Сначала Игорь ждал, что Кончак свалит Святослава и Рюрика и он (Игорь) на половецких спинах въедет в Киев. Но после похода 1184 г. ситуация изменилась: степняки разбиты и ослаблены. Игорь резко меняет тактику: полное завоевание Дикого Поля открывало прямой путь на киевский престол! Итог подвел Святослав (Ипатьевская летопись): «О, любя моя братья и сынове, и муж земли Руское! Дали ми бяше Бог притомити поганья, но, не воздержавше уности, отвориша ворота на Русскую землю», т. е. «дал мне Бог прибить поганых, но вы неводержанной юностью отворили им ворота на Русскую землю». После поражения на реке Каяле киевский трон Игорь «не светил». Оставал-

ся трон черниговский. Но тут дело зависело от киевских князей, от феодального главы ольговичей Святослава. Игорь начинает налаживать с ними дружбу. Святослав потребовал от Игоря публичного покаяния и получил его. В начале октября 1188 г. двенадцатилетний сын Игоря Олег венчается с дочерью Рюрика (тогда же Владимир обвенчан с Кончаковной). В 1190 г. Святослав «*ожени внука своего Давида Ольговича Игоревною*». В следующем, 1191 г. Игорь возглавляет объединенные походы на половцев...

Зачем Дмитрию Сергеевичу понадобилось героизировать Игоря, делать из него рыцаря-великомученика? Что это — социальный заказ? Нужен положительный пример для воспитания юношества? Нет такого понятия: ИСТИНА. История — лишь средство для достижения идеологических целей, ее можно свободно переименовывать! Так? Думаю, что суть проблемы зарыта глубже.

«Слово» кончается фразой «*Князем слава, а дружине аминь*», т. е. «*Князьям — слава, а дружине — аминь*».

О. Сулейменов пишет: «*Страшный враг, ужас и проклятие Руси*» (цитата из Лихачева — Е. Ф.) — не половцы даже, а скорее князья, подобные Игорю. Это они «*несут розно русскую землю*», кричат летописи. Это они приводят половцев или провоцируют их набеги. Ученые, оправдывая Игоря, еще более усложняют обстановку... И в конце работы может выясниться, что икона-то висит на стенке неверно и изображен на ней не бог Игорь, а живой человек с дьявольскими чертами». Здесь — еще два крамольных вывода Сулейменова, из-за которых он удостоился сусловской травли: 3) Игорь — антигерой «Слова», 4) главное зло по «Слову» — не половцы, а княжеские которы (распри).

Не понимаю Кончака: он не раз получал уроки и видел, что за фрукт князь Игорь. Отчего же верил ему снова и снова? Что это — издержки степной этики, которая запрещает вредить родственникам? Игорь в плену пользуется почти полной свободой, ездит на ястребиную охоту и даже: «*Попа же бяшетъ привел из Руси к собе, со святою службою*». Отчего Кончак отпустил в Русь княжича Владимира с молодой женой, я понимаю: пожалел мальчишку!

Любопытно, что половцы поддерживали безопасность торговых путей даже во время военных действий. В Ипатьевской летописи упоминается русский купец Беловолод Просович — свидетель разгрома князя Игоря. Он «прибежал» в Чернигов и обо всем поведал оказавшемуся там Святославу Киевскому. Кончак, намеревавшийся напасть на Переяславль, не посчитал возможным задержать вражеского купца!

Я СОЗДАЛ ВАС ИЛЬ ВЫ МЕНЯ?

Историк Лев Николаевич Гумилев удивлялся идеологическому разнообразию «Слова» — двум разным авторским отношениям к Игорю. Как будто бы два разных человека рассказывают о князе: один произносит горькие истины, другой — поет хвалу. И эти двое перебивают друг друга. Один говорит трезвым языком исторических фактов, другой — создает блистательный миф. Наверное, Д. С. Лихачев первый обратил внимание на диалогическое строение «Слова». Дмитрий Сергеевич считает, что СПИ рассчитано на амебейное (парное) исполнение. Заметим, что нарушение логики из-за частицы «ли» в зачине «Слова», на которое указывал А. С. Пушкин, при таком взгляде пропадает!

Диалогическая структура поэмы резко обрывается в момент, когда Игорь, возвращаясь из плена, въезжает в Киев. Здесь кардинально меняются стиль, словарный состав, ритмика. Появляется совершенно не свойственное СПИ христианское благолепие, все ликуют и прощают друг друга. «*Страны ради, гради весели!*» Всенародная радость по поводу возвращения Игоря вызывает недоумение — уж слишком он напакостил и частным лицам, и государству. Непонятно, почему он едет в Киев, а не в Новгород-Северский. Непонятно, почему въезжает в город через Боричев взвоз (Андреевский спуск), т. е. по северной дороге, ведущей к Чернигову и Новгороду-Северскому. О. Сулейменов считает, что «Слово» попало к переписчику XVI века без конца и переписчик (монах) сам сочинил конец. Я с этим согласен.

Киев состоял из нескольких «градов» — отдельных территорий, имевших соб-

ственные укрепления в виде земляных валов с деревянными стенами на гребне и рвами перед валами. «Град Владимира» на Старокиевской горе и примыкавшие к нему «град Ярослав» и «град Изяслава-Святополка» на Михайловской горе составляли вместе так называемый «Верхний город», или «Горы». Собственные укрепления имел и «Нижний город» — посад «Подол» у Днепра, а также посады «Щековица» и «Копырев конец». Печерский монастырь имел даже каменную стену. «Странами» называли сельские местности, примыкающие к городам. Именно эти «*страны ради*» и «*гради весели*». Вот как легко впасть в заблуждение относительно смысла вроде бы абсолютно ясных слов!

В финале «Слова» нелепостей даже больше, чем считает О. Сулейменов: «*Игорь едет по Боричеву к святей богородици Пирогощей*». Боричев взвоз соединяет центр Киева с посадом Подол, где и находится Пирогощая церковь, поэтому Игорь едет ИЗ Киева! Туман немного рассеивается, если обратиться к Ипатьевской летописи. Оказывается, Игорь бежит из плена в пограничный город Донец. За 2 дня верхом и 11 дней пешком он преодолел около 350 км. «*И оттуда пошел в свой Новгород... Из Новгорода пошел к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помощи на Посемье. Ярослав же обрадовался ему. И помощь дать обещал... Игорь же оттуда поехал в Киев к великому князю Святославу*». Это путешествие «выпало» из «Слова».

ЗДЕСЬ РУССКИЙ ДУХ, ЗДЕСЬ РУСЬЮ ПАХНЕТ

«Повесть временных лет» под 859–862 гг. сообщает, что приходившие «из-за моря» варяги (викинги) собирали дань с племен чуди, веси, словен и кривичей, чинили им насилие и были изгнаны ими. Из-за возникших усобиц эти племена решили поискать себе князя, который бы владел ими «по праву». Они отправились к варягам, звавшимся РУСЬ, и призвали их на княжение. В 862 г. три брата — Рюрик, Синеус и Трувор — «с родами своими», взяв с собой «*всю РУСЬ*» (принятое обозначение дружины как «всего народа»),

утвердились в городах: Рюрик — в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в Изборске. Братья Рюрика вскоре умерли, он же стал единовластным правителем, основателем династии. Князь Рюрик (830–879 гг.) расширил свои владения на юго-восток до реки Оки и на юго-запад до Двины. Был женат на Урмайской княжне Ендивинде, от которой имел сына Игоря (Ингвара). Есть предположение, что летописец Нестор неверно понял скандинавский текст: Рюрик пришел «со своим домом» («*сине-хус*») и «верной дружиной» («*труворинг*»).

Это маленькое сообщение Нестора до сих пор вызывает землетрясения в среде русских патриотов. Почему-то считается, что призвать правителя со стороны — унижительно. Народы приобретают мудрость и вырабатывают социальные структуры, способствующие выживанию, сталкиваясь с неожиданностями судьбы на своем историческом пути. Бесконфликтное существование на вершине величия привело бы нацию к вырождению и краху.

В VI–VII веках в Приазовье существовал союз тюркских племен Великая Болгария. Болгары не раз вторгались в пределы Византии (в том числе вместе со славянами). В середине VII века под натиском хазар союз распался. Часть болгар ушла на Волгу, образовав там Волжскую Болгарию. Это — предки современных башкир и казанских татар. Другая часть во главе с ханом Аспарухом ушла в 70-х годах VII века в Западное Причерноморье, откуда стала совершать набеги на Византию. В 680 г. болгары перешли Дунай и заняли территорию Добруджи. Болгарское войско, спаянное родовой организацией, было серьезной силой. Аристократия существовавшего в Мисии славянского объединения «Семи родов» предпочла вступить с Аспарухом в соглашение, уступив ему главенство в центральном аппарате объединения. Новое государство стали называть Болгарией. Малочисленный тюркский этнос растворился в славянском, славянское население страны стало называть себя «болгарами»... Не правда ли, эта документально подтвержденная история аналогична «вымыслу» о приходе Рюрика?! Кстати говоря, Нестор зафиксировал прохождение тюрков-болгар через Приднестровье.

Арабские источники VII-VIII веков называли РУСЬЮ салтовское Подонье. Археологи открыли 12 салтовских городов-крепостей, выложенных из белокаменных блоков. Ширина их стен достигала шести метров. Салтовские (аланские) племена — потомки ираноязычных скифов и сарматов. Арабские историки Ибн-Русте и Гардизи подробно описывают набеги воинственной РУСИ на славян ради захвата невольников и продажи их в страны Востока. Арабские описания погребальных обычаев РУСИ точно соответствуют салтовским катакомбным захоронениям, но не данным славянской археологии. «Повесть временных лет» под 945 г. описывает заключение договора между РУСЬЮ и Византией. С русской стороны среди прочих вельмож договор подписали Сфандр, Прастен и Фроутан. Это явная передача иранских имен Исфендиар, Ростем и Феридун. К X веку салтовскую РУСЬ основательно разбавили славяне, варяги, прибалты, но старые иранские имена все еще сохранялись в обиходе! Происходящим от сарматов считал этноним РУСЬ М. В. Ломоносов.

Таким образом, сегодня у нас нет достаточной информации, чтобы решить, откуда пришло самоназвание РУСЬ к приднепровским славянам. Может быть, это был «международный» термин для обозначения воинского сословия?

Словацкий лингвист Павел Шафарек (1795–1860) в «Славянских древностях» утверждает, что в праславянском языке река называлась «руса» (**rusa*). В современном языке сохранились производные от «русы» слова: «русло», «русалка», «русалии» (языческий праздник — «ночное плещеванье, бесовские песни, плясанье и скаканье»). Д. Иловайский в «Разысканиях о начале Руси» (1882 г.) сообщает: *«Народное имя Рось или Русь... находится в непосредственной связи с названиями рек. Восточная Европа изобилует реками, которые носят или когда-то носили именно это название. Так, Неман в старину назывался Рось; один из его рукавов сохранил название Русь; а залив, в который он впадает, имел название Русна. Далее следуют: Рось или Руса, река в Новгородской губернии, Русь, приток Нарева; Рось, знаменитый приток Днепра на Украине; Руса, приток Семи; Рось-Эмба; Рось-*

Оскол; Порусье, приток Полиста, и прочие. Но главное, имя Рось или Рас принадлежало нашей Волге». Именно отсюда писатель В. А. Чивилихин (в романе-эссе «Память») выводил этноним РУСЬ. С этой точки зрения «руссы» — «обитатели рек».

В XII веке географический термин РУСЬ обозначает понятие, значительно более узкое, чем позже. Суздаль, Новгород Великий, Рязань, Галич, Новгород-Северский, Полоцк, Чернигов, другие княжества не считаются РУСЬЮ. Только владения Киева охватываются этим понятием. Б. А. Рыбаков сообщает: *«Если из Новгорода или Суздаля едут в Киев, то это обозначается так, что едут в "Русь"; галицкие войска, противостоящие киевским, обозначены в летописях как воюющие с "русскими полками", Смоленск, Полоцк, Рязань — все они оказываются вне "Руси", так как под "Русью" часто понимают лишь южную Русь»*. Термин «РУСЬ» получил расширительный смысл значительно позже XII века. Этот факт нужно учитывать, если мы хотим понять, как воспринимали «Слово о полку Игореве» современники.

Если бы в XII веке существовало понятие «русский патриот», то относилось бы оно прежде всего к патриотам Киевского княжества. Таковыми были киевские бояре, черные клобуки, торки, берендеи и... автор «Слова»! Он — киевлянин. Обратите внимание: он называет «русичами» черниговских ольговичей, он называет «русской землей» новгород-северскую землю, он ВПЕРВЫЕ в XII веке расширительно толкует понятие «РУСЬ». Это — определенная политическая позиция.

Итак, распалось единое Киевское государство. Автор «Слова» агитирует за новое объединение восточно-славянских княжеств под эгидой Киева. Он, так сказать, предлагает повернуть колесо истории вспять. Парадоксально, но проблемы XII века нам сегодня понятней, чем 15 лет назад: мы пережили распад СССР. А теперь представьте, как бы взвился Буй-Туре Назарбаев, если бы, к примеру, Зюганов назвал Казахстан «русской землей»! Выходит, что «Слово» — не только эпос, но также публицистика и, может быть, памфлет?

ИЗ МГЛЫ ВЕКОВ

На иконе XIV в. «Чудо Георгия о змие» на ногах коня под Георгием Победоносцем чуть выше копыт можно увидеть узкие красные ленточки. Это не причуда иконописца. Вольности «от своего мышления» не допускались. Любая частность строго обусловлена иконописным каноном, который, в свою очередь, основывается на освященных временем религиозных традициях. Ленточки в виде узеньких заостренных флажков встречаются на византийских и грузинских иконах. Они пришли на Русь через Византию из сасанидского Ирана. Ленточки, по-персидски «*кушти*», были неременным атрибутом божеств и героев иранского искусства, признаком избранничества свыше. Именно они удостоверяли святость персонажа или предмета, украшенного ими. Из Ирана пришел к нам и сам Георгий Победоносец. Тема героя-змееборца, воплощавшего силу света в борьбе с силами мрака, первоначально получила детальную иконографическую разработку именно в Иране. Там этот миф занимал центральное место в государственной религии и народном эпосе.

С VII в. до Рождества Христова пространство от среднего течения Оки до Черного моря и от Днепра до заволжских степей принадлежало скифам (скуфь, шкуда) и родственным им «женокуправляемым» савроматам, говорившим на североиранских наречиях. Свой народ скифы называли «*саки*» («олени»). Дон, Днепр, Буг, Дунай — скифские названия. «Дон» — скифское «*дан*» («река»), а «Днепр» — «*дан апр*» («река глубокая»). Греческие имена указанных рек — Танаис и Борисфен. В III в. до Р. Х. скифов вытеснили тоже ираноязычные сарматы. В течение по крайней мере тысячи лет предки славян соседствовали с этими народами, разбавляя свой язык их словами и свою кровь их кровью. От них в русском языке остался мощный пласт имен собственных и нарицательных, глаголы и т. д. Почти вся терминология древнерусской духовной культуры сверкает доподлинными иранизмами. Часть этих терминов заимствована у скифов, сарматов и их потомков, часть сохранилась как наследство первоначального славяно-иранского фон-

да. Иранизмами являются такие исконные, казалось бы, слова, как «Бог», «вера», «небо», «рай», «святой», «благой», «слово», «храм», «хоромы», «срам», «чаша», «могила», «звезда», «тьма», «читать», «ворожить», «гадать», «вопить», «думать», «звать», «истукан», «идол», «кумир», «исполин», «сарафан». От персидского «*мэрэзу*» (высшая степень неодобрения) происходят наши «мразь», «мороз», «мерзость». От персидского «*парна*» (молодые неженатые воины) происходят наши «парни». От «*чартаг*» (имеющий четыре опоры) происходят «чертог» и «чердак». От скифов пришла к нам «собака» (славянский эквивалент «пес» и «сука»).

Некоторые патриоты, испытывая инстинктивное недоверие ко всему, пришедшему на Русь извне, в том числе к византийскому православию, обращают взор на «самобытное» дохристианское язычество. Капище, окруженное деревьями, находится на высоком берегу Днепра. Вот Сварог с позолоченными усами и серебряной головой, хозяин неба. Его имя носит отчетливый индоиранский характер. Корень «*свар*» совпадает с древнеиндийским названием неба «*сварга*», суффикс «*ог*» указывает на скифо-сарматские истоки. Рядом — златоглавый Хорс, чисто иранский, точнее скифский, бог солнца («красное солнышко!»). Хорс — полный двойник Митры, тоже бога солнца. Тут же находится крылатый пес в рыбьей чешуе — Симаргл, страж воды и растений. Так славяне переделали его иранское имя «*Сэнмурв*». Крылья и рыбья чешуя на собаке означают способность Сэнмурва владеть над тремя стихиями — воздухом, водой и землей. Это толкование имеется в Авесте.

Из Руси XII-XIII вв. до нас дошли серебряные браслеты с изображением Сэнмурва-Симаргла. Считалось, что он оберегает владельца от порчи, сглаза, иных напастей. Симаргла можно увидеть в Чернигове на рельефной капители Борисоглебского собора XII века: химерический пес в ярости кусает свой хвост. В источниках XIII в. (и даже позже) всплывают сведения о том, что русичи «*забывшие страха Божия и приступиши къ идоламъ... Перуну, Хоурсу... а иныи веруютъ въ Сварожща*».

Див из «Слова о полку Игореве», тот, что *«кличетъ върху древа»*, тоже прилетел на Русь из Ирана. «Предком» Дива является индоевропейский бог света и дня Дейвос. От последнего «произошли» греческий Зевс, индийский Дьяус, французский Dieu. У славян и персов (и только у них) Див изменил качество и стал духом зла — дьяволом.

Отступим еще на несколько шагов во мглу веков, к начальным временам, когда в Причерноморье сформировался индоевропейский племенной союз. По неизвестным нам причинам началось Великое Переселение. Часть племен ушла на восток, в Индию и Иран, другая часть — на запад, в Европу. Может быть, славяне — потомки тех, кто оставался на месте? Существуют поразительные лингвистические соответствия между древнеславянским языком и древнеиндийскими — ведийским и санскритом. Ну, например, имя бога ОГНЯ в Ведах — АГНИ... Вот пары русских и санскритских слов с одинаковым значением: «первый» — *«пурва»*, «один» — *«ади»*, «два» — *«двая»*, «три» — *«три»*, «четыре» — *«чатур»*, «брат» — *«бхратри»*, «собратья» — *«савх-ратри»*, «свекор» — *«свакар»*, «день» — *«дина»*, «свет» — *«швета»*, «дева» — *«деви»*, «дом» — *«дам»*, «быть» — *«бху»*, «будить» — *«будх»*, «стоять» — *«стха»*, «любить» — *«лобх»*, «тот» — *«тад»*, «этот» — *«этад»*, «как?» — *«ка?»*, «когда?» — *«када?»*, «куда?» — *«кутах?»*, «который» — *«ката-ра»*, «свой» — *«сва»*, «живой» — *«жаван»*, «мертвый» — *«мритью»*. Слова «вам», «вас», «нас», «те», «то» в обоих языках совпадают. Веды называют Землю *«Мритьюлока»*, т. е. «Обитель смерти». Божественный нектар (напиток бессмертия) именуется «амрита» («а» — частица отрицания, как в латыни). Слово *«Веды»* значит «Знания» (сравни: «ведать», «ведун», «ведьма»).

Ведийский язык — наиболее ранняя разновидность древнеиндийского языка, язык индуистского культа и Вед. Существует два типа ведийского языка: более архаичный поэтический язык мантр (стихов) и язык позднейшей прозы. Мантры составляют 4 веды, из которых самая древняя — «Ригведа». Проза — комментарии к Ведам и возникшая на основе Вед философия. Язык ведийской прозы со временем сближается с санскритом.

Санскрит (sam-skrt = со-ставленный) распространился в I тысячелетии до Р. Х. в Северной Индии, первоначально противостоял ведийскому языку, языку эпоса («Махабхарата» и «Рамаяна»).

Существует предположение, что первоначальная индоевропейская общность не была этнически однородной. Уильям Джонс еще в 1786 г. показал, что термин «индоевропеец» можно с уверенностью применять лишь к лингвистическому материалу, так как он плохо коррелирует с антропологическими и археологическими данными. К индоевропейцам, кстати, относятся и исчезнувшие во мгле веков народы: хетты и хурриты.

Из индоевропейской дали пришли к нам некоторые знаменитые графические символы, например свастика («св» = «добро» + «астхи» = «делать»). В киевском Софийском соборе можно увидеть орнамент из свастик, а в новгородском Софийском соборе — Христа Пантократора, который держит на груди две разнонаправленные свастики...

ПОД ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ГРОХОТ КОЛЕС

Движение восточнославянского этноса на северо-восток Европейской платформы началось задолго до возникновения Киевского государства. На этом пути славяне вошли в контакт с племенами балтов и финно-угров.

По свидетельству Иордана Мезогота (Иордан — или Иорнанд — Мезогот — историк VI в., по происхождению алан или гот, автор трактата «О происхождении и деяниях готов» (551 г.)), существовало три крупных группировки восточных славян. СКЛАВЕНЫ занимали пространство от верхней Эльбы на западе до среднего Днепра на востоке, включая средний Дунай, верховья Одера, Вислы и Днестра, а также припятское Полесье до Киева. АНТЫ располагались на территории от нижнего Дуная до Северского Донца. ВЕНЕДЫ жили в регионе между нижними течениями Эльбы и Вислы. Возможно, существовала и четвертая группировка, занимавшая бассейны рек, впадающих в озеро Ильмень и Псковское. Расхождения в лексике между восточно-

славянским и другими славянскими языками в указанный период составляли около трети всего славянского словарного фонда. Язык восточных славян отличался большим числом заимствований из иных языков.

Заглянем в Лаврентьевскую летопись: «*Се повести времянныхъ летъ, откуда естъ пошла руская земля...*» Нестор сообщает: «*И были три брата, один — по имени Кий, другой — Щек, и третий — Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне называется Щековица, а Хорив — на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили город во имя старшего своего брата и назвали его Киев... И после смерти братьев их род стал княжить у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, Двины и Днепра, их же город — Смоленск. Там же, где кривичи, — произошедшие от них северяне. На Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере — меря, а на Клешино-озере — тоже меря. На Оке, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и черемисы — на своем, и мордва — на своем. По-славянски же говорят в Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане (ибо сидели по Бугу, после звались волянынами). А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, замигола, корсь, нарова, ливы, — эти имеют свои языки от колена Иафетова, хоть и живут в полуночных странах. Когда славяне... жили на Дунае, пришли от скифов (от хазар) называемые болгарам и сели по Дунаю, и заняли место славян. Затем пришли белые угры и наследовали землю славянскую... Пришли печенеги, а затем черные угры миновали Киев, но это было после, при Олеге... Радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь 2 брата у ляхов — Радим, а другой Вятко. Оба пришли и сели: Радим на Соже, от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него прозвались вятичи. И жили между собой в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляныне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру,*

по соседству с Дунаем. Было их множество. Сидели они прежде по Днестру до самого моря и сохранились города их и ныне. Греки называли их "Великая Скифь". Все эти племена имели свои обычаи, законы своих отцов и предания, и каждое племя — свой нрав».

Летописец зафиксировал болгар хана Аспаруха и приход из Приуралья угров — предков нынешних венгров. Чудь, весь, мордва, пермь, ливы, меря, мурома, печора — финно-угорские племена. Три последние еще в древности растворились в славянском этносе. Литва, замигола, корсь — балтские племена, летописи упоминают еще летголу, жмудь, ятвягов (судавов), голядь (голиндов) и пруссов.

Финно-угорская языковая общность сформировалась в Волго-Камье с прилегающими областями среднего Приуралья. Еще в глубокой древности финно-угры расселились в лесной зоне восточной Европы от Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке, а также в западной Сибири в среднем и нижнем течении реки Обь. Современные потомки финно-угров: финны, эстонцы, карелы, венгры, коми, удмурты, мордва, марийцы, ханты, манси, саамы.

Балты (по античным и средневековым источникам — айсты или аестии) занимали обширные пространства восточной Европы от побережья Балтики до бассейна нижнего Дона. В конце второго тысячелетия до Р. Х. балты разделились на три крупные группировки: западную, срединную и днепровскую. Начиная с VI в., на территорию днепровских балтов просачиваются славяне. В VIII-IX вв. начинается процесс славянизации днепровских балтов, завершившийся в XII-XIII вв. Современные потомки балтов — латыши и литовцы. Прусы в начале XVIII в. полностью утратили свой язык и растворились в германском этносе. В балтских языках имеются следы древних контактов с иранцами, фракийцами, иллирийцами и др. По данным археологии и топонимики, в I-ом — начале II-го тысячелетия нашей эры на балтских языках говорили в междуречье верхней Волги и верхней-средней Оки, в частности на территории г. Москва. Город Дубна находится на условной границе, разделяющей ареалы обитания балтов и финно-угров.

Балтские языки — наиболее архаичные среди живых индоевропейских языков и полнее других сберегли древнюю языковую систему. Возможно, они — остаток первоначальной индоевропейской речи, сохранившейся после выделения дочерних языков. Исключительно близки балтские языки к славянским. Эти две языковые группы либо принадлежали к одному индоевропейскому диалекту и, будучи в близком соседстве, пережили общий процесс первоначального индоевропейского развития, либо произошла сравнительно поздняя конвергенция языков в результате территориального сближения их носителей, либо славянские языки изначально входили в группу балтских языков, из которой выделились сравнительно поздно. В последнем случае группа балтских языков является предком славянских языков, сосуществующим во времени и пространстве со своими потомками.

Когда происходит контакт двух культур, то они либо продолжают развиваться параллельно, либо одна из них гибнет, поглощенная другой. Смерть культуры из-за уничтожения ее биологических носителей — крайне редкий случай в истории. Как правило, кровь носителей гибнущей культуры вливается в кровь победителей. Победившая культура изменяется в результате контакта, но ее основные структуры не разрушаются. Чем определяется агрессивность культуры, т. е. ее способность побеждать? Говорить о «прогрессивном характере» культуры бессмысленно, поскольку это понятие — чисто субъективное.

Стержень культуры — язык. Контакт культур начинается с контакта языков. Вероятно, критический момент, определяющий судьбы контактирующих культур, — ситуация двуязычия. По данным нейролингвистики, языковой контакт осуществляется внутри каждого из двуязычных говорящих таким образом, что одно полушарие коры мозга (обычно левое) владеет родным языком, тогда как другое (обычно правое) владеет вторым языком; по каналам межполушарной связи идет обмен языковыми формами. Ситуация достаточно шизофреническая: внутри человека сосуществуют две разноречивые личности. Если второй язык по тем или иным причинам престижный, ситуация усугубляется. Благополучное

разрешение ситуации состоит в том, что формируется одна абстрактная языковая система, воспринимаемая как единое целое, несмотря на различие двух способов кодировки этой системы (двух языков). Система целиком погружается в левое полушарие.

Где-то в середине I-го тысячелетия по неизвестным причинам восточнославянская культура приобрела свойство агрессивности. Думаю, что это не был «пассионарный взрыв» в том смысле, в каком его понимал Л. Н. Гумилев. При пассионарном взрыве этнос становится тривиально агрессивным — он начинает **ВООРУЖЕННОЙ СИЛОЙ** захватывать территории. Известно, что движение восточных славян на северо-восток Европы происходило в основном мирным способом. Может быть, суть дела в разрешении ситуации двуязычия? Может быть, абстрактная языковая система легко выстраивалась **НА ОСНОВЕ** восточнославянского языка? Под грохот телег переселенцев начался процесс взаимной ассимиляции племен, который привел, в конечном итоге, к возникновению великорусской нации...

Конец I-го тысячелетия — эпоха массового появления городов на Руси, в основном на перекрестках торговых путей. Викинги называли Русь «Гардарикой», т. е. «Страной городов». Второй по значению после Киева город — Новгород Великий — возник у истока реки Волхов из озера Ильмень, впервые упоминается «Повестью временных лет» под 859 г. Раскопки не обнаружили в Новгороде слоев ранее X в. По археологическим данным, часть городского населения составляли выходцы из Скандинавии (викинги). Считается, что, например, такие слова, как «гридь» (младший дружинник), «тиунь» (чиновник), «вира» (выкуп за убитого), пришли в древнерусский язык из Скандинавии.

СУЕТА СУЕТ

Киев, город с 50-тысячным населением, лежал на перекрестке торговых путей север — юг (из варяг в греки) и запад — восток (Европа — Азия). Французский историк Марк Блок в «Феодалном общес-

тве» сообщает: *«По путям, соединявшим Баварию с крупным пражским рынком и тянувшимся оттуда по уступам северного склона Карпат до самого Днепра, двигались караваны, на обратном пути груженные также товарами из Константинополя и Азии. В Киеве они встречали могучий перекрестный поток, который по степям и водным путям устанавливал контакт между странами Балтики и Черным и Каспийским морями, а также с оазисами Туркестана. Ибо Запад тогда был не в силах выполнить функцию посредника между Севером или Северо-Востоком континента и Восточным Средиземноморьем; и, без сомнения, он не мог предложить на своих землях ничего равноценного тому мощному товарообмену, что принес процветание Киевской Руси».*

Шел 6748 год от Сотворения Мира (1240 г.). Псковская Первая летопись сообщает: *«татары пришли в Киев 5 сентября».* Орда, ведомая Батыем, Субэдеем и Бурундаем, окружила город, стоявший на правом, крутом берегу Днепра. Князь Даниил Романович Галицкий, владевший Киевом, покинул его вместе с дружиной, поручив оборону тысяцкому Дмитру. Город защищали ремесленники, торговцы, крестьяне пригородных сел. Присутствие началось со штурма «врат Лядских» (или «Ляшских», т. е. польских) града Ярослава, расположенных с напольной стороны. Тысяцкий Дмитр был ранен, но после падения града Ярослава сумел организовать оборону града Владимира... Полностью Киев был захвачен в понедельник 19 ноября, отдельные очаги сопротивления выстояли до 6 декабря... Киевлянам удалось продержаться 76 дней, это очень много для непрофессионального войска. Последний оплот Дмитра — 250-летняя Десятинная церковь. Ее стены, не выдержав массы скопившихся человеческих тел, рухнули и погребли под собой защитников города... Часть воинов укрылась в Зверинецких пещерах, татары завалили входы и обrekli русичей на голодную смерть.

Во время раскопок 1946 г. на Большой Житомирской улице обнаружено огромное количество перемешанных человеческих костей. В братской могиле на Подоле найдено около тысячи костяков. При земляных работах на Большой Владимирской

улице вскрыт полуметровый слой человеческих останков... Плано Карпини, проезжавший шесть лет спустя через Киевскую Русь, свидетельствует, что татаро-монголы *«произвели великое избиение в стране Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады взяли его и убили жителей города. Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежащих на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный; а теперь он сведен почти ни на что, едва существует там 200 домов, а людей там держат в самом тяжелом рабстве».*

Был и третий поход на Русь: в 1258 г. Бурундай пожег Галицкую землю. Из всей Гардарики остались три неразграбленных города: Новгород Великий, Псков, Смоленск...

РЕМЕСЛО ОЗИРИСА

С точки зрения обыденного сознания, ярчайшее проявление мирового зла — татаро-монгольское нашествие. В течение столетия захвачена и разорена почти половина центров цивилизации — цветущие земли и государства: Сибирь, Китай, Корея, Центральная и Средняя Азия, Кавказ, Крым, Поволжье, Русь, Польша, Венгрия, Хорватия, Болгария, Иран, Ирак. Завоевателям, правда, пришлось покинуть территорию католической Европы и Болгарию (1300 г.). При попытке великого хана Хубилая покорить Японию (1281 г.) небывалой силы тайфун разметал флот вторжения и избавил страну самураев от захватчиков. Готовилась, но не состоялась высадка на побережье Индонезии. Растущее сопротивление вынудило завоевателей остановиться у границ Индии, Индокитая, Сирии и Египта. Возникла огромная империя со столицей в Каракоруме (в 1264 г. столица перенесена в Пекин). Ключья черного дыма пылили над руинами Багдада и Тебриза, Кракова и Пешта, Галича, Киева, Владимира, Самарканда, Бухары... Тысячи и тысячи людей угонялись в глубь империи. Чингизиды убедились, что, *«сидя на коне, можно завоевывать страны, но нельзя ими управлять».* Разделив между собой империю,

они произвели перепись населения, обложили его денежными и натуральными данями, военными и иными повинностями. Цивилизация значительной части Азии и Европы отброшена вспять...

Завоеванные земли распались на четыре улуса. Коренной улус — империя Хубилая, внука Чингиза: Китай (полностью захвачен к 1276 г.), Маньчжурия и Монголия (китайские хроники зафиксировали восшествие на престол монгольской династии Юань). Улус Чагатай, сына Чингиза: Средняя Азия к востоку от Аму-Дарьи и другие земли. Улус Хулагу, внука Чингиза: западная часть Средней Азии, Иран, Ирак и Закавказье. Улус Джучи, сына Чингиза: Поволжье, Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Русь, Молдавия. Этот улус возник после неудачной попытки Батыя, сына Джучи, завоевать Европу (1243 г.). В русских летописях улус Джучи именуется Золотой Ордой. Столица — Сарай на Нижней Волге.

В Сарай должны были являться русские князья для получения ханских ярлыков, утверждавших их власть; здесь решались династические споры, нередко стоившие головы; отсюда направлялись отряды баскаков, чтобы переписывать население, собирать дань, справляться с непокорными; сюда свозили серебро, меха, оружие, ткани, сгоняли пленных; отсюда шли распоряжения об участии русских в ханских походах.

Мало кто знает, что у чингизидов были русские наемники. Отдельный русский полк, разбавленный половцами и аланами, в 1370 г. был расквартирован в составе императорской гвардии под Пекином. Окруженный иноверцами, он считался особо надежным. До монгольского нашествия русские наемники служили исламским владыкам, например султану Ала-ад-Дину Кейкобаду I (Малая Азия).

Мнение об особой жестокости и коварстве татаро-монголов необоснованно: качественно они ничем не выделялись на общем фоне этих кровавых веков. Целые селения вместе с женщинами и детьми уничтожали викинги... Как известно, братоубийцей был даже креститель Руси Владимир Святой... Но существовало количественное отличие. Кажется, до татаро-монголов никто не реализовывал привычную средневековую жестокость в

столь гигантских масштабах. Никому раньше не удавалось физически уничтожить целый народ...

Возникает гораздо более важный вопрос: возрастает ли уровень безопасности этноса вместе с ростом его цивилизации? Нет ли внутренней ущербности в алгоритме развития цивилизации? Почему царства с древней культурой оказались беззащитными перед ордой кочевников, возглавляемой неграмотным Чингизом?

Второй вопрос: почему вообще случилась эта гигантская катастрофа, что было ее причиной? Лев Николаевич Гумилев объясняет катастрофу двумя факторами: изменением климатических условий в Центральной Азии и пассионарным взрывом. Оказывается, однако, что никаких серьезных изменений климатических условий в указанный период не было. Пассионарный взрыв предполагает синхронное во времени и локализованное в пространстве рождение большого количества мутантов с ненормально высокой агрессивностью. Но почему мутации столь однородны? Что было их причиной — излучение из космоса? Больше похоже, что выступление монголов запустило некий лавинный процесс, который распространился по поверхности Земли, пока не истощилась его энергия...

СОКОЛ И ГУСИ-ЛЕБЕДИ

На государственном гербе независимой Украины изображен трезубец. Откуда взялся этот посеидонов символ?

Знаки «трезубцев» можно увидеть на сохранившихся плинфах киевской Десятинной церкви. Такие же знаки имеются на русских монетах X-XI веков, например на «ярославовом серебре» — деньгах Ярослава Мудрого. О. М. Рапов доказал, что «трезубец» — стилизованное изображение пикирующего сокола. Вероятно, сокол — тотем рода рюриковичей. В Киевской Руси он стал княжеской эмблемой. Есть предположение, что имя «Рюрик» происходит от западославянского «*rарог*» — «сокол». В «Слове о полку Игореве» слово «сокол» 16 раз применяется к русским князьям: рюриковичи метафорически отождествляются с соколами.

Биолог Г. В. Сумаруков обратил внимание на двойственность поведения зверей и птиц в «Слове»: в одних эпизодах — согласно своей природе, в других — противостоит естеству. Яркий пример последнего — ночь перед битвой с половцами: *«...уже бо беды его пасеть птиць по дубию; вълци грозу въсрочать по яругамъ; орли клекотомъ на кости звери зовуть; лисици брешуть на чръленья щиты»*. Перевод: *«...уже беду его стерегут птицы по дубам; волки угрожают по оврагам; орлы клекотом на кости зверей созывают; лисицы лают на червленые щиты»*. В конце апреля — начале мая в волчьих и лисьих семьях подрастают детеныши, у орлов — гнездовой период. В эту пору волки особенно осторожны, ведут скрытный образ жизни, стай не образуют и не воют. Войско, состоящее из сотен людей, распугало бы волков. Орлы — птицы дневные, по ночам не клекочат, в гнездовой период вообще почти не издают звуков. Лисицы лают только в феврале — начале марта на «турнирах», выясняя отношения между самцами, и никогда не лают на человека. Заметим еще, что орлы «на кости звери зовуть» ЗАРАНЕЕ, за день до битвы! Ясно, что мы имеем дело не с обычными, а с СИМВОЛИЧЕСКИМИ животными.

Сумаруков предположил, что речь идет о половцах-волках, половцах-орлах, половцах-лисицах, т. е. имеются в виду тотемные животные половецких родов. Существовали ли у половцев тотемы в конце XII века? Столетием раньше точно существовали! Эпизод из похода хана Боняка 1097 г. в «Повести временных лет»: *«...сташа начлегу, и яко бысть полунощи, и встав Боняк отъеха от вой, и поча выти волчьскы, и волк отвьсы ему, и начаша волцы выти мнози»*. Боняк хотел узнать у своего тотемного зверя исход будущего сражения. Существует птица, которая отождествляется в «Слове» со всеми половцами. Читаем: *«Не буря соколы занесе чрезь поля широкая — галици стады бежатъ къ Дону великому»*. Перевод: *«Не буря соколами понеслась чрез поля широкие — галки стадами бегут к Дону Великому»*. Сумаруков считает, что галка (галица) — тотем хана-объединителя Кончака. А вот другие тотемы: лебедь, гусь, ворон, сорока, дятел, соловей, змей (полоз).

Тотемы «высовываются» из таких былинных персонажей, как Тугарин Змеевич и Соловей-разбойник, из топонимов вроде города Змиева. Восточные источники называли половецкое Поле «Лебедяню». Собственно говоря, «кумане» в буквальном переводе и значит «лебеди»...

Князь Всеволод говорит, что его воины *«скачють, акы серьи вълци в поли»*. Ясно, что здесь имеются в виду «обыкновенные» волки. Чем выделены тотемные животные? Как раз своим противостоительным антропоморфным поведением! Сумаруков «вычислил», что тотем хана Гза — гусь, а тотем его сына Романа Гзича — лебедь. Но отец и сын, принадлежа к одному роду, должны иметь общий тотем! Вероятно, к концу XII века половецкие тотемы утратили мистический смысл и превратились в эмблемы орд.

К середине XIII века половецкий народ исчез с исторической арены, почти весь истребленный татаро-монголами. Оставшиеся в живых растворились в завоевателях и в русском этносе. Уже знакомый нам папский легат Плано Карпини, проезжая в 40-х годах XIII в. через Дикое Поле, записывает: *«В Кумании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на земле подобно навозу»*. Другой европейский путешественник, Робрук, сообщает, что не видел в Диком Поле ничего, *«кроме огромного количества могил куманов»*, т. е. половцев.

Так пропал в вихре времени народ, тесно связанный с начальными веками России. Он остался в наших сказках, былинах, «Слове о полку Игореве». Половецкие лексические вкрапления в русский язык до сих пор благоухают полынным ароматом дикой степной воли...

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

Судьбы земель бывшей Древней Руси в XIII-XV вв. сложились по-разному: северо-восточная Русь с 1258 г. оказалась в подчинении Джучиева улуса (т. е. Золотой Орды); северо-западные земли (Новгородская, Псковская, отчасти Тверская) остались независимыми; западные и юго-западные земли вошли в состав Литовского княжества. Юго-западные земли (Галицко-Волынское княжество) сохра-

няли независимость в течение столетия после монгольского нашествия.

Л. Н. Гумилев считал, что не было татари-монгольского ига, а был своеобразный симбиоз Руси с Золотой Ордой. Я не согласен. В течение последней четверти XIII века Орда 15 раз громила северо-восточную Русь. Владимирские и Суздальские земли опустошались пять раз. Четыре раза разорялись «новгородские волости», семь раз — южные княжества (Курское, Рязанское, Муромское). Переяславль-Залесский разрушался четыре раза, Муром, Суздаль и Рязань — по три раза, Владимир — два раза. Из колыбельной песни времен ига: *«Ты по матушке — милый внученок, ты по батюшке — злой татарчонок...»*

И все-таки можно говорить о начале инкорпорации русского элемента в структуру Золотой Орды. В ее столице Сарая, например, постоянно проживало значительное количество русичей, которые обслуживали общение столицы с завоеванными землями. Они даже выстроили для себя каменный православный храм. Православные появились и среди татар. С этнической точки зрения, «татары» этого периода являлись в основном потомками азиатских кипчаков. Ситуация изменилась в 1312 г., когда хан Узбек принял ислам в качестве государственной религии Золотой Орды. Известна нетерпимость ислама к иным религиям...

Инкорпорация русского элемента в Золотую Орду прекратилась после принятия последней ислама в 1312 г. А если бы ислам стал государственной религией Орды позже? Разумеется, не могло быть и речи о возможности русификации Орды. В состав Орды входила такая мощная культура, как Хорезм. Рядом находился более чем тысячелетний Иран. Над этими регионами уже развевалось зеленое знамя ислама. Исламизация Орды была неизбежной. Но возникает вопрос: почему Орда допустила возникновение «вооруженной Великороссии»?

Гигантская монгольская империя во второй половине XIV в. вступила в полосу необратимого политического дробления. Потеряны Иран (1336 г.), Китай (1368 г.), Средняя Азия (1370 г.). Золотая Орда утратила Хорезм (1361 г.). С образованием Молдавского государства (1359 г.) она от-

теснена с Дуная за Днестр, а после литовской победы при Синих Водах (1363 г.) — и за Днепр. Потеряны пути в Среднюю Азию, на Балканы. С ростом могущества османов, установивших контроль над Дарданеллами (1354 г.), Орда отрезана от Средиземного моря и дружественного ей Египта.

После смерти хана Джанибека в 1357 г. в Орде случилась «великая замятия» — раскол. Началась борьба между правителями правого и левого берега Волги. На левобережье со столицей в Сарая ад-Джадиде правила старая монгольская аристократия, использующая поддержку среднеазиатской Кок-Орды. На правобережье, властвуя в междуречье Волги и Дона, на Северном Кавказе, в степном Причерноморье и в Крыму утвердился Мамай (1361 г.). Мамай — кризисная фигура истории распада Золотой Орды. Бывший беклярбек, не чингизид родом, он поднял руку на старую монгольскую аристократию. Властитель, ненадежно поддерживаемый феодалами правобережной орды, он бывал то на одном, то на другом берегу Волги, где подталкивал к трону очередного из своих подставных ханов, Абдуллаха или Мухаммед-Булака, выбрасывая на рынок Сарая монеты со своим именем, чтобы потом, спасаясь от местной знати, укрыться за Волгой. Коварный и нетерпеливый, вспыльчивый и мстительный, правитель-импровизатор, остро нуждавшийся в военных успехах и не имевший устойчивой силы, чтобы их осуществить, лишенный доверия всеми невольными и voluntary союзниками (русскими, литовскими, итальянскими), — таков был Мамай по отзывам современников... Смута в метрополии позволила Московской колонии заняться хитроумным дипломатическим лавированием, исподволь наращивая военную силу.

Зарубежные ученые, сторонники концепции «европеизации России» (Г. Вернадский, Б. Шпулер и др.), считают, что территория России после татаро-монгольского нашествия на два столетия выпала из всемирной истории, растворившись в Золотой Орде до той поры, когда Иван III своим «еще варварским кулаком постучал в окно перепуганной Европы». Слишком сказано! Определенную автономию от Орды русские княжества сохраняли, но их политическая активность сузилась до круга ближайших соседей.

Историческая школа «евразийцев» (в основном — русские эмигранты), продолжая в целом традиции дореволюционной историографии, резко порвала с концепцией «государева тягла и службы», дав совсем иную интерпретацию особенностей московского государственного строя. Н. С. Трубецкой в статье «О туранском элементе в русской культуре» утверждает: *«Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Русский царь явился наследником монгольского хана: “свержение татарского ига” свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Произошло обрусение и оправославление татарщины, и московский царь оказался носителем этой новой формы татарской государственности»*. И. Р. (такой псевдоним), единомышленник Трубецкого, обобщает: *«В исторической перспективе то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР, есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом»*.

Московия (а затем Россия) — столь же жестокое и деспотичное государственное образование, как и Золотая Орда. Очень вероятно, что эти качества она приобрела «благодаря татарскому игу»: из Орды к нам пришли многие элементы социальной технологии и технологии власти. Но утверждение, что «московский царь оказался носителем новой формы татарской государственности», ничем не лучше утверждения, что «турецкий султан оказался носителем новой формы византийской государственности»! Вздорность последнего утверждения очевидна.

«Московское государство... родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты», — писал Ключевский. Многие считают Куликовскую битву (8 сентября 1380 г.) концом ига, забывая, что Мамай, с точки зрения чингизидов, — бунтовщик. Властители Сарая похвалили Дмитрия Ивановича Донского за разгром Мамаю! Но дань Орде он продолжал платить и после битвы. Значение победы на Куликовом поле в другом: русские почувствовали свою силу и избавились (наконец!) от застарелого комплекса неполноценности по отношению к татарам. Кончилось иго через сто лет, в 1480 г., когда Иван III прекратил выплату дани в Орду...

В 1367 г. в Москве возводится каменный Кремль. В 1478 г. Новгород, в 1485 г. Тверь, в 1510 г. Псков, в 1521 г. Рязань покорились Ивану III и Василию III, уже начавшим величать себя самодержцами...

АЗЪ ЕСМЬ...

Кто мы, русские? Киммерийцы? Скифы? Сарматы? Славяне? Балты? Финно-угры? Норманны? Тюрки? Кровь этих народов гремит в наших жилах...

Хорошо знавший положение на Дону подьячий Посольского приказа Г. Катошихин, говоря о составе казаков, отмечал в 60-х годах XVII вв., что среди них имеются *«москвичи и иных городов, и новокрепленные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр и городовые люди и крестьяне, ухажившие на Дон»*.

Историк С. Ф. Платонов в очерке «Прошлое Русского Севера» пишет: *«Свое привычное земское устройство русские поселенцы прививали и туземцам, когда крестили “дикую лопь” или “корельских детей” в православную веру. Корел и лопарь, принимая христианство, вместе с новой верой и русским именем принимали и весь облик русского человека, “крестьянина”, складываясь в погосты вокруг церкви или часовни, и начинали жить русским обычаем в такой мере, что по старым грамотам нет возможности отличить коренного новгородца от инородца-новокрепца»*.

Официальное издание «Азиатская Россия» (1914 г.) сообщает: *«Браки русских с инородцами совершались во множестве. В результате получилось широкое и повсеместное смешение русских со всевозможными инородческими племенами. В Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии русские старожилы напоминают остяков своими скуластыми лицами и узким разрезом глаз. Пелымцы похожи на вогул. В Барабе и приалтайской местности русскими усвоены татарские и киргизские черты... В Кузнецком, Бийском и Барнаульском уездах, напротив, русские оказали могущественное расовое влияние на инородцев, которые значительно обрусели благодаря смешанным бракам с русскими; целые волости населены как бы новой рас-*

новидностью русского племени, представители которой говорят на несколько испорченном русском языке. В Северном Алтае русские заимствовали от инородцев многие части одежды, способы передвижения, отчасти пищу и способ ее приготовления».

Можно считать указанные факты продолжением процесса формирования великорусской нации. Но дело обстоит сложнее: этому процессу не видно конца. Внутри СССР, отгороженного от остального мира железным занавесом, смешение генофондов шло из-за насильственных переселений народов, добровольных миграций на «великие стройки коммунизма» и т. п. Резко возросло число межнациональных браков. Дети, родившиеся от таких браков, в большинстве своем чувствовали себя русскими. Государственная паспортная политика внесла в вопрос полную неразбериху: дети, принадлежащие к «нежелательным» нациям, часто записывались в ЗАГС как русские; наоборот, русские дети с целью «предотвращения» вымирания малочисленных народов иногда насильственно приписывались к этим народам (sic!).

В остальном мире аналогичные процессы прежде всего пошли в колониях Нового Света. Яркий пример — история США. Сегодня из-за технического прогресса, «сократившего» расстояния, в круговерть смешения генофондов втянута Европа, да и весь мир. Мы пошли по этому пути одними из первых. Почему так случилось? Об этом — ниже.

С прискорбием должен сообщить господам антисемитам, что если они проанализируют свое генеалогическое древо, то обязательно обнаружат на одной из дальних развилочек иудейскую пра-пра-... бабушку или дедушку! Существовало два больших «исхода» еврейской диаспоры в Северное Причерноморье. Один, всем известный, — через Европу. Второй — еще во времена хазар — через Персию и Кавказ. Людей тогда разделяли религии, а не национальное происхождение. Те, древние, евреи крестились и мешались с приднепровскими славянами. Прошло больше тысячи лет. Из популяционной генетики следует, что сегодня практически у каждого русского имеется в роду древний иудей!..

Существует легенда о расовой или национальной чистоте. Считается, что нация, которая не мешала свою кровь с кровью соседей, обладает некими положительными качествами, некими достоинствами, которые утрачиваются при смешении кровей. Основной вклад в популярность легенды внесла официальная расовая идеология нацистской Германии. Как это ни странно, но подобные представления исповедуют некоторые наши «патриоты». Вообще говоря, «чистых» наций просто не существует, речь может идти только о скорости процесса смешения кровей. Из генетики следует, что человеческие группы, сохраняющие «чистоту крови», должны деградировать из-за накопления в их генофонде летальных рецессивных генов. Это действительно наблюдается у некоторых малых народов, которые многие сотни лет жили в труднодоступных районах и поэтому вынужденно соблюдали «чистоту крови». Так что дело обстоит ровно наоборот! Легенда, вероятно, возникла из мифа о Золотом Веке. Предполагалось, что существовавшая тогда раса «сверхлюдей» деградировала, мешая свою кровь с кровью окружающих дикарей. Из этих-то «сверхлюдей» и выводят разного рода «патриоты» свою единственно любимую нацию. При указанном «замурении» мозгов естественно считать, что смешение кровей — фактор отрицательный!..

В архивах Сената за 1742 г. сообщается, что с 1719 г. по 1736 г. из центральной России бежало 442 тыс. человек. Население России в те времена оценивается в 15–20 млн. Куда и почему бежали люди в таком количестве?

В 1748 г. сотни семей перевалили через горы Алтая и вышли в долину р. Бухтармы. Возникла независимая колония. Екатерина II вынуждена была объявить бухтарминских крестьян «ясачными инородцами» — они платили оброк, но не подчинялись центральной власти и не посылали рекрутов в армию. Эта «республика» ликвидирована в 1878 г.

В 1847 г. 20 тыс. крепостных снялись с мест и двинулись в «Беловодье», но были остановлены войсками...

Документы свидетельствуют, что бегство населения сначала из Московии, а позже из России — это не отдельные слу-

чаи, а регулярный, растянувшийся на века процесс. Одно из последствий этого процесса — странное, неизвестное в иных государствах явление: возникновение казачества.

Говорят, что в перенаселенной Западной и Центральной Европе ничего подобного не было по простой причине: бежать было некуда. Говорят, что все возрастающий поток переселенцев после открытия Америки — аналог происходившего в России. Но анализ показывает, что причины этих явлений различны. В Америку плыли на свободные земли. Из России бежали от жестокой власти.

Выше упоминалось, что московские правители обращались с подданными как с завоеванным народом. Такая система отношений между властью и населением досталась Москве в наследство от Золотой Орды. Население России жило как бы в условиях перманентной оккупации. Бегство при этом — естественная реакция, благо было куда бежать!

Геополитическое мышление возникло в Москве поздно, в полной форме — при Петре I. Именно Петр объявил важнейшими задачами государства выход к морям, приобретение территорий и т. п. До Петра московские самодержцы в большей степени были озабочены проблемами, относящимися к категории мира идеального. Поскольку московский царь Божьим соизволением был уполномочен царствовать над православными, совершенно нетерпимым считалось существование земель, населенных православными и неподвластных Москве.

Итак, люди бежали из центральной России и создавали поселения на свободных землях, на которые не распространялась юрисдикция Москвы. Через какое-то время туда приходили московские войска и устанавливали эту самую юрисдикцию. Таким парадоксальным способом Россия начала расширяться сначала на юг, а потом и на восток. При этом в орбиту московской власти вовлекались и неправославные народы. Начала формироваться гигантская территория, управляемая московским самодержцем, — Российская Империя...

После присоединения к Москве Новгорода Великого (1478 г.) и Пскова (1510 г.) перестали существовать после-

дние на территории России общества с демократической формой организации власти. Казалось бы, ничто уже не может противостоять торжеству московского деспотизма...

В XVI в. на территории Северного Причерноморья у казаков Дона в противовес закрытому обществу Московского государства сложилось открытое общество, основанное на принципах демократии и ответственности перед законом. Войско Донское в XVI в. — I-ой четверти XVIII в. было самостоятельным образованием, которое проводило независимую внешнюю и внутреннюю политику и имело собственные источники власти.

Среди казаков были люди не только крестьянско-холопского происхождения. Известны казаки дворянского происхождения. Иногда документы прямо говорят, что тот или иной атаман — из дворян. Известны атаманы Истома Извольский (из тульских дворян), Мещерский, Воейков, Горчаков.

Были среди казаков крещеные татары и крещеные евреи. Казаки-евреи — выходцы с Украины. Они приходили на Дон вместе с запорожскими казаками, селились, крестились. Факт влияния еврейства на формирование казачества признавали историки-казаки (П. Н. Краснов, Л. М. Савелов, В. В. Богачев). Русские фамилии Евреиновы, Жидковы, Юдины, Герцовы — подтверждение сказанному. В столице казаков Черкасске существовала станица Татарская (примерно со второй половины XVII в.), в которой жили казаки-мусульмане. С середины XVII в. на Дону появляются калмыки — буддисты ламаистского толка по вере. В 1637 г. во время штурма турецкого Азова, который принес казакам мировую славу, инженерными работами руководил казак-немец Иван Ардов. Историки отмечают немецкое и карело-финское влияние на казачество. В то время как в Москве шли гонения на старообрядцев, на Дону они нашли себе пристанище, хотя и не на долгий срок.

Известна роль, которую сыграли казаки в продвижении России на Восток, за Урал. Достаточно вспомнить хотя бы атамана Ермака Тимофеевича. На Востоке возникали собственные казачьи объединения. А как дальше шла колонизация?

С. М. Степняк-Кравчинский в исследовании «Русское крестьянство» (1888 г.) пишет: «Русская завоевательная политика на Востоке проходит через два этапа. На первом этапе, сразу после завоевания или мирного присоединения края, русское управление представляется в самом выгодном свете. Устанавливается порядок, исчезает рабство и расовая дискриминация, вводятся равные законы для всех, и уважение к ним достигается строгостью, умеряемой справедливостью. Управлять вновь приобретенными краями посланы лучшие люди империи, такие, как граф Перовский, Муравьев-Амурский, Черняев, Кауфман, у которых честолюбие сильнее, чем алчность. В этот период русскими поселенцами там были почти исключительно крестьяне; их призывали переселиться на новые земли для упрочения позиций империи и поощряли такие переселения. Русские мужики охотно откликнулись на призыв. Слова “свободные земли” производили на них магическое действие, и они, прослышав о них, стекались со всех сторон туда, где можно было найти такое счастье. Тысячи русских деревень были совсем недавно основаны на Амуре, на обширных равнинах Южной Сибири, среди башкир, киргизов и калмыков Уфимской, Оренбургской и Самарской губерний. Часть переселенцев предшествовала завоевателям, проникая в соседние области за несколько десятков лет до того, как туда приходила армия. Присоединение этих областей к империи усиливало поток переселенцев. Но в этих краях земли много, поэтому никто не страдал от их вторжения. Крестьяне брали себе лишь столько земли, сколько

могли обработать собственными руками, никогда не присваивая ни одной лишней десятины. К тому же они почти никогда не отказывались входить в дружественные соглашения с коренным населением... Крестьяне Астраханской, Самарской или Оренбургской губерний часто даже платили кочевникам ежегодную дань деньгами или продовольствием за присвоенные ими земли. Однако земельная рента в этих краях была настолько низка, что чиновников и капиталистов не соблазняло приобретение там имений. Так что для пахарей, как русских, так и туземных, земли хватало.

Положение изменилось, когда с ростом народонаселения уменьшились пространства свободной земли и значительно повысилась ее ценность. К этому времени восточные области были прочно включены в состав империи, и для управления ими не требовалось ни особого умения, ни осторожности. На смену людям талантливым, энергичным и честолюбивым пришли обыкновенные чиновники, и они начали с того, что стали вводить новые методы “русификации”. А их “помощь” новому краю выражалась в том, что они беззастенчиво отбирали землю как у туземцев, так и у своих соотечественников — русских переселенцев...»

Возвратимся к вопросу, который был поставлен в начале этой главы: «Кто мы, русские?» «Русский» не есть понятие этническое, это понятие, относящееся к категории культуры. Иначе говоря, «русский» — это носитель русской культуры. С практической точки зрения «русский» — это тот, у кого родной (первый) язык — русский. Т. е. «русский» и «русскоязычный» — понятия эквивалентные...

От редакции

В первой половине 1998 года «Склока о полку Игоре» публиковалась по главам в дубненской городской газете «Вести Дубны». Летом этого же года автор прервал работу над эссе по причине тяжелой болезни. Последовавшая смерть оставила работу неоконченной.

Воспоминание о Юре

После окончания института совсем еще молодой я пришла работать учителем математики в школу № 45 г. Уфы. Эта школа была одной из лучших в городе. Славилась сильным преподавательским коллективом и одаренными выпускниками. Среди выпускников школы есть такие выдающиеся личности, как, например, Галиев А. А., академик РАН, директор института космических исследований при РАН; бывший ректор Башкирского государственного педагогического института профессор истории Кузеев Р. Г., профессор социологических дисциплин Башкирского аграрного университета Галлямов Р. Р., профессор Российской академии туризма Федотов В. А и многие другие.

Среди моих учеников был и Юра Андрианов. Худой высокий юноша. Юра учился в хорошем и дружном классе. Там учились такие ребята, как Буяк Люда, Янусик Галя, Кушнир Витя, Дулова Елена, Калимуллина Роза, Халфина Римма, Токарева Галя, Таначева Наташа, Султангузина Гуля. Все они получили высшее образование, сейчас работают в разных отраслях народного хозяйства врачами, учителями, химиками, инженерами, научными работниками.

Юра внешне казался немного надменным, гордым. Но это было только на первый взгляд, внутренне он был добрым, спокойным, задушевным учеником. Учился он старательно и прилежно.

Математика давалась ему трудно. Зато гуманитарные дисциплины были миром его увлечений. Еще Юра занимался волейбольным спортом. Может быть, потому, что его родной дядя был учителем физкультуры в нашей же школе и Юру хотел видеть в будущем большим спортсменом. Видимо, из-за высокого роста у этого учителя было прозвище «Шомпол». (Да, у многих учи-

телей были прозвища. Например, учителя географии просто звали «Граф». Он всегда ходил в черной шляпе и в черном плаще.)

Юра еще в школе писал стихи. В нашей школе в течение всего учебного года проходили педагогическую практику студенты БГУ. Стихи Юры печатались в университетских газетах. В школьных газетах стихов Юры не было видно. У него не сложились отношения с учителем литературы. Возможно, в те времена советского патриотизма и социалистического реализма некоторые проявления свободолюбия начинающего поэта не всем нравились. Свою поэзию Юра с присущей ему скромностью показывал своим одноклассникам, а те гордились другом-поэтом, его уважали и любили, называли «душой компании».

Через лет тридцать после школы Юра я встретила на одном из литературных вечеров. Передо мной стоял обаятельный, благородный, возмужалый человек. Он назвал меня по имени и отчеству, представил себя, напомнил, что когда-то учился у меня. Я знала, что Юра Андрианов уже известный поэт, но внешне он так изменился, что я не узнала его. Он обнял меня, внимательно расспрашивал, искренне радовался встрече.

Они работали вместе с моим братом — поэтом Иреком Киньябулатовым в Башкирском книжном издательстве «Китап». Юра перевел на русский язык большое количество стихов моего брата. До глубины души волнует меня новое русское звучание стихов брата. Особенно дорог перевод стихов, посвященных моей маме, — «За угольком приезжаю»:

*Спешу сюда, чтобы прозрели очи,
К своей судьбе здесь тайный путь ищу
И здесь ловлю напев
счастливых строчек...*

Нагорная

*Чтоб в сердце вновь
огонь пылал цветком,
Чтоб кровь пылала, как очаг соседа,
За угольком, всего лишь угольком
К тебе, родная, вновь и вновь я еду.*

Меня эти строки потрясают своей силой, своей мощью и талантом.

Я верю в то, что Юра Андрианов будет жить вечно в своих добрых и проникновенных стихах. Верю в то, что его стихи, его поэзия будут воспитывать не одно подрастающее поколение, будут призывать человека в мир красоты, в мир духовности и гармонии, к чистоте и доброте отношений.

Слово о друге — рыцаре лирики

- 1 -

Жизнь иногда преподносит людям подарки. Для меня таким подарком была дружба с Юрием Андриановым.

Пока многомудрый Мустай Карим был среди нас, я и не догадывался о том, как много места занимает он в моем сердце. Когда меня настигла весть, что агай ушел, я онемел от боли и почувствовал, как сердце наполовину опустело. А через два года еще один удар: я потерял близкого друга — поэта Юрия Андрианова. И сердце на какое-то время опустело до дна. Стремясь вырваться из тьмы свалившегося одиночества, я, бродя по закоулкам памяти, пытался мысленно оживить дорогого мне человека. Но чем больше бродил по этим самым закоулкам, тем яснее становилось, что Юра все дальше и дальше уходит от нас, и ощущение одиночества только усиливалось. И все же я счастлив тем, что две эти светлые личности коснулись моей судьбы. Глядя на них тогда, а особенно вспоминая теперь, понимаешь, каким должен быть Человек...

Жизнь нам дается один раз. А удаётся она еще реже. У Юрия Анатольевича Андрианова, хотя и отпущен был ему неполный срок, она, слава Богу, удалась. Да еще как удалась! То, что он сделал, хватит на одну достойную биографию: поэт, редактор, переводчик, муж, отец, друг, философ, наставник в нем нераздельны. И во всех этих ипостасях Юрий состоялся.

Мир поэзии, являвшийся средой его обитания, если прибегнуть к художественному образу, сравним с цветущим парком, где растут как большие, зрелые деревья с густой кроной, глубоко ушедшими корнями, так и молодая поросль, среди которой встречаются и сорные дички, пытающиеся заглушить редкие элитные виды — пло-

ды длительной селекции. Что в общем-то естественно — без борьбы ничего стоящего не рождается. Но если дерево дало сильные побеги и приобрело свое лицо, думающий селекционер — читатель рано или поздно заметит и оценит его, а «дички» уходят в небытие!

Юрий уголок в этом парке я бы сравнил со светлой рощей белоствольных берез. Его стихи, такие же свежие и прозрачные, как березовый сок, проникают в самые сокровенные уголки души читателя благодаря искренности и свежести его взгляда на, казалось бы, самые повседневные вещи и события. Да и не существовало для Юры обыденного, он во всем видел явление.

Свел нас необычный повод. В 1985 году Башкирский обком комсомола проводил конференцию творческой молодежи. Я был приглашен на нее как молодой прозаик, но руководитель предприятия, в котором я тогда работал, решил, что это баловство, и не отпускал на семинар, пригрозив увольнением по статье в случае своеговольного ухода. Я обратился за помощью к организаторам. Откликнулся только Юрий Анатольевич: не поленился, пришел и убедил руководителя подписать мое заявление на административный отпуск.

После этого случая и особенно в процессе самой конференции, на которой он вместе с другими членами русскоязычной секции Союза писателей РБ со знанием дела разбирали по косточкам наши «творения», я был покорен и очарован Юрой на всю жизнь. И лишь за три-четыре года до его смерти стал обращаться к нему по имени. До этого неизменно — Юрий Анатольевич, хотя я старше его ровно на три года (мы родились в один день — 13 февраля). Столь велико было мое преклонение перед ним. А перестал величать по имени-отчеству лишь потому, что наши взаимоотношения переросли в дружбу.

- 2 -

Внешность у Юры была весьма колоритной: высоченный, красиво сложенный. Гордо поднятую голову украшали длинные, зачесанные назад темно-русые с проседью волосы. Лицо благородное, я бы даже сказал, выдающееся: бледное, с высоким, правильно очерченным лбом, изогнутыми в изящном взмахе бровями, прямым породистым носом, серо-голубыми, будто глядящими из мало кому доступного мира, глазами, профессорской бородкой. Взгляд прямой, бесстрашный. Говорил веско, глуховатым, с небольшой хрипотцой, голосом. При этом всегда внимательно вглядывался в собеседника.

Чем старше становился Юрий Андрианов, тем сильнее проявлялось его сходство с великим Некрасовым. Интересная деталь: в последний месяц жизни — они стали просто на одно лицо. Даже умерли примерно в одном возрасте. Да и в характере их творчества много общего.

Оттого что голова у Юры была всегда вскинута, кому-то он мог показаться высокомерным, а иногда пренебрежительно-надменным. Но глаза, лучащиеся добрым, ласковым светом, выдавали его истинную сущность. В одном из стихотворений он сам признается: «В губах змеилась наглость нарочито...». Этот образ нагловатого парня служил защитой внутреннего мира от бесцеремонной грубости внешней среды.

Его внешность настолько соответствовала моему представлению о титулованном дворянине XIX века, что я зачастую величал Юру «предводитель уфимского дворянства». Столь безукоризненно-аристократическое лицо в Уфе большая редкость.

- 3 -

Юрий Андрианов выделялся не только внешними данными, но и духовным содержанием. Слагаясь, эти качества гармонично дополняли друг друга. Обладая внутренней свободой, Юра не болел вещизмом, накопительством. Он полагал, что в материальных ценностях таятся семена зла, которые, прорастая, зачастую закабаляют человека.

Стержнем его души была любовь к родной земле, любовь к людям. И любил он их не аморфной любовью, а деятельной, рациональной, помогающей человеку стать совершеннее, благороднее. Всегда искал в людях хорошее и неустанно пестовал в молодых положительные качества.

Жизнерадостный, неутомимый, он умел посмеяться, пошутить. Любил, особенно в молодости, веселые компании друзей. А вот творить предпочитал в одиночестве, в своем крохотном кабинете. Там у поэта был свой особый мир, и он в него мало кого допускал.

Встреча с ним в душе каждого неизменно оставляла неизгладимый след. Со временем для многих он становился советчиком, спутником, делавшим жизнь полнее, интереснее. При этом его требовательность к себе не имела границ:

*...И горько оттого,
Что живешь, живешь,
А всё в начале,
Словно и не сделал ничего...*

Потребность в духовном и профессиональном развитии в Юре была заложена с детства, и эта черта отличала его всю жизнь. Его невозможно представить праздным — с неба ему ничего не падало. Каждый успех, каждое достижение он должен был честно отработать, выстрадать.

Смею утверждать, что Юрий Андрианов был человек-солнце, и где бы он ни находился, пространство вокруг него заполнялось теплом. Но Юра никогда не демонстрировал окружающим свою значимость, хотя чувствовалось, что сам он осознает своё особое призвание. При всей ранимости и эмоциональности натуры, он обладал способностью даже в конфликтной ситуации оставаться ровным, спокойным. О себе он с улыбкой говорил: «Я строгий, но справедливый».

Я всегда восхищался волей этого человека. Пока не сделает зарядку, не обольется холодной водой, завтракать не сядет. А после сложнейшей операции на позвоночник он уже через месяц вставал в корсете и, пересиливая боль, правил рукописи. Для этого ему в редакции «Бельских просторов» даже подставку специально соорудили. Последние три года даже

зная, что приговорен, не сдавался, оставался бойцом, не терпящим сострадания к себе.

- 4 -

Биография Юрия Андрианова вся в стихах сборника, добавлю лишь, откуда его корни. Древо родословной Андриановых представлено личностями, сочетавшими, казалось бы, несовместимое: тонкие души и сильные характеры. По линии отца корни тянутся в старинный уральский город-завод Златоуст. В 1921 году дед с супругой, женщиной редкой красоты из родовитой семьи, и четырехлетним сыном Анатолием, будущим отцом Юры, переехали в столицу Башкирии и поселились на улице Аксакова в деревянном доме на четыре комнаты. Мама — Мария Матвеевна, родилась в 1914 году в Нижегородской губернии.

Юрины родители познакомились перед войной в Горьком, где Анатолий Николаевич проходил практику после техникума, а Мария Матвеевна работала после окончания училища портнихой. Всю войну они жили и работали в городе Горьком, под бомбежкой, в голоде и других невзгодах, которые приносит война. Там же в 1943 году у них родился первенец Виктор — старший брат Юры. Переезд в город Уфу, в родной для отца дом, был вызван частой болезнью деда. С 1947 года родители окончательно обосновались в Уфе, где родились в 1949 году средний сын Андрей, а в 1953 году младший — Юра.

Его мама, Мария Матвеевна, ушедшая из жизни, когда Юре едва исполнилось четырнадцать лет, навсегда осталась для него идеалом.

Мария!

Сколько в слове том тепла —

Так звали и любили все, кто здешний,

Домохозяйку, мать,

Кто нас согрелши,

Нам Родиной единственной была...

Он тяжело переживал ее смерть. Горестные чувства рвались наружу, и именно тогда родились эти строки:

Тринадцать весен было слово: мама,

Тринадцать весен было счастье: мама,

В четырнадцатый встало слово: смерть.

Нет матери,

Как долго ее нет!

Лишь годы продолжают исполняться...

Именно мама пробудила в Юриной душе творческие задатки. Она научила его смотреть на мир с любовью. Восхищение мамой и благодарность к ней Юра пронес через всю жизнь.

На формирование Юрия Андрианова значительное влияние оказали и его старшие братья Виктор и Андрей. Тоже неординарные личности. Виктор, работая на Уфимском приборостроительном заводе инженером-наладчиком, многие годы являлся бессменным солистом хора при заводском Доме культуры. Андрей, став дипломированным архитектором, вырос до главного архитектора института «Башкиргражданпроект». Юра и Андрей похожи как близнецы, были особенно близки между собой. Кстати, Андрей тоже писал стихи, и вполне достойные.

Братья жили в атмосфере щепетильной честности, уважения к труду. В доме всегда царил не только внешний порядок, но и душевный уют:

Мне так тепло с годами вспоминать,

Как не богато пусть, но дружно жили, —

Откуда нам, мальчишкам, было знать,

Как по ночам из старых платьев шли

Нам матери рубашки.

Слово «мать»... —

Не слово вовсе,

А Вселенной часть,

И частью той мы мало дорожили,

Дороже матерей друзья нам были,

А мать,

Она простит,

Поскольку мать...

После окончания школы № 45 г. Уфы Юра в 1970 году поступил в нефтяной институт, но, поняв, что это не его, на втором курсе бросил учебу. До службы на легендарном космодроме «Байконур» успел поработать грузчиком на заводе коммутационной аппаратуры. После демобилизации устроился на уфимский телеграф электромонтером по ремонту телетайпов. Все эти годы Юра писал стихи. Они были сутью его жизни с юности:

*Друзья в футбол гоняли с упоением,
А я не мог.
И я не виноват.
Уже, как вор, упрятав за подклад
Измятое от страха и волнения,
Я первое свое стихотворенье
Вносил, как в тайный храм,
В мой добрый сад.*

Набравшись опыта, он смело заявляет:

*...Время настало,
и я тоже
Возле стены стою.
Двери открыты,
зовут,
и все же
буду рубить свою.*

И когда брат Андрей подсказал, что в Москве есть Литературный институт имени Горького, он не колеблясь решил поступать в него.

Непререкаемым авторитетом и кумиром Юрия Андрианова на литературном поприще сразу же стал руководитель поэтического семинара — Лев Ошанин. Его слово для студента Андрианова было законом. Правда, когда маэстро предложил ему, отмечая лиричность и напевность Юриных стихов, стать поэтом-песенником и продолжить учебу в аспирантуре, он единственный раз не послушал — тяга к родному дому, семье оказалась сильнее заманчивых перспектив.

Вернувшись в 1980 году в Уфу, женился на изящной, очаровательной девушке Марии:

*Старался сумрак скрыть лицо твое,
Он тени насылал, но всё напрасно,
Ведь я давно уж знал, что ты прекрасна, —
Озябшее сокровище мое.*

У красивых людей родилась красивая семья. Они были под стать друг другу. Их объединяла не только любовь, но и общий интеллектуальный уровень, общие интересы. Семья для Юры была самым надежным полигоном для апробации новых стихов.

Думаю, не ошибусь, если возьму на себя смелость утверждать, что в творческих успехах Юры немалая заслуга Марии. Ее любовь поддерживала в муже веру

в силы, при неудаче она подбадривала его, была самым взыскательным и в то же время самым доброжелательным критиком. Чего в этой семье никогда не было — это показушности. Как чувствовали, так и жили. Ведь когда человек спокоен, уверен в себе, то не надо ничего доказывать. Все и так видно. Мне всегда хотелось в этом походить на Юру с Марией — быть простым и добрым, не зацикливаться на неудачах, радоваться малому.

Юра любил, когда вся его небольшая, но дружная семья — жена Мария, дочки Настена и Катя — собиралась в гостиной старого дома за большим обеденным столом. Это всегда доставляло ему огромную радость:

*Хорошо прийти домой под вечер —
Там жена, две дочки и собака,
Маленькое счастье человечье
Светится над нами как лампадка.
Жизнь обидит — дочки поцелуют
И жена прижмет к груди как мама...*

Вскоре семья увеличилась. Появился зять, и родилось совершенно очаровательное существо, в котором Юра (уже больной) просто души не чаял, — внучка.

К сожалению, болезнь прогрессировала. И лучше всех об этом знала Мария. Было что-то трогательное в том, сколько сил физических и душевных эта миниатюрная, но мужественная женщина отдавала, чтобы выходить Юру, пытаться вырвать его из рук беспощадной хвори.

В одном из последних стихотворений Юра обращается к ней:

*Когда уйду, и вьюга скроет след,
И Вы одна останетесь на свете,
На память обо мне любите ветер
И этот черный перелетный снег.*

*Еще прошу на память обо мне
Не прекращать вечерние прогулки
В завьюженном навечно переулке,
По левой освещенной стороне...*

Есть еще одно необычное для нас простых смертных «существо», которое оказало большое влияние на мировоззрение поэта — его родовое гнездо.

В этом деревянном, слегка уже поко-
сившемся набок от долгих лет доме живет
пятое поколение Андриановых:

*Древний дом...Он помнит тень монашек,
Комиссаров кожаные речи,
И осколки золоченых чашек,
И осколки судеб человеческих.*

Отеческий приют являлся для Юры
не только местом обитания. Вросшее в
землю строение с крохотной каморкой —
кабинетом в глубине его утробы, было для
него живым существом, любовью к кото-
рому пропитано все творчество и вся
жизнь поэта:

*Есть в городах осколки улиц старых,
Где посреди бетона и стекла
Теснятся деревянные дома,
Как память в современных мемуарах,
Там трещины змеятся в протурах,
Как вензели старинного письма...
Здесь каждый дом сплошь памятью оброс,
Здесь времена сошлись, как вдох и выдох...*

Читаешь и изумляешься — как метко и
емко!

Что парадоксально, Юра в своих
стихах описывает, казалось бы, малю-
сенький уголок Уфы — дворик и родовой
дом, а пробуждает мысли вселенского
масштаба. Такова сила и точность его
слова. Через мелкие детали, доверитель-
но, с глазу на глаз разговаривая с чита-
телем, поэт подводит к пониманию об-
щечеловеческих законов: всесильности
любви, вечной привязанности к малой
родине:

*И вновь иду по улице родной,
Где окна вдеты в тихие узоры,
Где вишни сквозь прозрачные заборы
Все тянут ветки мокрые за мной.*

*...Не велики, не золоты хоромы,
Но в них, с давнишних лет укореняясь,
Живем, душой испытывая власть
Родимого, единственного края.*

Скоро, говорят, этот дом снесут.
Слава Богу, что Юра не увидит смерть
своего состарившегося друга. Поэт даже
в мыслях не допускал, что может поте-
рять его:

*...Он не умрет, мой старый, старый дом.
Бульдозеры пройдут, но не раздавят,
Мне жизнь его пожизненно оставит...*

- 6 -

Довольно часто получается так, что
мы знаем о таких интересных, содержа-
тельных людях все, кроме их творений.
Я не исключение. Знал больше автора, а
не его стихи. Только теперь, после смер-
ти Юрия Андрианова, я, далекий от по-
эзии человек, стал внимательно вчиты-
ваться в строки его стихотворений, и ко
мне стало приходить понимание того,
насколько глубоки и проникновенны
они по содержанию. Думаю, что на
Олимпе Поэзии не только Башкирии, но
и России Юра занимает достойное мес-
то.

Его стихи находят отклик в сердцах
людей потому, что написаны ярким, по-
нятным любому даже неискушенному чи-
тателю языком: перед глазами рожда-
ется цельный образ, точнее, живописная
картина, только написана она не краска-
ми, а задушевными словами.

Наряду с богатым воображением и
способностью проникать в глубины под-
сознания, Юра обладал безошибочным
чувством стиля, подкрепленным огром-
ным языковым ресурсом.

Уютная комнатка размером два на
два метра, где нашлось место кровати и
столу у окна, стулу и печатной машин-
ке, полкам с книгами, карте мира и вен-
тилятору в форточке для вытяжки та-
бачного дыма, вмещала в себя всю все-
ленную поэзии Андрианова. Ее язык
чист и прозрачен, в нем нет ни одного
лишнего слова. Юра знал им цену и
старался расходовать предельно эконо-
мно.

Работая над строфами, он избегал
повышенной экспрессии и не успокаивал-
ся до тех пор, пока не находил то един-
ственное выразительно-емкое сравнение,
которое способно было передать едва уло-
вимые оттенки его чувств:

*Постоять на крыльце до озноба,
До тяжелой звезды в небесах,
До высокого трудного слова
На прокуренных, горьких губах.*

Образность его сравнений восхищает свежестью и лаконичностью:

*...В густой закат вплывали глыбы туч,
И в нем, как рыбы, сонно шевелились
Тела их длинные...*

*Сплавлили лес, и узкие плоты,
Как связанные желтые свирели,
Протяжно плыли в синей акварели
По облакам, упавшим с высоты...*

Метафоры Юры часто поражают неожиданностью:

*...И небо из последних сил
Лучей надломленные копы
Бросает в снеговой настил...*

Каково! Не стихи, а мощный магнит, которым автор гипнотизирует, увлекает в свой мир.

Поэт не стремился к изощренной элланности. Но простота его образов — это не упрощенность. Отнюдь, эмоциональная насыщенность строк своей космической глубиной сродни органной музыке, долгое, протяжное звучание которой продлится и в будущем:

*Сквозь волнующий запах снега,
Сквозь разрозненные облака
Нам являются мысли с неба,
Неразгаданные пока.*

Подобными строками поэт при жизни возвысился над смертью, ибо (он верил в это) человек есть существо духовное и вечное, а не смертное, как мы воспринимаем себя по атеистической привычке.

*...И свято веровать,
Сомнения поправа,
В переселенье душ людских,
И все же
Грустить, что нет переселенья трав
И юности переселенья тоже...*

Силой своего воображения и дарования поэт создает собственную, совершенную по форме и содержанию реальность. Он исподволь подводит нас к пониманию того, что безрадостен путь человека, живущего без жажды познания, без стремления к духовному совершенству. Своим

словом он пробуждает в человеке качества, хранящиеся в глубине души и заглушенные вечной погоней за успехом и материальным достатком, истощающим как нас, так и ресурсы Земли. Начинаешь понимать, что духовные радости глубже:

*Я крикну: «Солнце!»
И оно качнется,
Его подхватят на руки ветра,
Оно над каждой крышей разольется...
И даже в злой душе
Душа проснется —
И вспомнит, что родилась для добра.*

Неспешные строфы его стихотворений, дышащие любовью, капля за каплей смывают с души наслоения грязи и открывают божественную красоту мира, в котором мы имеем счастье жить и творить. Вместе с тем мы слышим грусть, боль о том, что уходит время, уходит жизнь, о том, что она быстротечна:

*Как вода из треснутой скудели
Утекает время —
Что ж грустить?
Дни спешат,
Сбиваются в недели...
И едва ль что можно изменить.*

Его очень беспокоило расчленение общества. Вернее — разделение людей. Он видел причину этого явления в том, что в гонке за успехом человек становится все более эгоистичным индивидуумом с хватательной психологией. Вроде все знаем, что от одной ветки нет огня, от двух он едва теплится, а от нескольких веток уже разгорается жаркий костер, который греет всех, но мы, ослепшие, живем наоборот.

И все же Юра верил, что настанет время, когда человечество сместит вектор развития в сторону большей духовности. Он стремился быть одним из рычажков этого движения.

- 7 -

Невозможно пройти мимо темы природы в творчестве Юры. Она в той или иной форме присутствует практически во всех его произведениях, но есть целый ряд стихотворений, где эта тема преобладает.

До озноба потрясает неистовой яростной поведана история кары браконьеров духом воскресшего вепря — отца убитых несмышленишей кабанят-пацанят. Прочитав ее, не то что браконьеры, даже законопослушные охотники в большинстве своем зачехлят изрыгающие смерть ружья. Такова пронзительная сила этого произведения.

Поэт очень чутко воспринимает каждое движение, каждое дыхание земли. Он умеет:

*...Слушать гул дозревающих листьев,
И в траве легкий топот жуков,
И скользкий на лапах по-рысьи
Осторожный проход облаков.*

Привычные явления он может превратить, используя всего четыре слова, в великолепный художественный образ:

...Слепых метелей дикие стада...

Природа в стихах Юры «не слепок, не бездушный лик», а живая, одухотворенная и бесконечно терпеливая. Последнее качество придает ей величие, но сколько ж мы, люди, будем им злоупотреблять. Поэт обращается к нам:

*...Сорняки так часто душат всходы,
И благостны не все твои дела...
Ты знаешь только,
Что ты сын природы.
Любимый ли?..
Так не делай зла.*

- 8 -

Работая в «Башкигиздате» (позже — издательство «Китап») редактором, заведующим сектором русской литературы, а затем главным редактором журнала «Бельские просторы», Юрий Анатольевич пропустил через свое сердце тонны рукописей, отбирая лучшее и помогая авторам превзойти самих себя.

Для того чтобы на деле помочь начинающему литератору постигнуть тайны мастерства, он, щедро и бескорыстно делаясь знаниями, помногу раз обсуждал с ним рукопись. Выматывал новичка почти до изнеможения.

Помнится, раскритикует меня. Поработаешь над замечаниями и опять к редактору Андрианову идешь.

— О, стало лучше, но надо еще подтянуть сюжет, усилить образы героев.

Опять сидишь правишь, ищешь свежие образы, точные слова и, наконец, слышишь:

— Здорово, молодец! Все, это уже готовое вино, и пока не испортил его, закупоривай — дальнейшие переделки будут уже во вред.

Скольким писателям и поэтам, «мучая» их таким макаром, он отворил врата в литературный мир. И искренне радовался их творческим удачам.

Андрианов, вне всякого сомнения, был выдающимся редактором. Равных ему в этой сфере в Башкирии, пожалуй, не было. Разве что Станислав Шалухин (тоже рано ушедший от нас) по уровню был близок.

Под редакцией Юры вышли фундаментальные издания: «Свод Башкирского народного творчества», десятки томов библиотеки башкирского романа «Агидель» на русском языке, и ставшей классической серии «Золотые родники», и многие, многие отдельные книги.

Художественный перевод стихотворений — дело чрезвычайно тонкое, трудное и не всем подвластное. Андрианова-переводчика как раз отличало умение бережно, не повредив национальных корней, пересаживать произведения башкирских поэтов и писателей на плодородную ниву русского языка, сохраняя художественную индивидуальность автора.

Читая стихотворения в его переводе, я подчас ловлю себя на мысли, что перевод, по меньшей мере, не слабее оригинала. Неслучайно многие башкирские поэты мечтали, чтобы переводил их именно Юрий Андрианов.

- 9 -

О толстом общественно-политическом и литературно-художественном журнале на русском языке мечтало несколько поколений башкирских, татарских и русских писателей, поэтов. В декабре 1998 года, в непростое для республики и России время, эта, казалось бы, несбыточная мечта стала явью.

Назначенный главным редактором новорожденного журнала «Бельские просторы» Юрий Анатольевич Андрианов начал создавать любимое детище как поэму — творчески, вдохновенно, проявляя при этом невиданный напор и настойчивость.

И вот уже десять лет журнал радует читателей творениями как маститых, так и молодых авторов. Профессиональная работа редакции вывела его на всероссийскую орбиту, и он стал одним из авторитетнейших в нашей стране. И даже знаменитости считают теперь за честь быть опубликованными в нем. Это нашло отражение в решении Союза писателей России о награждении редакции журнала в 2006 году дипломом Всероссийской литературной премии «Традиция» — «За многогранную творческую деятельность в русле классической литературной традиции, а также за переводы на русский язык лучших образцов башкирской литературы».

Юра необычайно гордился признанием «башкирской толстушки» и просто светился от счастья, когда сообщал о присуждении этой награды. Но цена успеха была высока: тяжелый, напряженный труд и годы недожитой жизни.

- 10 -

Роковая небрежность врачей потянула за собой цепочку осложнений, подорвавших несколько лет назад здоровье довольно крепкого, спортивного (в прошлом член юношеской сборной Башкирии по волейболу) организма Юры Андрианова. Вскоре после этого случая он уже знал, что уйдет:

*Зашевелится в сердце бравада
Дымным облаком:*

Не пропаду...

Только все это будет неправда —

Лист упал...

Да и я упаду.

Но не желая, чтобы его жалели, внушал всем нам веру в скорое выздоровление.

Только раз в одну из последних встреч в палате № 607 РКБ он попросил меня: «Позаботься о семье». И всё. Тяжело было видеть, как человек неистощимой энергии и несгибаемой воли таял изо дня в день, а мы и помочь-то ничем не могли. Медперсонал отделения РКБ обожал его и делал все возможное...

К смерти Юра относился философски — готовил сборник, надиктовывал стихи. И встретил ее как настоящий мужчина, как подобает православному — мужественно, в кругу самых близких людей.

Он, конечно, сожалел о раннем финале, но не страшился его. Никого не беспокоя, мобилизовался и, продумав, предусмотрев все до мелочей, готовился к неизбежному.

- 11 -

Размышляя о жизни, Юра как-то сказал мне:

— Если у поэта есть два-три Стихотворения — это счастье.

— А у тебя, как думаешь, есть?

— Не знаю... время покажет.

А мне кажется, что человек, написавший:

*...И когда-нибудь там, у края,
я пойму, тяжело дыша:
потому Земля большая,
что большая у нас душа, —*

может рассчитывать на память потомков.

Кем был для меня Александр Эрастович Тюлькин

К 120-летию художника

Александр Эрастович был влюблен в жизнь. Он любил все здоровое и красивое, был сладкоежкой, лакомкой и гурманом, при этом жил очень скромно, не позволяя себе никаких излишеств.

Любимым его поэтом был А. Пушкин, почти все стихи которого он знал наизусть. Его заветной мечтой было встретиться с Пушкиным после смерти («там!») и поклониться ему. И уже совсем непостижимая для меня тайна – желание «там же» встретить первую свою жену Мусеньку и просить у нее прощения!

Главным, по его мнению, в искусстве должна быть тайна. Всю жизнь его волновала девочка в голубом платье из «Ночного дозора» Рембрандта (зачем она там?), таинственность картин «Еврейское кладбище» Я. ван Рейсдала и «Остров мертвых» Беклина.

Новое направление в искусстве конца 60-х – начала 70-х гг. гиперреализм называл «лишенным жизни» – гигиеническим. Превыше всего ставил живопись. Когда он говорил о живописи, ее можно было осязать и чувствовать почти физически. Такого дара я не знал и не знаю больше ни у одного из художников.

Еще задолго до фильмов Тарковского он часами мог описывать «живопись» стены дома Чицова (в котором тогда был краеведческий музей), ее фактурность, трещины, потертости, переходы теплого и холодного цветов, прозрачность теней и пастозность света. Его рассказы завораживали.

По признанию Александра Эрастовича, он обладал прекрасной зрительной памятью: один раз увидев, он мог точно написать заинтересовавший его мотив.

Живя среди уфимских оврагов, на холсте он превращал их в драгоценность. Его живопись переливается, как перламутр, оставаясь при этом очень органичной и естественной. Смотреть ее можно

бесконечно, она никогда не утомляет, в ней тайна живет с правдой.

Он стал для меня духовным наставником, но при этом никогда и ни в чем меня не наставлял; учителем, хотя я никогда не занимался в его классах. Я никогда не видел, как он пишет, так как познакомился с ним в ту пору, когда зрение его было слабым, и он не мог заниматься живописью. Были его прекрасные работы и он сам, стареющий, умудренный, опытный художник, зачастую очень противоречивый.

Цветущие гортензии

Погруженные в пышную зелень садов и палисадников, особенным ароматом и живописной прелестью отличались уфимские окраины и овраги. К концу лета Уфа утопала в яблоках-ранетках и других дарах осени. Зелень переливалась от лимонного до оранжевого, переходя то в золото, то в пурпур. Все это горело на фоне то бирюзового, то алого неба. Внизу, под оврагами, светилась река Белая.

И вот однажды шел я к художнику Тюлькину Александру Эрастовичу, с которым познакомился нынешней весной. Уезжая на каникулы в Петропавловку, я был приглашен Александром Эрастовичем по возвращении запросто приходить к ним на чай.

На улице Волновой сразу окунаешься в тенистую прохладу старых кленов, зарослей сирени и бузины. Зеленые обшарпанные ворота с табличкой № 21, в них небольшая калитка.

Калитку я всегда открывал с трепетом и волнением в душе. За калиткой открывался небольшой дворик. Слева, вдоль стены дома, подпираемой двумя могучими американскими кленами по углам, тянулась грядка с плотными листьями

ландышей, справа под зарослями сирени – поленица колотых дров, посередине – зеленая трава, по которой шла дорожка в глубь двора. От веранды до сарайки напротив тенистой аркой раскинулся клен. В проеме этой живой арки горел всеми цветами осени тюлькинский сад.

Около крыльца, у веранды стоял дорожный чемодан, на котором сидела уже не молодая женщина в летнем цветном платье.

– Вы – Миша? – спросила она.

Услышав от меня утвердительный ответ, она ужасно оживилась и обрадовалась. Это была знакомая Антонины Николаевны из Куйбышева.

– Вот вам ключи от дома, я опаздываю на поезд, меня уже ждали в Куйбышеве, – сказала она.

Из ее быстрого рассказа я узнал, что Антонина Николаевна и Александр Эрастович уехали в санаторий Юматово. Они наказали ей: «Если придет Миша, оставьте ему ключи, пусть поживет у нас в доме и присмотрит за котом Мурышкой».

Проводив ее, я остался один в этом таинственном доме, окруженном чудесным садом. В ярком свете вечернего осеннего солнца золотые ранетки были похожи на райские яблоки. Мурышка не обращал на меня никакого внимания.

На следующий день мне нужно было ехать на электричке в Юматово. Я уснул в большой комнате, где на стенах висели картины А. Тюлькина. Мне приснилась картина «Гортензии на окне». Явь, перешедшая в сон.

Приехав в санаторий, я нашел Антонину Николаевну с Александром Эрастовичем гуляющими по березовой аллее. Мы были едва знакомы, я был у них всего один раз перед летними каникулами – рассказывал о себе, об учебе, о жизни в деревне и тому подобное.

Встретили меня с восторгом и радостью. Благодарили, что я согласился присмотреть за домом и котом. Александра Эрастовича Мурышка беспокоил больше всего – не болен ли он: у кота чесались уши, и Александр Эрастович боялся, не лишаи ли у него, просил при случае найти ветеринара. Мне вручили аж пять рублей для кормления кота. «Надеемся, на неделю этого хватит?» Я уехал растроганный и удивленный этими прекрасными людьми.

В магазине «Балык» напротив училища искусств за пятьдесят копеек купил килограммовую треску – рацион для кота на неделю.

У нас в доме всегда жила кошка. Кормила ее мама дважды в сутки – после дойки коровы. Кошачью плошку наполняли молоком – и все. Обязанность кошки – ловить мышей.

Ловя пацаном на удочку пескарей, я видел, как кошка буквально бесилась и жалобно просила рыбки из моего улова. Вот я и купил треску. Сам испытывая постоянную нехватку денег, питался гарнирами да супом из расчета три рубля в неделю. Теперь я мог заказать себе в совминовской столовке настоящий бифштекс или шницель – вожаемая мечта!

Мурышка не проявил восторга от кусочка трески. Понюхав его и брезгливо потрогав лапой, он ушел на веранду. Я убрал рыбу в холодильник. Утром, уходя на занятия, выставил треску в блюдце на пол. Голод не тетка – рыба была съедена. Вечером Мурышка получил очередной кусочек. К концу недели кот с удовольствием уплетал сырую рыбу, лишаи прошли, шкура стала лосниться, и – о чудо! – он стал ловить в саду и на веранде мышей. Настоящий кот, в нем ожил инстинкт охотника.

Я же исправно получал от Александра Эрастовича деньги на питание Мурышки, приезжая навестить их в санаторий каждую неделю. Узнав, что кот выздоровел, Александр Эрастович с восторгом прибавлял денег на его питание, несмотря на мои протесты.

В последний свой визит в санаторий Антонина Николаевна и Александр Эрастович дали мне два поручения: вскопать землю в саду под зиму и настрять к их приезду мясные пельмени – по моим рассказам Александр Эрастович знал, что я умею это делать. Мне вручили 25 рублей!

До их приезда оставалось три дня. Я понял, что один не справлюсь. Вскопать сад я пригласил друзей-однокурсников, пообещав угостить их пельменями.

Пельмени я действительно умел и любил делать. Пока ребята вскапывали сад, намесил тесто и пропустил фарш. Мясо и муку я купил накануне на городском базаре.

Налепил двести штук пельменей. Ребята вскопали сад очень аккуратно и добротно. Пришли усталые и голодные. Надежда обойтись одной сотней сразу рухнула. Съели все и – самое ужасное – забрали из холодильника полторы бутылки водки. Несмотря на мое героическое сопротивление, выпили и хранившийся в том же холодильнике коньяк. Коньяк Рифка Хасанов поклялся вернуть до приезда Тюлькиных. Слово свое Риф сдержал. Выпроводив друзей уже за полночь, я свалился от усталости и переживаний. Заснул мертвым сном.

Настало утро дня приезда Тюлькиных. Я знал, что приедут они к пяти часам вечера. Сбегав на занятия в училище (была живопись), я быстро вернулся обратно. На мое счастье, фарш и тесто остались. Моя крестьянская привычка делать много выручила.

Перемыл вчерашнюю посуду, навел порядок на кухне и веранде. Вымыл во всех комнатах полы. И сел лепить пельмени. За двадцать минут я слепил ровно сто штук. Уложив ровными рядками на металлическом листе, посыпанном мукой, я вынес их на веранду – на улице в тот день уже слегка подмораживало – и поставил на стол. За воротами раздался сигнал такси. Я выбежал встречать хозяев.

Боже! Сколько было радости и восторгов!

«Сад-то, а сад-то!» – восклицала Тонечка.

«Тысяча дьяволов! Тонечка! Посмотри, что за чудо эти пельмешки, это просто произведение искусства!» – восторгался Александр Эрастович.

«Тонечка! Немедленно за стол! Миша, срочно вари пельмени», – распорядился Александр Эрастович.

«Эрастович! Вам нельзя волноваться!» – сдерживала его Тонечка.

Я пошел на кухню варить пельмени, они стали переодеваться и умываться с дороги. Пока вскипала вода, а я варил пельмени, Александр Эрастович уже сидел за столом, в ногах у него вальяжно лежал Мурышка. Села за стол и Тонечка. Я внес на серебристом подносе горячие, исходящие паром и ароматом пельмени.

Раскладывая пельмени по тарелкам, я похолодел внутри от слов Александра Эрастовича:

– Тонечка! За пельменями даже нищие выпивают.

Чтобы не упасть, тихонечко сел на краешек стула. Я ждал грандиозного скандала, был уверен, что меня отругают и выгонят с позором. Тонечка встала, открыла холодильник, не сказав ни слова, закрыла его и вышла в сени. Через минуту она вернулась, неся в руках красивый графинчик, наполненный водкой. Никакого укора или осуждения в ее глазах не было. Были налиты крохотные рюмочки, мы выпили за счастливое возвращение хозяев домой.

Тюлькин был в восторге от моих пельменей. Но, говоря о еде, быстро переходил на другие темы, в то время он был увлечен романом Ефремова «Туманность Андромеды»:

– Миша, дорогой, как вы думаете, если люди полетят и переселятся на другие планеты, будет ли там классовая вражда? – спросил он у меня.

Моя голова была полна марксизмом-ленинизмом, теорией эксплуатации человека человеком. Я с жаром стал доказывать, что классовая вражда будет.

Тонечка умела переключать разговор Александра Эрастовича на другие темы. Мне было предложено оставаться в их доме жить. Более того, за месяц моего роскошного житья в их доме мне вручили 40 рублей денег.

Александр Эрастович предложил мне купить на эти деньги хорошие часы. Тонечка возразила: «Почему часы, может быть, Мише лучше купить хорошие брюки».

Я снова остался ночевать в большой комнате на диване среди картин Тюлькина. Взволнованный, я долго не мог уснуть. А когда задремал, сквозь сон вдруг услышал скрип двери в спальне хозяев. В полоске света показалась фосфорически мерцающая зеленовато-голубая фигура и медленно стала приближаться ко мне. Я замер от ужаса.

Фигура подошла и спросила голосом Александра Эрастовича:

– Миша, вы не спите?

– Нет, – с трудом выдавил я из себя.

– А я все-таки считаю, что если люди смогут полететь на другие планеты, то никакой классовой вражды там не будет, – сказал очень убежденно Александр Эра-

стович, повернулся и медленно ушел к себе в спальню.

Беседы перед обедом и за обедом

Александр Эрастович Тюлькин жил, находясь в состоянии постоянной влюбленности. Обожал красивых девушек и женщин. Однажды он пригласил на ужин пышущую своими формами молодую художницу, а та обрадованно заявила, что придет вместе со своим мужем Борисом. Александр Эрастович рассмеялся и рассказал, как Наполеон пригласил на ужин фрейлину двора, которая также пообещала прийти с мужем, на что Наполеон иронично заметил: «Я люблю хорошее мясо без горчицы!»

Вернувшись из совминовской поликлиники, где Александр Эрастович лечился и консультировался, он с восторгом рассказывал, какая прелестная медсестра прослушивала его дыхание: «На ней был белоснежный накрахмаленный медицинский халатик. Прослушивая меня, она сидела на стуле, из-под полы халата выглядывали прелестные девичьи коленочки. Я не выдержал и нежно погладил их. Смутившись, девушка одернула халатик и прикрыла колени. Сердце мое нежно билось в груди, я сразу перестал чувствовать себя больным».

В минуты хандры Александр Эрастович просил Тонечку отвести его на прием к врачу, тайно мечтая вновь увидеть прелестные коленочки.

Однажды перед обедом принесли почту – свежий номер журнала «Здоровье». Бегло просмотрев его, держа почти вплотную к глазам, Александр Эрастович сунул журнал в карман, и мы пошли за обеденный стол.

Мы с Антониной Николаевной накрывали, Александр Эрастович терпеливо ждал, пока мы зайдем свои места. Мурышка сидел у него в ногах. Прежде чем есть, Александр Эрастович незаметно для Тонечки протягивал ложку с едой Мурышке. Он был у него дегустатором. Если не ел Мурышка, не ел этого и Александр Эрастович.

Суп был налит в тарелки, Мурышка попробовал и одобрил. Вдруг Александр Эрастович обратился ко мне: «Миша,

пока суп остывает, почитай, пожалуйста, одну статейку из журнала – вслух».

Он протянул мне журнал «Здоровье» и указал страницу, на которой начиналась статья. Статья называлась так: «Сексуальные отношения в советской семье». Я робко начал читать вступление. «Погромче, пожалуйста», – попросил Александр Эрастович.

Статья не содержала в себе никаких сексуальных откровений. В основном описывалась обстановка спальни и рекомендовалась легкая, успокаивающая музыка. Александр Эрастович мечтательно произнес: «Да, под Шопена, наверное, хорошо, а вот под вашего Шостаковича вряд ли что получится». Тонечка не выдержала и попросила прекратить это дурацкое чтение. «Позволь, Тонечка, ведь это ваш советский журнал, разрешенный партийными органами, и ты как член партии не можешь запретить мне дослушать эту статью до конца». На это Тонечка порекомендовала Александру Эрастовичу поменьше принимать гормональных таблеток.

Александр Эрастович лежал на своем диване. Над ним висел натюрморт с тюльпанами. Цветы, написанные Тюлькиным, казалось, источают аромат. Александр Эрастович сладко спал.

Однажды, выражая свой восторг, я спросил у своего друга Володи Кузнецова, каким образом, по его мнению, удавалось так тонко писать Александру Эрастовичу цветы. «Да у него душа как цветок!» – ответил мне Володя.

Визит в горсовет

Известный факт, что Тюлькин является одним из основоположников советской башкирской школы живописи. Был в числе организаторов Союза художников БАССР, одним из первых его председателей. Преподавал в Уфимском техникуме искусств. Почти все известные художники 50–60-х годов были его учениками. Его персональную выставку 1978 года посетил первый секретарь обкома Нуриев.

Частный дом на улице Волновой с пристроенной маленькой мастерской отапливался дровами. Естественно, под старость лет Антонине Николаевне хотелось переехать в благоустроенную квар-

тиру. Она как могла хлопотала об этом. Написала от имени Александра Эрастовича письмо в горсовет. Настало время, Александра Эрастовича с Антониной Николаевной пригласили на прием к председателю горсовета Воронинскому. Александр Эрастович прошел в кабинет. Тонечка деликатно осталась в приемной. Беседовали около двух часов. Начали о здоровье, перешли на поэзию – читали друг другу стихи, долго говорили о живописи и музыке. Александр Эрастович вышел счастливый и довольный беседой с умным и эрудированным собеседником.

В приемной утомленная долгим ожиданием Антонина Николаевна спросила: «Ну как, решили вопрос о квартире?». «Тысяча дьяволов, я совершенно забыл спросить об этом!» Тонечка заставила Тюлькина вернуться в кабинет: чертыхаясь и бурча «да неудобно как-то», он вернулся в кабинет Воронинского, где вопрос о предоставлении ему квартиры был положительно решен. По всем советским меркам, супругам на двоих была положена однокомнатная квартира, на что Александр Эрастович возразил: «А куда же я поставлю рояль и приглашу вас послушать старинные романсы?». Воронинский рассмеялся и распорядился выделить Тюлькину двухкомнатную квартиру.

Квартиру эту выделили в новом девятиэтажном доме на Благоева, 8. Убедить Тюлькина оставить свой родной и любимый дом на Волновой и перебраться в новую квартиру, которую он тут же окрестил «золотой клеткой», пришлось очень долго. На новоселье он иронично шутил, что ему опять крупно повезло, так как на первом этаже открылось похоронное бюро.

Антиалкогольные беседы

При хорошем столе Александр Эрастович мог позволить себе выпить, но не более двух-трех маленьких рюмочек.

Обожая портвейн и «Айгешат», мог смаковать весь вечер одну рюмочку этого терпкого, с ароматом грецкого ореха, сладкого портвейна. В минуты откровения сетовал: «Эх, надо было хоть раз как следует напиться. Я бы тогда такого “Мелкого беса” рванул, не чета этому», – говорил он

о своей картине с игральными картами «Мелкий бес».

Авторитет и уважение к Александру Эрастовичу не позволяли художникам особенно расслабиться и напиться в его присутствии. Таковых, как правило, выпроваживали.

Особым расположением у Александра Эрастовича пользовались художники из Ленинграда. Эвакуированные из блокадного города Аркадий Лапиров и художник Богомолец были покорены творчеством Тюлькина. Уговорили его сделать выставку в Русском музее Ленинграда, которая с успехом и была проведена в 1946 году. Русский музей приобрел в свою коллекцию несколько работ Тюлькина, в том числе «Карусель», «Домик рыбака», «Челн смолят», «Уфимские овраги», вариант «Цветущие окна» и другие.

Летом 1970 года Уфу посетила очередная группа художников из Ленинграда. Завершив свои дела, они пришли навесить Тюлькина. Устроили застолье. Было шумно и весело. Один из ленинградцев, которого друзья называли Гений, не считал свои силы и свалился пьяный. Сердобольная Антонина Николаевна позволила уложить его в свою спальню. Ленинградские гости уговорили Александра Эрастовича и Тонечку пойти к ним в гостиницу и продолжить общение. Гений, которого называли еще и Соломон, дрых в спальне: высоченного роста, ноги были на полу, то есть просто не помещались на кровати. Мы с другом Володей Кузнецовым прибрали со стола, перемыли посуду и стали ждать возвращения хозяев. Вдруг на веранду вышел Соломон. Вид у него был довольно жалкий. Мы помогли ему привести себя в порядок. В саду стояла бочка для сбора дождевой воды с красивым медным ковшом, из которого Володя поливал воду Соломону.

Мы с Володей завели разговор о пельменях. «Что, можно организовать пельмени?» – удивился гость. «Запросто! Были бы деньги». «Сколько?» – спросил Гений, вынимая из кармана толстую пачку двадцатипятирублевых. «Двадцать пять хватит», – сказали мы. «Вот вам семьдесят пять, только возьмите к пельменям водки».

Володя побежал в совминовскую столовую, я быстро замесил тесто. Володя

принес фарш и три бутылки водки. С пельменями пошли тосты. Короче, к приходу хозяев мы вповалку лежали на полу мастерской.

Рано утром с чувством глубокой вины и досады на себя мы с Володей схватили этюдники и стали в саду писать этюды. В сад вышел Александр Эрастович со своей любимой тростью и в соломенной шляпе. «Что, пишете? Пишите, пишете», – сказал он и, что-то бурча и мурлыча, пошел на веранду. Вскоре он вернулся. Извинившись, пригласил нас на веранду. Мы понуро побрели за ним следом. Сели на деревянный диван, как провинившиеся школьники.

«Друзья мои, Тонечка попросила меня побеседовать с вами, – сказал он и продолжил. – Она говорит, что вы пьете»... Да разве сейчас пьют? – воскликнул он. – Вот когда я учился в Казани, студенты художественного училища откупили у хозяина баню и гуляли там целую ночь. Утром приходит хозяин, а бани-то и нет. От нее остался лишь один нижний венец, в который были воткнуты все ножи и вилки. Баню потом собирали по всей улице, двери нашли аж на соседней. Вот это гуляли. Вот это пили!.. Тонечка, пора пить чай. С мальчиками я поговорил».

Вечерний чай

Чай пили чаще всего на веранде. На тюлькинской веранде в летнюю пору почти всегда были гости. Входные двери были всегда открыты для гостей, другие двери, поменьше, выходили в сад, под окна мастерской художника. Вдоль веранды стоял большой стол с приставленным к нему с торца диваном, с изящно изогнутой спиной из большого листа дерева; с другой стороны стояли два плетенных из ивовых прутьев кресла. На одном из них всегда сидел хозяин, оперев руки на трость.

Обстановка была простая, но уютная. На столе всегда стояли цветы в высокой синей вазе и на подносе. На большом керамическом блюде лежали яблоки, большой полосатый арбуз, ждавший своего часа. Летнее солнце, светившее с утра в окна веранды, после обеда уходило за

крышу. На веранде было тепло и прохладно. Наступало время пить чай.

«Тонечка, а не пора ли нам пить чай?» – спросил Александр Эрастович. Чаепитие сегодня было особенным – знакомая Антонины Николаевны принесла целый бидончик свежего меда.

Тюлькин был гурманом и известным сладкоежкой – он даже арбуз ел с сахаром. Знал толк в сладостях, но главное, умел всем этим восторгаться. Открыто выражал свой восторг, сопровождал его необыкновенно интересными замечаниями и рассказами. Чай уже дымился в чашках, мед был торжественно разлит по розеточкам. Гости восхищались и расхваливали мед. Женщина, принеся его, сияла, как именинница. Все ждали оценки хозяина.

«Тысяча дьяволов! Да это расплавленный янтарь! Какая прелесть!» Был расхвален золотистый цвет меда, его свежесть, и какой он в меру вязкий. Деликатно зачерпнув мед ложечкой, взяв в другую руку чашку с чаем, Тюлькин, держа ложечку над чашкой, медленно поднес мед ко рту. Все затихли и ждали. И тут Александр Эрастович обратился к гостям: «Дорогие товарищи, а вам не кажется, что мед пахнет нафталином? Тонечка, принеси, пожалуйста, сахар».

Дальше речь пошла об искусстве, о картине Рембрандта «Ночной дозор» (я, конечно, не обладаю таким обонянием, как Александр Эрастович, но у меда действительно был какой-то аптечный привкус, правда все гости наперебой уверяли, что мед превосходный).

Остаток застолья гости и Тонечка всячески успокаивали дарительницу меда. Разошлись все довольные. Мы с Антониной Николаевной убрали со стола и перемыли посуду. Александр Эрастович сидел в кресле, положив руки на трость, и напевал мотивы из оперы «Фауст». О меде он больше никогда не упоминал.

Футуризм

Известно, что Тюлькин, еще учась в Казанском художественном училище, встречался с «отцом» русского футуризма Давидом Бурлюком. Бурлюк приезжал в Казань вместе с В. Маяковским.

Тюлькин с группой студентов был на встрече с Бурлюком и Маяковским. Он запомнил, с каким интересом Бурлюк рассматривал икону в доме, где происходила встреча. Александр Эрастович был молод и робок, поэтому он мало что мог вспомнить об этом событии.

Судьба свела их снова во время первой мировой войны уже в Уфе. Они вместе ходили на этюды. Александр Эрастович вспоминал:

– Возвращались мы с Давидом Бурлюком из уфимских оврагов, где писали этюды. Вокруг нас собралась ватага мальчишек. Бурлюк сказал: «Смотри, Саша, как делается история!». Бросив мальчишкам несколько монет, Давид приказал им бежать впереди и кричать: «Идет великий художник Давид Бурлюк!» – что мальчишки с удовольствием исполнили.

На этюдах Бурлюк рассказал Тюлькину о своей первой выставке в Одессе. Чтобы привлечь зрителей, Давид нанял старого еврейского скрипача и барабанщика. Почтенные парочки, прогуливающиеся по набережной, невольно заходили на выставку. Явно шокирующие футуристические картины, демонстрируемые под жалобные звуки скрипки и гулкие удары барабана, произвели фурор. Бурлюк рассказывал, как зрители выскакивали из зала, обливаясь потом и с воплями: «Вот так виставка!».

История посещения одной выставки

Осенью 1968 года А. Тюлькин получил приглашение на выставку Леонида Нестеровича Шуваева. Выставка проводилась в помещении клуба РТИ.

Александр Эрастович и Антонина Николаевна взяли меня в качестве провожатого. Сели на автобус № 18 – маршрут, который я плохо знал, – и уехали в противоположную сторону. Благо автобус шел по кругу, и мы благополучно добрались.

Народу на выставке было много. В основном заводская молодежь. Александра Эрастовича сразу окружили молодые парни и девушки. Проходя в залы, где была размещена экспозиция работ художника, Александр Эрастович увлеченно беседовал с молодыми людьми, живо ин-

тересовался продукцией завода. Он долго допытывался, какое самое тонкое изделие выпускает их завод. Дошли до галош, но Тюлькина это не удовлетворило. Наконец, один молодой рабочий сообщил о том, что интересовало старейшего художника. «Да, Александр Эрастович, у нас их выпускают, но для другой цели», – сказал он. «Интересно, а для какой?» – спросил заинтригованный Александр Эрастович. «В них закладывают взрывчатку и опускают в скважины для глубинных взрывов в артезианских колодцах, – ответил ему рабочий.

В это время к Александру Эрастовичу подошел Б. Домашников и сказал, что выставка уже открылась и автор хотел бы услышать мнение Тюлькина о его работах. Извинившись перед молодыми людьми, Александр Эрастович проследовал на выставку. «Что же я должен сказать?» – спросил Тюлькин. «Ну, хотя бы что вам понравилось, какие работы художника», – ответил Домашников.

«Тонечка, – позвал Александр Эрастович, – скажи, пожалуйста, что нам понравилось на этой выставке!» Антонина Николаевна, внимательно осмотревшая до этого выставку, указала на два небольших этюда, которые отличались авторской самостоятельностью. «Да, эти, пожалуй, нам понравились», – подтвердил Александр Эрастович. Домашников, уже раздраженно: «Александр Эрастович, автор волнуется и ждет от вас серьезной оценки». «Ах, серьезной? Пожалуйста! Уж очень подражательные работы, не чувствуется самостоятельности автора. А главное, уж очень много подражания Домашникову». Автор обиженно возразил: «А мне говорят, что я подражаю Тюлькину». «Ну, милый вы мой! Уж ежели вы подражаете Домашникову, то уж мне-то подражать сам Бог велел – я все же выше художник, чем Борис Домашников», – заключил Александр Эрастович.

Что касалось живописи, то Александр Эрастович всегда прямо и открыто высказывал свое мнение. Яркий пример этому – еще одна выставка художника-любителя, устроенная в коридорах БГУ. Тюлькин также был приглашен на открытие. Как правило, официальные лица говорили лестные слова в адрес автора и его творчества. Дошла очередь – слово предоставили

Тюлькину. «Дорогой...! – торжественно начал свою речь Александр Эрастович. – Как вам не стыдно? Ведь здесь же студенты! Им нельзя показывать такие слабые и плохие работы. Это просто дурной тон!»

Как я писал веранду Тюлькина

Однажды, сидя в своем любимом кресле, Александр Эрастович живо вспоминал о художниках-авангардистах 10-х – 20-х годов XX века, работавших в Уфе. Их тогда называли футуристами. Они всячески ломали и утрировали форму, применяли различные фактуры, клеивали в живопись бумажки и этикетки, занимались коллажем, абстракцией и т. п. Характерно, что нет ни одного известного имени из среды этих художников – скорее всего, они пополнили ряды художников-оформителей Башкирского художественного фонда.

У Тюлькина сохранились экземпляры журнала «Аполлон» за 1910 год, в которых публиковались статьи и репродукции по изобразительному искусству. То, что знал Александр Эрастович в начале XX века, находилось под спудом забвения и запрета долгое время: для меня и моих друзей это открылось лишь через полвека, во время хрущевской оттепели. Многие как бы заново открывали для себя и футуризм, и искусство авангарда начала века двадцатого. В том числе импрессионизм и постимпрессионизм Ван Гога и Сезанна, а далее Модильяни, Дарена, Брика, Пикассо...

Все это поражало наше воображение – запретный плод сладок. Академическое искусство казалось скучным и примитивным. А методика преподавания на художественном отделении Училища искусств и вовсе рутинной. Хотелось новизны. При этом основная масса студентов прилежно выполняла все задания и установки преподавателей, заслуженно получала хорошие и отличные оценки. Дух «бунта» не коснулся их душ. Те, кто дерзнул заниматься новаторскими поисками, причислялись к формалистам и изгоям. Но мы свято верили в свою правоту.

Однажды я начал писать этюд веранды Тюлькина: дверной проем, через который просматривался дворик и бельские дали. Я увлеченно занимался компонов-

кой проема. Для пушей выразительности наклонил все косяки дверей веранды, уходя от прямых вертикалей и горизонталей. И тут ко мне подошел Александр Эрастович. «Миша, что вы делаете?» – спросил он. «Да вот, пишу вашу веранду», – ответил я. «Позвольте, а почему же все косяки кривые? Нет уж, на моей веранде все косяки и рамы прямые, и будьте любезны рисовать их правильно!» – строго произнес он. «Но, Александр Эрастович, вы же сами учили нас изображать все острее и выразительнее», – смело возразил я. «Может быть, вы пойдете в обком партии и скажете, что я вас еще и абстракционизму учу? Возможно, у кого-нибудь в доме и бывают кривые косяки, но в моем доме они прямые и правильные!» – воскликнул он и ушел в дом.

Желание продолжать этюд у меня как-то сразу пропало. Это был единственный случай, когда Тюлькин позволил себе вмешаться в мою работу.

Банкет

На банкете, организованном в честь 80-летия Александра Эрастовича Тюлькина, собрались практически все художники республики. В просторном зале столовой было накрыто множество столов, располагавшихся в виде буквы «П». Александр Эрастович и Антонина Николаевна сидели в центре. Было много речей и поздравлений. С каждым тостом речи становились все громче и восторженнее. А. Бурзянцев сначала в хмельном порыве подошел сзади к юбиляру и так хлопнул его по плечу, что тот еле удержался на стуле, а затем подхватил его и расцеловал. Говорили почти все, по очереди отпуская комплименты в адрес юбиляра. Дождавшись, пока страсти улягутся и выскажутся все желающие, Тюлькин выступил с ответным словом: «Дорогие товарищи! Вы столько надарили мне сегодня золота, жемчугов, бриллиантов и россыпей драгоценностей! Спасибо вам! Одно должен сказать: чтобы что-то дарить, нужно это иметь!» Слова Александра Эрастовича утонули в буре оваций. В пьяном угаре художники вряд ли поняли, что же он сказал.

17 апреля 2006 г.

«Все по заслугам знамениты...»

Великий французский кутюрье Ив Сен-Лоран печально констатировал: «Всю свою жизнь я стремился к красоте, но убедился в том, что уродство сильнее». Когда я смотрю на картины художника-провидца Сергея Краснова, мне кажется, что мысль Сен-Лорана ему близка, только он перед уродствами человеческой цивилизации не пасует, а всячески пытается еще раз и еще встряхнуть людей, забывающих о своем предназначении в этом мире. Как верно заметил известный искусствовед Александр Гарбуз, «отсюда почти зеркальная симметрия в изображении Красновым “города Солнца” и “атомного города”, развивающая вширь и вглубь мысль о расхождении идеи устройства рая на Земле и ее практического осуществления».

Много лет зная Сергея Краснова, интересуясь его выставками, его новыми работами, я перечитала немало умных высказываний о его творчестве и критиков-профессионалов, и «продвинутых» в области искусства журналистов и пришла к выводу, что никто не написал о нем точнее и ярче, чем его друг с детских лет поэт Борис Романов. «Оду из мастерской Сергея Краснова» можно цитировать с первой до последней строки – настолько, на мой взгляд, правильно и любовно оценена индивидуальность большого, ни на кого не похожего художника. Очень рекомендую прочесть всем, кто неравнодушен к работам Краснова, это стихотворение и всю книгу Бориса Романова «Вдоль моря», которая многими поэтическими высказываниями автора близка к художественным пристрастиям его уфимского друга. А пока приведу небольшой отрывок из «Оды», который мне показался особенно метко характеризующим истоки искусства Краснова, искусства безусловно интеллектуального, но напитанного истинно народным осознанием своей

причастности к родным корням, к истории, к природе, мифологии и фольклору:

*...он школьным сделался героем,
рисуя жизнь иных миров –
подводно-лунные просторы
в мазочках млечной мишуры,
где колченогие опоры
возносят ромбы и шары,
а не дощатые заборы
и пионерские костры...
Но я-то думаю, запали
в него с безуминкой Дали
лесов космические дали
за быстрой Белой, в дали,
к которой мы переплывали
на катерке и долго шли.*

Все жизненные случайности, если вдуматься, удивительно неслучайны. Например, то, что мама Сергея Лидия Иосифовна родилась в Венеции. Пусть не в знаменитой итальянской, а в деревеньке возле реки Белой, которая, широко разливаясь в половодье, навела не кому-то другому, а деду будущего художника Иосифу Рябову именно это название их поселения. И абсолютно неважно, что в настоящую Венецию Сергей Борисович попал раньше, чем в Венецию своего родового гнезда: он вобрал в душу, открытую Красоте, и туманное утро старинного итальянского города, и чудом сохранившуюся яблоню среди поросшего травой бывшего сада своих предков.

А предки у него были знатные – не титулами, а благородством происхождения из старинной крестьянской семьи, которая в Илишевском районе Башкирии проживала еще с конца XVIII века. Прадед Сергея Дмитрий Васильевич Рябов после Цусимского сражения вернулся с Русско-японской войны, награжденный Георгием. Первенец его и Марии Викторовны Иосиф (или Осип) учился в земс-

кой школе, позже окончил сельхозшколу, в 1914-м был отправлен на фронт и, попав в плен, батрачил в Германии. Вернувшись, пережил гражданскую войну, голод начала 20-х годов, во время нэпа с надеждой на лучшее перебрался с родителями в Дюртюлинский район, в тот самый хутор, что стал именоваться Венецией (с легкой руки его, побывавшего в Европе батраком сыроварщицы), куда и стали переезжать вслед за двумя русскими семьями и татарские поселенцы.

Иосиф женился на Нюре Прониной, девушке образованной, окончившей Бирскую гимназию. Происходила она из богатой крестьянской семьи, занимавшейся изготовлением и продажей деревянной тары в русском селе Анастасьино, которое в архивных документах упоминается с 1622 года. В 1924 году в молодой семье родилась Лидия – ей в юности пришлось испытать лишения как дочери репрессированного. Иосиф Дмитриевич, поднимавший сельское хозяйство в дальнем башкирском районе, потом служивший в Уфе в Башнаркомземе, укреплявший колхоз в Иглинском районе, был арестован, как и многие другие вполне добросовестные и ничем не провинившиеся работники, и умер в тюрьме. Так что способной Лидии, которая поступила в театральное художественное училище и должна была учиться в одной группе с будущим знаменитым мастером кисти Борисом Домашниковым, пришлось устраиваться на моторный завод, потому что надо было на что-то существовать.

После войны перешла на агрегатный завод, где так и трудилась до самой пенсии вместе с мужем – бывшим фронтовиком, высококлассным токарем Борисом Михайловичем Красновым. Все свои таланты они передали детям: 31 августа 1948 года стали счастливыми родителями двойняшек – Наташи и Сережи. Теперь у 84-летней Лидии Иосифовны внуки и правнуки. Сын Сергей и его дочь Маша Краснова-Шабаева, унаследовав творческий талант, радуют своими успехами на поприще искусства.

Но это уже «бросок» в далекое сегодня, а в не менее далеком «позавчера» второклассника Сережу отец привел во Дворец пионеров в изостудию Владимира Степановича Сарапулова. Его педагоги-

ческому таланту обязаны своим становлением в искусстве многие известные ныне башкирские художники, архитекторы, дизайнеры, начиная от Рашита Нурмухаметова и продолжая этот ряд такими именами, как Рифхат Арсланов, Тан Еникеев, Алексей Королевский, Ирина Кибальник, Егор Прокшин, Сергей Краснов и еще, и еще. Если в цифрах, то это 15 членов Союза художников, 57 оформителей, 18 преподавателей, 14 архитекторов, 7 модельеров, 5 дизайнеров.

Главный принцип Степаныча, как ласково называли его между собой ученики, это свобода и «вседозволенность» в выборе тем, это всяческая поддержка самых фантастических выдумок и полное неприятие лени. Зато если у ребят появлялись первые подвижки в творчестве, учитель сиял. Как шутил впоследствии один из его бывших воспитанников, вспоминая лысую «прическу» своего наставника, «для нас не было ничего дороже этой лысины – при виде наших успехов она начинала светиться, как нимб над головой святого».

Больше всего Сарапулов боялся загубить юный талант общей усредненностью основ ремесла, поэтому еще одним методом воспитания, по воспоминаниям Егора Прокшина, была демонстрация самых удачных работ. Фантазии на космические темы Сергея Краснова не раз оказывались в числе похваленных учителем. Такая вот была замечательная «начальная школа», а университетом, или скорее своеобразной аспирантурой, стала для Сергея московская стажировка у широко известных академиков живописи Евгения Кибрика и Ореста Верейского. Собственно, когда в 1976 году Евгений Адольфович увидел работы 28-летнего уфимского художника, он посчитал его совершенно сложившимся мастером и предложил полную свободу плюс, если понадобятся, свои советы. Те же взгляды на творческое содружество с молодежью исповедовал возглавивший Мастерскую после смерти Кибрика Верейский.

И в самом деле, к тому времени Краснов уже не только многое умел, виртуозно владея кистью, но, главное, уверенно шагнул на собственную, абсолютно индивидуальную дорожку со своим фирменным стилем художника-аналитика. Еще вес-

ной 72-го года, показав на Республиканской молодежной выставке в Художественном музее им. Нестерова графические работы и две в технике гуаши, изображавшие городские пейзажи, а затем участвуя во Всесоюзной выставке в Москве, в Манеже, он обратил на себя внимание оригинальным почерком, а в популярном тогда журнале «Огонек» была напечатана репродукция его картины «Новый город». Как однажды мне призналась жена Сергея, известная журналистка Рашида Краснова, «тогда мы слушали “Битлз”, и все их вещи были очень созвучны нашему боевому настроению. Я неистово верила в Сережин дар».

К счастью, так и оказалось: талант в связке с редкой работоспособностью определили высокое место Сергея Краснова в плеяде видных российских художников. Спросила его, сколько картин им создано, – хочется же подвести какой-то числовой итог к 60-летию юбилею. Он пожал плечами: «Никогда не считал. Где-то по пятьдесят в год. Значит, за сорок лет работы две тысячи наберется». Конечно, не в количестве дело. Но когда его подтверждает качество, то цифры становятся говорящими. Он участвовал в групповых выставках еще в советское время в Германии, Бельгии, Франции, Италии, других странах. Его работы находятся в Третьяковской галерее, во многих музеях России, а также в музеях русского искусства в Париже и Джерси-Сити (США), в частных коллекциях Евгения Евушенко, Никиты Михалкова, Олега Табакова, Виктора Шендеровича, зарубежных знатоков живописи. Его имя занесено в энциклопедию современного искусства «Творческий фонд России» (1997 г.) и в «Энциклопедию современной живописи и графики» (изд. Нью-Йорк – Париж). Десять лет тому назад Краснов был избран членом-корреспондентом Российской Академии художеств, а теперь является ее действительным членом.

Многие критики-профессионалы считают Краснова своего рода прорицателем, который, словно экстрасенс, своими картинами предупреждает о надвигающихся катастрофах. С одной стороны, с ними трудно не согласиться. Потому что в самом деле в 1986-м году работой «Атомный город» он как будто предупредил о

Чернобыле, а в 1987-м своим «Днем воды» – о фенольной аварии в Уфе. За два года до разрушения небоскребов в Нью-Йорке Краснов нарисовал эти башни с перечеркнутыми их белыми линиями именно на том уровне, где в них врезались стальные птицы-разрушители с дикарями на борту. И назвал картину «Идолы на Гудзоне». Конечно, Краснов – провидец, но только не потому, что обладает необычными способностями Ванги, а потому, на мой взгляд, что он сын своего времени, озабоченный его сложными проблемами не как сторонний наблюдатель, а как человек глубоко мыслящий, тонко чувствующий и стремящийся донести до людей свои размышления и переживания, воплотив их в том, что воздействует наиболее эмоционально, – в своем искусстве. Его «Ода взлетевшему острову» разве не предупреждение человечеству? Так может взорваться вся наша планета, если ее не спасти от экологического и нравственного варварства.

Метод художника Краснова часто именуют «фантастическим реализмом», останавливаясь в изумлении перед его таинственными островами, реликтовыми скалами и городами-призраками, перед камнями древних цивилизаций, манящими глубинами неизведанных вод и загадочными очертаниями старинных храмов. Его живописные полотна поражают не яркостью красок, а их удивительной гармонией, создающей необъятное пространство света, воздуха, космической свободы и бесконечности мира, сотворенного Высшим разумом и вызывающего к человеку о продолжении этих чудес или, по крайней мере, к их защите, сбережению и сохранению.

Возможно, правы искусствоведы, пытаясь соотнести творческую манеру того или иного мастера с определенными художественными течениями, отсюда и появившийся термин для обозначения творческого почерка Сергея Краснова – фантастический реализм. Но если вспомнить картины великих мастеров прошлого – Рафаэля Санти или Леонардо да Винчи, Паоло Веронезе или Сандро Боттичелли, разве их сюжеты Мадонны с младенцем или распятия Христа – не тот же фантастический реализм? Поскольку каждый из них по-своему интерпретировал легенды,

овая нечто воображаемое собственной фантазией, сотканной из реалий окружающего мира.

Пять лет тому назад мне довелось побывать на открытии очередной выставки Сергея Краснова в уфимской галерее «Мирас». Она называлась «Сны Евы». Художник в который раз проявил себя в этих работах неординарным, неуспокоенным и лукавым мастером: через Еву, которая была близка к Творцу и которая как женщина, обладающая тонкой и прозорливой интуицией, предвидела многое из того, что случится в дальнейшем на Земле, опять высказал собственную тревогу об исчезновении целых пластов мировой культуры, уходящей в небытие вместе с неисполненными предначертаниями Всевышнего о высоте человеческого духа.

Как всякий талантливый и самодостаточный человек Краснов не боится никаких конкуренций, сравнений. Напротив, он старается помогать молодым, радуется успехам коллег. Помню, весной 2002 года расспрашивала Сергея про выставку башкирских мастеров – в Москве, в галерее Зураба Церетели, там и он выставился вместе со своим учеником Ринатом Волигамси. Там как раз зарождалась идея о создании Башкирского филиала Российской Академии художеств, впоследствии поддержанная Министерством культуры и национальной политики РБ, но пока, к сожалению, не реализованная. Сейчас речь идет об организации в Уфе творческих мастерских Академии художеств. Это, конечно, сулит немалые перспективы для обучения на высоком классическом уровне талантливой творческой молодежи, которая при этом сможет получить выходы на интересные выставки в Москве и за рубежом. А пока Сергей Борисович, будучи приглашенным на выставки в Российской Академии художеств, в свою очередь приглашает вместе с собой коллег и учеников.

В 2007 году передвижная выставка в честь 250-летия Академии, открывшаяся в Уфе в Президент-отеле, собрала художников от Камчатки до Санкт-Петербурга. В Уфе она стартовала как раз благодаря отличным впечатлениям москвичей от вышеупомянутой выставки башкирских художников, проведенной в залах Академии в 2002 году по инициативе тогда еще

члена-корреспондента РАХ Сергея Краснова. По итогам передвижной выставки и выставки-2002 золотую медаль получил Борис Домашников (незадолго до кончины), серебряных удостоились, кроме Краснова, Камиль Губайдуллин и Владислав Пегов. 15 художников из Уфы были награждены дипломами участников, а специальные дипломы за мастерство и достижения получили Николай Калинушкин (посмертно), Айрат Терегулов, Ринат Волигамси, Владимир Лобанов и Фирдант Нуриахметов.

И вот год 2008-й – Российская Академия художеств, Министерство культуры и национальной политики РБ представили в Москве, на Пречистенке, выставку «Сергей Краснов и его друзья». Работы Сергея размещались в анфиладе из пяти комнат, в трех других помещениях Академии выставились приглашенные им Тимур Дадишвили из Челябинска, Галина Визель и Геннадий Райшев из Ханты-Мансийска, уфимские художники Ринат Волигамси, Валерий Мельников, Вакиль Шайхетдинов, Петр Рейхет из Санкт-Петербурга, Александр Толстиков и Маша Краснова-Шабаева из Москвы.

60 своих работ показал Краснов и был очень доволен отзывом искусствоведа Дмитрия Швидковского, который сделал упор именно на том, что в столице была представлена талантливая провинция. Хотя Сергей Борисович справедливо считает, что в искусстве нет такого определения – там главный талант и своеобразие мастера. А вот провинциальный зритель, по словам Краснова, в отличие от столичного, обделен эмоциональными впечатлениями от искусства художников – по крайней мере в Уфе, где очень сильная школа и где часто устраиваются краткосрочные выставки, нет постоянно действующей и по-настоящему просторной галереи современного искусства, хотя в запасниках хранится огромное количество достойных работ. Художественный музей им. М. В. Нестерова устраивает выставки Домашникова, Лутфуллина, Бурзянцева, других выдающихся мастеров, но они действуют месяц-полтора, тогда как на Западе такие вернисажи открыты минимум по два месяца, а то и полгода при постоянном интересе публики, поскольку это по-

звolyет квадратура помещений и давно выработанная привычка у людей посещать подобные выставки.

«В городе Мадена в Италии, где всего 165 тысяч жителей, – рассказывает Сергей, – и где Мекка для певцов, поскольку там родился великий Паваротти, существует огромная художественная галерея, приспособленная из старых конюшен, и в ней вместе с обновляющимися выставками организована и широкая торговля произведениями искусства... Такой прекрасный, но очень маленький по площади художественный музей, как у нас, разве в состоянии показать миллионному городу все богатство башкирской культуры, и немудрено, что художники стараются выставиться в Москве, в Питере, за рубежом либо вообще уезжают в те города, где больше возможностей показать свое искусство публике. В 70–80-е годы башкирские мастера занимали на выставках в Манеже лучшие залы, а теперь наша республика может растерять свои творческие кадры. Люди быстро приучаются к легкому, к поппе, но их необходимо поднимать к высокому в искусстве, а потому идея художественных академических мастерских (когда-то ведь такие были у Ахмата Лутфуллина), а за ней и открытия Башкирского филиала Российской Академии художеств должна быть воплощена в жизнь».

Вот такой неравнодушный монолог Сергея Краснова я выслушала в его мастерской, где надеялась больше поговорить о его работах. Но разговор опять пошел об общественной его деятельности – среди организаторов Творческого Союза художников России, где менее строгие правила, нежели при поступлении в Союз художников России, и это дает молодым определенный шанс для их развития, в частности участием в выставках вместе со старшими товарищами.

В конце концов, все-таки беседа возвращается в русло творчества самого художника благодаря тому, что обращаю внимание на большое полотно «С севера на север». Сергей Борисович переключает-

ся на экологическую тему, говорит, что в этом году сто лет со дня падения Тунгусского метеорита и он хочет несколько работ этому посвятить. И тут же вспоминает, как ездил в творческую командировку еще в советские времена на полуостров Таймыр, был в Дудинке, в Норильске со сталинской постройкой его домов, плавал вниз и вверх по Енисею, видел гору Талнаф, разноцветные дымы на переработке руды. С тех пор в мире мало что изменилось в отношении людей к природе, и поэтому опять в его творческих намерениях создание экологической серии картин.

Мастерская у Краснова на крыше высотного дома. Много журналов, буклетов, на которых по-хозяйски восседает кошка Бурка. В обычной жизни Сергей – простой скромный человек, заботливый муж и отец. Кстати, спросила его о Маше и получила ответ, какой и ожидала, зная дочь Красновых с малых ее лет как «девушку с характером», упорным и самостоятельным:

– У нее были прекрасные педагоги – Георгий Калитов, Ринат Миннибаев, Филарет Шагабутдинов. Она включилась в художественную жизнь еще с 2001 года, участвовала более чем в тридцати российских и зарубежных выставках. Она сама по себе, со своими идеями, со своим взглядом на мир, поэтому я старался не касаться ее творчества раньше, а теперь она вполне самостоятельный художник, график, иллюстратор, и мне ее работы интересны.

На прощание я подошла к окну,глянула на открывающиеся уфимские дали, которые наверняка питают своими просторами и красотой воображение художника, и снова пришли на память поэтические строки Бориса Романова:

*А мы с Красновым земляки –
Мы с берегов одной реки,
Бегущей под горой покатой.
Что говорить про земляков! –
Аксаков, Нестеров... Краснов –
Все по заслугам знамениты...*

Пути и поиски историка искусства

К юбилею А. Г. Янбухтиной

«Хотя в этой книжке нет и намека на восточное (башкирское) искусство, с удовольствием делаю эту надпись будущему крупному специалисту в этой области в подарок. 30/XII 76», – такую дарственную надпись сделал на своей книге аспирантке из Уфы Альмире Янбухтиной один из известных и авторитетнейших исследователей в отечественном искусствоведении профессор МГУ Михаил Андреевич Ильин. Слова видного историка искусства оказались пророческими. А. Г. Янбухтина теперь сама профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств Республики Башкортостан.

Начиная свой материал об Альмире Гайнуловне, хочу предупредить читателя, что это в первую очередь история любви. Любви, сопровождающей ее с раннего детства. Любви, которая двигала ею на протяжении всей жизни, ее любви к искусству и делу, которому она отдает все: силы, время и веру в перемены к лучшему.

Когда-то меня, в ту пору студентку Уфимского училища искусств, поразила не похожая на обычных преподавателей молодая темноволосая красавица всегда со старинным серебряным браслетом на запястье, ее «в кольцах узкая рука». Уже позднее я прочитала ее статью о башкирском ювелирном искусстве, опубликованную в престижном тогда журнале «Декоративное искусство СССР». Старинные предметы крестьянского быта будили воображение студентов, побуждая серьезно относиться к проблемам сохранения народного искусства. Тогда, в 1960-х и 70-х годах, такое занятие вовсе не было «конъюнктурным». А как увлекательно она рассказывала об искусстве, музеях, своих поездках! Сохранившиеся в ее архиве фотографии, сделанные в 70-х годах в экспедициях, сохранили облик еще очень молодой исследовательницы: вот она беседует с людьми, вот идет по деревенской улице,

сопровождаемая ватагой ребятишек и стаей гусей. Благодаря впечатлениям от ее рассказов однажды я попала в археологическую экспедицию, работала под руководством замечательного археолога Н.А. Мажитова.

В дальнейшем в годы моей учебы связь с А.Г. Янбухтиной не прерывалась. Мне повезло работать под ее руководством над дипломной работой на тему «Примитивная народная икона Урало-Сибирского региона», увидеть ее рядом с коллегами, художниками, услышать отзывы об ее работе московских, питерских, казанских искусствоведов, а также искусствоведов Казахстана, Киргизии, Средней Азии. И, как результат истории наших отношений, хотелось бы надеяться и дружбы – работа с 1997 года в одном учебном заведении – Уфимской государственной академии экономики и сервиса.

Лет десять назад в журнале «Рампа» появилась статья Р. Хуснутдиновой «Альмира, искусствовед российской провинции». В самом деле, А. Г. Янбухтина родилась, выросла, сформировалась как искусствовед в российской глубинке. Ее раннее детство пришлось на годы войны. Проходило оно в степной деревне Каран Буздякского района в доме у бабушки по материнской линии, в окружении тетушек и многочисленной родни, которые очень ее любили и берегли. В те времена многие необходимые в быту вещи изготавливались самостоятельно. Тетя Макфия-апа была настоящей мастерицей, умела шить, вышивать, петь, слагать стихи. Другая тетя, со стороны отца, – Майпарваз, обшивавшая в 30-е годы театральные артистов, подарила племяннице великолепное шаршау. «Боже Праведный, как я люблю подаренное мне тобой удивительное деревенское татарское детство, – восклицает А. Янбухтина. – Я – маленькая девочка. В разговоре взрослых слышу слова “су-

гыш", "нимес", "гариб" (т. е. "война", "немец", "инвалид"), "госпиталь", которые вызывают во мне чувство отдаленной тревоги. Но по утрам так ярко сияет солнце, и совсем как в мирное время на закате, поднимая пыль, возвращается стадо».

Ей тогда казалось, что мир устроен правильно, прочно и навсегда. По малолетству она, конечно, не могла знать, что за год до ее рождения был репрессирован и расстрелян дед Давлетша и что, не выдержав этой трагедии, вскоре скончался отец.

Вторая половина детства продолжилась в городе Уфе. Мама работала на Непейцевской лесной опытной станции (на месте усадьбы известной до революции семьи Базелевых). Окна дома смотрели в сад – огромный, с аллеями, дорожками с удивительно богатым растительным миром: сибирские кедры и лиственницы, маньчжурский орех, пробковое дерево. Вот в этом волшебном, райском саду, где она чувствовала себя настоящей принцессой, девочка и росла.

Школьные годы. Все десять лет преподаватели относились к ней с особой теплотой и любовью. Весной 1958 года, прощаясь со школой, выпускники посадили возле нее крохотные саженцы лиственниц.

Выбор профессии будущей жизни Янбухтиной определился сам собой. Еще обучаясь в старших классах, она часто ездила из Черниковска в Уфу, в Художественный музей имени М. В. Нестерова, где хранителем многие годы работала сестра отчима Людмила Васильевна Казанская – тетя Люся. Именно там школьница встретила с рядом настоящих подвижников. Но даже среди них Людмила Васильевна выделялась врожденной интеллигентностью, обостренным чувством справедливости и нетерпимости к непорядочности в любом ее проявлении. Первый профессиональный искусствовед в Уфе, она получила образование в Ленинградском университете.

На ту же специальность – теория и история искусств – но только в художественный институт им. И. Е. Репина Академии художеств (бывшей императорской), поступила в 1960 году и Альмира. Город-музей, сама атмосфера Академии способствовали быстрому становлению

мировоззрения студентов, формированию у них чувства достоинства, профессиональной ответственности за свою работу. Не только юношеский максимализм, а действительно желание «добиться невозможного» побудило выпускников искусствоведческого факультета выступить против присвоения Президенту Академии художеств В. А. Серову ученой степени доктора искусствоведения. Вместо диссертации соискатель предоставил Ученому совету института тексты прочитанных им на съездах художников СССР докладов (которые, разумеется, для него написала бригада ангажированных искусствоведов). В списке студентов искусствоведческого факультета из 59 человек, подписавших обращение, фамилия Янбухтиной стоит четырнадцатой.

Угроза исключения из института была очевидна, был даже подготовлен приказ. Но в защиту студентов прислали письма К. Чуковский, К. Паустовский, Б. Полевой, и к госэкзаменам их все же допустили. «Помнится, – вспоминает Альмира Гайнуловна, – что в комиссии были представители из Смольного, директор Третьяковской галереи, наша профессура. На вопрос назвать лучшие и худшие произведения на ленинскую тему я ответила твердо: "К первым я причисляю картину "Ленин в 1918 году" свердловских художников Г. Москвина и М. Брусиловского (тогда подверженных травле), а к худшим – работы В. А. Серова"». И неожиданно она получила «отлично»: инцидент со студентами Академии художеств был тогда широко известен в художественных кругах не только Ленинграда и Москвы, но даже обсуждался «вражескими голосами». Правда, дипломы выдали лишь через год.

Результатом «бунта» стали письма «сверху», отправленные за выпускниками. Такое же письмо пришло в Уфу. В нем рекомендовалось «обратить внимание» на слишком смелую молодую специалистку.

Но время учебы – это не только борьба. С ним связаны начало искусствоведческой деятельности, участие в работе Восточного кружка студенческого общества, публикация первой научной работы «Башкирская народная вышивка XIX – XX вв». Начинает складываться тематика будущих исследований, связанная с

народным искусством родной Башкирии. Чем глубже становятся ее знания, тем больше она понимает, что для развития художественного процесса в Башкирии нужны специалисты, нужна серьезная научно-исследовательская работа, нужны музеи, где должны собираться памятники традиционного народного искусства. Общение с широким кругом художников, среди которых было много таких, кого не признавало официальное искусство, познакомило молодую девушку с мощным пластом культуры, известным сегодня как андеграунд.

Выбор темы для дипломной работы пал на творчество художника, которым она давно восхищалась: «Дети “оттепели”, мы тогда “болели” забытыми, непризнанными художниками, к которым я относилась и Тюлькина. Это был художник, несший в себе черты еще той, дореволюционной культуры».

А вот поступление в аспирантуру пришлось на время отложить – сказалось участие в «бунте». Только в 1969 году, руководствуясь неизменным принципом «если хочу, значит, могу», Альмира уезжает в Москву вместе с сыном Ванечкой. Выдержав огромный конкурс, она поступает в очную аспирантуру Научно-исследовательского института художественной промышленности. Еженедельные семинарские занятия у В. М. Василенко, М. А. Ильина – профессоров МГУ, работа над кандидатской под руководством Э. В. Померанцевой – крупнейшего ученого в области русского фольклора, помогли сформироваться исследовательским качествам молодого искусствоведа. Две темы, точнее две области в исследовании башкирского искусства, обозначились в ее творческих интересах еще в завершающие годы учебы в институте. Как оказалось, на всю жизнь. Четыре года преподавательской работы на кафедре архитектуры строительного факультета Уфимского нефтяного института, семь лет в художественном объединении «Агидель» в должности искусствоведа – научного консультанта сформировали в А. Янбухтиной широкий исследовательский взгляд на предметный мир среды обитания человека. И начиная с 1998 года, обобщая этот опыт, она более четырех лет трудилась над докторской диссертацией,

в которой проанализированы пути развития башкирского декоративного искусства на протяжении всего XX века: от архаических форм до современных, развивающихся не только в сугубо национальных традициях, но и включенных в интеграционные процессы современного искусства.

Вторая большая тема в ее работе связана с изучением творчества основателя Уфимской школы пейзажной живописи А. Э. Тюлькина, круга его художников и учеников. В 1969 году опубликована ее первая статья на данную тему. В то же время в середине 1970 годов в Москве в издательстве «Советский художник» выходит подготовленный А. Янбухтиной альбом, посвященный творчеству А. Ф. Лутфуллина, позднее ставшего народным художником СССР и получившего звание Академика живописи.

В 1976 году состоялась защита кандидатской диссертации А. Г. Янбухтиной на тему «Ткань и интерьер» (к вопросу художественного ансамбля башкирского народного жилища). В обзорной информации «Некоторые направления научно-исследовательской работы в области изобразительного искусства (обзор диссертаций 1976–1977 гг.)» было отмечено: «Исследуя различные аспекты функционирования предметов текстиля в пространственной среде традиционного жилого интерьера восточных башкир, Янбухтина стремится выявить основные закономерности формирования художественно-бытовой среды народного жилища, значения предметов декоративно-прикладного искусства в его организации. Исследование этой проблемы... является вкладом не только в изучение единой художественной культуры кочевых народов Казахстана и Средней Азии, но имеет непосредственное отношение к задачам проектирования современного интерьера».

И вновь Уфа, продолжение этнографических экспедиций по районам республики, где еще живы мастера, сохранившие секреты традиционного ремесла, сбор экспонатов, метры отснятой пленки. Как позже она рассказывала своим студентам, ее всегда поражала врожденная высокая культура, своеобразная интеллигентность людей, живущих почти так же, как чуть ли не сотню лет назад: «Лето. Жара. Все

ушли на сенокос. В деревне остаются только малыши и старики. И старушка, выходящая на дорогу, ведущую к деревне, с холодным айраном, чтобы напоить уставших сельчан, возвращающихся домой». Новые публикации в научных сборниках, статьи в газетах и журналах...

В своих походах по старой части Уфы, где в полуподвалах работают «несуществующие авангардисты», Альмира любит еще сохранившимся «резным кружевом» деревянных построек, коваными железными, литыми чугунными воротами и оградами, узорными дымниками и водосточными трубами. А за «высокими, монументальными форм воротами... был скрыт какой-то особенный мир, наводящий на мысль о таинственности и загадочности частной жизни этого некогда глубоко провинциального, с патриархальным укладом жизни, купеческого города России». Весной там буйно цвела сирень, ступени веранды с мелкими оконными переплетами вели в сад. Осенью – яблони, усыпанные красными и желтыми яблоками, – все это так напоминало тот волшебный сад, где прошло детство «принцессы» Альмиры! В памятниках старины она смогла увидеть душу города и написать о ней.

В это время начинает сбываться еще одна заветная мечта Альмиры Гайнуловны. На волне постперестроечных событий впервые в истории города (даже в России не так много примеров) на средства одного из первых коммерческих банков создается новый негосударственный музей. Это работа не на день и не на год и требует не только титанических усилий, профессионализма, но и смелости. Нет особой заслуги собирать произведения уже зарекомендовавших себя художников, но попробуйте пойти против общепринятых взглядов и открыть новое имя! Тут-то и пригодились ее походы по уфимским дворикам и подвалам-мастерским почти неизвестных художников. В мастерски организованную экспозицию входили образцы традиционного народного творчества: текстиль, кожа, дерево, металл, керамика, объединенные с произведениями современных мастеров, работающих в стиле авангарда, – Наиля Латфуллина, Алексея Кузнецова, Рафаэля Кадырова, Дамира Ишемгулова, Михаила Назарова.

Важно отметить, что дело не только в количестве опубликованных А. Янбухтиной работ. Гораздо важнее глубина и актуальность поставленных в них задач и проблем. В вышедшей в 2006 году ее монографии «Декоративное искусство Башкортостана. XX век» ценность представляет не только высокопрофессиональное изложение исследуемого материала, а отработанная автором методология изучения и анализа традиционного декоративного искусства и его развития на протяжении всего XX века. Такая работа в башкирском искусствознании представлена впервые.

А если мысль не работает, то это грозит нам многими потерями в развитии самопознания и самосознания в собственной культуре, да просто, как это часто бывает, приводит к невежеству и безразличию. В Уфе не сложилось сообщества музейщиков, искусствоведов. Так, многие заметили, что бронзовые скульптуры в ансамбле Монумента Дружбы в Уфе и бронзовый бюст С. Т. Аксакова покрасили черной краской, но как выразить и исправить случившуюся ошибку, никто не знает.

Работая над кандидатской диссертацией об «ансамблевости башкирского народного жилища», А. Янбухтина пришла к выводу, что традиционная методология изучения предметов народного искусства, сгруппированных по видам искусства, материалам и технике исполнения, не вполне надежна. В таком порядке они хранятся лишь в музейных фондах. А в самом бытовании их в реальной жизни между предметами и людьми в традиционной национальной среде существуют связи не только материального порядка, но – что еще важнее – связи духовного свойства. Поэтому вещи в народном быту одухотворены, одушевлены.

Статья «К методологии изучения народного искусства» была опубликована в 1976 году в ежегоднике «Советское искусствознание». Системный комплексный подход к изучению произведений народного декоративного творчества, которые она в своих последних публикациях стала называть произведениями пластического фольклора, позволил автору шире взглянуть на область исследования народного искусства. В статье, посвящен-

ной анализу резных деревянных ворот в старой застройке Уфы, она смогла раскрыть их образ, значение и роль в градостроительной системе города.

И – новое увлечение. На этот раз ее увлекли... шаманы. Блестящий доклад об этом явлении и его связях с народным творчеством она сделала на Международной научно-практической конференции в Казани: «Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов». Уже получены приглашения на сле-

дующие форумы – в Монголию и Польшу.

Завершающий штрих: я приехала к Альмире Гайнуловне за материалами для этой статьи, оторвав ее от работы над книгой о творчестве Михаила Назарова. Когда отбирали фотографии и журналы, раздался звонок в дверь. «Мы собираем подписи под письмом в защиту Дома Рериха в Москве, а ваше имя много значит для нас», – объяснила посетительница цель визита...

Альмира Янбухтина

ЭЛЕМЕНТЫ ШАМАНИЗМА В ТРАДИЦИОННОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ БАШКИР

/По материалам XX века/

Домусульманские языческие верования и представления о древних культах тюркских этносов, фольклорные традиции, сложившиеся на их основе, сила и глубина их эмоционально-художественной выразительности как явления творческого характера привлекают неуклонное внимание и интерес современного художественного и научного мира. Отдельные черты и элементы языческой культуры древних тюрков – тенгирианцев, туранцев, поклонявшихся некогда Золотому солнцу и Черной земле – богу Тенгри, узнаваемо прочитываются как остаточное явление в сложном переплетении и синтезе с культурой ислама, составляя самый архаичный пласт в национальной культуре тюркоязычных народов. Язычество хотя и было прозвано исламом «невежеством и дикостью», однако продолжало сохранять свои отдельные черты в культурной памяти народа, силу и влияние вплоть до начала XX века. Их сложное многовековое сосуществование в эт-

нокультуре тюркского мира составляет интересную исторически сложившуюся особенность. Корни этого глубинного в недрах истории художественного процесса ведут к неолиту, к эпохе бронзы и железа, когда в мире тюркских народов, в среде всего живого и неживого существовала сложная система пантеона языческих богов в его не менее сложном взаимодействии с институтом шаманизма.

В жизнедеятельности людей древнего тюркского мира, населенного большим количеством духов, добрых и злых, шаман – кам – играл важную роль. Возбужденный, иступленный (в переводе с эвенкийского), он был наделен, чаще всего по наследству, мощным талантом вхождения и общения с невидимым, тонким, параллельным миром, где как раз и «обитают духи». Шаман осуществлял функцию посредника между людьми и духами. Он в процессе камлания – совершения ритуала общения с духами, зычно произносил заклинания на старомонгольском языке, входил в состояние сильного возбуждения, экстаза, погружался в глубокий транс, используя всю силу своего таланта заклинателя. Своим особым ритуальным облачением, всем своим обликом, а также действиями, жестами, мимикой, телодвижениями, горловым пением шаман приводил злых духов в состояние немощности и бессилия. Сопровождалось все это мощными ударами в бубен и взма-

Янбухтина Альмира Гайнуловна – доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой декоративного искусства и народных художественных промыслов Института дизайна и национальных культур Уфимской государственной академии экономики и сервиса.

хами длинной палкой, к которой был привязан целый пучок ярких цветных лоскутков и ленточек. Многочисленные шумящие, звенящие подвески крепились и к одежде шамана.

Таким способом и еще множеством других приемов, известных только ему самому, он совершал ритуал очищения окружающего пространства от невидимых глазу темных сил – злых духов, «излечивая» страждущего. Он обладал таинственной, магической силой влияния на судьбу не только отдельной, частной жизни, но и всей семьи, целого рода. Врачеватель телесных и душевных болезней, шаман, таким образом, боролся со злом, отстаивал добро, оберегая сообщество людей от темных, негативных сил, способствуя тем самым сохранению здоровья и развитию их жизнедеятельности.

Играя роль посредника между людьми и духами, осуществляя функцию врачевателя, шаман, следовательно, выполнял также важную социальную роль в оздоровлении и единении сообщества. Конструкцию этой целостности, ее социальную и духовную содержательность трудно выстроить без роли шамана в осуществлении тех важных функций, которые возлагало на него сообщество древних тюрков. И не только в домусульманскую эпоху, во времена язычества, но и значительно позже – в XVII-XIX вв., когда в тюркском мире уже господствовал ислам. Но на периферии исламской цивилизации, например на Урале, где неукоснительные нормы религии несколько смягчались, отдельные черты языческих ритуалов, в том числе и шаманизма, еще продолжали сохраняться и частично бытовать в коллективном народном сознании.

По вопросам и проблемам исследования темы шаманизма в науке существует обширная литература, написанная по материалам, собранным в центрах бытования данного феномена – в основном в сибирском ареале. Однако при внимательном изучении архаических пластов культуры тюркских народов, исповедующих ислам, на обширной территории Урала, в частности Среднего и Южного Урала, то есть в приграничье Европы и Азии, раскрывается немало интересных источников для продолжения исследования дан-

ной проблемы. Особенно это касается культуры финно-угорских народов, обитающих в северной части Урала (коми, зырян), которые никогда до конца не расставались с языческими верованиями и культами, а также башкир горно-лесного Приуралья и степного Зауралья, в этногенезе которых присутствуют финно-угорские корни.

Здесь еще в начале XX века в народе сохранялись следы и отдельные признаки присутствия черт шаманизма. Они заметно просматривались в культуре башкирского этноса, на что бегло указывал, называя их знахарством, петербургский ученый С.И. Руденко в своей монографии «Башкиры. Историко-этнографические очерки», написанной в 1910-е гг. и изданной в 1925 году. Но в дальнейшем данная область исследований на башкирском материале как чуждая идеологии советской науки не стала предметом пристального научного внимания. Говорить о мистических, языческих культах, шаманах, как и о божественных началах, не полагалось. К тому же в самой Башкирии молодая историко-этнографическая наука стала целенаправленно развиваться только с середины XX века. Даже в «Краткой энциклопедии Башкортостана», изданной уже в постсоветское время, слова «шаман», «шаманизм» отсутствуют.

Как отмечалось выше, ислам, как и христианство, отвергал, отрицал языческие культы и ценности, называя их «невежеством», но отдельные их черты причудливым образом переплелись с исламом, трансформировались в народном сознании и представлениях правоверных, т.е. мусульман. Это был мощный многовековой творческий процесс, который полностью никогда не исчезал и не прерывался на протяжении всей истории, создавая в народном творчестве свои архетипы. Они полны таинственных образов, загадочных знаков и символов, еще не раскрытых и не представленных в полном объеме в научных и художественных исследованиях. «Элементы шаманизма присутствуют в более поздних религиозных системах, например “радения” в секте хлыстов, ритуалы “зикра” дервишей-суфиев», – читаем в энциклопедии «Кругосвет» на слово «шаман». Эти отдельные элементы узнанаеом присутствуют в мифологии, в уст-

но-поэтическом и пластическом фольклоре башкир. При внимательном, профессиональном взгляде они угадываются в традиционных праздничных и свадебных обрядах даже в наше время, о чем свидетельствуют собранные в глубинных селениях материалы этнографических экспедиций.

Населяющие огромную территорию Урало-Поволжья татары и башкиры имеют общие с тюркскими народами Сибири саяно-алтайские истоки и корни в своем происхождении. Например, с сибирскими татарами и особенно с хакасами у башкир много сходства наблюдается в языке, у них общие в древности культы, связанные с тотемизмом, анимизмом – одушевлением природы, а также близкая по содержанию и духу мифология.

Но у башкир за прошедшие века под воздействием тысячелетнего ислама языческие черты сильно стерлись, во многом изжились. Большей частью они трансформировались в народные обычаи, несущие отдельные черты культуры и искусства доисламского периода, в том числе и отдельные свойства шаманизма, прихотливо переплетаясь с мусульманскими традициями. В силу своего внешне неброского проявления в культуре минувшего столетия эти черты были слабо изучены в башкирской этнографии.

Здесь проблема изучения материала упирается в методологию исследования, в надежность и правильность ее выбора. Традиционный метод, основанный на классификации предметов бытового и культового назначения по видам, материалам и техникам их изготовления, то есть по принципу их музейного хранения, в какой-то степени позволяет раскрыть обозначенную проблему, но главным образом как явление материальной культуры. Но духовную сущность культуры при таком подходе к исследованию раскрыть невозможно.

Следовательно, в этом случае духовные, художественно-эстетические, как и философско-нравственные аспекты проблемы отодвигаются на второй план. В особенности если учесть, что предметно-материальный мир степняка-кочевника создавался из мягких, быстроизнашиваемых, недолговечных материалов: шерсти, войлока, кожи, меха, тканей, дерева. Ста-

ло быть, в музейных фондах бытуют лишь те вещи, что сохранилось за последние сто – в лучшем случае сто пятьдесят лет. Древние вещественные доказательства культуры народа в большинстве своем исчезли навсегда. Но этот факт вовсе не говорит о бедности в прошлом, несостоятельности культуры кочевых племен и их образований.

Чтобы восполнить недостаток материала, здесь возможен и даже необходим другой взгляд на культуру бывших кочевых народов, иной метод исследования – метод системного, комплексного анализа, когда предметный мир этноса (я называю его пластическим фольклором – в отличие от устно-поэтического, музыкального и т.д.) рассматривается в комплексе, единстве с мифологией, в его взаимодействии с предметно-вещевым миром в аспекте их бытования в данной культуре, в синтезе практической и духовной деятельности человека – носителя этой культуры. При системном подходе многие утраченные предметы, даже традиционные черты или элементы культуры, бытовавшие в прошлом, способны дополняться, восстанавливаться в памяти. В этом случае, при хорошем знании существующих источников, при владении языком народности и языков близких ему по культуре этносов, интуитивно, путем размышлений и догадок раскрываются параллели и аналогии.

Метод системного комплексного анализа Л.Н. Гумилев называет универсальным в любой сфере научной деятельности. «Реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи между ними». Особенно он целесообразен и продуктивен в области гуманитарных исследований. Ученый сетует, что напрасно к этому методу не обращаются историки, искусствоведы, культурологи.

С помощью данной методологии можно мысленно объединить отдельные предметы, явления (в том числе и недостающие, исчезнувшие) в целостные образования – в комплексы. Такие, например, как предметы организации и убранства кочевых жилищ, деревянной рубленой или саманной избы у башкир-полукочевников. Или рассмотреть процесс убранства верхового коня как живое действо в бытовом и жизненном укладе данного этноса.

Словом, рассмотреть все то, что в традиционных музейных условиях доподлинно представить невозможно.

Особенно необходимо внимательно рассмотреть и вникнуть в содержание такого сложного ансамбля, как праздничный, ритуальный (свадебный) женский костюм башкирки-невесты в богатейшем убранстве: с текстильными, вышитыми узорами, ювелирно-тонкими серебряными изделиями, со вставками из полудрагоценных камней. Строго приталенный халат – зиян – шит обязательно из черного тонкого сукна или бархата на подкладе с расклешенными полами, которые убраны россыпью мелких серебряных монет и бусинками алых кораллов – энжэ. А полы, ворот и рукава халата оторочены красной тесьмой и позументом. Все перечисленные украшения несут в себе определенную символику, связанную в основном с языческими представлениями башкир о мироустройстве и миропонимании, свойственными в целом тюркским народам.

Все в образе невесты – от войлочной обуви, расшитой на пятке символическими узорами, до макушки шапочки с многоярусными височными украшениями, включая и плотно расшитый по традиционной схеме коралловыми бусинками, серебряными монетами и бляшками нагрудник, сам халат – зиян, в композиционном решении которого обозначены все три сложившиеся в представлении древних тюрков уровни мира – Верхний, Средний и Нижний, – составляет вкупе целостную картину мироздания. Она щедро «заселена» крошечными символами вечно нарождающейся жизни в виде алых коралловых бусинок, олицетворяющих изобилие и богатство семьи, рода, племени. Словом, все убранство костюма невесты несет в себе мощную духовную символику картины мировидения в космогонических представлениях народа. Это не просто декоративное искусство, а материализованное представление древней идеи родовой жизни, воплощенное в убранстве традиционной одежды. Идея выражена в цвете, пластически, материально, чтобы дать поэтическое представление о структуре и пространстве души человека – тюрка, кипчака. Души, вознесенной до самых небес, до Вселенной.

В наряде башкирки все яркое, все звенящее, мелодично звучащее при малейшем движении и ходьбе, в танце оберегает ее от злых духов, защищает от всего негативного. Наконец, черный цвет халата олицетворяет мифологический образ Черной земли, связанный с символом верховного божества Тенгри. Серебряные монеты, бляшки с чеканными узорами-символами, алые кораллы, рассыпанные по глубокому черному фону халата, обязательно «взойдут», будут расти и плодоносить под лучами Золотого солнца, – лучшее пожелание юной невесте. В этом призваны были убеждать и солнечные диски – солярные знаки, тонко расшитые цветными шелковыми нитками на полах халата.

Таким образом, в богатом и сложном комплекте свадебного наряда башкирки отразились черты шаманской одежды. В нем также присутствует большое количество таинственных знаков, амулетов, звенящих, шумящих предметов, необходимых в процессе камлания – общения с духами. (С.И. Руденко. Башкиры. Л, 1925. Стр. 136. Илл.122).

Еще очевиднее связь с шаманским костюмом наблюдается в одежде женщины-водительницы – хозяйки традиционного весеннего праздника «Грачиная каша» – «Корга буткасы». Ее украшенный ракушками высокий головной убор на берестяном каркасе, множество блестящих и звенящих амулетов, висящих на груди, рукавах и на спине, ритуальные и обрядовые действия в организации и проведении праздника выделяли ее, делали самой заметной – ведуньей в толпе участников действа. «Она в ходе праздника обычно три раза произносила клич (хорэн) – приглашение на совместную трапезу, к угощению птиц, а в конце – как сигнал об окончании праздника. Ее одежды, убранство, ее действия и роль в проведении праздника придают самой водительнице образ, близкий к образу шамана».

Другая важная деталь в языческом праздничном обряде башкир, о которой пишут все исследователи духовных воззрений этноса: на месте проведения праздника, на дереве, чаще всего на отдельно стоящей березе, привязываются к веточкам цветные ленточки, лоскуточки тканей, платки. «Если каргатуй проводился

на горе, то на ее вершине оставляли еду, монетки, лоскутки тканей для умиловития духа – хозяина горы», – пишет этнограф Ф.Ф. Фатыхова. Подобные ритуалы жертвоприношения с целью улаживания духов проводились под руководством шамана на вершине или на отрогах гор, на скате холмов, возле могучего дерева, у таинственной расщелины скалы. Каждое такое место имело в народе свое историческое название.

Здесь следует обратить особое внимание на обилие цветных лоскуточков и ленточек, привязанных к палке – каму, которой шаман энергично размахивает в процессе ритуала. Цветному колыханию ленточек на ветру в единстве с распевом шамана с его звенящими предметами приписывалась особая сила воздействия на духов – магия. «...Наряд свой кумачовый красными ты лентами в избытке украшаешь, чтобы развевались», – слова одного из шаманских песнопений.

Возможно, поэтому башкирки, особенно пожилые, в отдаленных горных и степных селениях и по сию пору с поэтической влюбленностью относятся к разноцветным лоскуточкам ткани. Их собирают, в свободное время рассматривают, любуются ими, чтобы прикинуть и придумать, что же из них смастерить: традиционный подарочный женский нагрудник тушелъдрек или кисетик? А в погребальных обрядах их принято дарить родственникам, подругам от имени усопшей.

Из ярких цветных лоскуточков и в нынешнее время женщины мастерят мягкие нарядные подстилки, украшая ими просторное место в доме – урындык, где возлежат, отдыхая. До сих пор любят шить маленький и милый веселый подарочек в виде треугольника, украшенный цветными кисточками, – оберег (бетеу). В него обязательно вкладывается и зашивается записочка с молитвой из Корана и кусочек железа (маленький гвоздь, монетка), чтобы молитва возымела силу, была услышана. Оберег свисает над колыбелью, радует глаз ребенка и оберегает его.

В современном не только народном, но и профессиональном декоративном творчестве республики в последние годы особенно интенсивно развивается искусство лоскутного шитья – печворк. Баш-

кирские художники получают признание на выставках, неоднократно завоевывая призовые места на Всероссийских фестивалях искусства лоскутного шитья «Ивановские ситцы». Их творческие поиски подпитываются традиционным народным искусством и на их основе – инновационными художественными процессами. О своей работе с цветным лоскутом известный художник В.М. Шибаева говорит: «Для меня принципиально важно, чтобы был не кусок ткани, а именно лоскуток, пусть самый невзрачный. Оставшийся от чего-то, связанный с чем-то, существующий сам по себе, как вещество, не знающее, не ведающее своей судьбы, которая в моих руках».

Более того, в свете новаторских поисков в творчестве современных художников домусульманский период, истоки и особенности языческой культуры, а также связанные с ними элементы шаманизма в традиционной культуре тюркского мира, в том числе и башкиры, стали вызывать в современном художественном мире особый интерес. Узнавание этих черт в языке традиционного национального орнамента, прочтение их в сценариях обрядовых действий на деревенских свадьбах и праздниках, а вместе с ними и звуковые, пластические ритмы, сложившиеся в древности, воспринимаются ныне как созвучные современному и потому становятся все более притягательными для творчества молодых художников. Именно этот архаический пласт культуры народа явился творческим источником в созданных за последние годы произведениях декоративного искусства, живописи и графики Р. Миннибаева, Ф. Ергалиева, Л. Хатмуллиной, В. Ханнанова и других. Он лег в основу теоретических и практических работ студентов кафедр «Дизайн» и «Декоративное искусство» Института дизайна и национальных культур Уфимской государственной академии экономики и сервиса.

Наконец, сам шаман в системе культуры тюрков воспринимается как универсальная личность. Шаман – актер, режиссер, мастер слова и заклинатель, мастер особого звучания горлового пения с точным воспроизведением голосов птиц и животных, со способностями к пророчеству, к исцелению людей не только на физическом, но и на духовном уровне.

Творчество шамана оказывало сильное воздействие как особого рода мощный синтез искусств, способный сотрясать души людей и даже «невидимых духов». В новейшем, современном искусстве, на рубеже веков архаический образ шамана воспринимается и представляется как вечный архетип художника – страстной творческой личности, всей глубиной и силой таланта способного отдаваться, как и в прежние времена, служению своей вере, людям, своему ремеслу, воспринимаемая его как явление высокого искусства.

Вышеупомянутые материалы традиционной культуры башкирского этноса расширяют представление о бытовании шаманизма в прошлом не только среди сибирских народов, но и на огромной территории Урала, в местах расселения тюркских и финно-угорских народов. Для наиболее полного представления о данном феномене в его историко-географическом аспекте – бытовании шаманизма в прошлом и на уральской земле, необходимо дальнейшее продолжение исследований в данной области. Особенно актуально изучение культуры сибирских народов – хакасов, якутов, народов Алтая – в сопряжении и близостью с культурой башкир, финно-угорских народов Среднего и Се-

верного Урала – народов, некогда активно участвовавших в башкирском этногенезе и соприкоснувшихся с тюркским миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мифы народов мира. Второй том.* М., 1994.
2. Руденко С.И. *Башкиры. Опыт этнологической монографии. Часть II. Быт башкир.* Л., 1925.
3. Султангареева Р. *Башкирский свадебно-обрядовый фольклор.* Уфа, 1994.
4. Янбухтина А.Г. *Критерии и суждения в искусствоведении. Сб. статей.* М., 1986.
5. Янбухтина А.Г. *Пластический фольклор: к вопросу о методологии художественно-стилистического анализа.* Вестник Академии наук РБ, 2006. Том 11, № 3.
6. Гумилев Л.Н. *Биография научной теории, или автонекролог.* Знамя, 1988, №4.
7. Фатыхова Ф.Ф. *Башкиры. Этническая история и традиционная культура.* Уфа. 2002.
8. Катанов Н.Ф. *Шаманские песнопения сибирских тюрков. Записи 1878-1892 годов.* М., 1996.
9. Янбухтина А.Г. *Декоративное искусство Башкортостана. XX век.* Уфа, 2006.

Дорога трудовая копейка

8 августа исполняется 85 лет Башкирскому отделению
Сбербанка России

*Деньга — и камень долбит,
и на беду наезжает,
и деньгу родит, и в нуж-
де не солжет.*

Русская поговорка

История, как мозаика, складывается из людских судеб и отдельных историй, в том числе — из «летописей» разных учреждений: промышленных, научных, медицинских и прочих. И, подобно тому, как можно описать свойства вещества по одной его капле, можно прочувствовать жизнь государства, узнав подробности развития какой-то отдельной его структуры. Наиболее показательно в этом плане банковское дело, ведь пока именно деньги организуют жизнь — и отдельного человека, и огромной державы.

Банковское дело в России, зародившись еще в середине XIX века, начало активно развиваться только после реформы 1861 года. Именно тогда стали формироваться новые направления банковской деятельности, появились новые коммерческие учреждения, но бесспорный приоритет на финансовом рынке принадлежал Государственному банку. К примеру, в Уфе оборот Уфимского отделения Госбанка с 1877 по 1890 год увеличился с 13,1 миллиона рублей до 27,6 миллиона — более чем в два раза! При отделении Госбанка в Башкирии, а также при казначействе, на предприятиях, железнодорожных станциях, в почтово-телеграфных кассах располагалась сеть сберегательных касс. Жизнь была настолько стабильной, что 4% годовых, начисляемых сберкассами, считались весьма приличной прибылью.

И насколько ничтожными стали вдруг эти 4% после октября 1917 года, когда за коробок спичек стали просить сумму с несколькими нулями! А что делать —

наступила грандиозная эпоха, в которую расстояния измерялись континентами, и речь шла не об отдельном обывателе, откладывающем копейки «на черный день», а о судьбах целых народов. Какие кассы? Все деньги вот-вот сгорят в пожаре мировой революции! И вот в ожидании скорого светлого коммунистического будущего страна стремительно покатилась к первобытному натуральному обмену. Дензнаки, как в страшной сказке, на глазах превращались в бесполезные кусочки бумаги.

В Гражданскую войну не только деньги, но и жизни обесценивались с каждым днем. А после нее печально знаменитой весной 1922 года главной валютой был хлеб. Не ржаной, не пшеничный — о таком уже и не мечтали, а выпеченный из картофельной шелухи, желудевой муки, подсолнечного, конопляного, льняного жмыха. Сохранились страшные в своей простоте рецепты этого «фальшивого» хлеба, за лепешки которого отдавали самое ценное.

Из всех финансовых учреждений в те годы работал только Госбанк, который обслуживал в основном интересы государства. Но вот 8 августа 1923 года в Уфе была открыта первая в Башкортостане трудовая центральная сберегательная касса под номером 61. Она имела самостоятельный штат из шести человек: заведующий — А. Григорьев, контролер — В. Волков, бухгалтер, кассир и два счетовода. В соответствии с положением о гострудсберкассах, касса принимала вклады: до востребования, условные и на текущие счета. 15% прибыли отчислялось на улучшение быта сотрудников, остальное направлялось в запасный капитал, который не должен был превышать 10% остатка вкладов. Разница этого предела поступала в доход государства.

Казалось бы, что такое открытие сберкасс по сравнению с глобальными

переменами, потрясавшими мир? Но это событие стало по-настоящему знаковым: оно означало, что окончилась пятилетняя власть беснующейся смерти, что жизнь восторжествовала и к людям вернулся мир. Вернулось настолько необходимое каждому человеку чувство стабильности.

Две сберкассы, открытые в Уфе в 1923 году, в первые месяцы своей работы с каждым днем увеличивали прилив вкладов. До декабря 1923 года было взято на обслуживание 814 вкладчиков с суммой вкладов 46748 рублей в червонном исчислении. Для сравнения, в то время население столицы республики составляло 85 000 человек.

В 1923 году сберкасса принимала совзнаки по курсу червонца и выдавала каждому клиенту отдельную книжку даже при вкладе 25 червонных копеек.

Уфимская газета «Власть труда» 17 января 1924 года отмечала: «Несмотря на весьма скромный штат сберкассы, все же со своей текущей работой он великолепно справляется. Ни длинных очередей, ни большой потери времени по операциям сберкассы мы не наблюдаем, каждый вносящий сегодня совзнаки в червонных хотя бы копейках завтра, послезавтра может их снять без задержки и без потери на курс получить обратно».

В начале 1924 года в связи с пожеланиями трудящихся рассматривался вопрос об изменении режима работы сберкасс: не с 9 до 15, а с 11 до 17 часов.

Первое Положение о государственных сберегательных кассах, утвержденное Совнаркомом, предусматривало ряд важнейших правовых и организационных принципов, сохранивших силу в дальнейшем на протяжении многих десятилетий. К числу таких принципов относятся, в частности, тайна вкладов, предоставление вкладчику права свободно распоряжаться вкладом и завещать его.

Восстановление народного хозяйства, введение твердой валюты – золотого червонца – благоприятствовали образованию у населения денежных сбережений. Теперь люди могли уже не только мечтать, но и рассчитывать свою жизнь на месяцы, на годы вперед. Стали откладывать деньги не только «на черный», но и на другие – радостные – дни: на отдых, на крупные покупки, на свадьбы и рождение детей. Деньги перестали считаться «постыдным пережитком прошлого» и активно принялись – как им и положено – работать на будущее: и всей страны, и отдельного ее гражданина. Оптимизм, связанный с растущим благососто-

янием, выражался в незатейливых частушках. Таких, к примеру, как эти:

*Для трудящегося класса
Бережливость не порок.
Сберегательная касса
Сохраняет деньги впрок.*

*В корень глубже погляди ты,
В кассе вкладов и не счесть.
И заводам есть кредиты,
И товар деревне есть.*

*Сбережения не тронут,
Касса их хранит не зря.
И в воде они не тонут,
И в пожаре не горят.*

Оптимизм, правда, продержался недолго: все знают, чем кончилась новая экономическая политика и в какую черную полосу вошел народ. И, как основная примета стабильности, с ее крушением в первых рядах пострадали банки: в годы репрессий среди арестованных оказалось очень много банковских сотрудников, и почти все они погибли в застенках.

А Великая Отечественная война потребовала мобилизации огромных материально-технических, трудовых и финансовых ресурсов, перераспределения их в пользу военного производства. В 1942 г. в СССР на военные нужды было израсходовано 55% национального дохода против 15% в 1940 году. И в этой ситуации была наглядно продемонстрирована мощь трудовой «копейки» рядового гражданина: за четыре года войны непосредственно от населения в государственный бюджет поступило 270 млрд. руб., что больше всей суммы бюджетных доходов!

После войны народу пришлось еще многое вытерпеть: реформы, застой, новые реформы, развал Союза, дефолт 1998 года... С момента открытия первой после революции сберкассы в Уфе прошло 85 лет – для человека целая жизнь. А Сберегательный банк прожил за это время сотни и сотни тысяч жизней – вместе с каждым обратившимся к нему человеком. И набрал такой опыт и мощь, что теперь может позволить себе экспериментировать с новинками, предлагать самые передовые банковс-

кие продукты, развивать рынок финансовых услуг без погони за сиюминутной выгодой.

К примеру, сегодня в Уфе один из сотрудников банка – настоящий робот! Он обслуживает банковские ячейки, представляя собой автоматизированное хранилище ценностей, так называемый «сейфомат». Это техническое чудо существует в стране лишь в трех экземплярах – во Внуково в Москве, в Екатеринбурге в головном офисе Сбербанка России и в Уфе. Есть много и других не менее удивительных чудес, ставших реальностью только в Сбербанке. Например, чтобы узнать состояние своего банковского счета, вовсе не обязательно искать офис и спрашивать робко в окошко: «Скажите, деньги еще не перечислили?» Если пользуешься услугой «Мобильный банк», вся информация автоматически приходит на мобильный телефон. Так же уникальны услуги по торговому финансированию, обезличенным металлическим счетам и многие, многие другие. Когда-то, в начале прошлого века, революционеры, таская по городу чемоданы обесцененных купюр, предрекали, что скоро совсем не будет денег. И сейчас, действительно, можно жить практически без денег – пользуясь только пластиковой картой. С ее помощью делать покупки в магазинах, расплачиваться за услуги, получать и совершать любые платежи: коммунальные, за детский сад, за телефон и так далее.

С 1997 года Башкирское отделение Сбербанка России сотрудничает с Правительством Башкортостана в области кредитования населения на индивидуальное строительство, газификацию, приобретение объектов недвижимости по различным социальным программам республиканского значения. В 2006 году Башкирское отделение выиграло тендер, проводимый в рамках реализации национального проекта «Жилище» по обслуживанию средств субсидий, выделяемых молодым семьям на приобретение жилья, обеспечив тем самым участие Республики Башкортостан в федеральной целевой программе «Жилище» на 2002–2010 годы.

Так как решение квартирного вопроса – задача первоочередной важности,

Сбербанк неоднократно (дважды в 2006 году и в мае 2007 года) снижал ставки по «Жилищным кредитам». Кроме того, банком значительно смягчены базовые условия кредитования, изменилась его технология. В Сбербанке берутся самые разные кредиты на самые различные нужды. В том числе и для того, чтобы выбраться из долговых ям грабительских кредитов не слишком добросовестных коммерческих банков.

Вспомнив первых посетителей уфимской сберкассы, мы поймем: по от-

ношению к ним мы живем в самом что ни на есть светлом будущем. Не совсем в том, о котором они мечтали, сойдя с тачанок Гражданской войны, но все-таки – в грандиозном, ошеломительном и чудесном. Привычные реалии нашей жизни показались бы банковским клиентам начала прошлого века несбыточной фантастикой. Так что, пожалуй, стоит относиться бережнее ко всему, что дается нам, – и здоровью, и радости, и деньгам. И пусть все хорошее продолжает расти.

По следам царского фотографа

Сколько раз уж тиражировали эти снимки, сколько раз подписывали их «деревня Ехья», не задумываясь о том, где же это такая была. А она не только была, она и сейчас есть.

Впрочем, обо всем по порядку. В конце июля 1910 года в своем вагоне-лаборатории в Уфу прибыл Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Здесь он пробыл день или два, а затем вагон двинулся в сторону Златоуста. Но не скоро он там оказался. Именно благодаря этому сегодня мы имеем десятки цветных снимков с видами рек Сим, Юрюзань, Катава. А еще – добрый десяток фотографий, сделанных в башкирской деревне Яхья (в дневниках фотографа она именуется «Ехья»). Знатoki могут заявить, что такого названия не было на карте Уфимской губернии. Да, названия не было, а Яхья, тем не менее, была!

Попалась мне как-то в руки интереснейшая книжка об именах, имеющих тюркское и арабское происхождение. Там-то я и встретил впервые это красивое имя – Яхья: так звали одного из упомянутых в Коране пророков. Исследователи проводят прямую связь его с Иоанном Крестителем (Иоанн – Йоханан – Йэхийа – Яхья). И очень уж подходящим показалось мне это имя для населенного пункта.

В справочнике 1877 года (спасибо издательству «Китап», его переиздавшему!) нахожу две деревни с названием, похожим на Яхья (вариантов же названий и вовсе пять: Ах-я, Ах-ино, Яхия, Яхино и даже Яучино). В справочнике 1926 года опять две Яхьи, одна из них параллельно именуется Яхино. На чем остановиться? Да и вообще – то ли это, что меня интересует? В поездке 1910 года Прокудин-Горский, как я уже сказал, был полностью «привязан» к железной дороге. Вот и «поедем» от Уфы в сторону Златоуста. Сначала по карте: Аша, Симская, Кропачево... Стоп –

вот вам и Яхино! Но оно ли нас интересует? Вернемся в 1877 год: «Яхия 5 стана Уфимского уезда, население – башкиры, две мечети». А самое главное, башкирское название деревни – Яхья! Кажется, то, что ищем. Открытие «на кончике пера» сделано, но имеет ли оно отношение к реальности?

На редакционной машине двигаемся в сторону Салаватского района. Погода благоприятствует – солнце надолго спряталось в тучках. Часа через три нас уже встречают коллеги из издаваемых в Малоязе газет «На земле Салавата» и «Юрюзань». Рассказываем о цели поездки, интересуемся, не смогут ли чем помочь. Заместитель главного редактора Шамиль Наилович Ахметшин вдруг спохватывается, что не предупредил сельское начальство, и набирает номер. На том конце провода ему отвечают, что глава администрации сам родом из Яхьи, но сейчас он, к сожалению, в отпуске. И предложили в качестве сопровождающей управляющую делами Д. З. Мухаметданову. Я уже говорил, что нам с самого начала везло, так вот, немаловажная деталь: управделами выполняет и функции паспортистки и, стало быть, знает всех жителей – от имени и отчества до года рождения. Так что Дания Зайнулловна оказалась крайне нужным для нас человеком, которого вряд ли бы кто смог заменить.

По грунтовой дороге добираемся сначала до деревни Радио (она появилась, видимо, в конце 1920-х, отсюда и «модное» название), затем вместе с речкой Бердяш «ныряем» в туннель под насыпью железной дороги, выезжаем на горку и... И, конечно, ничего не узнаем. Места вроде бы похожие, но мало ли подобных деревень на белом свете. Дания Зайнулловна просит остановиться у одного из домов, говоря, что там живет старожилка. Выходим. Первым обитателем деревни, который по-

падаете нам навстречу, оказалась собачонка, неспешно трусившая в нашу сторону с явно дружелюбными намерениями. Подошла, посмотрела (познакомилась, предположил я) и без единого звука побегала дальше. Я вспомнил, что 98 лет назад Прокудин-Горский почему-то сфотографировал в Яхье пса: мало ли собак на белом свете, а снимочек-то в целых десять рублей золотом обходился.

Но то, что произошло дальше, вполне объяснило «расточительность» царского фотографа... Старожилки дома не оказалось, и мы двинулись дальше. И до второй бабушки Дания Зайнулловна все никак не могла докричаться. А в это время под крыльцом беспрестанно гавкала какая-то псинка. «Наверное, на цепи в холодильнике сидит», – подумал я. И ошибся: когда бабушка наконец вышла, следом за ней как ни в чем не бывало вышел познакомиться с приезжими и ее песик. Добавлю к этому, что и чуть позже, когда из-под больших ворот нас облаял огромный кобель, кто-то сказал, что наконец-то настоящий злой пес нашелся. А пес в это время уже пролазил под воротами, чтобы... Ну конечно, чтобы пообщаться с нами. И я вновь вспомнил царского фотографа: ну разве такие любопытные и доброжелательные собаки не заслуживают того, чтобы остаться в истории!

Беседа с бабушкой Галимой Аглиуллиной, к сожалению, мало что дала: она лишь высказала свои предположения по поводу того, кто изображен на старых снимках. Зато вдруг заметила, что место, где Прокудин-Горский фотографировал молодого парня у железнодорожного пути, находится неподалеку отсюда. А уж кому как не Галиме-апе лучше знать это, ведь она на железной дороге проработала целых 18 лет.

К нашему разговору подключается мужчина с бородкой и в защитном костюме (см. 3-ю стр. обложки). Отложив свой топорик, он с абсолютно невозмутимым видом, как будто всегда знал эти снимки, стал объяснять, где это снято: «Вот это здесь, на этой улице». Оглядываемся, действительно вид точно как в 1910-м: чуть склоненная влево линия горизонта, перед ней еще одна горка, но уже с уклоном вправо. А мы уже увлеклись железной дорогой, спрашиваем, как найти разъезд, известный по фотографии всему миру.

Мужчина отвечает, что все равно воензированной охрана нас туда, где почти сто лет назад улыбался путевой обходчик, не пустит.

Хотя разговор идет на башкирском, про охрану я понимаю, а потому спрашиваю, где прежде мечеть стояла. Вопрос, как выясняется, в точку: наш собеседник Вахит Гайсин – местный мулла. «Айда, айда покажу», – зовет нас он. Пока идем, Дания Зайнулловна поясняет, что муллой был и отец Вахита, и добавляет, что если бы мы года четыре назад появились, то получили бы гораздо больше информации: он родился в том самом 1910-м и прожил 95 лет.

Подошли к месту, где когда-то стояла мечеть. Мулла рассказывает, что после революции там жили солдаты, был клуб. А потом сломали и то, что оставалось. Он все рассказывал и рассказывал, и нам уже казалось, что не мы привезли снимки, а что этот любезный человек сам организовал для нас экскурсию. Словом, краеведом Вахит-агай оказался отменным.

А вскоре мы подошли к дому Хакимы Хисбуллиной. Что, казалось бы, может сказать о людях из 1910 года человек, родившийся в 1931-м? Но как только в руки Хакимы Кагармановны попали снимки Прокудина-Горского, она сразу же начала объяснять, кто на них изображен:

– На Азнабая похож, Давлетшу-бабая, Хакима, Юмагужу. Да, наверное, сын Давлетши Ишмухаметова Мавлит, отец Азнабая.

И тут выясняется, что бабушка сама имеет родственные связи с Ишмухаметовыми, вроде как лучше ее и помнить-то их никто не может. Но не перечисляет ли она просто имена своих родственников? Поэтому задаю «каверзный» вопрос:

– Откуда у деревенской тетюшки такое количество серебра на монисто?

– Так ведь Ишмухаметовы пчел держали, – отвечает она почти с удивлением.

Как будто бы каждому ясно, что тот, кто торгует медом, бедным не будет (у тетюшки на снимке серебра – рублей на сорок, на эти деньги в то время можно было первым классом доехать от Петербурга до Челябинска).

И я вспомнил, сколько бидонов, банок и баночек с медом продавалось на трассе, когда мы сюда торопились, –

только выбирай. А ведь уже липовый медок пошел. Как жаль, что среди десятков видов этих мест, запечатленных царским фотографом, нет пасечников. Пасека есть – самые настоящие борти (то есть ульи, сделанные из ствола дерева), а пасечников нет.

Помнила Хакима-апа и дом, где была сфотографирована немного печальная женщина в национальном костюме. Говорит, что он сгорел. Имени женщины Хакима-апа назвать не смогла, сказала только, что килен (младшую по возрасту невестку) для Юмагужи Ишмухаметова сватали в Калмасы. У них родились сыновья Хаким и Аллаберды. Вспомнила Хакима Кагармановна и то, что одного из Ишмухаметовых в деревне прозвали «налим», то есть неповоротливый, неловкий. Потом, как бы спохватившись, уточняет, что в деревне был еще один род Ишмухаметовых – пришлый.

А еще она говорит, показывая на одну из фотографий, что дом перед мечетью исчез совсем недавно. Последним его хозяином был Радик Хужин, его-то дед и встретился Прокудину-Горскому на разъезде. А вот молодого парня, стоящего в лаптях у забора, не опознала и Хакима-апа. Что и не удивительно: начавшаяся через четыре года война, должно быть, оборвала его жизнь.

Благодарим за поистине бесценные сведения и прощаемся. Мой добровольный попутчик и одновременно переводчик Равиль Бадритдинович Сиражитдинов (а кто, интересно, переводил Прокудину-Горскому?) предлагает спуститься к железной дороге: вдруг кого-нибудь там увидим. Идем мимо места, где совсем недавно стоял дом улыбчивого путевого обходчика, спускаемся к полотну. Напротив – покрытый травой холмик, откуда 98 лет назад была сфотографирована деревня. Вдали вдруг мелькает оранжевый жилет. Спешим вслед за ним. Процедура не самая приятная – шпалы лежат часто, приходится семенить. Едва догнал, а вот мои попутчики отстали. Сергею Михайловичу было несравненно легче: шпалы, судя по снимку, в то время были хорошо присыпаны грунтом.

Но «оранжевый жилет» фотографироваться отказывается категорически.

Пошли, говорит, со мной, там бригада работает. И опять по шпалам... То справа, то слева почти вертикально возвышаются каменные стены: при прокладке дороги здесь были взорваны скалы и получились так называемые выемки. Поворот, еще один, еще. Когда-то за эти повороты не слишком разумные пассажиры обвиняли строителей дороги в мошенничестве: «О, какой перекус! О, как страшно! А смотрите, смотрите, совсем нависла та гора: вот-вот полетят оттуда камни... Ничего хуже этой дороги я не знаю... А вот на ровном месте зачем понадобились все эти извороты... очевидно, чтобы больше верст вышло...» Над инженером-проектировщиком Н. Г. Гариным-Михайловским, пытавшимся что-то объяснить, самоуверенные обыватели только ехидно посмеивались. Где уж было знать этим «правдолюбам», что участок дороги от деревни Яхино до Вязовой стал самым трудным при строительстве, что за удешевление работ Николаю Георгиевичу даже приходилось бороться (один такой эпизод описан им в очерке «Вариант»).

Но вот и путевые рабочие. Рассказываю, зачем пришел. Отвечают, что снимок Прокудина-Горского им знаком, что к тому месту можно легко добраться на машине. Потом уточняют – на «Ниве». Понимаю, что нашему автомобилю это не под силу, благодарю ребят, фотографирую их. Потом спохватываюсь: «Из Яхьи кто есть?» Оказывается, двое – Азат и Эрик. Но исторической реконструкцией заниматься мне что-то не хочется – лучше, чем у Прокудина-Горского, все равно не получится. Азат, улыбаясь, спрашивает, как можно получить снимки. Начинаю объяснять что-то про электронную почту, про журналистов из Малаюза. А потом вдруг заявляю: «Сам привезу!» Ведь нас всегда вновь и вновь тянет туда, где нам было хорошо. Туда, где живут добрые и гостеприимные люди.

Р.С. А еще Яхья известна как родина одного из сподвижников Салавата Юлаева Яхьи Якиеева. Да и сам Салават родился не так далеко отсюда – деревня Тикеево находилась всего-то километрах в десяти севернее Яхьи.

Манипуляция сознанием

Миф о частной собственности

Известный американский журналист Уолтер Липпман в книге «Общественное мнение» (1922) выдвинул целую концепцию стереотипизации как основы пропаганды. Он писал: «Из всех средств влияния на человека самыми тонкими и обладающими исключительной силой внушения являются те, которые создают и поддерживают галерею стереотипов. Нам рассказывают о мире прежде, чем мы его увидим. Мы представляем себе большинство вещей прежде, чем познакомимся с ними на опыте. И эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия».

Одним из главных «материалов», с которым орудуют идеологи при манипуляции общественным сознанием, являются социальные стереотипы.

В словаре сказано: «Социальный стереотип — устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации. Сквозь призму стереотипов воспринимаются реальные предметы, отношения, события, действующие лица».

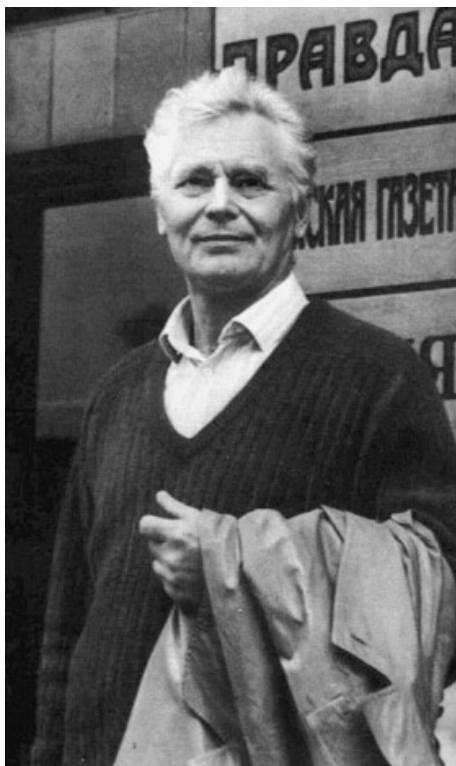
Ни один человек не может прожить без «автоматизмов» в восприятии и мышлении — обдумывать заново каждую ситуацию у него не хватит ни психических сил, ни времени. Таким образом, стереотипы как необходимый человеку инстру-

мент восприятия и мышления обладают устойчивостью, могут быть выявлены, изучены и использованы как мишени для манипуляции. Поскольку их полезность для человека в том и заключается, чтобы воспринимать и оценивать быстро, не думая, манипулятор может применять их как «фильтры», через которые его жертвы видят действительность, — «ставить» перед глазами человека то один, то другой «фильтр».

Если удастся подтолкнуть крупные массы людей видеть какое-то общественное явление через нужный манипулятору стереотип, то несогласным становится очень трудно воззвать людей к здравому смыслу, убедить их остановиться, подумать, не принимать скоропалительных опасных решений. Ницше заметил: «Так как недостает времени для мышления и спокойствия в мышлении, то теперь уже не обсуждают несогласных мнений, а удовлетворяются тем, что ненавидят их. При чудовищном ускорении жизни дух и взор приучаются к неполному или ложному созерцанию и суждению, и каждый человек подобен путешественнику, изучающему страну и народ из окна железнодорожного вагона».

Подготовка к манипуляции состоит не только в том, чтобы разрушить какие-то представления, но и в том, чтобы создать, построить новые идеи, желания, цели. Это часто бывают временные, «служебные» постройки, главная их задача —

Сергей Георгиевич Кара-Мурза родился 23 января 1939 года, окончил химфак МГУ в 1961 году. Сотрудник Института химии природных соединений (АН СССР), потом Института органической химии (ИОХ АН СССР) — 1961—1968 гг. В 1968—90 гг. — сотрудник, руководитель отдела, заместитель директора Института истории естествознания и техники (ИИЕТ АН СССР). 1983 год — защита докторской диссертации (история и методология науки и техники). Входил в группы экспертов ЦК КПСС, готовивших материалы по организации науки, межнациональным отношениям и др. С 1989 года известен своими статьями и книгами по политологии, истории, философии.

вызвать сумбуз в мыслях, сделать их нелогичными и бессвязными, заставить человека усомниться в устойчивых жизненных истинах.

Одной из таких конструкций был запущенный в конце 80-х годов миф о благодетельности частной собственности, который внедрялся в массовое сознание параллельно с вытеснением прежних, коллективистских установок.

Сначала была проведена интенсивная идеологическая кампания, внушающая мысль, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека. Вот, например, что пишет в 1990 г. видный философ-правовед В. С. Нерсисянц в статье «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека» (СОЦИС, 1990, № 1): «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в

целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гарантии» [1].

Утверждение, будто без частной собственности все (!) права человека лишаются своей полноты и вообще фундамента, противоречит здравому смыслу. Появление частной собственности вовсе не создает прав и свобод, а лишь изменяет их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности, то есть присвоение средств производства частью общества, утверждает свободу контракта, но тем самым лишает человека права на пищу, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав.

При общинно-родовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу. Свобода контракта означает, что работник выносит свою рабочую силу на рынок, и она может быть невостребована, как и любой товар. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишится на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Эта кампания по пропаганде частной собственности как гаранта свободы была основана на сокрытии важного вывода социологии и философии — тезис о связи капитализма с демократией был отвергнут не только марксизмом, но и либеральными мыслителями. Вот что пишет в 1906 г. М. Вебер, крупнейший социолог, изучавший связь капитализма с культурой: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высоко развитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, избирательное сродство с «демократией» или вовсе со «свободой» (в каком бы то ни было смысле слова)» [2].

Вебер подчеркивает, что капитализм начала XX века уже не был связан со «свободой» «в каком бы то ни было смысле слова» — даже с экономической свободой, свободой контракта. В этом отношении зрелый монополистический капитализм настолько сросся с государственной бюрократией, что в нем уже не было и следа того «духа свободы», который имелся у юной буржуазии, идущей к власти, в период «свободной конкуренции».

Этот вывод Вебера повторяется в самых разных вариантах постоянно. Американский социолог Б. Гинзберг, автор исследования способов мобилизации общественного мнения властями США, пишет совсем недавно: «Западные правительства использовали механизмы рынка, чтобы управлять устремлениями и чувствами народных масс... Хотя граждане западного мира имеют обыкновение связывать рынок со свободой мнений, невидимая рука рынка может быть инструментом контроля почти столь же мощным, как и железный кулак государства» [3].

Тезис о том, что частная собственность и рынок якобы порождают демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Утверждать о наличии причинно-следственной связи между капитализмом, демократией и правами человека стало просто неприлично после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм — порождение именно капитализма и присущего ему общества, в ином обществе он и возникнуть не мог. Фашистское государство в Германии сформировалось, по словам первого вице-канцлера Германии Папена, «пройдя до конца по пути демократизации» Веймарской республики. То есть в условиях крайнего кризиса гражданского общества с помощью присущих ему демократических механизмов породило фашистское государство.

Философ Хоркхаймер сказал о фашизме: «тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник, буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения». А вот что пишет об этом Г. Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что

именно сам либерализм “вынул” из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития». Поразительно, как тезис о частной собственности как источнике свобод мог быть внедрен в массовое сознание, когда перед глазами был пример Пиночета, который провел в Чили примерно ту же реформу, что и Чубайс.

Создание мифа об «освободительной» роли частной собственности сопровождалось фабрикацией черного мифа об общественной собственности как якобы возникающей с помощью авторитарной власти и насилия. В. С. Нерсисянц пишет: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.».

Почему же национализация — неправовой акт? А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать одному комсомольскому работнику машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Но пусть даже национализация в 1918 г. и была «неправовой» (точнее, следовала революционному праву). Разве это — особенность именно русской революции? Крупнейший экономист Запада XX века Дж.М. Кейнс писал в 1922 г.: «В природе революций, войн и голода уничтожать закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов». Но главное даже не правовая сторона дела, а тот факт, что национализация промышленности в России — всего лишь краткий исторический миг в истории советского хозяйства, да и национализированы в 1918 г. были парализованные и заброшенные предприятия. Ее главной причиной была остановка производства владельцами предприятий, что грозило рабочим голодной смертью. Именно владельцы нарушили свои обязанности, которые явно или неявно предусмотрены «общественным договором», каковым и является частная собственность на средства производства. В 1954 г.

были опубликованы исключительно важные для данной темы материалы — большой том в 824 страницы («Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов 1917—1920 гг.» М.: Политиздат, 1954). Его полезно прочитать внимательно, каждый документ, о каждом конкретном случае.

Но 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельностью в последующий за национализацией период. Согласно промышленной переписи, на 31 августа 1918 г. было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разорено во время Гражданской войны и потом восстановлено уже советским государством. Но за годы первой и второй пятилеток и часть третьей пятилетки до начала Великой Отечественной войны было построено 9 тыс. крупных предприятий.

Разрушенные во время Отечественной войны предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, и крупницы когда-то национализированной собственности в ней полностью растворились. Таким образом, создана почти вся наша общенародная собственность была не посредством «национализации и конфискации», а путем строительства. А теперь философы говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! Это и есть злонамеренное разрушение логики. На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство Братской ГЭС, ВАЗа или московского метро? Без всякого основания — все это чистая манипуляция.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ по контрасту доказывает мысль о том, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Это — примитивный стереотип, рассчитанный на то, что у людей подорвана память.

Не будем уж поминать такую частную собственность, как 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывала лишь небольшая часть погруженных в трюмы африканцев). По данным авторитетного историка Ф. Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, изъятыми в одной только Индии.

Исторически именно учреждение частной собственности сопровождалось самой крупной экспроприацией — сгоном крестьян и захватом общинных земель. Вспомним хотя бы насильственные «огораживания» в Англии во время буржуазной революции. Историк крестьянства В. П. Данилов напомнил опыт создания крупной частной собственности при приватизации земли в Англии: «Не нужно забывать, как решались социальные проблемы при огораживаниях, о рабочих домах для выбрасываемых из деревни, о том, что в каждом поселке стояла либо виселица, либо чурбак с топором, где рубили головы тем, кто не согласен с огораживанием» (Отечественная история, 1995, № 4).

А когда европейский капитализм экспортировался в колонии, приватизация земли в США привела просто к уничтожению местного населения, а в Северной Африке у арабов была отнята и передана в собственность колонистам ровно половина исключительно плодородных земель. Тут мы видим именно «внеэкономические и внеправовые средства — экспроприацию, конфискацию, принудительный режим труда».

Понятно, что философ этого «не помнит» и делает упор на национализации промышленности в России в 1918 г. Уже в самом перечислении «внеэкономических и внеправовых средств», которое дает В.С.Нерсисянц, видна манипуляция. Почему, например, «общеобязательный план», утверждаемый законом, — внеправовое средство, а общеобязательные правила дорожного движения — правовое? Почему наказание за прогул («принудительный режим труда» в СССР) было внеправовым действием, а в частной американской фирме — правовым? Непонятно, почему надо считать «внеправовым»

явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом. Вообще, после «создания частной собственности» в России по Чубайсу лучше бы философам правовые проблемы не поднимать.

Во время перестройки внушалась еще и мысль, будто общенародной собственности в СССР не существует, ее захватило государство, так что общенародной собственности называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» — бюрократия, номенклатура. Идея схоластична (хотя нередко именно самые схоластичные доктринальные идеи имеют большой успех в манипуляции сознанием).

Бюрократия в СССР представляла собой социальную группу работников управления и никакими признаками класса-собственника не обладала. Так же, как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления, но вовсе не является собственником капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно общенародной, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уровнюшка». В виде бесплатных благ и через низкие цены граждане на уравнилельной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы общенародной собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства они имели реальное право на труд. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

Понятно, что в статье, написанной в 1989 г., В. С. Нерсисянц своими манипуляциями с понятием собственности выполняет чисто политическую задачу — готовит читателя к грядущей приватизации. Уж она-то, мол, даст гарантии прав и свобод каждому человеку: «Необходимо освободить социалистическую собственность от абстрактно-всеобщей, “ничейной”, государственной формы... и трансформировать ее в индивидуализированную собственность всех членов общества». Как была трансформирована собственность «всех членов общества» в ходе приватизации 1992–1994 гг. в Российской Федерации, все хорошо помнят.

В противоположность общественной собственности, которая якобы создается

путем экспроприации, частную собственность стали представлять как порождение естественного права. Придание чисто социальному феномену собственности статуса «естественного», то есть природного, внесоциального является очевидной манипуляцией. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида (исходный элемент этой собственности — собственность индивида на свое тело). Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века.

А только в цивилизованном состоянии человечество живет уже 20 тысяч лет — двести веков! Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, то есть сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живущий племенами, лишь координировал разумное использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это — исторически обусловленная часть культуры, продукт общественных отношений. Возник этот продукт в определенных условиях, побыв в культуре и исчезнет.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства Хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте — типичное биологизаторство культуры, отрывка социал-дарвинизма. Что же касается этого чувства как порождения культуры, то вовсе не советская власть его ограничила в России, а православие. Виднейший русский православный философ о. С. Булгаков пишет в книге «Христианский социализм» об этическом и религиозном отношении к собственности: «Именно это-то чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны, и осуждается бесповоротно христианством, как коренным образом противоречащее основной заповеди любви» [4].

Манипулятивный характер мифа о собственности был доведен до гротеска

введением в него священной компоненты. Популярный и влиятельный во время перестройки публицист В. Селюнин в газете «Известия» (23.03.1992) в статье с многообещающим названием «А будет все равно по-нашему» так излагал символ новой веры:

«Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность... Это только по вшивым партийным учебникам там, за бугром, всем владеют в основном Форды да Дюпоны. А в действительности акции, к примеру, корпорации «Дженерал моторс» имеет около миллиона человек».

Это высказывание может служить для нас хорошим учебным материалом. Прежде всего, В.Селюнин делает важную оговорку ради захвата и присоединения аудитории, в сознании которой, как известно, были сильны уравнилельные представления. Он не призывает людей в общество, разделенное на собственников и пролетариев, а рисует образ чуть ли не уравнилельного распределения собственности. Нет, теперь при капитализме не Форды да Дюпоны всем владеют — «акции «Дженерал моторс» имеет около миллиона человек»!

В этом образе применена манипуляция мерой. Да, при частной собственности Форды да Дюпоны не всем владеют, никто этого никогда и не утверждал, это было бы глупо. Вопрос в том, какова степень неравенства в распределении собственности. Здесь — умолчание. Вот сводка из газеты «Нью-Йорк Таймс» от 17 апреля 1995 г.: 40% всех богатств в США принадлежат 1% населения. Доля в доходе как богатой, так и бедной части населения США сохраняется с точностью до десятой доли процента с 1950 г. (сводка U.S. Bureau of Census приведена в журнале «США: экономика, политика, идеология» № 10, 1994).

Говоря о том, что в США миллионы рабочих владеют акциями, В.Селюнин, не прибегая к прямой лжи, внушает мысль, будто в условиях господства частной собственности большинство граждан получает существенный доход от собственности. Здесь — умолчание о реальной доле этого дохода в общих доходах населения США. Данные эти вполне доступны и

противоречат всему контексту сообщения В. Селюнина.

Вот энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Америки» (М., 1988). Читаем на с. 223: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от капитала составила около 15%». Главный источник доходов от капитала теперь не дивиденды от акций, а проценты от вкладов. Акции же важны для управления предприятиями, но для этого важны не распыленные среди «работяг» акции, а пакеты акций.

А много ли рабочие и служащие США получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов от капитала в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2—4%» (с. 222).

Итак, весь доход на капитал у трудящихся составляет 2—4% всех семейных доходов, а в нем 15% от акций, то есть для среднего трудящегося человека в США акции дают 0,003—0,006 его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазняли людей на приватизацию, на потрясение всей экономической системы страны!

Но главное — ложность самих понятий В.Селюнина, данных как непререкаемый постулат. Частная собственность — самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность! Но ведь это нелепо. Не существует абсолютных общечеловеческих ценностей, ибо ценности — часть культуры и являются исторически обусловленными. Они всегда относительно и всегда признаются именно в данной культуре. Там частная собственность ценность, а где-то к ней равнодушны.

Относительны ценности и во времени. Частная собственность возникла недавно, существует она лишь в течение 0,05% времени, которое прожила человеческая цивилизация, — как же она может быть общечеловеческой ценностью? Люди, не знавшие частной собственности, — не люди? Расчет манипулятора при использовании таких лобовых приемов на то, что человек не успевает встроить энергичное утверждение в реальный культурный и исторический контекст.

Ну, В. Селюнин — газетчик, хотя и из экономистов. А вот А. Н. Яковлев — ака-

демик АН СССР, а потом РАН, бывший начальник всей идеологической машины КПСС. Перед выборами 1996 г. он подкрепляет в «Российской газете» этот новый миф-стереотип: «Нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности».

В этом мифе главное — идея священности частной собственности. Очевидно, что само понятие «священный» является иррациональным, тут говорить не о чем, это именно символ веры. Для одних священо одно, для других другое, и логикой тут не возьмешь. Поэтому само предложение академика узаконить священность является полной нелепостью в светском государстве, где право является рациональным, а не религиозным. На этом основании из Конституции РФ исключили положение о том, что «защита Отечества — священный долг гражданина», а о собственности рекомендуют вставить. Вот тебе и демократия да свобода совести!

Известно, что частная собственность — это не зубная щетка, не дача и не «мерседес». Это — средства производства. Тот, кто их не имеет, вынужден идти в работники к владельцу средств производства и своим трудом производить для него доход. «Из людей добывают деньги, как из скота сало» — гласит пословица американских пуритан, носителей самого чистого духа капитализма. Единственный смысл частной собственности — извлечение дохода из людей.

Где же и когда средство извлечения дохода приобретало статус святыни? Если бы этот проект сакрализации частной собственности предлагался всерьез, а не был манипуляцией сознанием сбитых с толку людей, то его идеологи, пропагандисты и тем более ученые были бы обязаны указать источник святости и ту инстанцию, которая компетентна подтвердить священный характер собственности как общественных отношений. Ясно, что источником святости не может быть ни закон, принятый голосованием в Государственной Думе, ни декрет Ельцина или Путина. А инстанцией, подтверждающей святость, не может быть ни администрация Президента, ни ренегат марксизма-ленинизма вроде А. Н. Яковлева. С появлением религии как формы общественно-

го сознания формально присваивать титул священного может лишь Церковь.

Вопрос о статусе средств извлечения дохода поднимался во всех мировых религиях, и все они наложили запрет на поклонение им как идолу (золотому тельцу, Мамоне). В период возникновения рыночной экономики лишь среди кальвинистов были радикальные секты, которые ставили вопрос о том, что частная собственность священна. Но их преследовали даже в Англии. Когда же этот вопрос снова встал в США, куда отплыли эти радикалы, то даже отцы-основатели США не пошли на такое создание идола, а утвердили: частная собственность — предмет общественного договора. Она не священна, а рациональна. О ней надо договариваться и ограничивать ее человеческим законом.

И вот в России, среди культур, выросших из православия, ислама, иудаизма и марксизма, вдруг, как из пещеры, появляется академик по отделению экономики и заклинает: священна! священна! Этот манипулятивный призыв к идолопоклонству чреват риском значительного регресса в духовной сфере — и в рациональном мышлении, и в религиозном сознании.

Что попытка в конце XX века в России придать частной собственности статус священного явления является радикально антиправославной, совершенно очевидно. В православии отношение к поклонению частной собственности четко определено как идолопоклонство. Выше приведено высказывание о. С. Булгакова, но оно вовсе не является результатом поисков обновления православной доктрины. Напротив, оно лишь подтверждает канонические установочки отцов Церкви, от которых православие не уклонялось, несмотря на расхождения с Западной церковью, оно осталось ортодоксальным христианством.

Хотя православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример поучения преподобного Симеона Нового Богослова (949–1022), переведенные архиепископом Василием (Кривошеиным) [5].

Вот что говорит пр. Симеон в Девятом «Огласительном слове»: «Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградой и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владелицей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было...»

Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать».

Если бы попытка сакрализации частной собственности не была смелой акцией по манипуляции сознанием, то А. Н. Яковлев и его пропагандисты обязаны были бы указать на явный и авторитетный поворот православия к отказу от этих установок. Например, на решение важного церковного Собора. Этого они сделать не могут, потому что такого поворота не произошло. Напротив, последние высказывания Церкви по этой проблеме не дают никаких оснований для сакрализации частной собственности. В 2001 г. Московский Патриархат и Священный Синод

Русской Православной Церкви опубликовал «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В ней есть Раздел VII «Собственность».

В условиях идеологического накала, сопровождающего рыночную реформу в России, Церковь применяет очень взвешенные формулировки, но и они не оставляют места для самой постановки вопроса о сакрализации. Вот главные утверждения: «Под собственностью принято понимать общественно признанную форму отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам». Общественно принятая форма — совершенно иной признак легитимности отношений, нежели Откровение свыше, придающее данным отношениям священный характер. Церковь такой функции на себя не берет, в Концепции сказано и выделено: «Церковь не определяет права людей на собственность... По учению Церкви, люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими». А уж как в тот или иной исторический период люди определяют общественно принятые формы собственности — это их чисто земные дела. Перечисляя известные формы собственности, Концепция так устанавливает позицию русского православия:

«Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм».

Надо заметить, насколько рассуждение Церкви более разумно, исторично и даже логично, чем рассуждения иных докторов наук и даже действительных членов Российской Академии наук [6].

Можно, конечно, предположить, что рыночники-западники ориентируются не на православие, а на другую большую ветвь христианства, католичество. Но их отношение к собственности идет вразрез и с католической доктриной. В конце XIX века Ватикан стал активно выступать в области социальной политики, и Папа Лев XIII выпустил энциклику *Rerum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II издал энциклику *Centesimus Annus*. В ней он, в частности, говорит о собственности на землю:

«Бог дал землю всему человеческому роду, чтобы она кормила всех своих обитателей, не исключая никого из них и не давая никому из них привилегий. Здесь первый корень всеобщего предназначения земных вещей».

Совершенно очевидно, что частная собственность на землю дает привилегии собственникам и исключает из числа питающихся очень многих, — это всем прекрасно известно. Далее в своей энциклике Папа Римский налагает на право всякой частной собственности сугубо социальные ограничения:

«Собственность на средства производства, как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, является справедливой и законной, когда используется для полезной работы; но является незаконной, когда используется для... получения прибыли... для своего накопления, для незаконной эксплуатации, для спекуляции и подрыва солидарности в трудовой среде».

Тут не только ни о каком священном характере и речи нет — сама законность частной собственности в ее реальном воплощении («накопление, эксплуатация, спекуляция и подрыв солидарности в трудовой среде») ставится под вопрос.

Остается лишь добавить, что еще менее, нежели религия, для освящения частной собственности может быть в России привлечена народная традиция, предание. Это, впрочем, ни в какой культуре было бы невозможно именно вследствие молодости буржуазного общества, но в России особенно. Сам же А. Н. Яковлев с горечью признает: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности...». Ну, не было, так и говорить не о чем, какое уж тут предание.

Если уж говорить о традициях и здравом смысле, то лучше вспомнить трезвое суждение М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность священна! Наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!»

[1] В контексте всей статьи понятие «индивидуальная собственность» является типичным эвфемизмом — заменой понятия «частная собственность», которое в 1990 г. еще слишком резало слух и затрудняло присоединение аудитории. Само использование подобных эвфемизмов — признак манипуляции.

[2] См.: А. Кустарев. «Начало русской революции: версия Макса Вебера». — «Вопросы философии», 1990, № 8.

[3] Ginsberg B. *The Captive Public*. N.Y.: Basic Books. 1986, p. 86.

[4] Булгаков С.Н. *Христианский социализм*. Новосибирск: Наука, 1991. С. 100.

[5] Перевод этот впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38—39. Терминология перевода кажется слишком современной (например, используется понятие «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти кажущиеся современными нам термины являются наиболее адекватными.

[6] Надо сказать, что представление о собственности в социальной доктрине иудаизма практически не отличается от приведенных здесь утверждений православной доктрины.

Нано: революция?

Когда в СМИ речь заходит о нанотехнологиях, каждый автор старается блеснуть познаниями — мол, смотрите, я тоже «в теме» — и в сотни раз повторяют, что значит «нано», кто первым предложил термин да кто с помощью какого-то там микроскопа сложил из атомов какую-то надпись. Но мы не будем повторять это ритуальное начало. Речь пойдет о другом — о том, насколько оправданы наши «нанотехнологические ожидания». А самое главное — мы поговорим о тех вещах, о которых апологеты технологий с приставкой «нано» либо умалчивают, либо не задумываются вовсе...

Большие надежды

Некоторые открытия и изобретения поражают человеческое сознание в высшей степени сильно. Настолько сильно, что человек начинает верить, будто с помощью этих открытий и изобретений можно решить все (ну или очень многие) вопросы.

Например, так люди уповали на электричество. Поначалу, как водится, опыт «общения» с электричеством был по преимуществу негативным — не сразу поняли все отличия проводника от изолятора. Но с той самой поры, как первого исследователя шибануло током, стало ясно, что у электричества «есть перспективы» и оно может быть не только научным курьезом. Поэтому люди стали придумывать, куда и как это электричество приспособить. Придумали много всякого-разного, от электрической лампочки до — чего уж там скрывать, и такое есть — электрического стула. Жизнь стала комфортнее, это да. Все же лучину с электрической лампочкой не сравнить, да и от телевизора польза какая-никакая, а имеется. Правда, одновременно с плюсами у электричества

есть и минусы — и речь тут отнюдь не о полюсах батарейки. Человечество стало «электрозависимым» и соскочить с этой иглы уже не сможет. Между тем генерация электричества — процесс чрезвычайно грязный, дающий колоссальное количество отходов. И уж конечно, электричество отнюдь не помогло человеку разрешить все его проблемы — разрешив лишь часть из них, попутно (это особенно важно) создало новые...

Примерно такая же история и с химией. Эти чудеса в колбочках, когда с разными порошочками и жидкостями происходили всякие веселые превращения, очень уж напоминали магию. Химия (как и физика после «приручения» электричества) на время даже стала «царицей наук». И даже если на эликсир бессмертия или философский камень уже никто не рассчитывал (хотя, как пить дать, в глубине души надеялись!), то решения многих других проблем «химическим способом» ожидали в самом скором времени. Отголоски этой веры сохранились вплоть до второй половины XX века — например, в ефремовском «Часе Быка» мимоходом упоминается, что человечество будущего навеки избавилось от кошмара голода благодаря открытию синтеза белков и сахаров и перевода его в промышленные масштабы.

Но реальность имеет противное свойство поворачиваться к человеку не только лицом. Так вышло и в этот раз — например, благодаря химии появилось много новых материалов, в природе не существующих (пластики, синтетические ткани и так далее), удобных и дешевых. Правда, ими сегодня половина планеты завалена без всякой надежды на утилизацию, ибо то, чего в природе не существует, оной природой не может быть «разобрано». Ну а кроме того, химия осчастливила человечество разными прочими «радо-

стями жизни» вроде удушливых газов. Что касается продовольствия... Да, химическим способом кое-что производится, вот только люди от таких химических субстанций (тех самых, которые «идентичны натуральным») обычно шарахаются. И не случайно. То есть мы видим ту же картину, что и в случае с электричеством: решаются одни проблемы, одновременно создаются другие. И совсем нетрудно понять, что это отнюдь не случайность — это правило. Так что сделаем на полях соответствующую пометочку. Потом пригодится.

А восторги по поводу энергии атома? Казалось бы, вот оно, свершилось! Невероятный прорыв и столь же невероятные ожидания. «Атом» — самое популярное слово. Скорые на руку писатели всюю сочиняют книжки, в которых положительные герои палят из атомных пистолетов по злодеям, улепетывающим на атомных автомобилях, а пассажиры спорят из-за смены белья в поездах, влекомых по рельсам атомными локомотивами. Обыватели массово готовятся к чему-то невероятному — одни мечтают о звездолетах с ядерными двигателями, а другие копают на заднем дворе бомбоубежища со свинцовыми стенками и запасаются продуктами («Мирный атом? Так я вам и поверил!»). Звездолеты не появились, убежища заросли паутиной, а для большей части населения планеты все, что с атомом связано, есть самое натуральное пугало, страшнее которого только неуплаченные налоги и пропущенный сериал. Все массово протестуют против атомной энергетики, хотя экономить электричество никто не хочет, да и об атомах знают только то, что «они маленькие». И опять — проблемы решили, проблемы создали.

Впрочем, восторженные ожидания по поводу электричества, химии и атома — дело прошлое. Нынче «на повестке дня» совсем другие чудеса.

От нанотехнологий сегодня ждут, пожалуй, побольше, чем в свое время ждали от электричества, химии и атома, вместе взятых. Политики, ученые, популяризаторы от науки, а в первую очередь журналисты — все они наперебой, расталкивая друг друга плечами и локтями, рвутся к трибуне, чтобы озвучить очередной радужный прогноз. Плечи и локти у одних

крепкие (накачали в аппаратных схватках), у других хлипкие (много ль накачешь за микроскопом?), однако прогнозы получаются один другого жизнерадостней. Одни от чистого сердца верят в то, что говорят, других научный зуд подталкивает (ох, как же точна фраза о том, что ученые удовлетворяют собственное любопытство за государственный счет!), третьи, как ни пошло это звучит, уже подсчитывают, насколько пополнится их счет в банке благодаря «попилам» и «откатам». А большинство просто кричит «ура», потому что кричат все остальные.

Как раз это большинство массово пускает слюну: вот скоро все станет так здорово, что и работать не нужно будет, нажал на кнопку — получил результат. Хочешь — халву ешь, хочешь — пряники... Точь-в-точь как в книжке двух известных фантастов: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным». Правда, написано это было в стародавние времена, и с тех пор один из фантастов успел умереть, а второй переквалифицировался в либералы с сильным социал-дарвинистским уклоном, и во всеуслышание рассуждает о том, что никакого счастья «для всех», и уж тем более даром, конечно же, не будет. Впрочем, порожденный когда-то братьями-фантастами лозунг все еще продолжает существовать, причем неплохо. Во всяком случае, «технические новины» и большие ожидания под этот лозунг подверстываются с большим успехом.

Но вот вопрос: а что люди понимают под нанотехнологиями?

Бах! Как с разбегу об стену, не правда ли?

Это что же такое: то одно, то другое...

«Что такое нанотехнологии?» — вопрос из категории тех, ответ на которые «всем известен», но сформулировать этот ответ возьмется не каждый. Дело в том, что нанотехнологии есть понятие собирательное. Под этим общим термином понимается, во-первых, создание наноматериалов (или, точнее, нанотехнологических материалов), во-вторых, — создание наномашин, тех самых микроскопических роботов, которые как раз и должны обеспе-

чить всеобщее благоденствие. Между тем некоторые специалисты вполне обоснованно считают, что выделять нанотехнологии в какую-то отдельную категорию просто-напросто неправильно: по их мнению, речь идет всего лишь о дальнейшем развитии техники, уже давно взявшей курс на миниатюризацию. Но эта точка зрения большого количества сторонников пока не имеет.

Как бы то ни было, в первой части (то есть в создании нанотехнологических материалов) человечество, точнее отдельные страны, — уже преуспели. Растекаться мыслью по древу мы не будем, просто скажем: счет товарам, созданным из нанотехнологических материалов, уже идет на десятки. Это и ткани с необычными свойствами, и новые полимеры, и сверхтонкие фильтры, новые краски и сплавы. Правда, не все идет гладко — например, в Великобритании одна из общественных организаций отказалась сертифицировать продукты, содержащие искусственные наночастицы, на основании того, что они могут представлять опасность для здоровья. Запрет коснулся косметики, продовольствия и одежды.

Но можно ли сказать, что это и есть революция? Вопрос, в общем-то, риторический — любому ясно, что нет, ибо товары из нанотехнологических материалов по-прежнему производятся вполне традиционными способами, и об изменении технологического процесса речь не идет. Так что нанотехнологические материалы сами по себе предвестниками «эры изобилия» никак не являются.

Обеспечить столь желанное изобилие, этакий потребительский рай, в котором «каждому по потребностям», и даже сверх того, должны помочь самовоспроизводящиеся нанороботы. Стоит отдать им приказ — и эти неутомимые труженики из атомов и молекул любого инертного вещества (песка, воздуха, воды, любого мусора, в конце концов) произведут что угодно: от жевательной резинки до автомобиля «мазератти». Отметим особо — такова теория. Или, если быть совсем уж точными, такова мечта.

Но то, что хорошо в теории, на практике не всегда легко воплощается. И нанороботы — как раз такой случай. Люди уже придумали массу дел для своих буду-

щих микроскопических рабов — вот только рабов как не было, так и нет.

НАНОРОБОТЫ И МЕГАПРОБЛЕМЫ

Как раз в этом и состоит главная проблема: нанороботы (то есть автономные самоуправляемые машины, способные выполнять широкий спектр операций и работать с молекулами вещества) при современном уровне технологии и научного развития созданы быть просто НЕ МОГУТ. И в обозримом будущем тоже. В лучшем случае речь пока может идти о каких-то простейших механизмах, которые могут выполнять единственную операцию, например, быть переносчиками каких-то строго определенных молекул, что дает возможность применения в медицине в качестве агента доставки сверхмалых доз лечебных препаратов точно к очагу болезни. Но эта проблема в принципе решена уже сегодня, причем без всяких наномашин.

Причин, по которым наномашин невозможно создать ни сегодня, ни в обозримом будущем, много. Первая и самая главная — самопрограммируемому нанороботу необходим искусственный интеллект (ИИ, ИскИн), да еще и «упакованный» в размер молекулы. Ну или распределенный между множеством микромашин (нечто вроде «черного дождя» из лемовского «Неуязвимого»), каковое распределение уже само по себе создает массу дополнительных проблем: как организовать передачу потока информации, как «поделить» задачи между тысячами микроскопических исполнителей? Например, ученым ясно, что общий уровень интеллекта улья или муравейника на порядки превосходит уровень интеллекта рабочей пчелы или рядового муравья, но как это достигается, неизвестно.

Впрочем, какой вариант ни возьми, а с искусственным интеллектом у человечества пока туго (да и полного понимания того, что есть «интеллект вообще», просто не существует). Вот разве что пресловутый компьютер «Deep Blue» на ум приходит, который таки обставил Каспарова, но что тому причиной, неизвестно: то ли компьютер «поумнел», то ли сам gros-

смейстер, поглощенный мечтами о свержении тоталитаризма, чихать хотел на шахматы. Но, по большому счету, даже «Deer Blue» и близко не тянет на подходящий для нанороботов ИскИн — ни по «уму», ни по размерам.

Проблему не решает даже «половинчатый» вариант с программированием наноробота извне — в любом случае необходим компьютер молекулярных размеров, способный программу реализовать (а попутно возникают и другие проблемы, например, как написать софт, что будет его носителем, как обеспечить передачу потока информации). Словом, как подступиться к решению этого ключевого вопроса, пока совершенно неясно. В теории — подчеркиваем, только в теории! — проблему могло бы решить создание принципиально новых компьютеров на базе ДНК, но это предполагает такой высочайший уровень знаний, что даже и представить страшно.

Так что все страшилки о том, что злобные хакеры или безумные ученые перепрограммируют нанороботов, и те обратят весь мир в «серую слизь», использовав все доступные материалы для строительства все новых и новых неисчислимых армий наномашин, пока можно считать фантастикой, причем совершенно ненаучной.

И все же — допустим, что нанороботы однажды будут созданы... Каким тогда окажется наше будущее?

Сценарий I: ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РАЙ

Этот вариант наиболее популярен — а как же иначе, ведь говорят, что в самом что ни на есть скором времени нанороботы будут производить все что угодно и в любых количествах.

Однако не все так гладко. Сегодня в массовом сознании, к сожалению, доминирует потребительская психология, и в голову человеку вбивается гвоздь стереотипа: «покупать — значит быть счастливым». Распродажи ждут как праздника, чтобы помордоваться в очередях и укатить домой две тележки (а лучше три или даже пять!) ненужных, по большому счету, вещей. Мировая экономика изводит

миллионы тонн сырья на совершенно никчемную ерунду: одноразовую посуду, яркие упаковки, жестяные банки. Только дурак не видит, что сырьевой кризис все ближе, но человечество, превратившееся в толпу потребителей, лишь орет: «Больше! Еще! Давай!»

При грамотном распределении и рациональном использовании имеющихся ресурсов каждому человеку на планете может быть обеспечен прожиточный минимум. Для этого достаточно и производственных мощностей, и знаний, и все тех же ресурсов, и вовсе не нужно никаких наномашин. Но для современной экономики такой подход что нож острый, ибо само нынешнее мировое устройство такого разумного подхода не приемлет. Неуемные в своей алчности корпорации высосали нефть, вычерпали озера, истощили месторождения, но им нужно производить и продавать все больше и больше. Во многих странах люди разжирели от гамбургеров и газировки, в среднем европейца или американца еда уже просто не лезет, но ее старательно запихивают в рот, заедая таблетками для улучшения пищеварения и стимуляторами аппетита, — ведь нельзя допустить, чтобы производители гамбургеров и газировки лишились прибыли! Принеси на алтарь золотого тельца свое здоровье и здоровье детей, влезь в кредиты, повесь на шею ярмо пожизненной ипотеки — гиганты индустрии и сервиса скажут тебе спасибо и предложат купить еще чего-нибудь — «для полного счастья». Миллионы людей на планете умирают от голода и живут в картонных коробках: ну и что, ну и ладно, ест только тот, кто может платить, и именно он должен получать двойную порцию жареной картошки! Закономерный итог все ближе, но мы, набирая скорость, вскачь несемся к краю пропасти, по пути набирая все новые охапки яркого барахла, но, черт побери, еще древние говорили, что там нужно всего две монетки: заплатить Харону.

И, между прочим, очевидно, что если наномашини все же будут созданы, третий мир не получит их никогда и ни за что, ибо этот шаг в корне перевернет современное мировое устройство, в чем, если говорить откровенно, разработчики наномеханизмов из мира первого совершенно не заинтересованы. Так что ожидающим «дождя из галушек» просьба не беспоко-

иться: по совокупности причин дождь отменяется.

Сценарий II: ТВОРИ — НЕ ХОЧУ

Второй сценарий тесно связан с первым. Имеется немало и идеалистов, которые озвучивают благостные, казалось бы, перспективы: вот освободим человека от рутины повседневного труда, не нужно будет ему думать о куске хлеба насущного, и каждый станет заниматься творчеством! Так и рисуется буколическая картинка: на мягких зеленых холмах, под сенью густых рощ прогуливаются благообразные люди в светлых одеждах. Один покусывает перо, рождая неземной красоты вирши (ха-ха, да Пушкин просто мальчишка!), другой кладет мазки на холсты — и готов шедевр, затмевающий полотна Рафаэля и Тициана, третий создает небывалые машины, четвертый проектирует фантастические здания... Идиллия!

Вот только эта идиллическая картина нарисована на тончайшем стекле, которое сейчас будет грубо разбито грязным сапогом реальности.

Бабах! Слышите — посыпалось?

Выгляньте в это окошко, посмотрите на реальность, на будущих «творцов». Три мужика в трико и майках-«алкоголичках», оккупировавшие детскую песочницу и сделавшие своим девизом фразу «с утра выпил, весь день свободен», — это они, что ли, творцы? Или, может, вон та компания странно смешливых подростков: сидят на спинках скамеек, ноги на сиденьях (только так сидеть и надо!), заплевали все вокруг? Или вон та девушка с сигаретой в зубах и бутылкой пива в руке — семнадцать лет, шесть аборт, синяк под глазом? Миллионы людей не знают чем себя занять даже в новогодние каникулы, их держит в узде только необходимость ежедневно ходить на работу, и как только эта необходимость пропадает, они начинают мордовать жену и гонять ремнем детей — о какой «жизни творца» вообще может идти речь?

Нет, я не человеконенавистник. Просто один раз наша страна уже попыталась дать «каждому по потребностям» — и миллионы людей променяли свою спо-

койную жизнь и будущее своих детей на кусок соевой колбасы, постаравшись выбрать при этом еще и самый червивый. А теперь еще и думают, с чего это их пучит.

Так что прежде чем мечтать об обществе творцов, неплохо бы пробудить в людях желание творить. А еще прежде — пробудить в них желание быть нормальным человеком. В противном случае все прекраснотворческие мечтания будут пущены по ведомству благих намерений, ведущих в известном направлении...

«Не могу представить ничего более страшного, чем все человечество, занимающееся творчеством», — сказал герой романа Александра Зиновьева «Глобальный человек». Если речь идет о сегодняшнем человечестве, то он более чем прав.

Впрочем, самое интересное заключается в том, что создание трудолюбивых нанороботов этой самой «творческой жизни» для человечества вовсе не гарантирует. А вот кое-что другое случится почти неизбежно. И не факт, что нам это «кое-что» понравится.

Сценарий III: ПОД ОТКОС

Сегодня самую большую активность в области развития нанотехнологий проявляют не частные инвесторы, а государства. Именно они, государства, вкладывают бюджетные средства, обеспечивают налоговые льготы, создают научные центры, обучают специалистов. Причин тому масса — от необходимости сохранения имиджа передовой страны до желания «не отстать от поезда». Пока речь идет о создании нанотехнологических материалов, все прекрасно: можно внедрять разработки и стричь купоны с открытий. Но если стремление создать наномашину увенчается успехом, то нанотехнологии станут могильщиками государств. Во всяком случае, государств в их сегодняшнем понимании.

Зачем человеку государство, если любую пищу и любые вещи он может получить с помощью нанотехнологического рога изобилия? Зачем платить налоги и содержать армию чиновников, если человека кормят и лечат наномашини?

Что произойдет, если неутомимые наномашинны будут созданы и станут общедоступны (а последнее практически неизбежно, ибо человечество стремится к созданию именно самовоспроизводящихся наномашин)? Яркую картину подобной ситуации, сопровождающейся мгновенным распадом государства и общества, можно найти в романе Чарльза Стросса «Небо Сингулярности».

В лучшем случае нас ждет картина, знакомая по романам и фильмам в стиле «киберпанк»: общество раскалывается на бесчисленное множество мельчайших организаций, которые создаются с самыми разными целями и в которых реализуются самые невероятные модели существования и общественного устройства. Это станет пиком развития индивидуалистической психологии, согласно которой каждый человек есть «неповторимая и бесценная личность», «мера всех вещей» и так далее. Уже сегодня все большее количество людей все громче говорит о своей самодостаточности — следствием этого является огромное множество проблем, от нежелания служить в армии до кризиса традиционной семьи. Что будет, если каждый человек и в самом деле получит возможность ни от кого не зависеть?

Уже сегодня государства зачастую неспособны контролировать общественные организации. Например, в США существует огромное количество организаций и объединений, вынашивающих далеко не мирные планы. Причем существуют они едва ли не полулегально, несмотря на почти тотальный контроль со стороны государства (в первую очередь, спецслужб), вспомним скандал с системой «Эшелон», посредством которой прослушивались телефонные переговоры и перлюстрировалась электронная почта. А ведь есть еще огромное множество средств контроля: сотни тысяч видеокамер в стратегически важных точках, контроль электронных платежей, отслеживание местонахождения человека по его сотовому телефону. Иногда дело заходит далеко, и системе приходится реагировать судорожно, потому что времени для нормальной реакции уже не остается, — тогда льется кровь и гибнут

люди, как было во время ликвидации «Ветви Давидовой», где дома сносили танками. Ситуация не стала критической только лишь потому, что у этих группировок нет доступа к оружию массового поражения. Но что будет, когда произойдет нанореволюция? Ведь, в принципе, с помощью тех же нанороботов можно собрать в пробирке вирус, от которого просто нет защиты.

В такой ситуации у государства (или некоей надгосударственной силы, желающей сохранить власть) будет только два выхода. Первый — жесточайшим образом контролировать все нанотехнологические фабрики. Но этот вариант тупиковый, потому что стоит хотя бы один раз, хотя бы в одном уголке планеты допустить «утечку» наномашин... Нанофабрика — это, знаете ли, штука страшнее атомной бомбы. Хотя бы по той простой причине, что атомные бомбы не могут самовоспроизводиться. Значит, нужно контролировать не нанофабрики, а людей, чтобы у тех не возникло желания иметь нанофабрику, подвергая, таким образом, государство угрозе. Это и есть второй вариант: контроль над людьми. И он должен быть таким плотным и всеобъемлющим, что всякие там «1984» и прочие «Мы» покажутся добрыми сказками на ночь. Стоит ли говорить, что как в первом, так и во втором случае никаких особых радостей от нанореволюции большая часть человечества так и не испытает?

В ТЕМУ

Почему нанотехнологии вдруг стали так популярны? В каком-то смысле этим они обязаны тому факту, что рассуждения о чудесных наномашинах стали своеобразными зёрнами, упавшими на хорошо унавоженную и взрыхленную почву, отчего мгновенно проросли и зацвели пышным цветом.

Примерно с середины 90-х годов в определенных кругах получила распространение идея о том, что человечество в скором времени ожидает «момент Сингулярности» (именно так, с большой буквы), своего рода колоссальный переворот всего и вся. Один из апологетов концепции

Сингулярности, американский писатель и мыслитель Вернор Виндж, так или иначе отразил концепцию во многих своих художественных произведениях, в частности в романе «Пламя над бездной». Этот переворот (или, иначе, фазовый переход) должен затронуть все сферы жизни человечества, от экономики и демографии. Демографический аспект Сингулярности, в частности, развил академик Капица, заявивший, что никакого демографического кризиса, связанного с перенаселением планеты, опасаться не стоит, мол, скоро все так сильно изменится, что о-го-го! А высказывание «сингуляристов» о том, что истории в традиционном ее понимании больше просто не будет, забавно коррелирует с нашумевшей в свое время концепцией Френсиса Фукуямы о «Конце Истории» (которая, кстати, уже доказала свою полную несостоятельность). Человечество, по мнению «сингуляристов», пережив фазовый переход, станет совершенно иным. И, в теории, нанотехнологии в этом переходе должны сыграть важную роль.

Между тем очевидно: для того чтобы человечество стало иным, это самое человечество должно быть в большой степени единым. Между тем сторонники теории Сингулярности «меряют мир» только по наиболее высокоразвитым странам, где информационные технологии уже в большой степени включены в повседневную жизнь, и закрывают глаза на то, что большая часть человечества живет в совершенно других условиях. Немаловажно и то, что, несмотря на интеграционные процессы на уровне государств, никаким согласием на планете и не пахнет. Половина стран готова перервать друг другу глотки (причин — реальных и надуманных — великое множество), а вторая половина подсовывает первой половине дубинки потяжелее. Если в XX век человечество входило полное радужных надежд на наступление «эпохи братской любви», то в век XXI мы вошли под сенью грозных пророчеств: от будущего мы ждем войн за плодородную почву и питьевую воду, за железо и нефть, за еду и воздух, мы ждем эпидемий и глобальных конфликтов. И если понимать нанотехнологии

как оружие — а военные ведущих стран финансируют большой объем исследований в этой области отнюдь не из жажды чистого знания, — очевидно, что передавать свои разработки в руки потенциального противника никто не собирается.

Конечно, вышеупомянутые идеалисты скажут, что нанотехнологии как раз и помогут разрешить все эти проблемы, но кто сказал, что люди, «заказывающие музыку», в решении этих проблем заинтересованы? Сегодня на планете голодают миллионы людей, растут мировые цены на продовольствие — и в то же время в странах с развитым агропромышленным комплексом огромное количество продовольствия уничтожается ради сохранения прибыли. Когда в твоих руках абсолютное оружие, ты не хочешь мира и согласия — ты хочешь господства.

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Нетрудно заметить, что какой бы сценарий «нанотехнологического будущего» мы бы ни рассматривали, мы так или иначе «упираемся» в человека. И это совершенно не случайно. Ведь сделать открытие — только половина дела. А вот как его использовать...

Доверить открытие алчным хапугам? Безответственным пустозвонам? Людям, которые не могут устоять перед соблазнами и искушениями?

Не слишком ли большой риск?

Мы истово верим в то, что нанороботы окажутся тем самым «богом из машины», который выведет нас из того тупика, в который мы сами себя загнали. Мы не хотим становиться лучше, мы не хотим отвечать за то, что превратили планету в сточную канаву. Нет, мы ведем себя как дети — закрываем глаза ладошками и ждем, пока придет кто-то и все наладит-починит-уберет, да еще требуем в то же время новых конфет и игрушек.

Мы ждем, что нанотехнологии все сделают за нас.

Но они не смогут сделать нас лучше.

Это мы должны сделать сами — чтобы потом не жалеть.

* * *

Конечно, если «нанореволюция» все же случится, это будет колоссальный прорыв. Человечество в самом деле может получить в свое распоряжение универсальное средство для решения множества проблем. Но готово ли человечество к обладанию этим средством? А главное — решая одни проблемы, нанореволюция неминуемо создаст другие (помните вы-

шеприведенные примеры с электричеством, химией и атомом?). Готовы ли мы к ним? Сможем — и захотим ли — мы заплатить цену, которую потребует от нас нанореволюция?

Думать об этом нужно сейчас. Ведь именно умением прогнозировать результаты своих действий человек отличается от животного.

Не настало ли время воспользоваться этим умением?

Атанде

Наконец-таки... Сейчас так модно писать: наконец-таки, написал-таки, прочитал-таки, таки да, таки нет. По-украински. От певца Верки Сердючки пошло: вот таки, мол, дела... Только я не знаю, нужно ли ставить дефис или не нужно... в таком современном обороте. Пусть редактор этого журнала сам ставит, как ему нужно, здесь дефис. Должен же он за что-то получить зарплату.

Так вот. Наконец-таки (или таки-наконец?) я добрался до рассказа Натальи Ключаревой под названием «Один год в Раю», опубликованного в журнале «Новый мир». Так и подписано – рассказ.

Все никак не мог из-за маловажных дел подступиться к лучшим образцам современной литературы. И отзывов, главное, много уже попало мне в френд-ленту в ЖЖ. И хороших... И даже плохие были... А сам я этот рассказ тогда еще не читал и собственного впечатления не имел. Теперь имею.

Впечатление такое.

Этот рассказ взят напрямую с сайта «Проза.ру». Причем взят с «Прозы.ру» текст подростка, склонного к гомосексуализму. А что? На этом сайте много именно такого плана текстов. Авторы-то разные бывают... Мне это известно, потому что я до того, как меня напечатал журнал «Октябрь», тоже размещал свои тексты на сайте «Проза.ру». И там я вынужден был знакомиться с произведениями других авторов. Иначе, если ты не будешь читать других авторов, и тебя никто не будет читать. Вот я и знакомился с текстами разных авторов, чтобы они мои тексты тоже читали

и оставляли мне комментарии. Это были 2002 и 2003 годы.

Я не знаю, кто такие тексты там пишет. Юноши это пишут или девушки. Вот, например, есть такая милая девушка Лена Одинокова, тоже писательница, но премию Юрия Казакова ей пока еще не дали. Так эта Лена на сайте «Проза.ру» носит псевдоним Упырь (это, должно быть, имя) Лихой (это, должно быть, фамилия) и тоже все там пишет от мужского лица и отчаянно ругается матом.

Она думает, что раз она теперь мужчина, то нужно ругаться матом побольше, чтоб никто не догадался. А Наталья Ключаревой, может быть, в «Новом мире» (этого я не знаю) и не дали подписываться мужским именем. Все же солидное издание, Твардовский когда-то руководил. Это они еще помнят.

И Ключаревой пришлось писать под своим именем. Но пишет она все равно от имени мужчины (хотя у нее, как я сказал, получается мальчик, похожий на девочку). И материться ей, как Лене Одиноковой на сайте «Проза.ру», в «Новом мире» уже не разрешили. И она подумала что?

Как бы так, она подумала, чтоб никто не догадался, и в то же время чтоб без мата?

Думала она. Это были ее творческие муки.

И нашла верный и беспронизыгранный ход! Она подумала, что раз у нее герой будет мужчина, а материться ему в «Новом мире» нельзя – престиж журнала и все такое... Тогда пусть он будет любить смотреть фильмы про войну. Гениально!..

Карасев Александр Владимирович родился в 1971 году. Окончил Кубанский государственный университет. Прозаик. Печатался в «Новом мире», «Октябре», «Дружбе народов», «Нашем современнике». Автор книги «Чеченские рассказы».

Вот это, я всегда говорю, – писательская удача.

Это только концовка рассказа Натальи Ключаревой: «Как только я переступил порог, карта России, будто ждала, стала медленно опадать на пол. Я подбежал и придержал ее руками. Нестерпимо хотелось курить. Я перевернулся так, что карта легла мне на плечи, прижал ее спиной и достал из кармана сигареты. За окном быстро темнело. Я курил, подпирая собой Родину. Торопиться мне было некуда».

Это была концовка. Но рассказ весь выполнен в таком именно ключе. Рассказ Ключаревой.

Я вот уже думаю... Может, я чего-то недопонимаю?

Напечатано в «Новом мире», получил премию Юрия Казакова.

Пусть мне кто-нибудь тогда объяснит. Это произведение литературы? Это рассказ? И это лучший рассказ, опубликованный в России в 2007 году?.. Или что это было?

Это теперь расцвет жанра «рассказ» уже начался?.. Роман, то есть, уже расцвел и ушел в книжный рынок. Ищем теперь рассказы, такие чтоб?

Или вот критик Игорь Фролов пишет, что автор Ключарева – это очень симпатичный автор. Смотрю на сайте «Журнальный зал» – действительно, ничего так. Мордашка... Довольно миловидная такая девушка.

То есть теперь писатель должен быть как певца. Чтобы он пока еще не пел, но на обложку его уже можно было поместить. А потом – пусть и поет. После дальнейшего витка современной литературы.

А то-то я и смотрю, чего это писатель Захар Прилепин на своей книжке «Грех» поместил свое лицо крупным планом... Правда, он в спешке позабыл побриться перед фотографированием – не учел ключевой исторический момент.

И мне ведь предлагали поместить в издательстве «Литературная Россия» на обложку фотографию!.. А я как-то и не додумал... Да нет, говорю, мол, и так сойдет... Вот сейчас думаю... Надо было поместить. У меня есть такая хорошая тоже фотка в погонах... А чего?.. Тоже неплохо. Это я был бы как певец из группы «Любэ».

Ему даже, этому певцу, орден не так давно вручили за песни. Видел по телеви-

зору. Или «За заслуги перед Отечеством», или орден Почета. Это уже я точно не помню. Расторгув, вспомнил, его фамилия.

Кстати, неплохая песня у него была: «Огурчики солены, а жизнь пошла...». Не помню, какая пошла жизнь, но помню, что эта песня нам нравилась в студенческие годы. Когда мы как раз водку в общезжитии запивали рассолом от тех огурчиков. Это был уже период правления Президента Ельцина.

А ведь критик Андрей Рудалев еще тогда, в 2003 году, когда мы с ним на форуме молодых писателей в Липках жили в одном номере, предлагал, чтобы девушек на форум принимали не по текстам, а по фотографиям. Он тогда уже это предвидел!.. А Наталья Ключарева, может быть, тогда еще ходила в школу и решала там какую-нибудь задачку по геометрии.

А вовнутрь книжки все равно народ если и посмотрит, так ничего и не поймет. Про Родину. Про войну. Про дедушку, который нас защитил от немцев, а бабушка его не любила. В этом месте народ пустит скупую слезу. Под Смоленском погиб дедушка. Значит, это хороший рассказ. Так подумает народ. То есть читатели этого рассказа. И в них начнет развиваться любовь к Родине.

Тогда я тоже согласен, что это нужный рассказ. Писатель, как пишет критик Василина Орлова, наконец вернулся к своей основной задаче – учить людей любить Родину. Я очень приветствую. Буду думать теперь, как перестроить свою писательскую деятельность тоже в этом ключе.

Хочу поблагодарить членов жюри премии Юрия Казакова за то, что они не оглядываются больше на этого самого Казакова. Именно поименно хочу поблагодарить за всю нашу родную русскую литературу. От народа, читателей и от писательского цеха, коллег Натальи Ключаревой.

А я еще думаю, отчего это писатели сейчас стыдятся называть себя писателями. Приличный вроде мужчина, чеченец вроде по национальности, говорит: «Я автор нескольких книг». Я, мол, не писатель, а просто автор, но нескольких книг.

Это оттого, что у нас пока в правильном ключе не было литературы. Теперь уже можно – когда Наталья Ключарева

пришла трудиться на ниве текстов – гордиться и говорить: я писатель. Я скажу этому автору нескольких книг, что «писатель» – теперь звучит гордо.

Так вот... Главное.

Спасибо от души всем членам жюри премии Юрия Казакова за лучший рассказ года!

Александру Лебедеву спасибо (президенту Благотворительного резервного фонда – то есть это он и платил деньги на премию), Афанасию Мамедову (прозаику и критику – тоже лауреату премии Юрия Казакова, но за позапрошлый год), Татьяне Набатниковой (прозаику и переводчику), Ольге Новиковой (тоже прозаику, переводчику, но еще и редактору отдела прозы журнала «Новый мир»), Сергею Костырко (председателю жюри, прозаику, критику и редактору электронной версии журнала «Новый мир», – то есть он самый главный у них – ему особенное, значит, спасибо), Леониду Костюкову... Этот просто литератор. Наверное, его там никто и не слушал среди таких тузов, но все равно и ему спасибо сердечное. А Андрею Василевскому (специальность не указана) спасибо, что он все скоординировал – он был координатором премии Юрия Казакова.

Кому он уже нужен, Юрий Казаков! Кто его сейчас будет читать?.. А тем более издаст, а потом чтоб еще и купили... Он что-то там туманное писал, никто уже и не помнит, про что. А нам нужно сейчас, чтоб все ясно. Вот как у Ключаревой: «Пил, смотрел “Балладу о солдате”, думал о деде, который без вести пропал под Смоленском». Все ясно и понятно. Выпил юноша и вспомнил деда, что он пропал без вести под Смоленском. Актуально и патристично.

Я предлагаю теперь переименовать премию имени Юрия Казакова в премию имени Натальи Ключаревой. А журнал «Новый мир» переименовать по-современному в «Проза.ру». Это «Новый мир» тогда был. При Твардовском и всяких там Казаковых. А сейчас ему нужно актуальное и молодежное название. «Проза.ру»! Оглядываться в прошлое мы не должны.

Предлагаю ходатайствовать перед Правительством России, чтобы товарищей А. Лебедева, А. Мамедова, Т. Набатникову, О. Новикову, С. Костырко, Л. Костюкова и А. Василевского наградили медалями А. Пушкина с формулировкой «За вклад в русскую литературу». В статуте этой медали как раз имеется необходимый пункт.

Пусть они как можно дольше продолжают самоотверженно трудиться на литературной ниве. И сами пишут, переводят, редактируют, координируют, и других писателей не забывают награждать.

А может быть, вместо медалей пора уже сказать этим достойнейшим литераторам, переводчикам и редакторам, как говорили карточные шулера, – атанде! Хватит... Пора уже, может быть, и остановиться?

Не слишком ли уже перебор, милые дамы и господа?

Если мы отбросим нелитературные предположения премиальных закулис и игру с симпатичным личиком бедной девочки, которой взрослые дяди и тети сказали, что она писательница, то это какой тогда нужно иметь художественный вкус, чтобы такую чудовищную пошлость называть лучшим рассказом года в России?

Конечно, в России стыдно быть писателем. Вышеупомянутый автор нескольких книг в чем-то прав.

Герман Садулаев

ЗОЛОТЫЕ СНЫ ОБ ИМПЕРИИ

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой...*

Пьер Жан Беранже

Не знаю, как насчет всего человеческого, но российское население старательно погружают в сон о несуществующей великой Империи. Всем уже понятно, что «жесткая» внешнеполитическая риторика, «демонстрация силы» в отношении ближайших соседей — спектакль, предназначенный для закрытого просмотра коренными народами. Иначе хотя бы одна акция была бы доведена до логического завершения. А так — науськиваем одураленных гопников пикетировать посольство Эстонии, но не предпринимая никаких государственных действий в отношении этой страны. Мечем громы и молнии в адрес грузинского президента и тут же первыми бежим поздравлять его с переизбранием. А в Давосе покорно кладем достояние родины к ногам мировой олигархии, обещая не пожалеть ничего, все отдать, до последней копейки, чтобы помочь западной экономике преодолеть кризис. Никто за границей уже не думает всерьез, что современная Россия может быть непослушной и опасной. Имперское шоу — для идиотов: сиречь собственных граждан.

Но самый благодатный материал для генерации золотых снов — еще недавнее советское прошлое страны. Потому что СССР, безусловно, был великой империей — даже если в глазах его противников он был империей зла. Для того сохранен советский гимн и другие побрякушки. И никого не волнует, что в отсутствие имперского содержания эти формальные атрибуты выглядят как золотая диадема на папуасе.

Массовое искусство тоже должно играть свою роль в усыплении народных масс. Но, одновременно, перед искусством стоит и другая задача: очернение советского строя. Обывателя стараются закошмарить «совком» по самое не хочу.

И эти две цели только кажутся противоречивыми. Они — часть одной технологии. Народ должен сладко грезить о своем великом прошлом, но не помышлять о реальном возрождении — о ужас! — социализма.

На одном из центральных каналов шел сериал «Громы». Простая жизненная история одной симпатичной семьи, строящей свое счастье в трудную эпоху застоя. Несомненно, в деталях творцы сериала усердно отработывали социально-политический заказ на очернение и закошмаривание. Тут и эпизод с жевательной резинкой: хулиганы вытаскивают у толстого малыша жвачку изо рта и, не

Садулаев Герман Умаралиевич родился в 1973 году в селе Шали Чечено-Ингушской АССР. Отец — чеченец. Мать — терская казачка. В 1989 году поехал в Ленинград поступать в университет с направлением на факультет журналистики от областной молодежной газеты, где публиковал очерки. В последний момент изменил решение и поступил на юридический факультет. Публиковался в журналах «Знамя», «Континент». Автор книг «Я — чеченец», «РадиоFUCK», «Таблетка» (последняя уже вошла в лонг-лист «Русского Букера»-2008)

брезгуя, делят и жуют ее. Конечно, такой дефицит и символ западной свободы. И выселение Громовых из служебной дворницкой квартиры, потому что к начальнику ЖЭКа вернулся из армии племянник. И многое еще (я смотрел кусками, долго выдержать не мог).

О соответствии историческим реалиям никто не заботится. И мне даже неловко бывает. Господа, вы, конечно, можете гнать туфту двадцатилетним, но я еще застал Советский Союз. И жевательная резинка у нас — представляете! — была. Мятная и апельсиновая, в пластинках. Стоила 15 копеек и продавалась в магазине без спецталонов. И хулиганы трясли скорее карманные деньги. А подбирать что-то из чужого рта сочли бы западло — простите мне мой французский.

Дворницкую жилплощадь у Громовых отобрать могли, не спорю. Но дали бы и другую, при устройстве на предприятие или учреждение. И работу найти было не сложно. А живи Настя Громова сейчас, ни на какую халупу ей рассчитывать бы не пришлось. И пошла бы Настя на панель, торговать юным телом, а братишки ее попрошайничали бы в метро или продавали наркотики.

И еще: вот садится младший Громов играть с товарищем в шахматы и обнажает свою мотивацию — Карпов шахматами заработал миллион долларов! Так и говорит. А год, судя по близящейся олимпиаде, 1979 или 1980. Ну не мог мальчик такое вымолвить! И сакрального словосочетания «миллион долларов» никто еще не знал. Почему долларов-то? Доллар тридцать семь копеек стоил. И ничего на него купить было нельзя — только в тюрьму сесть за фарцовку. Миллион рублей — вот это деньги были! Но и советских денег мальчик едва ли так алкал. Стать чемпионом мира — это да, это вполне подходящая мотивация. Живя в, как его учили, самой великой и лучшей стране мира, любой пацан стремился стать самым великим и лучшим в спорте ли, в науке или в музыке, например. А не сесть на мешок с деньгами.

Но полно о деталях. Примечательно другое.

Молодой гуру современной литературы, замечательный автор Захар Прилепин на встрече с читателями в гламурном питерском университете говорил, что на-

шему искусству нужны серьезные произведения о человеческой жизни, о любви, о семье. Мне запомнилось. Я и сам тоскую по сентиментальным в хорошем смысле вещичкам.

Предположим, авторы сериала «Громовы» затеяли именно такой фильм. Сагу о русской семье. Простую и душевную. Но почему такой сюжет естественно смотрится только в декорациях советской эпохи? Почему не снять историю семьи на современном российском материале?

Можно было бы?.. Да нет. Едва ли.

Я помню один удачный фильм о семье и любви — «Благословите женщину!». Действие происходит в советское время, в годы войны и после ее окончания. Мечтательная юность, любовь, верность, сострадание, чувство долга, преданность и дружба, профессиональная карьера и снова — любовь.

Представьте себе все то же самое, но в нулевые. Ну как?.. Правильно. Дешевое мыло, нелепый фарс.

В наше время повседневная жизнь обычных людей не обладает эпическим измерением. Это просто сутолока, борьба за существование, в котором самом нет явленного смысла, как нет и неявленного. Есть только здесь и сейчас — формула западной психологии. Это хорошо и удобно. Но нет глубины и перспективы, которые необходимы эпическому произведению.

Поэтому настоящая сага, даже баллада, роман — невозможны. Действительность адекватна на низшем уровне искусства скетчам про «нашу рашу», на высоком — абсурду и гротеску а-ля Сорокин, который именно сейчас живет всех живых.

Другое дело — империя. В империи люди живут семьями, даже не семьями — династиями. О династии можно сложить сагу и назвать ее просто фамилией — «Ивановы». Или «Громовы».

Империя исторична, она существует во времени, но время ее истории — вечность. Рим вечен. Он может быть только вечным — или не быть никаким.

И жизнь каждого гражданина вечно-го Рима — часть вечной истории. Его потомки и предки, все имеет смысл, имеет значение. Поэтому вопроса — нужно ли заводить семью? — не стоит. Или: сколько платить за второго ребенка? Удобная

child free life смотрится как парадокс и преступление.

Империя наполняет смыслом существование каждого человека. Империя бросает тень своего величия даже на тех, кто борется с ней! Поэтому Сахаров и Солженицын (бывший) останутся в истории как великие люди. А Касьянов и Каспаров — как клоуны. Потому что борьба с банановой республикой — занятие комичное, даже если становится трагедией для борющегося человека.

Это похоже на разницу между витезем, вызвавшим на бой сказочного дракона, и им же, но сражающимся с жабами. Полчища ядовитых жаб, возможно, даже опаснее для людей, чем крылатый дракон. Но эпики нет. И поэтики нет. Представьте себе гравюру: святой Егорий, пронзающий копьем лягуху. Не вдохновляет.

Да и не пронзит: завалят бородавчатыми телами, отравят мерзкой слизью и похоронят под собой бесславно. Это только с драконами можно так: красиво паразитить в самое сердце! А у полчища жаб нету сердца. Раздавишь одну-другую — только грязь разведешь, сам же и вымажешься по уши, да так, что не отмыться будет.

А вот еще мысли, навеянные сериалом да воспоминаниями о жизни родителей и их поколения.

С самого начала реформ нам внушали, что «хомо советикус» — существо инфантильное, безответственное, взвалившее груз своих личных проблем на патерналистское государство. Дескать, потому и тормозятся преобразования. А шоковая терапия и сопутствующая ей «селекция» (геноцид) должны вызвать к жизни нового человека, такого из себя активного и предприимчивого.

Помилуйте снова, где ж инфантильность-то? Это Настя Громова, забравшая брата из детского дома, потому что «у него есть семья!», взвалившая на себя груз заботы о младших, — инфантильна и безответственна? Или мой отец, с шестнадцати лет работавший на тракторе, а к тридцати годам ставший руководителем совхоза, где он даже зеркальных карпов умудрялся разводить, — пассивный и не предприимчивый?

Напротив. Гражданин империи очень ответственно относится к своей жизни.

Он берет на себя ответственность не только за себя, но и за детей, которых не боится плодить, и за всю страну.

Это мы инфантильны. Купили себе китайские шмотки, иномарки в кредит, слетали в Египет, сегодня выпили-погуляли, сходили в кино, а завтра хоть трава не расти. Дети? О нет! Дети — это хуже чем социализм. В крайнем случае, один ребенок. На троих (считая любовницу).

Или вот про собственность. Советский человек, он же был такой нищий! Раньше все, абсолютно все были бедными! А теперь хотя бы некоторые могут быть богачами. И мы должны им не завидовать, а наоборот — радоваться должны. Потому что, значит, и мы можем стать богачами. Теоретически.

Хм... Средний советский человек (нищий инженер) к сорока годам имел: а) благоустроенную квартиру в городе; б) загородный дом с участком; в) автомобиль (да, «жигули», но — избавьтесь от абстракции времени — в семидесятые нигде не было современных комфортных машин, просто технология еще не дошла, Европа ездила на всяких «фиатах», которые были только чуть лучше «жигулей»); г) троих детей, посещающих музыкальную школу и спортивные секции, а потом поступающих в институт; д) определенную денежную сумму на сберкнижке.

Это и была наша American dream, воплощенная. Только мы этого не понимали. Нам не хватало ста сортов колбасы и брюк из джинсовой ткани.

Теперь у нас есть колбаса и джинсы. А больше ничего нет. И к сорока годам мы такие же оборванцы, живущие моментом, как в двадцать. А когда мы умрем, то оставим в наследство только недовыплаченные кредиты за все, чем пользовались, — от квартиры до микроволновки.

И подробнее о сберкнижках. Я всегда об этом пишу и говорю. Потому что Карфаген должен быть разрушен. А вклады нужно вернуть.

Это и есть — священное право собственности. Никто не имеет права отнять у меня мои деньги. Если отнял, то его нужно поймать и посадить в тюрьму, потому что он вор. А деньги вернуть. Это мои деньги, и никто не может их взять, ни для мира-во-всем-мире, ни для рыночных реформ. Это и называется священным

правом собственности, краеугольным камнем цивилизованного общества, как нас учат сейчас.

Если краеугольный — тогда верните деньги, Остап!

Помню, Вл. Сурков, позвав нас, молодых писателей, в Кремль, битый час оправдывался, объяснял, что Ходорковско-го замочили не зря, а потому что так было нужно для суверенной демократии. Он думал, для нас это очень важно. Он боялся, что мы как протестная интеллигенция сейчас выйдем на улицы строить баррикады и защищать «Юкос». И читателей поведем. Он распинался, а мы ску-чали.

Да мне глубоко и параллельно, что одни буржуины забрали у другого мешок нефтяных вышек. Easy comes, easy goes. Как дали, так и взяли. Он же не по крохам копил, годами недоедая.

А вот рублики, потом пропитанные, от детишек оторванные ради их же, детишек, будущего да на старость и смерть отложенные, в сберкассе снесенные, — будьте любезны старикам нашим вернуть! По реальному курсу, с извинениями и процентами, набежавшими за годы пользования чужими денежными средствами, согласно действующему гражданскому законодательству.

С этого и начнется у нас построение цивилизованного общества да возрождение Великой России. А до той поры мы — доисторическое сборище примитивных племен антропофагов, которые скушали своих дедушек и бабушек, пустили их на колбасу, потому что у нас вот теперь новый вождь и настало счастливое время. А они все равно старые, охотиться не могут и постоять за себя не в силах.

Было время, либералы и демократы повторяли, что очищение и возрождение страны должно начаться со всеобщего покаяния в грехах советского строя. Я всегда это себе очень плохо представлял. Что, мы должны выйти на улицы в рубищах и хлестать себя банными вениками? И в чем каяться? Нашим родителям, которые в ОГПУ не служили, в том, что поднимали целину, строили БАМ, отправили человека в космос и спасли мир от фашизма?

Неленая идея.

А вот кто должен покаяться — так это новая власть. Да не словами, слова ничего не стоят. Лучше денежки вернуть. Вернуть старикам их гробовые.

Тогда сразу, в момент, солнце воссияет, и Россия будет — империя! Империя добра и справедливости. Цивилизованная, со священным правом собственности. И если кто такой хороший и умный, что на целый «Юкос» себе заработает, то и «Юкос» у него отнимать уже не станут — народ не даст! Потому что право собственности священо, только когда оно священо для всех. А если можно у миллиона отнять по одному рублю, так почему же у одного нельзя отнять миллиона рублей?

Пока же хоть за шельфы Арктики войю, хоть у грузин казино отнимай — не поверит история в наше величие. Все одно напишут в скрижалях: медведь-воевода, Топтыгин Третий, чижики съел!

Страна наша бедная и слабая, об империи — только сны.

Позволю нескромность, сам себя процитирую. Такими строками заканчивается моя первая книжка: поэтому я оставляю тебя, мой дорогой читатель, и отправляюсь спать. Разбудите меня к обеду. Или когда все это кончится.

Герман Светозаров

ПОКЛОНЕНИЕ ЧЕРЕПУ В ЦИВИЛИЗАЦИИ АТЛАНТОВ

Известный чилийский философ Мигель Серрано в одной из своих работ писал: «Наше видение мира, наше мировоззрение просто и грандиозно — это космическая война». А если так, то фронт «космической войны» в геополитике — это

противостояние Евразии и Атлантики. И частью подобного противостояния является поп-культурная «окультурная война» США против Европы и России-Евразии.

Вряд ли у кого-то из здравомыслящих людей есть сегодня сомнения в том, что

Голливуд — это не просто «фабрика грез», новый «опиум для народа» или, если угодно, культурный центр, но и эффективный инструмент идеологической пропаганды. Голливудскую продукцию можно было бы рассматривать как «всего лишь искусство», если бы не навязчиво и бесконечно повторяющиеся одни и те же сюжеты и идеологические тренды. Безусловно, базовых сюжетов не так уж много: по некоторым подсчетам — всего лишь четыре, плюс комбинации. Тем не менее, с точки зрения «чистого искусства» довольно сложно ответить на такой простой геополитический вопрос: если фильм посвящен предотвращению очередного завоевания мира силами зла, почему в их роли с неизбежностью выступают мусульмане, немцы и русские?

Для всех, кто знаком с азами геополитики, никакого секрета нет. Мусульманские страны (Иран, Ирак и др.) — препятствие на пути к всемирной гегемонии США, *Rax Americana*, а также — источники сырья, которые необходимо контролировать; Германия — основная сила в Объединенной Европе (т. е. потенциальная соперница США); Россия доминирует в Евразии и противостоит расширению НАТО. Разумеется, русские, немцы и арабы гораздо лучше подходят для роли злодеев, чем соседние мексиканцы или канадцы.

Противостояние профессора археологии Индианы Джонса и нацистов, а также характерное «одесское» осмеяние важнейших евразийских тем сменились борьбой с «рукой Москвы» и «кровавой гэбней».

С успехом демонстрирующийся по всему миру фильм «Индиана Джонс и королевство хрустального черепа» также не стал «геополитическим исключением». События фильма разворачиваются в 1957 году: по мысли режиссера, в то время как все человечество затаив дыхание наблюдало за полетом первого искусственного спутника Земли, русские агенты КГБ (в униформе, стилизованной под нацистские штурмовые отряды) пытались завладеть магическим артефактом, дарующим колоссальную власть.

Любопытен, конечно, не сюжет, а сам факт, что, как только Россия вновь устремилась к былому величию, Голливуд вер-

нулся к выпуску фильмов, ранее классифицировавшихся как «антисоветские». Говоря «антисоветские», подразумеваем, конечно, «антирусские». По крайней мере, если следовать аргументации известного антисоветского политолога Збигнева Бжезинского, в своих работах (см., например, его книгу «Великая шахматная доска») не раз указывавшего на определенную тождественность двух понятий. Стоит, однако, уточнить: «антирусские» стоит сегодня понимать как «антиевразийские», так как врагами американцев выступают и украинцы, и татары, и евреи.

Само слово «Индиана» напоминает «бондиану», и это не случайно. Сюжет предыдущих трех фильмов о приключениях профессора Джонса всем прекрасно известен, однако 19 лет назад мало кто расценил появление Шона Коннери (наиболее известного исполнителя роли агента 007) как знаковое. Тем не менее, это так — Стивен Спилберг неявно подчеркнул преемственность двух персонажей, сделав Коннери Джонсом-старшим в третьей серии эпопеи.

В этой связи интересно проанализировать не столько фильмы о Джонсе (их и так все неплохо помнят), но историю появления фильмов о Джеймсе Бонде. Напомним, что первый фильм, «Доктор Ноу», появился в 1962 году. За год до этого, в 1961-ом, британскую разведку потряс ряд скандалов, связанных с разоблачением советской агентуры, т. н. «коминтерновской пятерки». Приверженность одних высокопоставленных сотрудников британских спецслужб коммунистическим идеалам (Филби) и других — гомосексуализму и алкоголизму (Берджесс, МакЛин) создавала негативный имидж британской разведки в глазах мирового сообщества. Необходимо было как-то исправить ситуацию, было принято решение экранизировать некоторые из выходявших с 1953 года книг бывшего сотрудника разведки Яна Флеминга о суперагенте Джеймсе Бонде. Те, кому не повезло читать романы Флеминга, знают, что они не более интересны, чем книги Юлиана Семенова. Тем не менее, в качестве основы для сценария все это вполне подходило.

Агент Джеймс Бонд, чей образ базировался на приятеле-ботанике Флеминга, на оккультисте Алистере Кроули и на

иных безобидных персонажах, в фильме, как известно, предстает всепобеждающим мачо. Впоследствии этот момент сыграл негативную роль: психологи упрекнули главного героя в скрытом гомосексуализме (вполне типичном, впрочем, для англичан), маскируемом главным героем от самого себя посредством многочисленных побед над женщинами. С другой стороны, женские организации посчитали пропаганду подобного типажа оскорбительной и выразили протест.

«Бондиана» не так давно была перезапущена — ее «антисоветские» сюжеты еще впереди. Сегодня весь мир смотрит нового «Индиану». Профессор Джонс

спасает хрустальный череп из рук «агентов КГБ», Атлантика переигрывает Евразию... Они так видят. Они так снимают.

Но задумаемся: нужен ли был нам, русским, евразийцам, этот самый «хрустальный череп»? Мертвая голова,местилище радио? Да мы никогда и не охотились за ним! Он — тот фетиш, что интересен лишь Западу. Недаром Запад так часто выбирал его своим символом (английские пираты, масоны шотландского обряда, СС). Что ж, забирайте! Не жалко. В Евразии есть свои символы, свои «священные артефакты». Но — пустым черепам с мухами внутри их не понять никогда.

Точка зрения

Владимир Ярцев

КТО В РОССИИ ВСЕХ ГЛАВНЕЕ

Некоторое время назад стартовал общенациональный конкурс «Имя Россия» – впрочем, рекламу его вы уже наверняка видели. Организаторами конкурса выступили телеканал «Россия», Институт российской истории РАН и фонд «Общественное мнение». Цель этого мероприятия – ни больше ни меньше как определить главного героя отечественной истории. В число кандидатов на место «главного» вошли политики и ученые, писатели и композиторы, военачальники и деятели церкви. Голосование осуществляется на специальном сайте – достаточно щелкнуть на изображение исторической фигуры, и ваш голос засчитан. Сейчас выбор осуществляется из полусотни кандидатов – к сентябрю их останется двенадцать, после чего организаторы обещают «феерические ток-шоу в лучшее эфирное время на телеканале “Россия”», точнее дискуссии о вкладе кандидатов в историю страны. Ну и, конечно, финал будет как в стародавнем фильме «Горец»: «остаться должен только один».

Но что значит «главный герой отечественной истории»? Чем Блок главнее Пушкина, а Николай II – Андрея Рублева?

«Кто из кандидатов подлинный герой, а кто занимает чужое место? Решать Вам и только Вам» — сказано на главной странице сайта. Простите – но если эти имена отобрали сами организаторы, то как среди них могут оказаться «занимающие чужое место»? И, в конце концов, что значит сама эта фраза о занятии чужого места – разве Чехов занимал место Циолковского?

Неестественный отбор

Критерии, по которым были отобраны именно эти претенденты, совершенно непонятны. Точно так же непонятны критерии, по которым голосующие должны делать выбор: как можно выбрать между Сергием Радонежским и Менделеевым? Пока такие критерии не определены, «выбор» превращается в дурацкую иллюстрацию к детской загадке – если слон на кита напрыгнет, то кто кого заборет? Вот и гадай – заборет Сахаров Чайковского, или наоборот?

Не менее интересен, например, выбор между Ушаковым, Суворовым и Кутузовым – как определить, кто главнее? Думаю, если бы этим великим людям задали такой гнусный вопрос – они бы, не сговариваясь, вложили такому спрашивальщику ума.

Веселая арифметика

Правила голосования поражают своеобразием: «голосуйте неограниченное количество раз за любого из персонажей, представленных на сайте», призывают организаторы. Странное дело – выходит, голос одного человека, щелкнувшего тысячу раз на фамилии своего фаворита, перевесит голоса 999 других людей?

Но вот голосование началось. На момент написания статьи первое место с большим отрывом занимает Сталин. На втором месте – Николай II (чуть ранее был Высоцкий), на третьем – Ленин. Организаторы на лидерство Сталина ре-

агируют странно – правила менять отказываются, но вместе с тем «голосующих неправильно» поливают грязью: мол, «нечестное голосование» обеспечило «не слишком честное лидерство». А почему, простите, голосование нечестное, если в полной мере соответствует правилам?

Передвижная история

Не может не броситься в глаза самая первая, заглавная строка главной страницы сайта: «История в движении». В принципе, уже одного этого лозунга достаточно, чтобы насторожиться. Ведь история – это такая штука, которая двигаться должна как можно меньше. Не случайно постоянно слышатся упреки (и совершенно оправданные) в ее, истории, переписывании. Потому как ничем хорошим это движение не заканчивается.

История – это фундамент наших представлений о современности, основа нашего отношения к окружающему миру. Приведение же истории «в движение» всегда заканчивается скверно: стоит только хорошенько распространить байки о том, что «эта земля всегда принадлежала нам, а не вам», или «нас не присоединили, а завоевали», – и готов конфликт. Казалось бы, мелочи, давно это было и неправда – а люди, еще вчера улыбавшиеся тебе при встрече, ныне уже вострят ножи. Оторвитесь от сериала, вспомните, что творилось полтора-два десятилетия назад на Кавказе и в Средней Азии, тем более что и в памяти особо копать не нужно: во многих местах по сию пору «горячо». А ведь начиналось именно с того, что кое-кто немножечко «двигал историю»: там границу чуть-чуть перенесут, тут деревню переименуют – и пошло-поехало, полстраны в руинах.

Только ленивый не сетует на то, что дети нынче истории не знают, – а что вы хотели? Кто же ее будет знать, если сегодня у нас «главной исторической фигурой» будет, например, Есенин, а завтра – Ельцин?

Наши – не наши

Кстати, национальный вопрос затронут совершенно не случайно. «Педа-

лировать» его голосующие начали практически сразу же. Мол, как может Сталин быть «главным», если он не русский? Но вот продолжить аналогию и поинтересоваться, на каком основании в списке пребывают Романовы с их немецкими корнями или Рюрик, такие «радетели за чистоту», только позорящие народ, не спешат. Хотя на самом деле подобная постановка вопроса заведомо неверна – вернее даже, она просто преступна. Потому как она в корне противоречит тому ключевому отличию России от большинства прочих стран, которое заключалось как раз в том, что на национальность-то никогда особого внимания не обращали. Иначе не была бы Россия великой державой, в которой не пропали даже самые малочисленные народы.

Есть и еще одно очень тревожное следствие. Хотя конкурс называется «Имя Россия», все активнее начинают проявляться местечковые настроения – мол, будем голосовать за кандидата только потому, что он наш, местный. В Курске призывают голосовать за Хрущева, в Тюмени – за Менделеева, в Рыбинске собираются провести организованное (!) голосование за адмирала Ушакова...

То есть «движение истории» уже началось, и происходит оно совсем не в правильном направлении. Зерно «общенационального конкурса» того и гляди пробьется ростком региональной нетерпимости.

Фигура умолчания

Но хуже всего то, что предлагаемый нам «выбор» заведомо неправильный. Потому что нет среди претендентов на звание «главной исторической фигуры» единственного настоящего кандидата. Того самого кандидата, из которого вышли все претенденты. Того самого кандидата, без которого все остальные не значат ровным счетом ничего. Того кандидата, который любители рейтингов воспринимают лишь в качестве кормовой базы.

Имя этому кандидату – НАРОД.

Но вносить российский народ в список главных действующих лиц российской истории никто не попытается...

Человеку с мозгами алкоголь не нужен

Известная в народе пословица «От сумы и тюрьмы не зарекайся» уже давно требует дополнения «от сумы, от тюрьмы и от пьянства». Впрочем, от пьянства в первую очередь: и бедность, и преступления часто бывают прямым следствием алкоголизма. В России более половины преступлений совершается под влиянием алкоголя, а основная масса бездомных людей – пьяницы. 60% мужчин, погибших в результате несчастных случаев, были пьяны. Страшная статистика, страшная и своей обыденностью. Мы все давно привыкли к тому, что Россия – пьющая страна. И лишь когда горе приходит в родную семью, понимаем, какая это напасть – алкоголизм.

Когда близкий, любимый человек на глазах превращается в чудовище, скатываясь все ниже и ниже, теряя здоровье, совесть, работу и человеческий вид, родные готовы на все, на любые деньги и методы, лишь бы остановить беду. Но средства, которые предлагает официальная медицина, не всегда бывают действенны. И алкоголик, даже «завязавший», остается больным человеком, срыв может произойти в любой момент.

Свой взгляд на проблему алкоголизма и методику эффективного лечения болезни сегодня предлагает читателям известный травник, кандидат биологических наук **Михаил Викторович Гордеев**.

– **Михаил Викторович, что такое алкоголизм – болезнь или пагубная привычка, и почему человек становится алкоголиком?**

– Алкоголизм – это болезнь, которую вызывают множество причин. Почему человек становится алкоголиком? Тяжелая жизнь, дурная компания – слишком примитивные ответы. Плохая наследственность – можно сказать и так, если говорить о наследственных болезнях, вызывающих пристрастие к выпивке.

Одной из основных причин, вызывающих алкоголизм, я считаю нарушение мозгового кровообращения. Плохое мозговое кровообращение вызывает внутренний дискомфорт: тревожность, агрессивность, суицидальные мысли.

На современного человека обрушивается поток информации, он постоянно подвергается стрессам и испытаниям. Здоровый индивид, простите за высокопарность, всегда находит в себе силы изменить то, что в его силах; принять то, что не в силах изменить; и мудрость, чтобы отличить первое от второго. Люди с «нормальными мозгами» ставят себе реальные цели и философски относятся к событиям, которые не зависят от их воли.

К сожалению, очень много факторов, ведущих к нарушению правильного снабжения мозга кислородом и питательными веществами. К ним относятся и неблагоприятное течение внутриутробного периода развития, и осложненные роды, и травмы, и возрастная зашлакованность сосудов. Человек с нарушенным мозговым кровообращением не справляется с потоком информации, накапливает негативные эмоции, у него возрастают тревожность и нервозность, появляется потребность на время отключиться от проблем. И обязательно найдется тот, кто предложит полечиться традиционным российским способом – водочкой. Как правило, алкоголь используют для того, чтобы приглушить хотя бы на время информационный шум, оказаться в расслабленном псевдокомфортном состоянии.

Чтобы избавиться от пагубной зависимости, нужно восстанавливать нормальное мозговое кровообращение. Правильная работа мозга – залог позитивного, конструктивного настроя человека.

– **Чем отличается ваша методика лечения алкоголизма от множества других?**

здоровье

– Что делают неопытные травники? Они дают больному или его родственникам травы, которые при взаимодействии с алкоголем провоцируют рвоту. Травы эти – токсиканты, вызывают сильнейшее отравление организма и действительно отбивают тягу к алкоголю, но не устраняют причину алкоголизма.

Отвращение к алкоголю, вызванное лечением рвотными травами и другими кардинально быстрыми методами, может привести к усугублению психологического кризиса у больного вплоть до помешательства и суицида.

Антиалкогольная программа должна быть нацелена на оздоровление всего организма. Здоровому человеку нет необходимости принимать алкоголь.

– Алкоголизм – болезнь, которой страдают и мужчины, и женщины. Методика лечения мужского и женского алкоголизма одна и та же, или есть особенности?

Женский алкоголизм – это особая тема. То, что женский алкоголизм отличается от мужского, замечено давно. Но официальная медицина больше обращает внимание на то, что женщине требуется меньше времени и меньшее количество алкоголя по сравнению с мужчиной, чтобы спиться. Женщины тяжелее поддаются лечению. Женщина-алкоголик больше осуждается окружением. Все это общеизвестные факты. Я же различаю причины, которые толкают мужчин и женщин к выпивке.

Вряд ли кто-то осмелится оспаривать тот факт, что главной жизненной ценностью всегда была и будет любовь. Космическое предназначение женщины – любить и рожать детей, продолжать жизнь. К сожалению, современный темп жизни, стрессы, неблагоприятная экология подрывают прежде всего гормональный статус, нарушают работу детородной системы, превращают женщину в бесполое и неудовлетворенное жизнью существо.

Известно, что спирт обладает гормоностимулирующим действием. Алкоголь способен повышать в крови уровень эстрагенов. Регулярно употребляя алкоголь, женщина зачастую активизирует свою «ленивую» гормональную систему.

Как это ни парадоксально звучит, женщина, начинающая злоупотреблять

«беленькой», подсознательно пытается вернуть утраченную женственность, вновь стать желанной и любимой.

Под влиянием алкоголя раскрепощается и поведение. Себе самой выпивающая дама кажется неотразимой и привлекательной. Исчезают тревоги и волнения, на секунды жизнь вновь обретает краски. А наутро помятое лицо, отекающие глаза, мутный взгляд и раскаяние... до следующей рюмки и шальной мысли: гори оно все синим пламенем, хочу вновь ощущать себя Женщиной!

Не нужно объяснять, что алкоголь проблему недостаточного гормонального статуса не решает, выпивающая дама очень быстро скатывается до состояния и вида, которые у окружающих вызывают только безразличие и возмущение, а пьяный угар еще больше нарушает саморегуляцию организма.

Естественно, лечение алкоголизма у таких пациенток должно включать в себя восстановление гормональной системы. Женщина со сбалансированной гормональной системой всегда нацелена на жизнь, на любовь, на успех. Ее энергетики хватает сполна, чтобы справляться со стрессами и напряжением, не прибегая к алкоголю.

Другое дело, что восстановление нарушенной функции – задача весьма деликатная. Гормональная система – хрупкая и тонкая конструкция. Глушить ее сильными химическими веществами сродни попыткам отремонтировать сложную технику дубинкой дикаря. Применение химиотерапии может вызвать еще большие нарушения.

Мы стараемся с помощью трав восстановить у наших пациенток нарушенный гормональный баланс, возвращая женщине ее первозданную привлекательность и сексуальность. У здоровой женщины неистребимо желание нравиться, красиво одеваться, быть любимой. Такая женщина всегда окружена восхищением и обожанием, от нее невозможно уйти, она привораживает своей энергетикой. И алкоголь ей не нужен, она сама как молодое игристое вино.

– А в чем тогда истоки мужского алкоголизма, неужели они тоже подсознательно стремятся повысить уровень эстрагенов?

– На мужчин алкоголь оказывает обратное действие – уровень мужских гормонов уменьшается, от небольших доз мужчина становится спокойнее и расслабленнее. Поскольку алкоголь притупляет чувствительность нервных окончаний, снижается и напряженность, мужчина не думает о проблемах, живет сегодняшним днем. Сужается зона социальной ответственности, уходят страхи и тревога, появляется чувство удовлетворения и комфорта, – таким образом и формируется привычка снимать стрессы выпивкой. Действие алкоголя на личность и психику разрушительно, привычка снимать стресс подобным образом очень быстро перерастает в болезнь, при которой все интересы человека направлены на поиск горячительных напитков.

Помимо восстановления мозгового кровообращения, снятия излишней тревожности и выработки стойкой неприязни к алкоголю, необходимо поддерживать достаточный уровень тестостерона. Что такое тестостерон? Это гормон лидерства. Мужчина с хорошим уровнем тестостерона в крови всегда стремится быть первым: изобретать, открывать мир, самосовершенствоваться, ставить цели и побеждать. Такой мужчина никогда не опустится до состояния спившегося существа.

– Получается, что определяющий фактор в развитии алкогольной зависимости находится «ниже пояса»?

– Нет. Причина развития алкоголизма, как и большинства болезней, – это сбой в работе всего организма. И прежде всего в нарушении мозгового кровообращения. Мозг – это штаб, который командует всеми системами, в том числе и гормональной. Поэтому лечение требует времени, но ведь и зависимость от алкоголя формируется годами.

– Что необходимо, чтобы реабилитационный процесс прошел успешно?

– Прежде всего, желание человека выздороветь. А чтобы ускорить реабилитационный процесс, нужно обязательно восстановить работу внутренних органов. Если до этого мы говорили о причинах, которые подталкивают человека к выпивке, то теперь остановимся на проблемах, которые являются следствием неумеренного употребления спиртосодержащих напитков.

Регулярное употребление больших доз алкоголя пагубно сказывается на всем организме. В первую очередь страдают почки и печень.

Алкогольная болезнь может сопровождаться инфекцией мочевых путей и развитием пиелонефрита. Это поражение развивается в связи со снижением функции иммунной защиты под воздействием алкоголя.

При приеме необычно больших доз алкоголя, когда речь идет об алкогольном отравлении, развивается некронефроз. Эта форма заболевания бывает связана только с алкогольным эксцессом. Поражаются канальцы почек, в эпителии канальцев происходят дистрофические изменения вплоть до развития некрозов, слущивание клеток эпителия в просвет канальцев. Почки перестают выводить из организма шлаки и кислоты. В организме накапливаются соли и другие продукты распада, которые начинают угнетать всю систему. Человек находится в состоянии перманентного отравления, пьяной одури. Чтобы побороть алкогольную зависимость, необходимо успешно провести детоксикацию, снять тяжелое похмелье, восстановить работу почек и печени.

Именно печень является второй «мишенью» спиртного. В ней под воздействием ферментов происходит расщепление алкоголя. Если скорость поступления алкоголя в клетки печени выше скорости его распада, то происходит накопление, ведущее к поражению клеток печени. Алкоголь нарушает структуру клеток печени, приводя к перерождению ее тканей. При систематических употреблениях спиртных напитков жировые изменения в клетках печени приводят к омертвлению печеночной ткани – развивается цирроз печени, весьма грозное заболевание, почти всегда сопровождающее хронический алкоголизм.

Систематическое употребление высоких доз алкоголя наносит непоправимый вред всему пищеварительному тракту. При систематическом употреблении алкоголя изменения в желудке обнаруживаются более чем у 95% злоупотребляющих горячительными напитками. Есть основания считать, что подобные изменения играют не последнюю роль в развитии язвы желудка. Алкоголь убивает и полез-

ную флору кишечника. В результате воспаления печени и поджелудочной железы пища, и без того нерегулярно попадающая в организм алкоголика, неправильно переваривается, разлагается в кишечнике, образуя токсины пищевого происхождения; возникает так называемый вторичный токсикоз.

Внутренний дискомфорт, который испытывает алкоголик, настолько велик, что желание притупить болевые ощущения вновь подталкивает его к рюмке. Возникает порочный круг. Поэтому восстановление организма – обяза-

тельное условие успешной реабилитации больного.

Хочется еще раз подчеркнуть, что методика лечения алкоголизма должна быть продуманной. Прежде всего, необходимо устранить причины (плохое мозговое кровообращение, гормональный дисбаланс, тревожность), которые подтолкнули человека к выпивке, провести детоксикацию и восстановление всего организма. Только в этом случае гарантировано выздоровление – возвращение в жизнь полноценного, здорового человека, способного творить и радоваться жизни.

В ежедневном бою за свободу

О профилактике зависимости от наркотических средств и психотропных веществ

«...То, что эти счастливые юноши принимали за действительность, была мечта, но мечта такая сладостная, такая упоительная, такая страстная, что они продавали за нее душу и тело тому, кто дарил ее им, повиновались ему как богу, шли на край света убивать указанную им жертву и безропотно умирали мучительной смертью в надежде, что это лишь переход к той блаженной жизни, которую им сулила священная трава.

– Так это гашиш! – воскликнул Франц. – Я слышал о нем.

– Вот именно, это гашиш, самый лучший, самый чистый александрийский гашиш, от Абугора, несравненного мастера, великого человека, которому следовало бы выстроить дворец с надписью “Продавцу счастья – благодарное человечество”.

– А знаете, – сказал Франц, мне хочется самому убедиться в справедливости ваших похвал...»

Так писал Александр Дюма в любимой миллионами подростков книге «Граф Монте-Кристо». С тех пор изменилось отношение человечества к наркотикам, но не изменились свойства психоактивных веществ (ПАВ) – они по-прежнему убивают. «Продавцы счастья», не дожидаясь благодарности, сами строят себе дворцы на деньги, полученные в обмен на мучительную смерть. А человечество в ответ строит не дворцы, а больницы и диспансеры, – чтобы выжить как вид.

Будущее нации во многом зависит от численности населения, его здоровья и возможности воспроизводить здоровое потомство. На протяжении последних 10-12 лет отмечается резкое сокращение численности населения, причем преимущественно трудоспособного. Это сокращение сопровождается нарастающим ухудшением здоровья граждан, прежде всего детей. Помимо объективных причин ухудшения здоровья, какими являются

проблемы экологии, экономическая нестабильность, некачественное питание, значительную роль играют и субъективные причины, в том числе употребление психоактивных веществ, стремительный рост алкоголизма, особенно пивного, распространение некачественных спиртных напитков.

Сегодняшнюю ситуацию с распространением наркологических расстройств специалисты склонны рассматривать как близкую к эпидемической. К сожалению, наряду с химической зависимостью взрослых наркомания, токсикомания, алкоголизм детского возраста составляют сегодня отдельную большую и реальную проблему. В силу того что организм ребенка чрезвычайно чувствителен к любым воздействиям, влияние наркотика, токсичного вещества, алкоголя гораздо страшнее по последствиям. Отдельно стоит сегодня острая социальная проблема – судьбы детей, чьи матери злоупотребляют психоактивными веществами и алкоголем.

КРАСНОРЕЧИЕ ЦИФР

Статистика красноречивей любых литературных образов и журналистских воззваний.

Всего на наркологическом учете на 1 января 2008 года состояло более 80 тысяч человек, каждый пятый из которых – несовершеннолетний.

Основная масса детей и подростков, взятых на учет, – это потребители алкоголя и токсических веществ.

Заболеваемость наркоманиями в детско-подростковой среде выросла в сравнении с 2005 годом на 14,3%, а с 2006 годом – в 2,7 раза.

Заболеваемость токсикоманиями в 2007 году снизилась на 27,0% в сравнении

с 2005 годом, а в сравнении с 2006 годом снизилась на 6,9%. Однако отмечается рост заболеваемости хроническим алкоголизмом в сравнении с 2005 годом на 26,1%, а с 2006 годом – на 7,4%, что отражает сложившуюся ситуацию роста показателей заболеваемости хроническим алкоголизмом среди взрослого населения.

Наиболее высокий уровень распространенности злоупотребления психоактивными веществами в городах: Уфа, Баймак, Октябрьский, Туймазы; районах: Федоровский, Мишкинский, Бижбулякский.

Из числа несовершеннолетних, состоящих на учете в наркологической службе республики, 74% приходится на жителей г. Уфы.

В структуре наркологических заболеваний в 2007 г. большинство составляют больные токсикоманией – 79,3%, затем хроническим алкоголизмом – 17,2%, и наркоманией – 3,4%.

В группе профилактического учета на первом месте – потребители алкоголя (89%), затем потребители токсических веществ (9,8%), потребители наркотических средств (1,2%).

Увеличение числа несовершеннолетних, состоящих на наркологическом учете, происходит в основном за счет лиц, употребляющих алкоголь.

Из всех состоящих на учете несовершеннолетних 88,2% приходится на возраст от 15 до 17 лет, 11,6% – на возраст от 10 до 14 лет, 0,2% – на возраст до 10 лет. Удельный вес лиц мужского пола составляет в среднем 76,92%. Из числа несовершеннолетних, состоящих на наркологическом учете, 21,5% – из социально неблагополучных семей.

Из лиц, употребляющих спиртные напитки, растет число потребителей пива, а оно считается «входными воротами» в хронический алкоголизм. Пивной алкоголизм формируется дольше, но течение заболевания тяжелее ввиду присоединения вторичных осложнений. Начав с пива, несовершеннолетние впоследствии переходят на употребление более крепких спиртных напитков.

На первом месте среди несовершеннолетних, страдающих токсикоманией, находятся лица, употребляющие летучие растворители. Доступность, низкая сто-

имость, удобная упаковка и особая форма опьянения – токсикоманы как будто смотрят мультки – привлекают детей. Следует отметить, что многие из них из малообеспеченных семей и употребление токсических веществ объясняют чисто экономическими соображениями. Средства промышленной и бытовой химии часто являются первыми веществами, которые употребляют дети и младшие подростки. Подростки более старшего возраста через 1-2 года прекращают ингаляции, чаще с переходом к более «серьезным» наркотикам.

Большую часть наркозависимого контингента составляют лица, употребляющие каннабиноиды. Актуальным остается употребление насвая, учитывая случаи добавления в него препаратов опиоидного ряда.

УБИТЬ ДРАКОНА

Республиканский наркологический диспансер проводит целенаправленную работу по профилактике потребления психоактивных веществ, совершенствованию оказания наркологической помощи несовершеннолетним, межведомственному взаимодействию по формированию негативного отношения молодежи к наркотикам и алкоголю.

В республике организована самостоятельная детско-подростковая наркологическая служба. Организованы детско-подростковые наркологические кабинеты, всего по РБ – 18 кабинетов, из них 7 кабинетов оказывают специализированную медицинскую помощь детско-подростковому населению города Уфы. Детям и подросткам, страдающим наркологическими заболеваниями, специализированная медицинская помощь оказывается на выделенных койках наркологических стационаров.

Кроме того, в составе Республиканского наркологического диспансера с 2000 года в загородной зоне действует реабилитационный центр на 50 коек, где наряду со взрослыми пациентами получают лечение и несовершеннолетние. Возможно пребывание подростков с родителями, а также прохождение программы обучения.

Наркологическая помощь несовершеннолетним в возрасте до 15 лет (алко-

голизм, токсикомания), до 16 лет (наркомания) оказывается с согласия их родителей или иных законных представителей. Организована безотказная госпитализация в наркологические учреждения лиц подросткового возраста только на бюджетной основе.

На базе Республиканского наркологического диспансера в декабре 2000 года открыта химико-токсикологическая лаборатория. Использование современных технологий позволяет обеспечить высокий уровень диагностики потребления несовершеннолетними психоактивных веществ.

В условиях актуальности проблемы потребления психоактивных веществ несовершеннолетними главная задача специалистов – это организация профилактической работы, направленной на формирование у молодого поколения ориентации на здоровый образ жизни.

Профилактика зависимости от наркотических средств и психотропных веществ представляет собой стратегии, направленные либо на снижение влияния факторов риска заболевания наркоманией, токсикоманией или алкоголизмом, либо на усиление действия факторов, которые понижают восприимчивость к этим болезням.

Классификация ВОЗ определяет первичную, вторичную и третичную профилактику.

Первичная профилактика возникновения заболевания заключается в предупреждении употребления ПАВ и, соответственно, распространенности наркологических заболеваний среди несовершеннолетних. Она направлена на изменение отношения детей и молодежи к алкоголю, наркотикам и иным ПАВ, формирование антинаркотических установок и личной ответственности за свое поведение, пропаганду здорового образа жизни, выработку гигиенически целесообразных навыков и привычек поведения.

Вторичная профилактика зависимости от ПАВ подразумевает меры по предупреждению развития и прогрессирования болезней зависимости. Она осуществляется среди лиц, употребляющих психоактивные вещества, с целью сокращения продолжительности воздействия ПАВ на человека, ограничения степени вреда как

для потребителя, так и его окружения, предотвращения формирования хронического заболевания. Комплекс мероприятий вторичной профилактики направлен на полное прекращение дальнейшей алкоголизации (наркотизации и т. д.) и восстановление личностного и социального статуса индивида. Важнейшие составные части вторичной профилактики:

- создание системы раннего выявления потребителей ПАВ;
- обеспечение доступности комплексного лечения и реабилитации;
- оказание квалифицированной медицинской, психологической, педагогической и социальной помощи.

Третичная профилактика заключается в осуществлении мероприятий, направленных на предотвращение срывов и рецидивов наркологических заболеваний. По сути, это и есть реабилитация, которая, по определению ВОЗ, представляет собой комплексное направленное использование медицинских, психологических, социальных, образовательных и трудовых мер с целью профилактики инвалидизации, а также приспособления больного к трудовой деятельности на максимально возможном для него уровне.

Для успешного решения задач вторичной и третичной профилактики необходимо взаимодействие лечебно-реабилитационных учреждений медицинского профиля и специализированных государственных центров для детей и молодежи, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, созданных в системе образования.

Не вызывает сомнений тот факт, что с нарастающей наркотизацией подростков и молодежи невозможно справиться исключительно социальными запретительными мерами, изоляцией или репрессиями. К тому же опыт зарубежных стран показывает, что проблема приобщения ребенка или подростка к наркотикам, табаку или алкоголю напрямую не связана с внешними социальными факторами.

Мифы о том, что можно «споить» народ целой страны или «посадить» на иглу» миллионы людей, перестают быть популярными. Ведь известно, что даже в самых социально защищенных и благополучных странах количество употребляющих психоактивные вещества людей

высокое. Представители различных социальных слоев в сопоставимо равной степени подвержены наркотизации. Их доходы, культура и прочие внешние факторы не являются гарантией от пагубного пристрастия. В любом социуме неизбежно присутствует определенная категория людей, с рождения подверженных риску возникновения зависимости, для которых совершенно необходима ранняя профилактика этого пагубного пристрастия.

НАРКОТИК ВМЕСТО МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Но важно помнить, что проблема потребления психоактивных веществ является не только социальной, а в большей степени психологической, личностной.

Различные виды зависимостей имеют схожее происхождение и формируются под влиянием совокупности факторов – биологических, психологических и социальных.

Большую роль на формирование зависимости оказывает не «дурная компания», а родители и близкие, участвующие в воспитании ребенка. И происходит это еще в раннем детстве. Скорее следует сказать, что ребенок, склонный к зависимости, попадает в «дурную компанию». Термин «зависимость» обозначает несамостоятельность, привязанность к чему-либо, что дает человеку возможность чувствовать себя удовлетворенным, не прилагая усилий для достижения удовлетворенности. Эта несамостоятельность как раз и проявляется в неумении достигать удовлетворенности другими – здоровыми – способами.

Человек в своем развитии проходит определенные стадии от полной зависимости до почти полной самодостаточности. Развитие подразумевает под собой постоянный баланс между познанием нового, связанного с риском, и безопасностью, но ограниченностью в действиях. Начиная с раннего детства, по мере роста и все возрастающей возможности обеспечивать удовлетворение потребностей самостоятельно зависимость от матери уменьшается. И если мать поддерживает ребенка в его стремлении к развитию и отделению от себя, принимает его без кри-

тики в минуты ошибок, то она создает максимально возможную уверенность в ребенке и в том, чтобы он был самостоятельным, познавая полный опасностей мир. Это в идеальной ситуации. В реальности обычное воспитание часто страдает перекосом в одну или другую сторону: либо отсутствием поддержки в движении ребенка в мир, либо ограждением ребенка от мира, чем задерживается и нарушается формирование навыков адаптации к миру.

Таким образом, при нарушениях в воспитании зависимость от матери как от объекта удовлетворения потребности не уменьшается, и эта поведенческая привычка использовать что-то или кого-то для удовлетворения потребностей переносится на другие объекты или других людей. Такого рода нарушения в развитии ребенка могут происходить в основном по двум причинам.

Первая причина – родительская гиперопека. Когда мама слишком оберегает ребенка от трудностей, у него пропадает стимул развивать собственные механизмы для удовлетворения своих потребностей. Взрослеющий ребенок обнаруживает, что не все в окружающем мире подчиняется его прихотям, то есть он не может контролировать окружающих, как контролирует свою мать. Раздражение и неудовлетворенность нарастают, ребенок начинает чувствовать себя неудачником, и частая вещь, с которой сталкивается подросток, – это существующие на «рынке» предложения для снятия стресса в виде алкоголя, табака, «легких» наркотиков. Когда мама добрая, вроде бы нет причин на нее раздражаться. Но раздражение как реакция на неудовлетворенную потребность накапливается. Гнев подавляется и направляется на других или, еще хуже, на себя. И крайней точкой обращенного на себя гнева является суицид.

Вторая причина – домашнее насилие или игнорирование ребенка родителями.

Насилие бывает психологическое, физическое, сексуальное и экономическое. Все четыре вида наносят одинаковый вред психике ребенка и влияют на его способность адаптироваться к изменяющимся условиям, преодолевать трудности и решать проблемы самореализации и удовлетворения своих потребностей. Так как

выросший в атмосфере насилия или игнорирования себя ребенок лишен необходимого условия для развития – эмоциональной поддержки, осознания своей ценности. В результате формируются низкая самооценка, неверие в свои силы и страх попробовать. Таким образом, ребенок не может сформировать свои механизмы адаптации к изменяющейся среде и удовлетворения своих потребностей.

Как результат длительного подавления родителями и самоподавления гнева на родителей развивается склонность к депрессии и включается тот же сценарий, что и у избалованного ребенка, – поиск простых способов почувствовать себя удовлетворенным.

У детей, воспитанных в описанных условиях, способ реализации своих потребностей через навыки (как это делает здоровый человек) затруднен, поскольку не натренирован сам механизм научения навыкам. Поэтому они выбирают более доступные и менее трудоемкие для себя способы почувствовать удовлетворение или отвлечение от неудовлетворенности – различного рода стимуляторы, наркотики,

отвлекающие или утешающие факторы. И становятся зависимыми от них.

Гиперопека является показателем неблагополучности семьи. Гиперопекающие и гиперконтролирующие родители ведут себя так не от большого счастья и не от большой радости. Страсть контролировать и опекать – точно такой же показатель зависимости. Опекающий родитель не занимается своей собственной жизнью, поскольку не знает своих потребностей и не привык на них обращать внимание ввиду собственной низкой самооценки или неумения реализовывать свои потребности. Контролирующий родитель – чаще всего из детей, которые не смирились с тем, что мир им не подчиняется. Склонность к контролю проявляется у людей, чувствующих себя не в безопасности.

Таким образом, моделям зависимого поведения дети обучаются у своих родителей, зачастую вполне «благополучных». И когда приходит беда, такие мамы и папы удивляются, начинают обвинять – общество, учебные заведения, друзей – всех, кроме главных виновников, кроме себя.

Вековая дуэль с криминалом

Документальный детектив

Один известный башкирский писатель в своих воспоминаниях рассказывал, что до появления фильма «Чапаев» в их детских играх героем был милиционер Мустафин. Всегда аккуратный, подтянутый, он внимательно и уважительно выслушивал любого посетителя и действовал по закону и по совести. Преданный своей работе, Мустафин и погиб на боевом посту. Он был одним из многих сотрудников милиции, которые каждый день защищают нашу мирную жизнь.

Отрывки из книги полковника милиции А. Х. Еникеева «Вековая дуэль с криминалом» раскрывают малоизвестные страницы истории уголовного розыска Республики Башкортостан, читаются эти документальные истории не хуже добротного детектива, заставляя нас еще раз вспомнить о тех, кто и сегодня стоит на боевом посту.

ПОСЛЕДНИЙ НАЛЕТ «КУЛЬТЯПОГО»

1923 год... Улицы города пестрят вывесками всевозможных коммерческих заведений, которые за годы нэпа расплодились как грибы после летнего дождя.

Давно закончились бои на фронтах Гражданской войны. Страна живет мирной жизнью. Но еще гремят выстрелы, льется кровь невинных людей. Нередко на заборах появляются угрожающие надписи вроде: «До девяти часов вечера — ваше, а после наше».

В то будничное сентябрьское утро в комиссионном магазине братьев Разуваевых, что на углу улиц Егора Сазанова и Бекетовской (ныне ул. Коммунистической и ул. М. Карима), было немногочисленно. Молодая, модно одетая женщина, бегло оглядев витрины и торговый зал, вышла на улицу. В ее руке мелькнул белый платочек и исчез в изящной сумочке. Это был условный сигнал.

Вскоре в магазин ворвались четверо, один остался у входа. Увидев закрытые черными масками лица и направленные дула револьверов, владелец, продавцы и немногочисленные покупатели подняли руки. Через несколько минут все они были связаны и с кляпами во рту лежали на полу за прилавком. Когда налетчики торопливо рассовывали по карманам золотые и серебряные вещи, драгоценные камни, случилось непредвиденное. Дверь открылась, и на пороге появился атлетического телосложения молодой поп. Соучастник грабителей, оставленный для встречи случайных посетителей, с ним не справился. Священник, быстро оценив происходящее, выбежал из магазина и с криком «Караул, ребята, грабят!» побе-

Анвар Хабибулович Еникеев родился в 1924 г. в г. Уфе. Фронтовик. Окончил Всесоюзный юридический институт. Работал в ОВД с 1956 г., с 1957 по 1982 был начальником штаба УВД г. Уфы. В 1982 году вышел в отставку в звании полковника милиции. Награжден орденами: «Знак Почета», «Отечественной войны II степени». Автор книг «Тревожная неделя», «Уголовный розыск РБ», «Записки военного автомобилиста».

жал по улице. Преступники выскочили из лавки и бросились в разные стороны. Но фортуна в этот день была явно не на их стороне. Вблизи оказался сотрудник угрозыска Якин.

Он послал подвернувшегося под руки парнишку в милицию, а сам стал преследовать одного из налетчиков. Тот, перебежав улицу, между домами вышел к Гостиному ряду, затем мимо рынка скрылся в сторону улицы Большой Казанской (ныне ул. Октябрьской революции).

К этому времени прибыли работники органов. Быстро сориентировавшись в обстановке, они разбились на группы и, расспрашивая на ходу очевидцев, начали преследовать преступников.

С помощью подоспевших товарищей Якин оцепил квартал. Начали проверять все дома. Стоявший на улице извозчик сообщил, что видел, как неизвестный мужчина вбежал в один из дворов. Дом немедленно окружили, начали проверять. Один из милиционеров, заглянув под крыльцо, заметил там какой-то сверток. Это был плащ, а в нем фуражка, самодельная маска из черного материала и наган, еще пахнувший пороховой гарью. Значит, бандит недалеко! Дав команду никого не выпускать, Якин стал проводить тщательный обыск во всех помещениях. В этом доме находилась типография областной газеты с множеством кабинетов и несколькими десятками служащих.

Два раза обошли все комнаты, но ничего подозрительного не заметили. Когда уже собирались уходить, уборщица типографии дернула милиционера за рукав и, показав на кабинет редактора, боязливо шепнула: «Вон он».

Там, развалившись на стуле, с газетой в руке сидел тот, кого искали. Воспользовавшись отсутствием редактора, он спокойно дожидался конца обыска и был уверен, что пронесет и на этот раз. В тот же день был пойман еще один участник налета. Документов у задержанных не было. Назвались явно вымышленными фамилиями, на первых допросах давали противоречивые показания.

Инспектор уголовного розыска Гальцев, которому было поручено вести следствие, чувствовал, что в руки милиции попали участники хорошо организованной шайки. В одной из ориентировок Центроурыска Иван Васильевич нашел сообщение о том, что по городам Союза длительное время гастролит банда, которая специализируется на ограблениях ювелирных и комиссионных магазинов, касс учреждений и предприятий, кассиров, инкассаторов. Руководит ею некий Ершов, он же Осипов, по кличке «Культияпый». Приложенная к документу фотокарточка имела сходство с одним из задержанных. А главное, совпадала особая примета — отсутствие указательного пальца на правой руке. После предъявления фотографии арестованный сознался, что он действительно Ершов-Осипов, а второй соучастник — Зенкович.

Выяснилось, Ершов-Осипов — преступник с дореволюционным стажем, хорошо известный петербургской и московской полиции, неоднократно сидевший в тюрьмах еще в царское время. Матерый уголовник был удивлен и огорчен, что, умея легко уходить от знаменитых полицейских сыщиков, так глупо попался в захолустной Уфе.

О задержании Ершова-Осипова сообщили в Москву. Оттуда ответили, что в Уфу срочно командировается группа работников Центроурыска, и посоветовали усилить охрану арестованных.

Это предостережение оказалось не напрасным. Уже на вторую ночь была совершена попытка штурмом освободить Ершова и его поделщика. Оставшиеся на свободе члены шайки, собрав около ста человек из числа местного преступного элемента, перерезали телефонные провода и попытались захватить Исправдом № 2.

Но охрана тюрьмы сумела отразить нападение. После этого Ершов и Зенкович были переведены в более надежный Исправдом № 1.

Вскоре из Москвы прибыли представители Центроорозыска товарищи Савич, Варганов, Радченко.

Старшим группы был начальник Орловского Губрозыска Филипп Иванович Варганов, который занимался розыском Ершова и расследованием деятельности его шайки. Из документов, привезенных Варгановым, стали известны и другие подробности деятельности «Культияпого».

После революции Осипов-Ершов объявился в Сибири. Врожденный авантюрист, он быстро приспособился к обстановке временного безвластия и неразберихи. Сколотив из таких же, как сам, головорезов шайку, начал промышлять безудержным разбоем. Особенно бурную деятельность Осипов развил при белых в Омске. Комендантом города оказался его старый друг по Москве, соучастник по нескольким крупным аферам. Вскоре Осипов, назначенный помощником коменданта, стал главным лицом в Омске по борьбе с уголовщиной!

Комендант города имел все основания быть довольным своим расторопным подручным. За короткое время Осипов добился того, что ни один мало-мальский серьезный грабёж или разбой, совершенный в Омске или его окрестностях, не обходился без его людей.

Военная форма и высокие полномочия давали возможность делать обыски в домах богатых купцов, арестовывать проезжих коммерсантов, бежавших от революции дельцов и своих же коллег, сумевших сорвать где-либо хороший куш. После этого большинство из них бесследно исчезали в подвалах комендатуры.

Карьера Осипова в Омске продолжалась недолго. Во время одной операции он нарвался на казачий патруль, в завязавшейся перестрелке был ранен и еле успел скрыться. С тех пор за ним укоренилась кличка «Культияпый».

В течение нескольких лет Ершов вел вольготную жизнь, переезжая из города в город, используя свой богатый опыт прожженного афериста и мошенника, а когда надо — пуская в ход безотказный револьвер, обрез или кинжал. Его путь был покрыт кровью и слезами жертв бандитизма.

Уверовав в счастливую звезду, «Культияпый» развернул свою деятельность на широкую ногу. Его интересовали только крупные дела. Преступные операции обычно тщательно готовились и проводились с размахом, часто с большой изобретательностью и наглостью.

Его приближенные выезжали в большие города, подыскивали подходящие объекты, предварительно изучали обстановку. После согласования с главарем на место подъезжала группа подготовки. Первым делом они приглядывали подходящий дом где-нибудь в тихом переулке, а при необходимости — поближе к выбранному объекту и покупали его, оформляя, разумеется, на чужую фамилию по поддельным документам.

Были случаи, когда для прикрытия истинных целей пребывания и незаконной деятельности Ершов открывал сапожную или портновскую мастерскую, за вывеской которой можно было спокойно обделывать свои дела.

Уже обжившись на новом месте и окончательно все спланировав, сообщали «Культияпому». Как правило, он сам проверял выполнение намеченного плана, окончательно распределял роли среди участников и лично возглавлял налет. После удачного «дела» все исчезали, чтобы через некоторое время появиться далеко от этого места в другом городе. Такая организация обеспечивала надежную конспирацию и в значительной мере способствовала неуловимости Ершова.

Во многих областных и городских отделах уголовного розыска имелись материалы по фактам дерзких ограблений, убийств, крупных мошенничеств, в которых фигурировали Ершов-Осипов или члены его шайки. Например, незадолго до описываемых событий на весь Челябинск распространились слухи о невиданной афере.

Известная своим богатством купчиха вышла замуж за приезжего франта. В момент венчания в церкви драгоценности невесты и все ценное имущество были вывезены из ее дома. Вскоре исчез и жених. Им был Зенкович.

По прибытии в Уфу сотрудник Центругрозыска Варганов ознакомился с материалами следствия и решил проверить надежность охраны и условия содержания Осипова. С ним в исправдом поехали Прохоров, Савич и инспектор Козлов. Как только вошли в камеру-одиночку, Козлов, по данному ему ранее инструктажу, приступил к обыску Осипова. Арестованный, будучи захваченным врасплох, выхватил из кармана какие-то бумаги и стал заталкивать их себе в рот. В результате короткой борьбы часть измятых и изорванных записок удалось отобрать, остальные Осипов проглотил.

Большая часть изъятых бумажек была исписана цифрами, очевидно каким-то шифром. На нескольких клочках удалось разобрать написанные карандашом фразы: «...отдай сто миллионов...», «...понедельник побегу...», «...если не согласится, пострадай бузой *...». Было ясно, что Осипов с помощью своих сообщников готовил побег. Арестованный немедленно был переведен в другую камеру, для его охраны приставлен специальный военный караул.

В это время к Прохорову подошел надзиратель Фролов и сказал, что Осипов просил его отнести на почту письмо, и он обещал ему это, а сам имел в виду передать письмо в уголовный розыск. Это было очень подозрительно. Похоже, что надзиратель опасался, как бы о нем не стало известно из отобранных бумаг.

— Александр Николаевич, — сказал Варганов, — по-моему, Осипов поддерживает связь с волей через него. Если он действительно наш, то давно бы сообщил об этом своему начальнику. Распорядись-ка арестовать Фролова.

— Согласен с тобой, Филипп Иванович, но давай подождем с арестом, может, через него сумеем на остальных выйти.

По возвращении из исправдома Варганов разложил на столе все изъятое у преступника бумаги и с лупой в руках стал тщательно изучать их. «Культяпый», видимо, не зря прибег к шифру, в этом тексте должно было быть самое важное.

Составив обрывки в два небольших листочка, определив начало записки, Филипп Иванович задумался. Хорошо зная по материалам дела, что Осипов никогда не расстается со своей сожительницей и самой верной помощницей Шурой Низковской, он предположил, что записка, вероятнее всего, адресована ей. Эта догадка привела к расшифровке первых двух слов: «Милая доченька». Таким образом, стали известны значения 13 букв. Но дальше дело двигалось с большим трудом.

Пригласили начальника секретной части Ветлугина, местного специалиста по этим вопросам. Через несколько часов он подобрал ключ к воровскому шифру и записка была прочтена полностью.

Ее содержание превзошло самые худшие опасения!

Осипов Михаил с помощью подкупленного надзирателя Фролова и своих поделльников, оставшихся на свободе, подготовился к чрезвычайно дерзкому

*Буза — револьвер.

побегу с убийством нескольких человек охраны. «Дела мои очень скверны... планую день и ночь, с ума схожу... держат меня черт знает как строго и все время следят. Без помощи мента уйти невозможно, а ему довериться нельзя. Мне придется так: если мент поможет, то в ограде придется только одного шлепать, если без его помощи, то надо будет четверых шлепать в корпусе и двоих в ограде, не считая еще на улице... да и то без помощи может ничего не выйти. Но откладывать больше нельзя. Про меня уже навели справки, узнали — кто я... у меня липа, не за горами и Омск. Буза у меня, ксиву* тоже получил...».

Медлить было нельзя ни минуты. Помимо усиления охраны, за исправдомом было установлено специальное наблюдение Башцентророзыска.

Дав указание Прохорову о немедленном аресте и допросе Фролова, Варганов с Савичем лично занялись обыском всех трех камер, в которых до этого содержался Осипов. В отдушине стены, где проходила труба парового отопления, был замурован наган с семью патронами и английский бурав, в щели цементного пола под кроватью заделаны хлебом два ключа от дверей, ведущих из одиночного корпуса в тюремный двор.

Под давлением улик Фролов признался в пособничестве бандитам. Он передавал письма от Осипова какой-то Шуре, от нее — арестованному. Встречался с ней на улице, иногда на его квартире.

Засада на квартире Фролова результатов не дала, очевидно, Низковская была уже предупреждена. На последующих допросах Фролов показал, что один раз отослал записку в дом под номером 106 по улице Тобольской какой-то Женьке.

Ночью там были задержаны еще двое из шайки «Культияного»: Михаил Котляров и Евгения Семенова. Затем на другой квартире — и Александра Низковская. Как показала дальнейшая проверка, остальные члены банды уехали в Казань.

Неудавшийся налет на комиссионный магазин в Уфе был лишь каплей в море злодеяний, совершенных Осиповым. Варганов знал, что в Москве будут собраны все документы, все уголовные дела, возбужденные по преступлениям шайки Осипова, следствие подробно разберется во всем, и он сполна ответит за содеянное.

Но ему хотелось сейчас же, по горячим следам, узнать все о банде: численность, местонахождение, дальнейшие намерения, тайники, где спрятано оружие и награбленные ценности. От этого могло зависеть предотвращение многих новых злодеяний, полное разоблачение всех его соучастников и пособников.

После первых же бесед Осипов понял, что в лице Варганова и Прохорова он встретил достойных себе противников. Они покорили его своим твердым спокойным характером, объективностью, большой эрудированностью в вопросах уголовного права, обычаев и нравов преступного мира.

Филипп Иванович часто удивлял его знанием подробностей биографии, отдельных походов, наличием множества общих знакомых. Эти обстоятельства способствовали тому, что между арестованным главарем шайки и оперативниками установились такие отношения, когда Осипов мог говорить о многом, не роняя своего воровского достоинства. Он понимал, что ждать ему снисхождения от советской власти нечего. Центророзыск знает о нем гораздо больше, чем он думал.

Остро переживая свою неудачу, Осипов неоднократно пытался «прощупать» Варганова и Прохорова, чтобы узнать, где же он промахнулся, в чем была роковая ошибка. Однажды в конце многочасовой беседы он еще раз повторил свою попытку:

* *Ксива* — документ, паспорт (жаргонное).

— Филипп Иванович, а ведь говоря откровенно, если бы не этот долгогривый идиот, вы бы меня ни за что не взяли. Так что вам просто помог случай.

— Не согласен. То, что вам помешал поп, это, допустим, вышло случайно. Но то, что на улице оказался наш сотрудник, что граждане оказали помощь в задержании грабителей, а в угрозыске разоблачили вас, это уже не просто судьба. Это система. Это государство, которое твердо решило навсегда покончить с такими, Осипов, как вы.

Они много встречались с ним и в Москве во время следствия. Трудно было поверить, что такой матерый бандит, на совести которого десятки загубленных душ, за это время раскаялся или почувствовал угрызения совести. Но, видимо, все эти разговоры не прошли даром. На одной из фотокарточек уголовного дела, относящегося к уфимскому эпизоду, Осипов сделал такую надпись:

«Для того, чтобы успешно бороться с преступностью, нужно искренне ненавидеть причины, порождающие преступления... Большая заслуга перед человечеством раскрывать преступления и уметь ловить преступников. Но еще большая заслуга — уметь их исправлять. Эти качества я у Вас вижу и глубоко ценю, и если бы мы встретились раньше, моя жизнь пошла бы по другому пути. Мой совет Вам — не изменяйте своей тактики, только такими путями можно бороться с преступностью.

В память о борьбе двух миров Филиппу Ивановичу Варганову.

Михаил Осипов — «Культияпый»

5 декабря 1923 года, Москва, Центроураза

В конце 1924 года Осипов и его ближайшие подручные по приговору суда были расстреляны.

(Продолжение следует).

И жизнь твоя станет вкуснее

Иронические рассказы

ПАТЕТИЧЕСКАЯ

Давайте заполним сегодняшний день нашим присутствием. С собой. Нашими «Здравствуйте!», «Который час?», «А мне второе и чай». Оранжевым настроением, желтой неторопливостью, красным любопытством. А еще есть облака – на самой макушке. Как давно я так не вскидывал голову. Даже в шее хрустнуло.

А как быстро скачет по ручейку листок! Наверное, им управляют храбрые и отважные лилипуты. Они собрались проплыть вокруг нашей Земли? Несомненно! Удачи вам, гордые и мужественные лилипуты! А я семимильными шагами иду в магазин! У меня кончились чай и сахар! Одновременно! И редкое стечение обстоятельств тащит за шиворот упирающееся удачное начало дня в это свежее утро: «Ну чего ты упираешься?»

А вот котенок. Огромные уши и тоненький хвост хотят меня о чем-то спросить? А, где тут у нас раздают колбасу? За мной, товарищ! Семимильными шагами. Уверяю вас, там столько колбасы! Вам выложат на прилавок «Московскую», «Докторскую», «Ленскую», сверху насыпят сосиски «Молочные» и сардельки «Особенные» и все это пришлепнут огромным куском копченого окорока. А вы мне, полосатый, верьте. Верьте! С радостью верьте первому встречному. Ну-с, семимильными шагами? Стойте, ушастый товарищ неизвестного пола. Между прочим, этому дереву уже столько лет, что стоять оно тут имеет намного больше прав, чем мы мимо него ходить, поэтому давайте примем солидный вид и с достоинством, неторопливо все же пройдем мимо. Отдадим ему должное: «Здравствуйте, уважаемый тополь», — и это правильно.

Вперед! Семимильными шагами! Гляди. Это первая бабочка в этом прекрасном году. Прекрасная бабочка, не хотите колбасы? Мы как раз идем туда, где дают колбасу. Я и вот этот с усами будем рады вашему ослепительному обществу. Мы с тобой, мой хвостатый друг, не ударили в грязь лицом. Мы знаем, как вести себя в кругу прекрасных дам. И не прыгаем! Не прыгаем, как дураки. Вежливость и обходительность – вот что нужно бабочкам. И если ты вежлив и обходителен, у тебя больше шансов продлить свой род. А заодно и прослыть культурным человеком.

Ты мотай, мотай на усы, лохматый, все-таки в приличное место тебя веду, средоточие нашей культуры. Храм.

Ветер! Ах он шалун. Ах, озорник. Из-под носа увел у нас прекрасную легкомысленную спутницу. Проказник и ловелас. И опять мы с тобой остались одни. Ну да ничего! А мы с тобой продолжим путь. Впереди проезжая часть, но ты не бойся – нам зеленый! Стой!..

Я же тебе говорю: стой... Ты разве не различаешь?! А я – сразу! Это Крутой Навороченный «ягуар», и в нем сидит хозяин жизни. Это мой товарищ и брат! Да! Об этом мне сказали гуманисты. И я быстренько отпрыгиваю и уступаю ему дорогу: «Езжай, брат! Доброго пути! Крепкого тебе здоровья!»

Вот видишь, это пыль от колес Крутого Навороченного «ягуара», если ее собирать, полить водой и кинуть туда тыквенное семечко, то вырастет огромная тыква, в которой вместо семян будут голубые фишки! И ими можно будет весело играть всю жизнь! Дорогие мои хозяева жизни! Они дают нам возможность глядеть в будущее! Они показывают, для чего мы живем и к чему стремимся. Потому что жизнь без стремления – это существование. А они живое воплощение наших стремлений. Это наши боги! Это они построили нам магазин! Это они сделали нам колбасу! Это в их ТиВи я смотрю вечерами и смеюсь над их петросянами. Это они зажигают нам супермегазвездэкстраплюсплюс. Это они дают нам в дом свет, тепло и уют. И я пою им песнь!

А слышал ли ты, мяукающее млекопитающее, что деньги они нам дают единственно за то, чтобы мы не умирали? Ну не смешно ли? Да! Просто так дают! Но я знаю секрет. Тебе расскажу. Дают – потому что мы им нужны. Ведь все познается в сравнении. Вот я умный – потому что ты, котенок, глупый. А я глупый – потому что милиционер с палочкой умный. А милиционер с палочкой глупый – потому что у генерала звезды толще. И значит, почему они – на «ягуарах» – богатые? Потому что мы – бедные! Потому что если мы станем в миллиард раз богаче их, то бедными станут они. И мы их тоже будем жалеть. Жалеть и подкармливать. Чтобы они не умирали. Ну, вот как я тебя. Заболтались мы с тобой. А ведь у нас дело. Мы ведь с тобой куда-то шли. А? Забыл уже? Ну, давай, котенок, шевелись. Нам снова зеленый...

...Ты меня дождался. Я очень рад. Не побрезгуешь ливерной?

Ливерная – необыкновенное сочетание потрохов и усилителей вкуса тех же потрохов, от которых ливерная намного вкуснее тех же потрохов. И она несколько не хуже всех остальных, о которых я тебе живописал.

Ну вот, теперь, когда ты поел и наелся, ты волен уйти или остаться со мной. Настоятельно рекомендую остаться. Тогда я буду твоим другом и буду тебя любить, если ты приучишься к туалету. А еще я дам тебе имя. Маркиз, или Маркиза. И когда у тебя появлюсь я, а у меня – ты, когда мы станем ответственны друг за друга, тогда в нашу жизнь добавится немного специй. Тревог и волнений, ожиданий и разочарований, слез встреч и расставаний. Поверь, если жизнь немного приправить всем этим, она станет намного вкуснее.

Хочешь вкусно жить? Я тебя научу. Вон видишь – облака. Стоим, смотрим, – летят. Стоим, смотрим, вот – теперь, летим мы, а они стоят. А вон муравей тащит какую-то дрыну. Как пытит. Старается. А вон ботинок шлепает по луже. Такой невнимательный ботинок. Шнурки развязались, в луже полощутся, – а он хоть бы что. Надо бы сказать девочке, чтобы она его отругала, – нельзя же быть таким рассеянным ботинком.

А теперь эксперимент. Стой. Знаешь, где Африка? Она вон там, за домом. А Австралия левее. Теперь пойдем, пойдем... Стой. Где Африка? Нет! Теперь за домом Австралия! А Африка правее. Выводы? Ошибочны. Это прекрасная и загадочная тайна! И когда-нибудь мы с человечеством ее обязательно откроем. А чем пахнет эта травинка? Нет, срывать не будем. Мы же с тобой не какие-нибудь начальники: «Люба, пригласи-ка мне того-то». Нет. Давай сами ляжем да понюхаем. Что это значит: «Я знаю, как пахнет трава»? Скажи еще: «Она пахнет травой». И я посмотрю на тебя с оттенком сожаления. Давай нюхай. Закрой глаза. Что видишь? У меня корова с телянком... стрекоза... за рекой на холме деревня... А у тебя? Молоко со сметанкой... Вот видишь – она не так проста. Ее запах – это ее язык. И значит, мы только что с ней весело поболтали о том о сем...

Кстати, мой лохмато-полосатый друг, я живу вон в том доме. Чуть правее Африки. Так что это твой двор. Советую со всеми здесь передружиться и пере-знакомиться. И если ты каждый день будешь говорить травинке: «Здравствуй», – ей будет приятно. Она будет считать тебя своим другом. И в жизни ее появишься ты – страшный, лохматый, но самый дорогой. И ты увидишь, как она тебе будет радоваться. И жизнь твоя станет вкуснее.

Пойдем, котенок. Сейчас я буду пить чай с сахаром, а тебе налью молока. И ты вырастешь большим и счастливым. А значит, счастливым буду и я.

КОЛЬКА-ПОСТОВОЙ

– Стой!

– Стою...

Мне дорогу перегородил Колька-сосед. Едва четырех лет. Сегодня, по-видимому, – постовой, принимая во внимание свисток и палочку у него в руках. Судя по всему, перед моим подъездом вдруг образовался перекресток. И Колька всем своим видом показывал, что очень оживленный. Я терпеливо стоял с мусорным ведром, ждал, пока Колька свистел и крутил палочкой, пропуская машины. Потом он повернулся ко мне:

– Поезжай, потолкапливайся.

– Слушаюсь, командир, – я получил возможность выйти во двор.

А на улице вовсю уже лето и жара. Плавит асфальт и мозги, и воздух дрожит от того и другого. Бабы Ньюры Васька навстречу. Весь какой-то понурый от такой погоды.

– Привет, Васька.

С ним мы знакомы уже лет тринадцать. Старый степенный кот, у которого уже ни от кого, ни за кем бегать желания не осталось. И так получилось, что на обратном пути к перекрестку перед нашим с Васькой подъездом мы с ним «подъехали» вместе. Но на окрик «Стой!» остановился один я, а Васька, не обращая на постового внимания, преспокойно прошел, грубо нарушив все правила. Колька сделал вид, что не заметил.

– Почему же я стою, а его ты пропускаешь?

– Позалная масына, – важно ответил, не повернув голову, как настоящий.

– Кольк, трудно, наверное, работать постовым? И в дождь, и в мороз, и в такую вот жару... Я бы не смог.

– Слузба...

– А что стоим, командир?

– Плобка.

– А может, как-нибудь сможем договориться, а, командир? – это сильная волшебная фраза, и в своей взрослой жизни я ею уже столько раз успешно пользовался. – Я тихонько тут проеду... А тебя, Колька, ты же знаешь, не обижу.

Колька засопел. Я часто при случае угощал его конфетками. И теперь он догадался, что речь идет о них. Мужественный Колька. Такая борьба происходила у него внутри! Конфетку он хотел изо всех своих сил, а долг не позволял меня пропускать. Он даже покраснел с натуги от такого противоречия.

– Плобка... нельзя...

И мне стало немного стыдно: «Так тебе и надо, старый хрен». Но через минуту пробка рассосалась и мне с пустым ведром разрешили «въехать» в подъезд.

– Молодец, Колька. Ты настоящий постовой. Честный. А это очень, очень много.

– Плоеззай, потолапливайся.

– Улучишь свободную минутку – заходи, чай попьем. Я сейчас чайничек поставлю.

– Холосо, – сказал он важно и засвистел в свой свисток.

КРАСНАЯ С БЛЕСТКАМИ КОФТОЧКА

Ты не любишь яркое? Зря. Ну-ка, ну-ка, повернись – красиво. Очень ярко – хорошо! Да, как попугай, – очень красиво. А для чего девушке скрываться? Наоборот – она должна бросаться в глаза, как лягушка ядовитая. Лягушкам ядовитым больше внимания, и с них меньше спрос. Сиди себе – привлекай внимание. Ты ведь не для себя одеваешься. Ты одеваешься для мужчин. А эта красная кофточка с блестками их всех убьет – то, что и нужно. Просека из поваленных назвничь мужчин создаст тебе хорошую репутацию и облегчит твое существование.

Ну-ка пройдишь. Порядок – очень смешно. Я хотел сказать – грустно. Ты, к сожалению, не похожа на лягушку – ты опять похожа на трепетную лань. Как будто села не туда. Как будто читала Пастернака. Как будто знаешь, что такое квинт-эссенция жанра эклектики. Так нельзя. Ведь эта кофточка на тебе семафорит и гудит как сирена. Тебе все будут уступать дорогу – как пожарной машине. Вот только ты, Маша, на пожарную машину не похожа. Не дотягиваешь ты до пожарной машины. Кофточка есть, а содержание не то. Этим ты сбиваешь всех с толку. Вот пройдишь-ка еще разок. Ярче, ярче! Перед тобой ничего нет! Ты сквозь меня должна проходить! Ты сквозь это трюмо должна проходить! Давай еще. Молодец, вот так – меня отодвинула и ноль внимания. Я оборачиваюсь вслед – «кто такая»? Стой! Не понимай же все буквально. Больно, да? Ничего – до свадьбы заживет. Вот примерно так ходят пожарные машины. И этот сопливый Мишка, если еще раз дернет тебя за косичку, должен получить следующее: «Михаил, вы ведете себя безобразно, и я вынуждена пожаловаться на вас Аннеиванне». И только потом сама дерешь его за волосы и громко, с визгом бежишь на него жаловаться. Девчонки из моего детства так и делали. Ух, и противные были девчонки.

Зато потом какие выросли леди – вон мама твоя, супруга моя Клавдия. То-то. Ты в бане видела, какая она красивая? Красивая? Да, дергал я ее за косички... и вот такая ты у нас появилась... Нет, нет! Никаких аналогий. Это совсем другое... совсем-совсем. И близко нет... Откуда берутся дети? Началось... Вот смотри: это какая буква? «М». А это какая? «А». А вместе какой слог? «МА». Вот, почитай-ка Достоевского, поищи знакомые буквы...

А Федор Михайлович дяденька умный – он плохому не научит.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

НА КОНКУРС
«Мир, в котором ты живёшь»

*Дина Муктасарова,
г. Уфа, 9 «б» класс, школа № 90*

ДЮРТЮЛИ

С древних, древних времен по берегам Агидель-реки дружно жили башкиры, русские, татары, чуваш. Облюбовали себе место у реки и четыре брата: старший, два средних и младший. Шалаши на поляне поставили, спали на еловых ветках. С восхода солнца стучали топоры, звенели пилы, и к зиме срубили каждому по дому — словно четыре белых гриба после дождя, выросли на берегу Агидели избы под тесовыми крышами. Стали братья жить-поживать, добро наживать. Дружили с соседями, отмечали праздники, звали в гости: «Там — за лесом. По реке поплывешь, четыре дома увидишь». Прошел год, хочешь не хочешь, а у деревни — четыре избы, шесть улиц, должно быть имя.

«Уфа на Уфимке стоит, чем не пример?» — выражают на этот счет свое мнение два средних брата.

«Белая? Беленькая?» — хмурит брови старший из братьев. «Тогда и Париж надо переименовать в Сено», — рассуждает младший. «При чем тут сухая трава и город?» — недоуменно пожимают плечами два средних брата. Судили, рядили, но так ничего и не придумали. Разошлись по своим домам братья, каждый думая на эту тему.

Осенью, когда с делами было покончено, отправились братья на ярмарку в купеческий город Бирск. Связали плот и поплыли вниз по течению. В Бирске бревна раскатали, срубили дом и, не торгуясь, продали за пять копеек. На вырученные пять копеек (корова стоила три копейки) купили лошадь, телегу, еще денег осталось на чай и табак. Обратно возвращались сухим путем. День ехали, второй, стало старшего брата мучить сомнение: «Все едем, едем, давно бы уже дома быть?» Остановились у придорожного навеса. Бабай, борода клинышком, на голове тубетейка, угостил холодным айраном, а потом, вдумчиво покашливая, стал слушать. Еще раз переспросил и воскликнул: «Так вам в Дюртиули надо?» Пуще

прежнего удивляются братья: «Какие еще Дюртюли?» Теперь даже младшему и двум средним становится понятно — сбились с пути. Заскрипела телега, поехали братья дальше, едут куда глаза глядят. Едут и кричат друг на друга, как бродяги бездомные: «Надо повернуть направо, надо повернуть налево...» Свернули в поле, полагается пожелать пахарям здоровья и урожая. Попили кислое молоко — кумыс, поблагодарили за угощение и наперебой стали спрашивать: «Как доехать до дому?» И половину не успели растолковать братья о деревне — четыре избы, шесть улиц, как на полуслове перебивает их егет в лисьей шапке: «Так вам в Дюртюли надо?» «Дюртюли?» — повторил старший брат. И произнес еще раз, словно новый адрес заучивал: «Дюр-тю-ли?»

Не на шутку встревоженные братья садятся в телегу и начинают думать в разных фантастических направлениях. Видится старшему брату большая-пребольшая корова: лизнула корова языком, и нет деревни. Слышится двум средним братьям страшный грохот землетрясения, в тартарары проваливается родная деревня. Младший брат любил читать сказки, и у него было развито богатое воображение. Видит он вместо изб под тесовыми крышами город-замок с башенками и зубчатыми стенами. Во дворце ждет его прекрасная принцесса. Ну и дела!

Что за диковинка такая? Чем ближе дом, тем дальше дом, только Дюртюли притягивают их к себе, будто магнит заколдованный. Уже не помышляя ни о чем другом, решили братья ехать в Дюртюли не в Дюртили, а так — прямо. Помчались во всю прыть, то рысью, то галопом. Вот покос, где они косят траву. Вот березовая роща, тут они рубят дрова. Все куда ни глянь знакомо. И — о радость — увидели братья свои четыре избы. Только вот дома те, да не те! Стоят избы и окнами озорно перемигиваются: «Дюртюли, Дюртюли». Шумят деревья листьями и весело перешептываются: «Дюртюли, Дюртюли». Тут и братьям уже до смерти захотелось видеть Дюртюли. Здесь пришло время рассказать поподробнее о двух средних братьях. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Повинуясь какому-то тайному чувству, затаили два средних брата дыханье и стали смотреть и слушать все глазами и ушами местных башкир и татар вместе взятыми. И все предстало перед ними в новом свете. Течет река, сверкает в лучах солнца, а в лунную ночь — как жидкое серебро, и называется река Ак-идель — Белая река. А вот гора, с ее макушки видна вся округа со всеми ее равнинами, лугами, пригорками, лесами, и называется гора Бэек-тау (Высокая гора). «Ах, как все изумительно просто и ясно», — удивились два средних брата. «Как дважды два четыре», — радостно ликуют старший и младший братья. По правде говоря, после таких умозаключений даже тот, кто не знал арифметики, мог догадаться.

«Четыре дома, это дурт юрт. Дурт юрт, это четыре дома. Как ни крути, получаются Дюртюли!» — наперебой весело воскликнули четыре брата: старший, два средних и младший.

И все сразу встало на свое место. Теперь хоть за сто верст езжай, скажешь: «Дюртюли», — не заблудишься. Любой подскажет дорогу. А потом появился пятый, десятый дом, дома пятиэтажные, высотные, дворцы каменные, улицы, бульвары широкие. Вот какими стали четыре избы, шесть улиц. Нет уже давно маленьких четырех домиков, но живет память в народе о первых поселенцах. Стоит на берегу реки Агидель город с красивым именем — Дюртюли.

Литература. Культура. Имена.

* * *

1 сентября 50 лет со дня рождения актера **Сергея Гармаша**. Сергей Леонидович, актер Московского театра «Современник», в кино один из самых востребованных артистов: только за пять лет он снялся в пятнадцати фильмах. За роль военрука в ленте Сергея Соловьева «Нежный возраст» удостоен призов «Ника» и «Золотой Овен». Российский зритель знает Сергея по сериалам «Каменская» и «Досье детектива Дубровского», где актер создал выразительные образы милиционеров.

* * *

5 сентября 440 лет со дня рождения итальянского философа, поэта, политического деятеля **Томмазо Кампанеллы** (1568—1639).

Автор трудов: «О христианской монархии», «Защита Галилея», «Город Солнца».

В своей философии Кампанелла пытался дать научное доказательство христианства, исходя из чувственного восприятия и познания разумом самого себя. Он был уверен, что все вещи обладают душой и чувствами — каждая на своем уровне; все стремится к самосохранению; однако разумные существа могут достичь этого, только соединившись с Богом.

* * *

6 сентября 80 лет со дня рождения дирижера и композитора, пианиста, публициста, критика, народного

артиста СССР **Евгения Светланова**. Евгений Федорович автор симфонических произведений: «Романтическая баллада», симфонической поэмы «Даугава», концерта для фортепиано с оркестром, поэмы для скрипки и оркестра (памяти Д. Ф. Ойстраха), поэмы «Калина красная» (памяти В. Шукшина), также ему принадлежит большое количество камерных произведений. В 1962—1965 гг. Е. Светланов — главный дирижер Большого театра, с 1965 года — художественный руководитель и главный дирижер Государственного симфонического оркестра СССР.

Удостоен высших наград России: Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР и РСФСР.

* * *

7 сентября 85 лет со дня рождения поэта **Эдуарда Асадова** (1923—2004). Стихи Асадова редко хвалили серьезные литераторы. Но романтические барышни всей страны Советов роняли слезы над «Стихами о рыжей дворняге» — и почитали Асадова как своего кумира. Асадов — автор лирических стихов и поэм, в том числе автобиографических.

* * *

8 сентября 85 лет со дня рождения поэта, общественного деятеля, народного поэта Дагестана **Расула Гамзатова** (1923—2003). Гамзатову было всего 20 лет, когда он стал членом Союза писателей СССР. Автор поэм «Разговор с отцом», «Горянка», сборника стихов и поэм

«Год моего рождения», «Мулатка», «У очага», лирической повести «Мой Дагестан».

Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями.

За выдающиеся достижения в области литературы Расул Гамзатов отмечен многими почетными званиями и премиями: он лауреат международной премии «Лучший поэт XX века», премии писателей Азии и Африки «Лотос», а также премий имени М. Шолохова, М. Лермонтова, А. Фадеева, Батырая, Махмуда, С. Стальского, Г. Цадасы и др.

* * *

9 сентября 180 лет со дня рождения писателя **Льва Толстого** (1828—1910). Автор трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», повести «Казак», грандиозной эпопеи «Война и мир», романов «Анна Каренина», «Воскресенье», повестей «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Хаджи-Мурат» и многих других произведений. Толстой — автор философско-религиозных, эстетических, публицистических работ, которые оказали огромное влияние на мировую литературу.

* * *

9 сентября 90 лет со дня рождения поэта и писателя **Бориса Заходера** (1918—2000). Борис Владимирович автор сборников стихов. Большую известность принесли ему переводы: повести-сказки А. А. Милна «Винни-Пух и все-все-все», П. Трэверс «Мэри Поппинс», Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес», стихотворений Л. Керна, Ю. Тувима, У. Дж. Смита, Я. Бжехвы и др.

* * *

10 сентября 300 лет со дня рождения поэта, ученого, сатирика, дипломата **Антиоха Кантемира** (князь Антиох Дмит-

риевич) (1708—1744). Кантемир — один из основоположников русского классицизма в жанре стихотворной сатиры. Автор произведений: «Симфония на Псалтирь», «Сатиры», рассуждения «Письма о природе и человеке», лирических песен.

* * *

15 сентября 85 лет со дня рождения поэта **Михаила Танича** (1923—2008). М. И. Танич — любимый автор известных и популярных в народе песен («Черный кот», «Идет солдат по городу», «Комарово», «Узелки», «Погода в доме»), лауреат премии МВД России (1997 г.), лауреат почти всех фестивалей «Песня года», лауреат Национальной музыкальной премии «Овация» (1997 г.). Автор 15 книг, включая песенные.

* * *

26 сентября 120 лет со дня рождения англо-американского поэта **Томаса Элиота** (1888—1965). Автор поэмы «Бесплодная земля», «Полые люди», «Четыре квартета», поэтической сюиты «Пепельная среда» и классической «Четыре квартета». Писал статьи о культуре, поэзии, пьесы. Повлиял на развитие англоязычной поэзии 20 века. Лауреат Нобелевской премии (1948).

* * *

27 сентября 205 лет со дня рождения французского писателя, мастера новелл **Проспера Мериме** (1803—1870). Автор новелл «Пышка», «Таманго», «Кармен», сборника пьес «Театр Клары Гасуль», баллады «Гузла», драматической хроники «Жакерия» и романа «Хроника царствования Карла IX». Переводил и пропагандировал русскую литературу.

Подготовила Анна Ливич

Календарь*

Праздничные и памятные даты Республики Башкортостан на 2008 год

СЕНТЯБРЬ

1 сентября Всемирный день мира
День знаний
2 сентября День российской гвардии
3 сентября 80 лет со дня издания городской газеты «Белорецкий рабочий» (1928)
4 сентября День специалиста по ядерному обеспечению
6 сентября 100 лет со дня рождения Гайфуллина Абдрахмана Зайнулловича, Героя Советского Союза (1908—1945)
7 сентября День работников нефтяной и газовой промышленности
190 лет со дня рождения Игнатьева Руфа Гавриловича, историка, фольклориста, этнографа, архивиста, журналиста, известного научного деятеля, исследователя истории Башкортостана (1818—1886)
150 лет со дня рождения Аминева-Тамьяни Шафика, поэта-импровизатора, продолжателя традиций М. Акмуллы (1858)
150 лет со дня выхода в свет книги С.Т.Аксакова «Детские годы Багрова-внука», содержащей описания г. Уфы (1858)
90 лет со дня рождения Якуба Кулмыя (Кульмухаметова Якуба Хайрулловича), поэта, писателя, редактора литературных передач Государственного комитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров БАССР в 1958—1978 гг., заслуженного работника культуры БАССР, заслуженного деятеля искусств БАССР (1918—1994)
8 сентября День воинской славы России. День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И.Кутузова с французской армией (1812)
11 сентября День воинской славы России. День победы русской эскадры под командованием Ф.Ф.Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790)
14 сентября День рождения Медведева Дмитрия Анатольевича (1965), видного государственного и политического деятеля современной России, Президента РФ.
День танкиста
15 сентября 95 лет со дня рождения Утягулова Зубая Тухватовича, Героя Советского Союза (1913—1943)
90 лет со дня рождения Гиззатуллина Ибрагима Газизулловича, писателя, заслуженного работника культуры БАССР (1918—1992)
80 лет со дня рождения Дильмухаметова Ишмуллы Ишкәлеевича, актера, певца, композитора,

кураиста Башкирской филармонии в 1966—1984 гг., народного артиста БАССР, заслуженного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева (1928—1984)

16 сентября 95 лет со дня рождения Идрисова Гилемхана Идрисовича, Героя Советского Союза (1913—1977)

17 сентября 235 лет со дня начала Крестьянской войны в России под предводительством Е.И.Пугачева (1773)

18 сентября 30 лет со дня торжественного открытия в г. Уфе перед зданием Башкирского государственного академического театра драмы памятника народному поэту Мажиту Гафури (1978)

20 сентября День рождения Аксакова Сергея Тимофеевича, известного писателя и просветителя (1791)

День подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Башкортостан и Оренбургской областью (1996)

100 лет со дня рождения Танцорова Григория Васильевича, Героя Советского Союза (1908—1944)

21 сентября День воинской славы России. День победы русских полков во главе с великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380)

День работников леса

22 сентября 220 лет со дня издания Указа Екатерины II о создании Уфимского Духовного Соборания, ныне — Центральное духовное управление мусульман России (1788)

26 сентября 185 лет со дня рождения Аксакова Ивана Сергеевича, поэта, публициста, общественного деятеля, одного из идеологов славянофильства (1823—1886)

100 лет со дня рождения Киреева Арслана Идиятовича, Героя Социалистического Труда (1908—1952)

27 сентября 60 лет Романову Анатолию Александровичу, Герою Российской Федерации (1948)

28 сентября День работника атомной промышленности

День машиностроителя

30 сентября Ураза-байрам

День Интернет

* Календарь любезно предоставлен редакции журнала «Бельские просторы» Управлением по делам архивов при Правительстве Республики Башкортостан.